

Восток
38, 22 септ. 199

22 септ. 199 г.
ЛЮБЯНКА В ШОКЕ

КГБ - МСБ -
МБВД -
СМЕНА ВЫВЕС
Евгений АЛЬБАЦ

Евгения АЛЬБАЦ

НЕИЗВЕСТНЫЙ НАМ КГБ

Структура и функции

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Политический портрет КГБ СССР

НА ПОД КОЛПАКОМ. В ПРОШЛОМ?
Вилиси - Баку - Вильнюс - Рига - те

АНАТОМИЯ МЕРЗОСТИ

По сообщению из Белого дома, котостреляли боевыми патронами в воз...
по Калининскому проспекту движется

Соблюдая осторожность, в целях обеспечения личной безопасности...
в настоящее время в Москве наблюдается напряженная обстановка...
в связи с чем рекомендуется воздерживаться от массовых мероприятий...

СОВЕТСКИЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ЕДРАЯ РУКА МОСКВЫ

Краткий курс истории КПСС в документах

ЦК КПСС

ЦК КПСС
№ 2313

ОСОБАЯ ПАПКА

О т
по с

Гла
те М
ПСС
естяз
ован
ей и с
служб
иостре

в И
та.

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

25 августа 1968
№ 2169-А
гор. Москва

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

23 августа 1968
№ 1021-А/66
гор. Москва

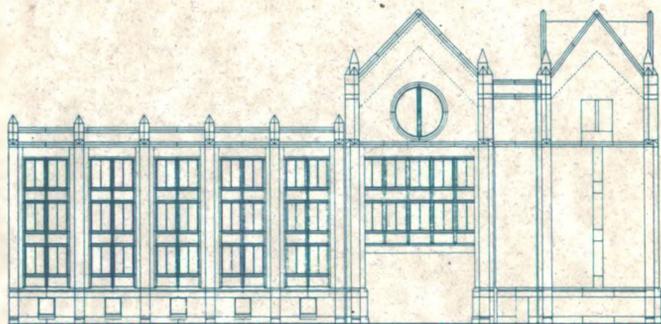
Вологодск
С.Т. Суворову и К.
Информация на Комиссию
Знакомо ст. Зинченко

Совершенно секретно
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ
ОСОБАЯ ПАПКА

Товарищу БРЕНКЕВУ Л.Н.

Комитет государственной безопасности с 1968 года поддерживает деловой
контакт с ЗЕНОМ ПОДИТОВА из отдела Внешних связей
НКОП в связи с делом освобождения Палестины (ВОН), руководителем
отдела Внешних связей

*Рике и Льву Разгонам – людям,
у которых на двоих 31 год сталинских лагерей и
ссылкок, посвящается эта книга.*

THE KENNETH S. ALLEN LIBRARY ENDOWMENT

Евгения Альбац

**МИНА
ЗАМЕДЛЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ**

(Политический портрет КГБ)

**Москва
РУССЛИТ
1992**

Е. Альбац

А 56 Мина замедленного действия. — М.: Русслит, 1992г.,
416 с.

ISBN 5-86508-009-1

Книга известной журналистки Евгении Альбац на широкой документальной основе рассказывает об истории политической полиции в Советском Союзе, о том, как из инструмента власти КГБ постепенно превратился в самую власть. Это первая книга о КГБ, написанная советской журналисткой, живущей и работающей в России.

А 0803010200-009
86508(011) - 92 Без объявл.

ББК 67. 99(2) 116.2

Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Н. Хлюповская*
Корректор *В. Селихова*
Набор *О. Бутиной*

Подписано в печать 03.06.92. Формат 60x88 1/16.

Бумага офсетная 65 г/м². Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25.48. Усл. кр. - отт. 29.28. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 6556. Цена договорная.

Коммерческое издательство РУССЛИТ,

ISBN 5-86508-009-1

© Евгения Альбац

© Оформление:

Издательство РУССЛИТ, 1992

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	7
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	9
1. Побудительная сила страха	9
2. Необходимые оговорки	12
3. Немного о любви	13
Глава I. ВЕРСИЯ	22
Глава II. ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ	26
1. Структура и функции	26
2. Стукачи	50
Глава III. ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ	62
Глава IV. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ	97
Глава V. ОЛИГАРХИЯ У ВЛАСТИ ИЛИ КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ПЕРЕСТРОЙКИ?	151
Глава VI. РЕАЛИИ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ	183
Глава VII. ПЕРЕВОРОТ	239
Глава VIII. КГБ В ГОСУДАРСТВЕ, КОТОРОГО НЕТ, ИЛИ ЧТО ЖДЕТ НАС ЗАВТРА?	268
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	291
ПРИМЕЧАНИЯ	294

К ЧИТАТЕЛЮ

Этих строк я не предполагала писать.

Я начинала эту книгу весной 1991 года, хотя некоторые ее главы были написаны и раньше – в 1988–89 годах. Но именно весной 1991 года, после того как “Московские новости” опубликовали мою статью “Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ”, ко мне обратилось одно немецкое издательство с предложением издать такую книгу.

В статье была изложена главная ее идея, казавшаяся тогда многим парадоксальной: по мере либерализации, помягчения режима, КГБ из инструмента власти неизбежно превращается в самую власть. Что и произошло в годы перестройки и гласности.

Заканчиваться книга должна была не самым радостным прогнозом: суфлер тоталитарной власти, именуемый — Комитет государственной безопасности СССР, не может до бесконечности оставаться за кулисами политической сцены, но обязательно попытается заявить свои претензии на главные роли в том спектакле, что разыгрывался на территории СССР. Тем более, что тексты для этой драмы писались при прямом и самом действенном участии КГБ.

Я ошиблась в сроках. В августе девяносто первого года “мина” показала свое взрывное устройство, хотя толком и не сработала. Почему и как – о том в книге.

Первые дни и недели после этого одновременно странно–реального и комедийно–лубчного путча были пронизаны надеждой.

Казалось, вот теперь–то монстр уничтожен. “Го-

сударства в государстве больше не будет” – это были чуть ли не первые слова Михаила Горбачева, сказанные им у трапа самолета, вернувшего его из флоросского ареста. И касались они именно КГБ.

“КГБ разрушен”, “КГБ не существует” – пестрели заголовками наши и особенно западные газеты, с упорством создавая новую легенду взамен той, что потеряла уже свою актуальность и привлекательность – о перестройке, гласности, новом мышлении в СССР.

А Лубянка тем временем, пережив смятение и страх осенних дней, поменяв четыре или пять своих названий, отправив на покой Феликса Дзержинского, жила.

И живет.

Потому я решила ничего не менять в своей книге. Лишь дописала главы о перевороте и после него. И для полноты картины вставила ту новую информацию и те документы, что стали доступны и мне, и моим коллегам, когда ненадолго оказались приоткрыты архивы КГБ, ныне закрытые вновь. Они ничего не изменили в моей концепции – лишь подтвердили и уточнили кое-какие детали. Заглянув в конец этой книги, где указаны источники, читатель без труда определит время их появления. Я решила не менять и названия книги. Хотя заряд у “мины” пока не тот, что был. И это хорошо.

Плохо, что “мина” осталась. Настоящая саперная работа так и не была произведена. Неужели история нас ничему не учит?

Беда в том, что и такие “мины” очень опасны.

Дай-то Бог, чтобы я ошибалась. Дай-то Бог.

1. Побудительная сила страха.

Один из руководителей Комитета государственной безопасности СССР прислал в “Московские новости”, газету, где я работаю обозревателем уже шестой год, статью*. Подписался псевдонимом – Вячеслав Артемов. Впрочем, его настоящая фамилия – не самая большая тайна КГБ. Это генерал Гургенов, заместитель начальника Первого Главного Управления КГБ СССР (внешняя разведка)**. Статья называлась “Орден меченосцев?” и являла собой критический ответ на мой очерк “Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ”, опубликованный газетой в апреле 1991 года.

Статья генерала госбезопасности оригинальностью и новизной оценок не отличалась. “Вы, журналисты, нас все ругаете, а мы, сотрудники КГБ, давно перестроились и стали хорошими, вместе со страной двигаемся от тоталитаризма к демократии” – так примерно можно интерпретировать ее суть. Что касается трагического прошлого, стоявшего стране десятков миллионов безвинно убиенных жизней, то – да, признает генерал, трагическое прошлое было. Но при чем тут мы, в чем нам каяться? – недоумевает он.

О тысячах и тысячах искалеченных КГБ судеб в 60–х, 70–х, 80–х годах генерал, проработавший в органах, по его собственному признанию, почти 30 лет, даже не упоминает. Как будто не было генерала–диссидента Петра Григоренко, в здравом уме и твердой памяти отправленного органами на долгие годы в психиатрическую лечебницу. Не было Юрия Галанскова, 32–летнего поэта–правозащитника, погибшего в лагере в семьдесят втором году (он писал оттуда: “Каждый мой день – мученье”).¹ Не было Анатолия Марченко, умершего в Чистопольской тюрьме, Андрея Сахарова, возвращенного из горьковской

* Июнь 1991 г.

** И сейчас генерал сохраняет свое место.

ссылки уже Горбачевым. Не было поэтессы правозащитницы Ирины Ратушинской, отсидевшей четыре с лишним года в лагере ЖХ-385/3-4 для особо опасных государственных преступников и лишенной – как наказание – советского гражданства в 87-ом. Как будто не было, наконец, спецгруппы КГБ “Альфа”² в Вильнюсе в ту страшную, кровавую ночь с 12 на 13 января 1991 года, когда под танками и пулями погибло 14 человек.

Зато на журналистов генерал гневается. Они, журналисты и политологи, пишет он, соревнуются в том, “как отринуть чекистов от общества, заставить почувствовать себя изгоями, если хотите, “врагами народа” эпохи перестройки”.

К теме “чекистов-изгоев” я еще вернусь в этой книге. Примечательно другое. Руководители нынешнего КГБ, и наш генерал тут не исключение, всячески открещивались, и продолжают открещиваться и теперь, от своих прародителей – ВЧК и НКВД. Напомню: ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, созданная в декабре 1917 года и залившая страну кровью в первые годы советской власти. НКВД – Народный Комиссариат внутренних дел, продолживший традицию геноцида в отношении собственного народа в годы сталинского режима. Так вот, утверждая, что КГБ не является ни правопреемником, ни наследником этих организаций, руководители советской госбезопасности почитают, как видим, за честь именовать себя “чекистами”. Можно ли представить себе, чтобы сотрудники германской службы безопасности публично называли себя “гестаповцами”?

Впрочем, давно знаю: бесплодное это занятие вступать в полемику с “критиками” из КГБ. Как сказал поэт – “мы люди разной группы крови”. И, видит Бог, я не стала бы этого делать, тем более в предисловии к книге, если бы... Если бы не последний абзац статьи генерала. Точнее даже – одна фраза из нее: “Порой мне кажется, – пишет генерал, – что появление многочисленных статей и памфлетов о КГБ – это проявление синдрома неизжитого страха, когда причиной страха является сам страх”.

Страх? – говорите, генерал, движет нами, журналистами, и мной в частности? Да, черт побери, страх! Тут Вы попали в точку. Я даже могу Вам, генерал, рассказать кое-что о его истоках.

Сначала, когда я брала свои первые интервью у сталинских следователей и нынешних сотрудников КГБ (а вы – не Вы лично, генерал, а Ваши коллеги всячески препятствовали потом этим публикациям), я испытывала что-то вроде детской боязни

перед чужой, темной, закрытой комнатой. В нее надо войти – и любопытство, и профессиональное самолюбие к тому толкают, но что там, за стенкой, какие монстры скрываются по темным углам – неизвестно.

Короче, вошла. Раскрыла пожелтевшие архивные папки... С их страниц чудом оставшиеся в живых жертвы той многолетней варфоломеевской ночи рассказали мне о том, что с ними делали “славные чекисты”. Потом нашла этих славных чекистов. Они расселись по креслам этой моей “комнаты”. По-разному расселись. Кто – с достоинством, кто – в известной лакейской позе: “чего, барин, изволите?”. Так вот, они говорили, говорили, а я слушала их и не переставала изумляться поразительной способности системы, именуемой “органами госбезопасности”, к регенерации, к приспособлению, к умению из одной жизни – делать две, поражалась ее таланту любые, самые благие изменения в обществе обращать себе – в прибыль, людям – во зло. Тогда-то я стала понимать некоторые сегодняшние лики КГБ...

Потом? Потом в эту “комнату” пришли те, кто, отсидев свое, пережил сталинский геноцид... Знаете, генерал, о чем я их часто спрашивала? О том, как вести себя, когда приходят арестовывать? Какие вещи брать? Стоит ли заранее приготовить чемоданчик? Как женщине соблудности себя в условиях тюрьмы? Как перебороть там брезгливость? Полезнейшая информация, доложу Вам, генерал, – ведь всегда больше всего боишься неизвестности: внезапность – любимая метода органов...

Ну, а дальше я встретила некоторых нынешних сотрудников КГБ. Они тоже говорили по-разному. Кто – озираясь на телефоны и двери и интересуясь, нет ли у меня в комнате или в одежде “клопа” (такого маленького микрофончика, который они сами же не раз приспособливали в комнатах или шубах тех, кто находился под их наблюдением), – как будто я могла это знать? Другие из них, как, например, генерал Олег Калугин или полковник Владимир Рубанов, говорили в полный голос: они тоже поведали мне немало интересного о деятельности Комитета времен брежневской поры, поры андроповской, черненковской и горбачевской поры – тоже. Но все они, слышите, генерал, все без исключения убеждали меня: до тех пор, пока в стране существует КГБ, – ничего хорошего нам в своем государстве ждать нельзя.

Вот после этого, генерал, после всего того, что я узнала, – мне действительно стало страшно.

Страшно не за себя даже, хотя и мне не чужд инстинкт самосохранения. Страшно стало за своего ребенка, за будущее

моей девочки. Страшно стало за своих близких, друзей, коллег. За – простите невольную патетику – проклятую всеми богами мою многострадальную страну.

Вот потому, что мне страшно, генерал, я и пишу эту книгу.

2. Необходимые оговорки.

Читатель, который ждет от меня истории Комитета госбезопасности СССР или даже истории КГБ периода перестройки, будет разочарован. Подобное мне не под силу. Более того – это сейчас никому не под силу. Как заметил один из западных исследователей КГБ, истинную историю ведомства можно будет написать только после того, как откроются его архивы. Комитет это делать не торопится. И вряд ли пойдет на такой убийственный для него шаг по собственному почину.

Но, конечно, кое-что уже вышло на поверхность. То там, то здесь, то в этой газете, то в том журнале опубликовано немало фактов, а иногда и документов, которые как минимум дают возможность для анализа. Не говоря уже о том, что за последние 20 лет на Западе вышло несколько очень интересных исследований о КГБ. Это и книги Джона Бэррона “КГБ”, и работа Эми Найт “КГБ: полиция и политика в Советском Союзе”, и, конечно, книга Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского “КГБ: взгляд изнутри”.

Любознательному читателю эти и многие другие книги дают немало информации, особенно в части деятельности КГБ за пределами Советского Союза. Очень помогли эти книги и мне, за что я искренне благодарна авторам и издательствам, их выпустившим.

То, что вы прочитаете в моей книге – менее всего похоже на научное исследование. Эта книга не для советологов и не для специалистов по КГБ. Эта книга для обычных нормальных людей, которым не совсем безразлично, что происходит в стране, занимающей 1/6 часть планеты. Строго говоря, в этой книге я пытаюсь объяснить таким же людям, как и я, то, в чем сама пытаюсь разобраться. Я имею в виду мою бедную страну.

И еще. Все-таки статья генерала не дает мне успокоиться. Я хочу, чтобы читатель понял, а поняв, простил бы мне некоторую, скажем так, заостренность и эмоциональность стиля.

Для меня КГБ – это не просто очень интересный объект исследования, каковым он бесспорно является, и потому ему посвящено столько весьма неординарных книг.

Для меня КГБ (как и для многих моих сограждан) – это часть моей жизни. К сожалению, неотъемлемая ее часть: уез-

жать из страны я не собираюсь, если, конечно, меня не приундут к тому особые обстоятельства.

Для меня КГБ – это и телефоны, которые периодически прослушиваются. И отеческие предостережения: “Ты заходишь слишком далеко”, передаваемые устно по разным каналам от неких высокосидящих лиц. И угрозы, как правило, анонимные, доходящие ко мне в письмах.

Для меня КГБ – это и страх моего деда, отца матери, выстрелившего себе в висок на одиннадцатом году советской власти. И пуля, доставшаяся другому моему деду, дяде отца, расстрелянному в кровавом тридцать седьмом.

Для меня КГБ – это и страх моего отца, человека бесстрашного, еврея-разведчика, работавшего в сорок первом на оккупированной фашистами советской территории. Его страх, когда однажды, в брежневские времена, он застал меня за чтением “В круге первом” Солженицына, вышедшем в “тамиздате”. Отец попросил меня: “Не приноси больше *этого* домой”. В те годы за интерес к подобной литературе легко можно было получить лагерный срок.

“Генетический страх” – написал в своей статье генерал КГБ. Генетический – каюсь.

Потому для меня КГБ – это и десятки моих друзей, навсегда покинувших страну и продолжающих покидать ее сейчас – “за детей страшно”.

И, конечно, КГБ – это история Рики и Льва Разгонов – людей бесконечно дорогих и близких мне.

Вот теперь я должна объяснить свое посвящение.

3. Немного о любви.

Рика и Лев познакомились в Вожаеле на каком-то производственном совещании по лесозаготовкам. Шел к концу сорок третий год, и Рика, или Ревекка Ефремовна Берг, как значилось в ее деле, работала старшей нормировщицей в конторе Управления на Комендантском лагпункте. Лев – Лев Эммануилович Разгон, тоже трудился старшим нормировщиком, но в тридцати километрах от Вожаеля на Первом лагпункте. Все вместе это называлось Усть-Вымлаг (почтовый ящик – п/я 243/11) и было оторвано от ближайшей цивилизации как минимум на сотню километров – столько было до Сыктывкара, столицы Коми республики.

К этому времени оба они, и Рика и Лев, были уже “вольняшками”, то есть лагерные сроки их кончились. Рика освобо-

дилась чуть раньше – в ноябре 1942 года. Рика была 58¹⁰⁻¹¹, КРД (то есть села по статье 58¹⁰⁻¹¹ за контрреволюционную деятельность), Лев – 58¹⁰, часть 1 – контрреволюционная агитация в мирное время. “Пятерка” Льва иссякла в апреле сорок третьего, но ему “припаяли” второй срок еще в лагере, потом – это было чудо! – приговор отменили, и он вышел на волю уже на исходе сухого, жаркого северного лета.

Воля, которую они получили, – это была воля в советском понимании этого слова. Они уже не сидели в лагере, их не водили утром на поверку, а потом под конвоем на работу. На работу, причем на ту же самую, что и в зоне, – таково было условие этой “воли”, – они ходили сами. Но паспортов у них по-прежнему не было, не было и права выезжать куда-либо за пределы не то что лагеря – лагерного пункта. В общем, зеки – не зеки, свободные – несвободные, что-то вроде бессрочно-ссылных. Называлась эта “воля” – “закрепленные за лагерем до особого распоряжения”.

Но все равно это было счастьем! Рике необыкновенно повезло: управление ей выделило собственную комнатку – даже не комнатку – квартиру в пятиквартирном барачном доме на берегу реки Висляны. Еще у нее была подушка, был чехол от матраса и почти настоящая двойка – юбка и кофта, лагерными умельцами сделанные из того лыжного костюма, в котором ее забрали в ноябре тридцать седьмого года из московской квартиры в Кривоарбатском переулке.

Вот сюда, в эту сырую, холодную квартиру, каждую субботу, отдавив пешим ходом 30 километров из своего Первого лагпункта, приходил к ней ее Левушка. И был пир – по карточкам выдавали 0,5 литра постного масла и кислой капусты (голодали тогда почти одинаково и на воле и в лагере), и было счастье, и была свобода: не та свобода, что разрешила им советская власть, но та, что, молодые, брали они из искалеченной своей жизни сами.

...О своей судьбе – семнадцать лет лагерей и ссылок – Лев Разгон рассказал в своей книге “Непридуманное”.³ Потому я хочу чуть подробнее рассказать о Рикиной жизни.

Она родилась в год первой русской революции (1905) в семье питерского рабочего-слесаря, профессионального революционера Ефрема Берга.

Как и положено профессиональному революционеру, жизнь Берга была соткана из ссылок и тюрем, и потому, когда пришел февраль семнадцатого года и пала монархия, Ида Са-

вельевна, мать Рики, была счастлива: она устала от конспирации, от догляда приставов, от передач и тюремных свиданий.

Но на несчастье мамы, и Рики, и пятилетней сестренки Анечки Берг не был большевиком. Напротив – был в оппозиции к ним, состоял в членах партии (причем – в верхушке ее) правых эсеров.

Бывшие соратники по борьбе с царизмом посадили его в июне 1918 года. Для мамы это был удар, от которого она так уже и не оправилась.

Вот с этого времени, с предварительной тюрьмы на Гороховой, 2, куда они с мамой приносили передачи, и началось Рикино знакомство с советскими тюрьмами, лагерями и ссылками – сначала опосредованное, через отца, потом – личное. И продолжалось вплоть до пятьдесят третьего года. В восемнадцатом Рике было 15, в пятьдесят третьем – 48 лет.

Ну, а за тюрьмой на Гороховой, 2, в Петрограде, последовали Бутырки – сюда Рика каждое воскресенье приходила к отцу на свидание (вещь невероятная для заключенных 1937 года). Потом, когда Рiku арестовали и, пропустив через Внутреннюю тюрьму на Лубянке, привезли в Бутырки, она почувствовала себя здесь как дома – “в Бутырках я знала все”.

(Из разговора Рики со Львом:

Рика: “Любочка, когда тебя привезли во Внутреннюю тюрьму, стены были белые?”

Лев: “Да.”

Рика: “А у нас – все исписаны. И в туалете я вырезала: “5 лет КРД*. Р.Берг”.)

Дальше у отца была еще какая-то тюрьма – кажется, где-то в Суздале, и Рика туда тоже ездила, дальше был 1922 год, знаменитый процесс над правыми эсерами, проходивший в Колонном зале Дома Союзов, – на нем председательствовал Пятаков, а обвинителями выступали Крыленко, Луначарский и Покровский. Родственники подсудимых получили места в первых рядах. На вопрос суда: “Признаете ли вы себя виновным?” – Ефрем Берг ответил: “Я виновен только в том, что я мало с вами боролся. Я буду продолжать бороться и дальше”.

Бергу дали 5 лет – столько же, сколько потом, в 37-ом, и Рике. Из них два года Ефрем Берг провел в одиночке на Лубянке, остальные – в ссылке в Нагорном Дагестане: здесь умерла мама, здесь Рикино образование пополнилось и знанием ссыльной жизни.

* Контрреволюционная деятельность.

Из Дагестана Берг уже и не выбрался. Вернее – выбрался, но куда, в какую тюрьму, то сокрыто в архивах КГБ, – известно только, что осенью 1938 года он был расстрелян*.

Рика уже в это время сидела в Бутырках – ожидала этап в Марийские лагеря.

Когда Рику пришли брать – она не испугалась: “Я всегда знала, что меня посадят”. Полугодом раньше НКВД пытался ее вербовать – она отказалась, вернулась домой и сказала первому мужу Коле, молодому, похожему на Есенина и очень удачливому человеку (впрочем, потом он тоже оказался в лагерях): “Теперь – все”.

Рику привезли на Лубянку, и здесь она явственно поняла: жизнь – кончилась, *это* – навсегда. У нее за спиной был богатый опыт отца.

Но я собиралась писать о любви.

А любовь была. Ах, какая это была любовь! Правда, одно время Льву запретили появляться в Вожаеле. Любовь начальство преследовало (это же – свобода!). Разврат, свальный грех – пожалуйста, но только не любовь.

Но Лев нарушал и эти запреты, а когда не мог, они звонили друг другу по телефону, – благо в конторах телефон был, – говорили до тех пор, пока телефонисткам не надоело слушать их излияния.

В сорок пятом война кончилась, Рика и Лев – не без трудностей – получили “раскрепление”, то есть паспорт, в котором стояла пометка: без права селиться в Москве, Ленинграде и еще в двухстах с лишним городах Страны Советов, получили отпуски и оба съездили в Москву.

В Москве Лев увиделся, если не сказать точнее – познакомился со своей Наташкой – дочкой, которой, когда его забрали, был год. Наташка жила с бабушкой: Оксана, ее мама и первая жена Льва, погибла, не дойдя до лагеря, на одной из пересылок. Оксане было 22 года.

Рику в Москве не ждал никто: сестра Анечка умерла в войну, по дороге в эвакуацию.

А потом вышла им возможность и вовсе уехать из лагеря.

Жили нелегально в Москве у Левиной мамы – пока соседка не донесла, потом перебрались в Ставрополь, маленький юж–

* Вадим Бакатин, в бытность свою Председателем КГБ, дал указание разыскать дело Берга – дабы Рика могла, наконец, узнать, когда ее отец был убит и где похоронен. Но Бакатин сняли, а новое руководство Министерства безопасности России обещания своего предшественника выполнять не сочло необходимым. Рика умерла так ничего и не узнав о последних днях отца.

норусский городок. Жили тяжело и голодно – Лев работал методистом в кабинете культпросветработы, Рика печатала на машинке, – короче, денег не было никаких. Но жили замечательно – они снимали угол у медсестры Жени: за занавеской у них была узкая, покрытая коричневым дерматином медицинская кушетка.

Рику арестовали в марте 1949 года.

Взяли ее как “повторницу”, то есть за то, что сидела первый раз. Потому следствие было скорым и немудреным, зато Рика кое-что добавила к своему тюремному образованию. Например, если в тридцать седьмом в камере позволяли сидеть, то в сорок девятом присесть можно было только после отбоя. В тридцать седьмом в камере табуреток могло не быть, в сорок девятом – были, но намертво привинченные к полу и так, что нельзя было прислониться к стене и нельзя было облакачиваться на маленький тюремный столик – только когда ешь, – спина от такого сидения деревенела.

Впрочем, тюремного опыта у Рики было предостаточно. Она знала, что из трусиков выдернут резинку, и знала, как их закрутить, чтобы они не спадали. Знала, что подвязки для чулок отнимут, и знала, что в этом случае надо сделать с чулками и как обойтись без белья вовсе. (Однажды в камеру ввели женщину – очевидно, из высших слоев. Дверь захлопнулась, ключ повернулся, “глазок” открылся и затух, а женщина продолжала стоять, обхватив себя крест-накрест руками, и – плакать. “Что?” – кинулась к ней Рика. Было видно: женщину еще не били. “У меня, – голос ее захлебывался, – у меня... отобрали грацию”. И она показала на свою большую грудь, ничем не поддерживаемую под платьем. “Господи, и вы из-за этого плачете?” Камера – уже повидавшая камера – хохотала до слез: “Отобрали грацию, и она – убивается... Тут жизнь отбирают”...) Знала Рика, как вымыться и постираться в тюремной бане, когда на все про все одна шайка воды, и знала, как соблудности – назовем это делкатно – женскую гигиену, когда ничего нет, и воды даже нет, но есть, скажем, снег: она всегда тщательно следила за собой. Знала, что рыбные кости, если они попадались в супе, выбрасывать нельзя – они заменяли запрещенные в тюрьме иголки. Не было костей – делали иголки из спичек, затачивая их о кусок сахара. Нитки же добывали из собственной одежды, либо покупали в лавочке цветные хэбэшные майки. Знала, как преодолеть брезгливость, когда надо пить из той же кружки, из которой только что пила сифилитичка, как разговаривать с уго-

ловниками, как обороняться от ВОХРы (вооруженная охрана лагеря) и прочего начальства мужского пола...

...В тюрьму Лев, выстаивая длинные очереди, регулярно передавал ей посылки. Писать друг другу было нельзя, но Левушка и тут перехитрил тюремщиков.

Лев писал ей на продуктах. На скорлупе варенного вкрутую яйца вывел дату их той, лагерной свадьбы. Для тюремщиков – цифирки и цифирки – мало ли какие даты на яйцах ставят, а для Рики – изумительное воспоминание и все остальное, что при таких воспоминаниях люди друг другу говорят.

Царапал слова, нет – сло-ва! – гвоздем и на баранках – будут ли тюремщики каждую разглядывать? И на расческе, что Рике вдруг понадобилась, – тоже царапал.

Рика написать ему и этой малости не могла, а потому, расписываясь на квитанции в получении передачи, долго и тщательно выводила: имя, отчество, фамилию, дату, что означало: со мной все хорошо, весточку получила – спасибо, рада, думаю о тебе, очень беспокоюсь и тоскую... В годовщину их свадьбы, не имея никакой другой возможности с тем Левушку поздравить и снова сказать то, что всегда ему хотелось сказать, Рика бросила курить. “Передайте, чтобы сигареты мне больше не приносил – с 15 июня я больше не курю, – попросила она тюремщиков. – Пожалуйста, скажите, что именно с 15-го я больше не курю”...

В общем, они оба знали, как выжить в тюрьме, на этапе, в лагере. Теперь Рике предстояла ссылка.

Ссылку ей дали вечную – так было записано в приговоре. Отбывать ее предстояло в Красноярском крае, в Сибири, в маленьком селе Бирилюсы.

Рика не волновалась, она же знала: “это – навсегда”. Беспокоил ее Левушка.

Разгон был на свободе еще почти целый год. Он даже успел съездить к Рике в Бирилюсы, пожить полтора месяца в крошечной Рикиной комнате “за огромной русской печью в большой, нелепой по нашему среднерусскому представлению избе” (так у Разгона в книге). Они ходили вечерами в гости, или Рика, вернувшись с работы, жарила рыбу, и они закатывали свои бирилюсинские пиры, – они были вместе и наслаждались жизнью “сожителей в незаконном браке”, хотя в Рикином уголовном деле Лев проходил уже как муж, а Рика – в деле Льва – как жена. Жили, любили и строили всякие планы о дальнейшей их замечательной жизни в далеком сибирском углу.

О том, что Льва, наконец, взяли, Рика узнала просто: в пятницу, как было между ними условлено, не пришла от Льва телеграмма, потом получила письмо: “Лев заболел той же болезнью...” – написала ставропольская квартирная хозяйка.

На душе у Рики было муторно, но, в конце концов, то, что Льва должны снова посадить, она знала и потому ждала известия о том, куда дадут ссылку ему. А там... Там они уж как-нибудь соединятся, как-нибудь упроят гуманную советскую власть дать им разрешение отбывать свои вечные ссылки вместе.

Лев получил десять лет лагерей. Статья 58¹⁰ – контрреволюционная агитация.

Когда Рика узнала об этом, о том, что не ссылка – срок, лагерь, – она завyla.

Закричала, как никогда не кричала в своей жизни. Она понимала: еще десять лет лагеря Левушке не выдержать – не выжить, у нее же вечная ссылка (выезд из места ссылки, даже временный, приравнивался к побегу и “обеспечивался” 25 годами каторги), значит, и свидания к нему в лагерь не видать.

...Я не могу спокойно писать об этом. Я пытаюсь понять состояние этой, уже не молодой, сорокапятилетней женщины, которая влюбилась – сильно, страстно посреди того лагерного кошмара, которая прожила – не по-человечески, не нормально, но безумно, до истомы, счастливо шесть, или почти шесть, лет, и вот... Вдова – не вдова, жена – не жена, и холодная пустая постель...

А каково было Льву?!

Он кричал на допросе своему следователю Годяю:

“Я еще поживу! Да и в лагере я буду жить! Будь уверен! Буду книги читать, водку пить, спать с вольнонаемными медсестрами да врачами – женами начальников!.. Мне сейчас сорок два года, когда выйду на волю – мне будет пятьдесят два... Я еще поживу!”

Лев кричал, но он – то, прожженный зек, доходивший от цинги в тридцать девятом, он – то знал, что это такое – еще 10 лет лагерей.

Пять лет. Пять лет они почти каждый день писали друг другу письма. Все письма Льва Рика рвала – она не хотела, чтобы когда-нибудь, при следующем аресте или новой ссылке, их читали энкаведешники.

Рика вернулась в Москву в пятьдесят четвертом. Лев через год, в пятьдесят пятом. У них не было ни кола, ни двора, ни

имущества – буквально ничего. Только 31 год лагерей и ссылок – на двоих.

Когда они расписались, у них не оказалось денег даже на “четвертинку”.

Что было потом? Лев писал, Рика печатала на машинке, они растили Наташку. Своих детей Рике заводить было поздно, хотя врачи и говорили ей, что Господь Бог создал ее для деторождения. Но то – Господь Бог, а здесь – советская власть... А детей Рика любила. Получили комнату, потом квартиру – 28 квадратных метров.

В разговоре, в обиходе у них сохранились лагерные слова и привычки. “Пайка”, “оправка” – это из повседневного лексикона.

Где бы ни были, никогда не оставляют ключ снаружи, – память о тюрьмах, надзирателях и ключах, закрывавших их в камерах с той стороны – на годы.

Впрочем – “что было потом?” Что было?

Любовь. И наша жизнь.

Потом... Потом грянула перестройка, и Лев Разгон опубликовал свою книку “Непридуманное”, которую писал в стол последние двадцать лет. Разгон сразу и как-то оглушительно стал знаменитым.

Они съездили в Италию, в Англию, во Францию... Рика смеялась:

“Надо было дожить до 83 лет, чтобы впервые поехать за границу”...

Летом 91-го какие-то киношники затеяли о Разгоне фильм. Повезли его в Бутырки – к той камере, где он когда-то сидел... Лев вернулся оттуда не в себе – плакал.

В Бутырках, по словам Разгона, многое изменилось. В его камере теперь была вода, чтобы умыться, парашу заменил цивильный унитаз, и сидело не 70 человек, как в те, Левушкины времена, а всего 40...

Но когда баландер (человек, раздающий “баланду” – некое месиво, именуемое едой) стал разливать по мискам еду и подавать ее в камеру, Левушке стало плохо.

“Я не знаю, как это объяснить, но я вдруг почувствовал, что я – с ними, с теми, кто сидел в камере... Да, да, они уголовники, они совершили преступление. Но там, в Бутырках, где мир разделен на тюремщиков и зеков... Короче, ощущать себя на стороне тюремщиков я не мог”...

Я как-то спросила Рiku:

“Когда вас выпустили из ссылки, вы... не боялись, что возьмут и в третий раз?”

“Я и сейчас боюсь”, – ответила Рика.

...Я любила наблюдать за ними. Рика после многочисленных переломов ходила трудно, но все равно в фигуре, в повороте головы, в руках, – во всей ней было что-то царское.

Она больше молчала – говорил Лев, и я всегда видела, как, слушая его, улыбались уголки ее губ и глаза: она смотрела на него любовно и чуть снисходительно: “Не петушись!” Дело не в разнице в годах – какая тут разница? – 86 и 83 – просто во Льве действительно много мальчишеского.

Когда они сидели рядом на лавочке, Лев клал руку между ладошек Рики. Они разговаривали с кем-то или друг с другом, и Рика беспрестанно похлопывала–поглаживала Левушкину руку. Так было покойно ей. Так было покойно ему.

Боже праведный! Такая жизнь за спиной – такая тяжелая, долгая жизнь, а все – любовники... “Если есть на свете любовь”... Если есть на свете любовь – они ее избранники. Рика и Лев Разгоны.

ВЕРСИЯ

В середине декабря 1990 года после того, как Председатель КГБ Владимир Крючков выступил по Центральному телевидению с заявлением, многие западные информационные агентства и журналисты газет в своих корреспонденциях из Москвы сообщили: в Советском Союзе произошел бескровный государственный переворот.

Это была ошибка. Хотя, конечно, подобное заключение казалось вполне логичным, особенно на фоне того, что месяцем раньше Михаил Горбачев сначала публично высказался “за” программу радикальных экономических реформ “500 дней”, предложенную группой Шаталина – Явлинского, а потом совершенно неожиданно высказался “против” нее.

“Является ли Горбачев по-прежнему Президентом СССР или он лишь марионетка в руках некоего теневого кабинета?” – спрашивали себя журналисты и политологи. И это тоже была ошибка. Ибо подобное противопоставление в такой стране, как Советский Союз, с таким устройством власти, которое здесь существует, попросту неуместно. Соединительные союзы “и...и” подходят куда как больше. После смерти Сталина все главы государства, и Горбачев не стал тому исключением; были верховными правителями страны и, одновременно, марионетками в руках всегда существовавшего (но в разное время имевшего разную силу и степень влияния) теневого кабинета.

Так что же такое сказал Председатель КГБ, если это вызвало панику – а паника действительно была! – и в интеллигентских кругах в Советском Союзе, и в кругах политиков и советологов за границей?

А сказал он следующее. Некие крайне радикальные политические течения и деструктивные элементы, “обильно питающиеся моральной и материальной поддержкой из-за рубежа”,¹ поставили своей задачей “окончательно расшатать наше

общество и государство и ликвидировать советскую **власть**": Для советской аудитории, десятилетиями приученной к чтению "между строк", было понятно, что под "радикальными политическими течениями" и "деструктивными элементами" Крючков прежде всего имел в виду национально-освободительные движения в республиках и демократические силы в Центре.

Строго говоря, Крючков был прав. Расшатать это аморфное общество и преступное государство, на протяжении всей своей семидесятилетней с лишним истории ведущее войну против собственного народа, ликвидировать эту бесчеловечную власть – программа, которую демократы не слишком тогда скрывали. Однако упоминание о "материальной поддержке из-за рубежа" и – еще более конкретно – об "иностранных спецслужбах и зарубежных организациях", которые "продолжают вести против Советского государства тайную войну", в устах председателя КГБ, да еще с учетом предрассудков простого советского обывателя, приобретало особый, зловещий смысл. Крючков рисовал образы "врагов".

Плюс ко всему Председатель КГБ не единожды в своем заявлении упомянул об "экономическом саботаже", инспирированном, как следовало из его слов, все теми же "деструктивными силами". Цель была очевидна: объяснить советскому человеку причину абсолютно пустых полок в магазинах и показать истинных виновников такой ситуации. А надо сказать, что именно в декабре 1990 продовольственный кризис в стране достиг своего апогея: в Москве выстраивались очереди даже за хлебом, пропала соль, спички. Подобного советские люди не помнили с послевоенного времени, и потому обозление обывателя, его агрессивность по отношению к любой власти, к демократам в том числе, приближалась к точке кипения.

Ну и, наконец, коли враги есть, госбезопасность обязана с ними бороться. И тут Крючков призвал всех "честных граждан" информировать КГБ о посягательствах на "социалистический государственный и общественный строй". То есть, говоря попросту, доносить в КГБ.

Вот такое было заявление. Если прибавить к сказанному еще ту безапелляционность тона, с которой оно было произнесено, ту уверенность Крючкова, с которой он держался и которую всячески подчеркивал, то можно представить себе настроение советских людей, еще сохранявших крохи веры в перестройку. Крючков раздавил всякую надежду. Не скрою: все мы ждали, когда начнутся аресты.

Для Запада, где "горбимания" по-прежнему была очень

сильна, где имя родоначальника перестройки все еще вызывало эйфорию, заявление Крючкова означало только одно: Горбачев потерял власть.

Ибо представить себе, что человек, начавший эпоху реформ в СССР, избавивший Запад от страха перед советской военной угрозой, порушивший великую Берлинскую стену, может вдруг столь резко повернуть вправо и вновь заговорить на языке "холодной войны", – подобное действительно представить себе было трудно. Если...

Если оценивать все происходящее в Советском Союзе с позиций и в терминологии многовековой западной демократии. Где есть правительство и есть оппозиция. И есть гражданское общество, эту оппозицию способное сформировать и поддерживать. Где политический спектр достаточно четко определен – консерваторы, либералы, радикалы. Где, может быть, самое главное, есть система правовых мер, не позволяющих политику, находящемуся в верхних эшелонах власти, столь резко, с плюса на минус и наоборот, менять свои взгляды и позиции – ему в этом случае грозит отставка. Советский Союз – государство тоталитарное. Демократии здесь никогда не было, демократическим традициям не из чего было возникнуть, ибо их не было и в дореволюционной России, которая пять веков жила в условиях абсолютной, причем достаточно жесткой монархии. Гражданское общество в той же России только-только стало появляться, как к власти пришли большевики и в стране установилась диктатура одной партии.

Однако вернемся в зиму 1990–1991 года.

Дальнейший ход событий, казалось, лишь подтверждал самые мрачные предположения западных журналистов и политологов.

Январь 1991 года. Льется кровь в Вильнюсе и Риге. Во всех трех Прибалтийских республиках – Литве, Латвии, Эстонии – создаются некие подпольные комитеты национального спасения, призывающие к свержению местных правительств, нацеленных на отделение от СССР. Причем ясно, что события везде разворачиваются по одному, скоординированному Центром плану².

На одном из заседаний Верховного Совета Горбачев предлагает приостановить действие Закона о печати, закона, впервые отменившего цензуру прессы.

Февраль. Михаил Горбачев выступает с большой программной речью в Минске, где буквально повторяет слова, сказанные Председателем КГБ в его декабрьском заявлении. А имен-

но: объявляет демократов силами деструктивными и обвиняет их в том, что ими руководят “чужие научные центры и чужие головы” (то есть Запад), а значит, говорит Горбачев, “они (т.е. лозунги и идеи демократов – Е.А.) нужны кому-то, а не нам с вами”.³

Снова – февраль. Премьер-министр Валентин Павлов публично обвиняет западный финансовый капитал в том, что он ведет войну против Советского Союза.⁴ И снова это почти дословное повторение того, что говорил Председатель КГБ...

Так что же, все-таки государственный переворот? Нет, никакого переворота не произошло – у самих себя власть не отнимают.

Случилось другое. В декабре 1990 года, на исходе пятого года перестройки, КГБ СССР устами своего Председателя обнаружил то, что давно уже стало реальностью в нашей стране. А именно: заявил о КГБ, как о составляющей власти, а не инструменте ее. И в последующие месяцы наглядно продемонстрировал, что в результате перестройки, в результате экономического и политического хаоса, ею вызванного, в результате ослабления всех других государственных структур КГБ приобрел такую власть в стране, какой никогда раньше не имел⁵. Скажу более определенно: КГБ СССР с периферии властной триады (КГБ – КПСС – Военно-промышленный комплекс) переместился в центр ее, стал лидером олигархической власти в стране.

Произошло это не сразу, не вдруг – система, именуемая Комитетом госбезопасности, создавалась и развивалась на протяжении всей истории советского строя. И то, что мы получили, – закономерный итог, объективный результат, вытекающий из всей логики развития тоталитарного государства. Оно без боя не сдастся. И – не сдастся.

Такова суть моей версии. В последующих главах я постараюсь ее доказать.

Но прежде: что же это такое – Комитет государственной безопасности СССР?

ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ *

1. Структура и функции

Летом 1990 года мне пришлось работать в одной американской газете. Каждое утро я считывала со своего компьютера информацию, приходящую по каналам информационных агентств из Москвы. Это было время, когда генерал КГБ Олег Калугин давал свои сенсационные интервью-разоблачения, за что был лишен всех чинов, орденов и пенсий.

Так вот, говоря о КГБ, автор той или иной информации неизменно давал пояснение читателям: КГБ – это ЦРУ и ФБР вместе взятые. Подобное разъяснение должно было объяснять покупателю газеты, что КГБ занимается внешней разведкой (ЦРУ), контрразведкой (ФБР) и, вероятно, борьбой с организованной преступностью, наркомафией и терроризмом, поскольку это тоже входит в компетенцию ФБР.

Не скрою, каждый раз читая такие “разъяснения”, мне хотелось подойти к редактору и сказать: “Ну напишите хотя бы о том, что КГБ еще занимается и политическим сыском, выполняет функции тайной полиции – тем, что в наибольшей степени и составило “славу” этому ведомству в собственной стране...”

Каюсь, не подошла. Ибо из многочисленных разговоров с моими американскими коллегами, никогда не бывшими в СССР, знала, что вслед за моими словами последует вопрос: “Но ведь ФБР тоже занимается политическим сыском? Вспомни 50–60–е годы – времена маккартизма, вспомни “уотергейт”... И тогда мне пришлось бы говорить о том, что, согласно Уставу ФБР, который был утвержден Конгрессом США в 1979 году, Бюро запрещено расследование какой-либо деятельности, связанной

* После августовских событий в структуре КГБ произошел целый ряд изменений, не говоря уже о том, что сам Комитет четыре или пять раз поменял свое имя. О том читатель прочитает в главе “КГБ в государстве, которого нет”. Идут изменения и сейчас: управления сливаются, меняется их число. Когда я писала эту главу, их было 16, сейчас – 20.

с “выражением гражданами их религиозных и политических взглядов”. Что за “уотергейт” ФБР здорово надавали по рукам. Что еще в 1974 году в США был принят Закон о прайвизи (неприкосновенности частной жизни), а еще раньше, в 1966 году, – Закон о свободе информации, – ничего подобного в Советском Союзе не было и нет. Пришлось бы говорить и о том, основываясь на этих двух законах и на Первой поправке к Конституции (право на получение информации), я послала в ФБР запрос на собственное досье и... И получила ответ, что в ФБР досье на меня нет... И не поверила ни одному слову из этого ответа, так как до того брала интервью у начальника ФБР города Чикаго, где работала, и начальник этот не стал скрывать, что информацию на меня они имели и мной как-то интересовались...

Впрочем, может быть, я не стала пускаться во все эти объяснения, потому что во мне “выиграло” “шестое чувство советского человека”? Или “сработала” моя неприязнь к любым секретным службам? Убеждение, что все они, всегда, уже по природе своей направлены против индивидуума и весь вопрос в системе правовых мер, ограничивающих права секретных служб и обеспечивающих права граждан?

В общем, чего “тянуть кота за хвост” – не подошла.

Но вернувшись домой, в Москву, в свою газету, мы с моей коллегой Наталией Геворкян стали собирать материал, который потом был опубликован на страницах “Московских новостей” под заголовком “Неизвестный нам КГБ. Структура и функция”*.

Мы читали зарубежные публикации и книжки, беседовали с собственными “источниками” – вышедшими в отставку и ныне действующими сотрудниками КГБ – и – поражались. Поражались тому, что узнавали.

Зная, как нам казалось, немало о КГБ, мы не представляли масштаба его могущества, степени его проникновения во все сферы жизни советского общества.

С чего начать? Вероятно, с цифр.

По западным источникам, численность КГБ колеблется от 400.000 до 700.000 сотрудников.¹ В октябре 1991 года Вадим Бакатин, новый Председатель КГБ СССР, назначенный на эту должность уже после путча, сказал, что всего Комитет насчитывает 488.000 человек, включая 220 тысяч солдат и офицеров пограничных войск. У меня эта цифра вызвала большие сомне-

* “Московские новости” № 9, 03.03.1991

ния: либо Бакатина сознательно дезинформировали, либо... Бакатин в интервью автору уточнил, что КГБ насчитывает примерно 180 тысяч офицеров.² Это больше похоже на правду, только цифру следует умножить на четыре. Почему на четыре? Потому что примерно таково соотношение между офицерами в КГБ и теми, кто либо не имеет звания вообще, либо не числится в офицерском корпусе. Простое умножение дает нам 720 тысяч человек. Более точные данные мне ни тогда, ни теперь выяснить не удалось – это великая тайна КГБ. Ибо ответ на этот вопрос неизбежно влечет за собой другой: чем же такая армия людей занимается?*

Немного конкретики.

По словам Олега Гордиевского – бывшего полковника КГБ, завербованного английской SIS, только в Центральном аппарате КГБ в Москве трудится 65 тысяч офицеров КГБ.³ Всего же в столице, по уточненным мною данным, работает 89 тысяч чекистов. Цифра эта включает и сотрудников Московского управления и служащих специализированных институтов КГБ, и непонятно зачем размещенных в Москве пограничников.

Для сравнения: штаб ФБР – 21 тысяча сотрудников.

Олег Калугин утверждает, что в КГБ работает больше людей, чем во всех службах безопасности Европы вместе взятых.⁴ Он также говорит, что только в партийной организации (КПСС), и только Центрального аппарата КГБ, состояло на учете больше людей, чем в ЦРУ плюс ФБР. “А это, – сказал Калугин, – как-никак 36 тысяч человек”.

Тот же Калугин утверждает, что численность КГБ можно и несомненно сократить как минимум на 50 процентов. Однако последние четверть века штаты КГБ не только не уменьшались – неуклонно росли.

Москвичи это наблюдали собственными глазами. Если в середине 60-х годов, при Хрущеве, Управление КГБ по Москве и Московской области занимало два здания на Лубянке, то те-

* В конце января 1992 года новый шеф Министерства безопасности России Виктор Баранников объявил, что штат его ведомства сокращен более чем в 12 раз. По моей информации, столь резкое сокращение пока – не более чем благие намерения. Хотя число чекистов и уменьшилось – за счет выведения за пределы министерства некоторых обслуживающих подразделений (шоферы, медицинский персонал) и увольнения прежних начальников. Идет сокращение и сейчас: к сожалению, из КГБ уходят не худшие. Впрочем – о том речь впереди. Здесь лишь подчеркну, что определение КГБ как “государства в государстве” (оно принадлежит Никите Хрущеву) касается не столько количества чекистов, сколько многогранности выполняемых ими функций, меры интерференции в различные сферы жизни общества.

перь – семь. Диву даешься: как же это московская Охранка управлялась со всеми многочисленными оппозиционными партиями и проч. и проч., имея в своем штате всего 24 офицера?⁵

Пошли дальше. КГБ имеет собственные войска. Это пограничники; их численность оценивается в 220 тысяч солдат и офицеров. Забавно, что в начале 30–х годов, когда Советский Союз был единственной социалистической страной в мире, и находился, как принято было тогда говорить, “во враждебном окружении”, пограничников было, если принять за правду официальные данные, в семь раз меньше, чем сейчас.⁶

Подчиняется КГБ еще и целый ряд войск специализированного назначения; военно-строительные войска и войска правительственной связи. Плюс – в 1990 году КГБ было передано несколько армейских подразделений: 103 гвардейская Витебская воздушно-десантная дивизия, 75 Нахичеванская мотострелковая дивизия, 48 мотострелковая дивизия и 27 отдельная мотострелковая бригада – общей численностью 23 тысячи 767 офицеров, прапорщиков, солдат.⁷ В одном из интервью тогда еще первый заместитель Председателя КГБ генерал армии Филипп Бобков обмолвился, что дивизии специального назначения “используются только на границе”.⁸ Это неправда. Они могут быть использованы – и использовались – для подавления беспорядков внутри страны.⁹ Ну, а кроме того, многие управления КГБ располагают и своими собственными группами специального назначения (так называемый “спецназ”). Например, в ведении 7 Управления Комитета находится группа А–7 (в печати ее часто называют группой “Альфа”), которая, как теперь хорошо известно, и была главным заперщиком кровавых событий в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 года.¹⁰ Именно А–7, а вовсе не армейские подразделения, как гнали стране и миру все, начиная от Президента СССР и кончая министром обороны Д.Язовым и министром внутренних дел Б.Пуго. Только гибель лейтенанта КГБ Виктора Шатских заставила власти признаться в том, что в Вильнюсе действовал Комитет.

Есть свой спецназ и в составе Первого Главного Управления (внешняя разведка): это и так называемая группа “Б” (Отдельный учебный полк КГБ), и знаменитая группа “Каскад”, осуществившая захват дворца афганского президента Амина в декабре 1979 года, и группа “Зенит”. Считается, что эти силы ПГУ прежде всего рассчитаны на осуществление терактов за пределами СССР. И сие правда. Однако гарантий, что при определенном повороте событий в стране они не выступят против собственного народа, – этих гарантий нет.

Итак, сколько же всего спецдивизий и спецгрупп в распоряжении КГБ? Неизвестно. По одним источникам – больше, чем насчитывают все военно-морские силы США.¹¹ По другим – силы специального назначения КГБ насчитывают от 60–70 тысяч человек.¹²

Спрашивается: зачем же стране, которая ходит с протянутой рукой по всему миру, стране, где как минимум 80 миллионов граждан живут за чертой бедности, такая огромная армия чекистов? Чем они заняты? Возможно ли найти работу для такого количества сотрудников “секретной службы”?

Возможно. Как сказал бывший генерал КГБ Олег Калугин, – а он знает, о чем говорит, ибо проработал в органах почти 30 лет, – “нет такой сферы нашей жизни – от религии до спорта, где бы Комитет не преследовал каких-то своих интересов”.

Выглядит это так.

Понятно, что немалая часть сотрудников КГБ занята сбором разведывательной информации за пределами страны. За это отвечает Первое Главное Управление (ПГУ)*, которое нередко считают мозговым штабом КГБ. По некоторым оценкам, в Первом Главке трудится более 12 тысяч сотрудников.¹³

Непонятно, вбирает ли в себя эта цифра тех чекистов, кто трудится в так называемых посольских резидентурах ПГУ за рубежом под видом дипломатов, журналистов, представителей внешнеторговых, туристических и иных советских учреждений?¹⁴ А ведь это сотни и сотни человек по всему миру!

ПГУ делится на региональные подразделения: например, США и Канада, Латинская Америка, страны Бенилюкса, англоязычная Африка, и имеет функциональные направления.

Скажем, управление “К” – внешняя контрразведка. В его функции входит защита от внедрения иностранной разведки, другими словами – самое пристальное внимание к западным спецслужбам, таким, как ЦРУ, ФБР, Управление национальной безопасности США, а также контроль за советскими гражданами за рубежом; “Т” – научно-техническая разведка. “РТ” – разведывательные операции на территории СССР; “С” – нелегалы; “ОТ” – управление оперативно-технического обеспечения и т.д.

Входит в состав ПГУ и Информационное управление, занимающееся анализом и оценкой разведанных, а также ежеднев-

* Ныне — Служба разведки России.

но составляющее сводки руководству страны. Теперь к тем – как минимум четырем – информационным и аналитическим отделам и управлениям, которые есть в КГБ, добавлено и очень важное Аналитическое управление. По моим сведениям, именно оно поставляет анализ происшедших и прогноз грядущих событий руководству страны.

Кроме информации, ПГУ расходует свои силы и на изготовление дезинформации. На то существует специальная Служба “активных мер”*. Эта служба снискала себе известность в том числе и своим неравнодушием к движениям сторонников мира за рубежом – она играла в них не последнюю роль. Немало дивидендов собрала Служба “А” – главным образом в странах третьего мира – и в результате изготовленных ею разного рода фальшивок.

Журналистская судьба свела меня с одной из них. Я имею в виду версию о том, что вирус СПИДа – это результат американских экспериментов в области биологического оружия. Хорошо помню, как эта версия тогда, в 1986–87 гг., активно проталкивалась в советские газеты, которые еще только вступали на дорогу гласности. Некоторые из них, как, например, “Литературная газета,” – “клянули”, другие, как “Московские новости”, – всячески сопротивлялись. Тогда “МН” были еще органом Агентства Печати Новости (АПН), которое возглавлял бывший секретарь ЦК КПСС, а в прошлом – посол в ФРГ Валентин Фалин, человек, кстати сказать, интеллигентный и весьма образованный. Я была свидетелем того, как Фалин буквально “выкручивал руки” моему главному редактору Егору Яковлеву, заставляя его опубликовать материал, рассказывающий об этом “невиданном преступлении американской военщины”. Яковлев устоял. Немало помог нам в том замечательный иммунолог академик Рэм Петров, который в беседе со мной откровенно назвал эту версию не более чем болезненным вымыслом.

Однако, конечно, не только Службой “А” славен Первый Главк. Для журналистов, естественно, очень притягательно подразделение “С” – нелегалы. Я, впрочем, не большой любитель детективов и шпионских историй, но говорят, что 8 отдел этого управления в свое время взял на себя функции печально знаменитого по литературе управления “В” – управления “мокрых дел”, занимавшегося подготовкой и осуществлением терактов.

После убийства Степана Бандеры (лидера украинских наци-

* Ныне “Служба содействия”.

оналистов) и провала его убийцы – сотрудника управления Сташинского, Политбюро ЦК КПСС запретило подобные акции, за исключением особых случаев.

Вероятно, как “особый случай” была расценена просьба болгарской госбезопасности помочь убить болгарского диссидента Георгия Маркова. Братской госбезопасности помогли. По словам Олега Калугина, тогдашний Председатель КГБ Юрий Андропов был против какого-либо участия советской безопасности в данной акции. Но Владимир Крючков, в то время руководитель Первого Главка, а потом Председатель КГБ СССР, был настойчив и сумел убедить Андропова пойти навстречу товарищам из Болгарии. Марков был убит в Лондоне в 1978 году.¹⁵

Следующий “особый случай” пришелся на 1979 год. Им стало убийство тогдашнего лидера Афганистана Амина. По некоторым данным, 7 человек – кое-кто из них посмертно – получили за эту операцию звание Героя Советского Союза. Вслед за этим началась 8-летняя война (но, конечно же, не убийство Амина тому было причиной) с Афганистаном, стоившая СССР 13,833 жизней, 49,985 – раненых, сотен тысяч искалеченных морально молодых людей. Миллионы жертв принесла эта война Афганистану.

Об “особых случаях” в эпоху перестройки мне слышать не приходилось. Хотя в последние годы произошло несколько странных убийств священников русской православной церкви. Среди них наиболее нашумевшее – убийство отца Александра Меня, еврея по национальности, православного священника – по сердцу, просветителя, писателя, замечательного человека, гонимого и светскими и церковными властями. Следствие, которое ведут сотрудники Министерства внутренних дел, зашло в тупик. Спекуляций на эту тему много. Не думаю, что мы скоро узнаем имя убийцы отца Меня. И узнаем ли?

Один из бывших сотрудников КГБ однажды рассказал мне о технологии внутренних политических убийств. По его словам, Комитет редко убирает (убирал?) людей своими руками. Для этого, – говорил мой собеседник, – в стране достаточно уголовников. Ну, скажем, некто приговорен к смертной казни или максимальному сроку заключения – терять нечего. Его этапируют в другую тюрьму. А по дороге железнодорожный состав с этапом останавливается где-нибудь на подъезде к Москве – по своим, железнодорожным нуждам. Стоит ли говорить, что вынуть уголовника из вагона – под разными предлогами – для чехистов труда не составляет? Через несколько часов уголовник

занимает свое место в купе-камере, его отправляют куда-нибудь в Богом забытый тюремный угол – где скорее всего он и сгинет, – а где-то на проселочной дороге находят труп. Милиция принимается искать убийцу. И, конечно, не находит: каждый шаг следственной группы будет известен в Управлении “В” Третьего Главного управления КГБ, кое призвано контролировать Министерство внутренних дел... Насколько все рассказанное бывшим комитетчиком правда? Не знаю. Но своя логика, согласитесь, в этом страшном повествовании есть... Впрочем, к ПГУ сие, конечно, отношения не имеет.

Ну и, наконец, понятное дело, в составе “мозгового штаба” КГБ есть и подразделение, в чью задачу входит не допустить вербовку советского разведчика западными спецслужбами. Сами чекисты это подразделение любовно именуют “отделом пыток и расстрелов”. Однако, судя по всему, подразделение это работает не очень хорошо: если с 1960 по 1980 год на Запад ушло трое сотрудников КГБ, то начиная с 1980 по 1990 – 23.¹⁶

Вопросами контрразведки и внутренней безопасности (то есть тем, что в США отнесено к компетенции ФБР) в КГБ занимается Второе Главное Управление. Но не только оно. Например, Третье Главное управление борется со шпионажем в вооруженных силах и органах МВД. Оно контролирует и Министерство обороны, и его Генеральный штаб, и Главное разведывательное управление вышеназванного министерства, и флот, и наземные войска, и авиацию, и войска, обслуживающие ядерное оружие. Но и этого мало. Третьему Главку подчиняются и все таможенные службы – да, да, те, что столь внимательны к нам, например, в Шереметьево... Эми Найт, автор книги “КГБ: политика и полиция в Советском Союзе”, предполагает, что в рядах Третьего управления трудится примерно 8500 человек.

А ведь есть еще и Четвертое управление, ответственное за контрразведку на транспорте и в авиации. Оно же осуществляет контроль за почтой, телеграфом, связью.

Экономическая контрразведка находится в сфере интересов Шестого управления. В его компетенцию входит защита оборонных предприятий, заводов, учреждений, научных институтов, которые могли бы представлять интерес для иностранных разведок. Нет сомнений – охранять государственные секреты необходимо, но, вероятно, в каких-то разумных пределах. Однако, как горько посетовал один из наших собеседников, “сотрудников этого управления нет разве на конфетных и игрушечных фабриках”.

Между тем, именно экономические секреты, не говоря уже о коммерческой тайне, таинственным образом бесконечно уползают за границу. То тут, то там в печати появляются материалы, рассказывающие, что вот еще одно изобретение, сделанное советскими учеными, оказалось запатентовано и внедрено за рубежом. Где же были наши славные чекисты?

Там же, где и всегда. Ибо главный интерес КГБ СССР всегда был связан с советским человеком. Именно от него он защищал партийную номенклатуру и себя, конечно, тоже, прежде всего. Джон Бэррон в своей книге «КГБ...» пишет, что шесть из двенадцати отделов Второго Главного Управления тратят деньги советских налогоплательщиков на слежку за иностранными дипломатами и – главное – на пресечение их контактов с советскими гражданами, остальные отделы занимаются туристами и иностранными студентами. Правда, оценки Бэррона относятся к брежневским временам. Ныне контакты с иностранцами легализованы, чрезвычайно обширны – в стране существует немало количество совместных предприятий. Правда, контроль за этими предприятиями осуществляет КГБ – Комитет этого и не скрывает.¹⁷ Правда, бывший сотрудник Второго Главка подполковник КГБ в запасе Валентин Королев утверждает, что «оперативные учеты на сограждан, имевших хотя бы один письменный контакт с иностранцами, хранятся и жалят вечно»...¹⁸ Однако я с трудом могу себе представить, чтобы КГБ был способен сегодня проконтролировать каждого советского гражданина, встречающегося с иностранцами или принимающего у себя дома граждан из других стран. Хотя... При той армии сотрудников, которую КГБ имеет... Надо же ее чем-то занять, чтобы зарплату платить не просто так?

Так или иначе, но руководители Второго Главка настаивают, что контрразведка сегодня активно включилась в борьбу с организованной преступностью и экономическим саботажем. Что ж, дело неплохое: ФБР, например, 60 процентов своих усилий тратит именно на организованную преступность, а уже потом занимается контрразведкой и борьбой с экстремистскими организациями.¹⁹

А вот что подразумевается под «экономическим саботажем» – мало кому понятно и законным порядком не оговорено. Но хорошо знакомо Стране Советов по первым годам революции, когда «саботажников» расстреливали на месте. «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, – сообщалось в газете «Известия» от 23 ноября 1918 года, – ...не видит других мер борьбы с контрре-

волюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления”.

Зимой 1990–1991 года согласно указу Президента Горбачева сотрудники КГБ, равно как сотрудники внутренних дел (милиция), получили право “беспрепятственно входить в помещения предприятий, учреждений, организаций... в производственные помещения, используемые гражданами для занятия индивидуальной трудовой деятельностью”.²⁰ Причем без санкции прокурора! Поскольку же многие конторы фирм располагаются пока в квартирах их владельцев, то президентский указ разом порушил конституционную гарантию на неприкосновенность жилища.

Ну, а результаты? Саботажники – были пойманы? Магазины – завалены продуктами и товарами? Ничуть не бывало! Зато советские граждане в очередной раз почувствовали: они под несуслышным и пристальным вниманием чекистов!

Впрочем, личная жизнь граждан – это была прерогатива другого управления КГБ. Хотя, конечно, не дай вам Бог подумать, что все остальные главки и управления личную жизнь своих соотечественников оставляют без внимания. Ничуть. Однако истинными профессионалами в этом вопросе были сотрудники Управления “Z” – Управления по защите советского конституционного строя... Любопытно: еще в 1988 году решением Съезда народных депутатов был образован Комитет Конституционного надзора – специально чтобы блюсти Конституцию. Но, видно, нашей Конституции без КГБ никак не обойтись.

Так вот, это управление было образовано в конце лета 1989 года. О чем сами сотрудники идеологической контрразведки – того самого печально знаменитого борьбой с инакомыслием и диссидентами Пятого управления – узнали из интервью своего Председателя Владимира Крючкова журналистам.

Тогда же, кстати, руководство Комитета заверило сограждан – а мы, наивные, в то поверили, – что их мысли, поступки (если они не противоречат Конституции), политические взгляды и верования КГБ более не интересуют*.

О деяниях идеологической контрразведки написаны книги, главным образом, правда, за пределами моего Отечества. Силами Пятого Главка травили Солженицына, изгоняли из страны Ростроповича, устраивали суд над Даниэлем и Синявским, от-

*Теперь в том же нас заверяет Министерство безопасности России – преемник КГБ. Верить? Или...пока подождать?

правляли хлебать лагерную похлебку многих других. А ведь среди его сотрудников было немало тонких ценителей изящной словесности и прочих муз и граций. Вот и недавно я узнала, что один из высоких чинов КГБ, заставивший покинуть страну Михалда Шемякина, был почитателем таланта замечательного художника-авангардиста, живущего ныне с его не самой легкой руки в Нью-Йорке. Чекист коллекционировал работы Шемякина, кои подчиненные конфисковывали при арестах различных подпольных вернисажей. А, например, известный в творческих кругах генерал Иван Павлович Абрамов, начальник 1 отдела – “Интеллигенция и печать” (в первые перестроечные годы Абрамов стал у руля всего Управления), – имел страсть к хорошим – не нашей, понятно, полиграфии – живописным альбомам: их для него собирали сотрудники, о б с л у ж и в а ш и е (сие слово не моя придумка – комитетский аргумент, – интересно, кто у кого позаимствовал: служба быта у КГБ или КГБ у службы быта?) различные международные книжные ярмарки и выставки.

Создателем и вдохновителем Пятого управления долгие годы был генерал армии Филипп Бобков. Личность для Комитета весьма неординарная, вошедшая и в историю КГБ, да и в историю страны – тоже.

Филипп Бобков пришел работать в органы в 1945 году – еще был жив Берия. Пережил 12 председателей КГБ и последние годы был истинным его руководителем, хотя официально и занимал кресло первого заместителя Председателя КГБ.

С конца января 1991 года Филиппа Бобкова в высоких кабинетах КГБ нет – оттуда он ушел на почетную должность советника Министерства обороны СССР в так называемую “райскую группу”. Но дело его, как утверждали сами сотрудники КГБ, жило... Живет? Думаю, что, уйдя из КГБ де-юре, де-факто, – как минимум до августовских событий – Бобков в этих кабинетах оставался... Ну, да Бог с ним.

Так чем же занималось управление, призванное защищать нашу Конституцию? Согласитесь, скороговоркой в такой важной теме не обойтись, и я позволю себе быть здесь, может быть, даже навязчиво подробной.

Итак, 1 отдел (тот самый, абрамовский), поменяв начальника, назвали отделом по работе с антисоветскими организациями за границей. Но прежние функции не упразднили – в духе времени модифицировали: в Управлении “Z” появился отдел N 3, который стал заниматься “неформальными объединениями и организациями”. Проще говоря – новыми политическими партиями и движениями.

“Считается, – говорил летом 1991 года подполковник КГБ, сотрудник “Z” Александр Кичихин, – что мы контролируем деятельность создаваемых партий для того, чтобы они случайно не замахнулись на государственный строй и конституционные права граждан”.²¹

Продолжало управление интересоваться и молодежью. Только если в Пятом Главке этот отдел проходил под номером “три”, то в перестроечные времена стал “девятым”, что сути дела, естественно, не меняло. По словам того же Кичихина, “в Москве, например, не существовало практически ни одного вуза, который не находился бы в обслуживании КГБ”.²² Правда, внутри КГБ студенчество было поделено на сферы влияния – так сказать, по интересам. Скажем, разведка (Первое Главное Управление) и контрразведка (Второе Главное Управление) давно и прочно обосновались в МГИМО, они же весьма пристально интересовались и факультетом журналистики МГУ. Компетенцией Второго Главка был и Бауманский университет. А скажем, Инженерно–строительный институт почему–то курировался лишь на уровне районных аппаратов КГБ по Москве и Московской области.

Но все это, конечно, вовсе не значит, что идеологическая контрразведка была на периферии борьбы за советскую молодежь. Напротив, переименованное Пятое управление патронировало все основные вузы столицы. Более того: “студенческий” отдел относился к числу элитарных в управлении. “Например, филологический факультет МГУ у нас назывался “факультетом дипломированных жен”. Туда поступали дети номенклатуры – партийной и государственной, – рассказывали мне комитетчики. – Конкурс большой, попасть в число студентов было нелегко. Так вот, номенклатурные товарищи знали, что факультет обслуживает КГБ. Снимали “вертушку” и звонили...” “Неужели Бобков занимался проталкиванием “детей” в МГУ?” – поразила я. – “Нет, конечно. Бобков до таких вещей не опускался. Он давал указание начальнику отдела, тот вызывал опера, который обслуживал филфак, опер шел к заместителю декана... В приемных комиссиях всегда были наши люди – агенты или доверенные лица, или контакты. КГБ давал список – кто должен поступить или – кто не должен...”

Кто не должен поступить – естественно, не поступали. “В ходе предварительной проверки абитуриентов, поступающих в Литинститут, на отдельных из них были получены компр. материалы. На основании указанных данных абитуриенты В.Романчук, О.Касьянов, О.Алешин, В.Чернобровкин, Г.Осипова были

отведены от приема в процессе вступительных экзаменов”, – сообщалось в одном из отчетов отдела в 1985 году.²³

Все то же самое продолжалось и в славные годы перестройки – может быть, лишь масштабы стали чуть меньше. “Короче, июль–август для ребят из третьего отдела были самые жаркие месяцы, но на этом многие делали себе карьеру: папы–мамы умели быть благодарными”, – заключил свой рассказ комитетчик.

К числу элитных относился в свое время и отдел, занимавшийся творческой интеллигенцией (“сюда подбирались люди исключительно по принципу личной преданности начальству”). И отдел N 11, который в доперестроечные времена курировал спорт – “в любой спортивной федерации обязательно есть наш человек, сотрудники включались в состав спортивных делегаций, а заграничные поездки – это всегда и товар, и деньги, и все что угодно; в Олимпиаду же этот отдел стал самым блатным”. Вот только один пример работы “спортотдела” КГБ: “Отведена от поездки в ГДР в составе спортивной делегации капитан сборной команды по волейболу “Динамо” Маслова И.А., в отношении которой были получены материалы ОТМ (оперативно–технические мероприятия – прослушивание телефона, слежка и т.д. – Е.А.) о ее намерении выйти замуж за иностранца. Маслова была отведена с использованием оперативных возможностей в отделе спортивной медицины ЦС “Динамо”. (Это значит, что под “крышей” отдела спортивной медицины работал либо комитетчик, либо – что скорее всего – агент. – Е.А.) Работа по оказанию на Маслову выгодного нам влияния продолжается”, – рапортовал оперативник в декабре 1983 года.²⁴

В перестроечные времена 11 отдел переквалифицировался на работу по совместным предприятиям (СП) гуманитарной направленности. (“Не гуманитарной” направленности СП были сферой компетенции других управлений КГБ. Но об этом пойдет речь в главе “Реалии эпохи гласности”).

Однако были, естественно, в Управлении “Z” и те, кто сами себя называли “рабочими лошадками”. Это сотрудники 5 отдела – “организованная преступность и массовые беспорядки”, 6 – “террор”, 7 – “анонимки”. Да, да, по анонимкам работал специальный отдел: считалось, что усилия этих чекистов прежде всего направлены на розыск безымянных авторов террористических угроз, но, как говорят сами комитетчики, анонимки политического характера – особенно в прошлые годы – в корзину отнюдь не выбрасывались. Кстати – совет для не слишком умелых конспираторов: на валике вашей пишущей машинки, ис-

пользуя специальную технику, можно прочесть тексты, которые вы печатали на протяжении как минимум последних двух недель; для уничтожения “следов” валик надо прокипятить.

К “пахарям” мои собеседники из управления относили и аналитиков 10 отдела, и, что любопытно, “националов” – сотруddников отдела межнациональных отношений (отдел N 2), трудившихся на ниве, как любило выражаться комитетское руководство, “сепаратистских движений”. По моей информации, этот отдел сделал немало для поддержания напряженности между русскоязычным и коренным населением в республиках. Особенно – в Прибалтике. Хотя – знаю – были там и люди, которые подобной политике КГБ пытались противиться. Но, видно, без особого успеха.

Сохранили в Управлении по защите советского конституционного строя и так называемую “израильскую линию” – отдел N 8, который в догорбачевскую эпоху упорно боролся с отказниками (“антисемитизм – один из родовых признаков КГБ”, – говорил мне мой собеседник из Главного разведывательного управления, традиционного соперника Комитета, сотруddников коего в загранучреждениях называли “дальними соседями” – в отличие от чекистов, которые были соседями “ближними”, – любопытная, согласитесь, краска в характеристике советских колоний за рубежом). В годы гласности 8 отдел был переименован в отдел “каналов международного обмена” – в фантазии комитетским начальникам нельзя отказать.

Ну и, наконец, отдел N 4 – церковь. Эта линия тоже благополучно осталась в идеологической контрразведке, не помня ни названия, ни порядкового номера.

Пожалуй, трудно найти в системе КГБ другое подразделение (ну, разве только еще то, что занималось интеллигенцией и прессой), которое имело бы столь давние и столь прочные традиции и такой, надо с горечью признать, успех.

“Вопрос осведомительной агентурной работы по духовенству самый больной в ЧК как по трудности его выполнения, так и по тому, что на него до сих пор ЧК мало обращал внимание, – констатировалось в протоколе заседания Секретного отдела ВЧК 1921 года. – Для более быстрого и верного проведения в жизнь необходимо на первых порах принять следующие меры:

1. Пользоваться в своих целях самым духовенством, в особенности занимающим важное служебное в церковной жизни положение, как–то архиереями, митрополитами и т.п., заставляя их под страхом суровой ответственности издавать по духовенству те или иные распоряжения, могущие быть нам полез-

ными, например: прекращение запретной агитации по поводу декретов о закрытии монастырей и т.п.

2. Выяснить характер отдельных епископов, викариев, дабы на черте честолюбия разыгрывать разного рода варианты, поощряя их желания и замыслы.

3. Вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа в отдельности. Материалы могут быть добыты разными путями, главным образом через изъятие переписки при обысках и через личное знакомство с духовной средой.

Материальное заинтересование того или иного осведомителя среди духовенства необходимо, так как на одной этой почве еще можно договориться с попом, а надеяться на его доброжелательное отношение к Советской власти нельзя. При этом субсидии денежные и натурой, без сомнения, их будут связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб, боящийся расконспирировать свою деятельность.

Должна практиковаться вербовка осведомителей и через застрашивание тюрьмой и лагерем по незначительным поводам – за спекуляцию, нарушение распоряжений властей и т.п. Правда, этот способ может быть полезен только в том случае, когда объект для вербовки слабохарактерный и безвольный...".²⁵

Так это начиналось. И так это продолжалось на протяжении семидесяти с лишним лет.

Все было. Выполняя заветы, привлекали духовенство для выполнения “контрразведывательных мероприятий внутри страны и за рубежом” – в июле 1970 года соответствующая ориентировка № 48Ц была подписана руководством Комитета.²⁶

Использовали в своих целях: “Для упреждения акции зарубежных средств массовой информации по передаче сообщений о пресс-конференции религиозного экстремиста Якунина (отец Глеб Якунин отсидел несколько лет в мордовских лагерях – Е.А.) и его единомышленников, в Москве по поводу их “обращения” в инстанции с “требованием либерализации религиозной жизни в СССР” нами через оперативные возможности 5 Управления и ВГУ КГБ СССР осуществлена пресс-конференция митрополита Ювеналия и Филарета для советских и иностранных корреспондентов. Священнослужители РПЦ объективно осветили положение церкви и свободы совести в СССР, критически рассмотрели обращение Якунина и его связи. Материалы

пресс-конференции направлены на Запад по каналам ТАСС, АПН, Гостелерадио”, – сообщалось в записке начальника отдела полковника В.Тимошевского в июне 1987 года.²⁷

Запугивали тюрьмами и лагерями – и в более или менее вегетарианские времена (по выражению Анны Ахматовой) – тоже: “В настоящее время по стране за конкретные преступления отбывают наказание 229 церковников и сектантов. (В 1981 г. было 220.) Кроме того, 18 человек находятся в ссылке. Органами КГБ на враждебных элементах из этой категории граждан велось свыше 2.500 дел оперативного учета”, – отчитывался в октябре 1982 года заместитель начальника отдела полковник Н.Романов.²⁸

Усмиряли – силами своих агентов – непокорных: “В декабре прошлого года группа монахов Псковско–Печорского монастыря высказала недовольство порядками в монастыре и обратилась с жалобой к патриарху Пимену на наместника Псковско–Печорского монастыря. Через агентов “Дроздова” и “Скалу” проводилась воспитательная работа среди монахов Псковско–Печорского монастыря. В результате принятых мер инициаторы были направлены на приходы в Псковскую епархию (4 человека), в монастыре оставлены 2 человека, из Псковской епархии выбыло 4 человека. Обстановка на сегодняшний день нормализовалась”, – докладывал т. Зотов в 1983 году.²⁹

Делали своих людей иерархами церкви: “На руководящее положение в РПЦ продвинул агент “Павел”, который направлен в Иркутск”. (Апрель 1980 года.³⁰) Через шесть лет агент “Павел” станет митрополитом. “Рассмотрено 5 личных и рабочих дел на агентов территориальных органов, рекомендованных для продвижения в руководящие звенья РПЦ”. (Октябрь 1988 года.³¹)

Выясняли “характер отдельных епископов” и, используя финансовую притягательность зарубежных поездок, превращали их в банальных осведомителей: “На заседание ВААК (международная организация церковных журналистов) направлялись агенты “Аббат”, “Марков”. Полученная от них информация об обстановке в ВААКе и в отношении Хеслера, объекта нашей оперативной заинтересованности, представляет интерес для органов КГБ”. (Март 1980 года.³²)

Вербовали агентуру среди церковного начальства: упомянутый выше агент “Аббат” – это руководитель Издательского отдела Московской патриархии митрополит Питирим)*. Усми-

*Я считаю возможным открывать лишь те имена, которые уже так или иначе стали известны.

ривший псковских монахов агент “Дроздов”... – нынешний патриарх Русской православной церкви Алексей Второй, в отношении которого, как свидетельствуют комитетские документы, в 1988 году “подготовлен приказ Председателя КГБ СССР о награждении агента “Дроздова” Почетной грамотой”.³³ За умирение монахов – грамота? Или за многолетнюю службу?.. “Ни одна кандидатура епископа, тем более высокопоставленного, тем более члена Священного Синода, не проходила без утверждения ЦК КПСС и КГБ”, – свидетельствует бывший председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР Константин Харчев. “Контакты с КГБ, если не сказать хуже – работа на КГБ, были непременным условием для карьерного роста в РПЦ: исключений практически не было”, – убежден отец Глеб Якунин.³⁴

Вербовали осведомителей и среди самых обычных батюшек. “Каждый второй священнослужитель – это явный или тайный сотрудник Комитета госбезопасности”, – утверждает священник Костромской епархии о. Георгий Эдельштейн. Он же – объект оперативного наблюдения, учета и разработки КГБ, проходивший в отчетах под именем “Клерикал”.³⁵ “Я не знаю священника, с которым бы сотрудники КГБ не беседовали”, – говорит он. Беседовали и с отцом Георгием: “Не было еще попа, который бы не сломался. Ты еще на коленях будешь на этом коврике стоять и ручку мне целовать”, – кричал на него вологодский уполномоченный по делам религий. Через год этот уполномоченный умирал в больнице от рака и просил, чтобы “Клерикал” отпустил ему его грехи... Отца же Георгия за непослушание отправили в далекий сельский Костромской приход – где ни дорог, ни паствы, ни средств к существованию.³⁶

Все то же самое было и в других конфессиях, а отнюдь не только в Русской православной церкви.

“Через ведущую агентуру из числа проповедников церкви АСД (церковь Адвентистов Седьмого Дня – Е.А.) “Виноградова”, “Григорьева”, “Соколова” и др. в Туле проведено переизбрание старшего служителя церкви по Центральному региону. В результате на эту должность выдвинут агент “Светлов”. (УКГБ Тульской области, ноябрь 1984 года.³⁷)

“В целях оказания практической помощи в организации контрразведывательной работы по линии буддистской церкви и по т.н. заштатным ламам в УКГБ по Читинской области, КГБ Бурятской и Тувинской АССР командировался начальник отде–

ления подполковник Лютиков В.Д. и оперуполномоченный капитан т.Богданов О.В. В ходе командировки рассмотрено 14 личных и рабочих дел агентуры, 4 дела оперучета по церковно-сектантской линии, проведены контрольные встречи с 9 агентами..." (Июнь 1984 года.³⁸)

"Проводилась работа по подготовке и проведению собора старообрядческой церкви белокриницкого толка, на котором состоятся выборы главы этой церкви. В этой связи в 20 органов КГБ-УКГБ направлена ориентировка с просьбой через имеющиеся возможности поддержать наиболее приемлемую для нас кандидатуру епископа Алимпия". (Июнь 1986 года.³⁹)

Нет, что и говорить: сотрудники 4 отдела всегда работали в поте лица. Только в 1982 году они – согласно отчету – "провели 1.809 встреч, получили 704 сообщения, для работы с агентурой использовали 13 явочных квартир и 2 конспиративные квартиры".⁴⁰ А сколько из них пришлось надеть рясю? Выучить библейские тексты? Закончить семинарии? В славном городе Ленинграде и по сию пору служит в управлении КГБ подполковник Александр Григорьев, он же – отец Александр, любимец прихожан...

"Рабочие лошадки"... Но не только.

Три с лишним года назад ко мне в руки попал документ – стенограмма судебного заседания Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа. Трибунал рассматривал дело майора Управления КГБ по Ростовской области Хвостикова А.М.

В этом документе много интересного.

Но главное – именно этот судебный документ более, чем все другие, которые довелось мне увидеть, раскрывает те х н о л о г и ю работы КГБ в кругах верующих. Я процитирую лишь несколько абзацев из обвинительного заключения: "Допрошенный по делу Уполномоченный по делам религий при СМ СССР по Ростовской области Колганов В.Н. показал суду, что бывшая регистратор малого храма Ростовского кафедрального собора Кошеляева была отстранена от работы за финансовые злоупотребления и хищение денег в особо крупных размерах... Спустя некоторое время Кошеляева с ведома Хвостикова была принята на работу в качестве представителя церковного совета Александрийской церкви, где также стала похищать деньги в особо крупных размерах. От прихожан и других граждан стали поступать жалобы с просьбой уволить ее с работы. Однако,

Хвостиков не разрешил увольнять ее, ссылаясь на то, что она является нужным человеком для КГБ...” “Хвостиков, проводя контрразведывательную работу по линии Русской православной церкви в период с сентября 1972 года по январь 1984 года, неоднократно, путем вымогательства, получал взятки от священнослужителей и церковников Ростовской епархии за выполнение различного рода действий в интересах взяткодателей. Всего за указанные годы Хвостиков получил взятку в общей сложности на 142.000 рублей... Злоупотребляя своим служебным положением, Хвостиков поставил твердые условия передачи ему взятку от председателя церковного совета Покровского молитвенного дома в городе Шахты Харченко Ф.В. в размере 400 рублей в месяц и, таким образом, получал эти взятки вплоть до ареста, получив от Харченко в общей сложности около 50.000 рублей”.

Что же хотели “взяткодатели”, то есть священники, от майора КГБ? Как правило, “малого”: не потерять приход и не попасть в тюрьму, поскольку их проповеди с амвона квалифицировались КГБ как “антисоветские”. “...Колганову было известно, что священнослужитель Гейко во время богослужений читает антисоветские проповеди, разжигает религиозный фанатизм у верующих, в связи с чем был против его перевода из Донецка в Ростовскую епархию. Знали об этом и работники КГБ... Однако несмотря на его, Колганова, возражения, Гейко был переведен в Ростовскую епархию и направлен в соответствующий приход как человек якобы полезный для органов КГБ. Впоследствии ему стало известно, что Гейко за свой перевод дал взятку в размере 5.000 рублей”.

Сотрудник Ростовского УКГБ, принесший мне эти документы, утверждал, что сумма взяток, указанная в обвинительном заключении, как минимум в пять раз занижена, что немалая часть этих средств ушла наверх, к руководству КГБ. Но это уже другая история. Каюсь, она меня мало интересует: “грязное белье” чекистов – не моя стихия.

И последнее – к нашему рассказу о “церковном” отделе. Я говорю о нем столь подробно потому, что сегодня церковь начинает занимать ту идеологическую нишу, которая еще недавно принадлежала КПСС. Обилие же в конфессиях комитетских товарищей – агентов, осведомителей, кадровых сотрудников КГБ – не только отвратительно с позиции элементарной морали (ведь эти люди принимают на себя тайну исповеди и выступают с амвонов в качестве проповедников), но и представляет серьезную опасность для общества. Не секрет, что сегодня ря-

дом с иконами все чаще произносятся слова, невозможные для людей, исповедующих Христову любовь к ближнему.

Чем же еще занималось управление, защищавшее от собственного народа его же конституционный строй, – хотя, кажется, и перечисленного более чем достаточно?

Мои источники убеждали меня, что Управление “Z” имело своих людей везде: в любом министерстве, институте, вузе, на каждом заводе. Есть они и в газетах, журналах, не говоря уже о телевидении и информационных агентствах. О том – разговор еще впереди.

И, пожалуй, на этом об Управлении “Z” пока – хватит. Тема – достойная романа... после прочтения которого, правда, хочется пойти и вымыть руки.

Хотя, конечно, границы между иными управлениями КГБ весьма условны. Ну, скажем, 7 управление. На чекистском жаргоне – “топтуны”, то есть люди, осуществляющие персональное либо с помощью специального оборудования наблюдение как за иностранными “чужаками”, так и за советскими гражданами. Понятно, что Управление “Z” или контрразведка работают с этим подразделением в тесном контакте. Тем более, что “семерка” еще и отвечает за связь с различными государственными учреждениями, имеющими самое непосредственное отношение к личной жизни граждан: всяческими жилищными конторами, существующими в каждом районе и даже квартале города (они следят за состоянием домов и в не меньшей степени – особенно раньше – за жильцами); загсами, где регистрируются браки, разводы, смерти, – здесь КГБ, вероятно, черпает немало справочной информации о своих согражданах. И – продолжает традицию сталинского НКВД: в те годы все работники коммунальных служб, от дворника до могильщика, входили в состав наркомата.

Столь же интерферирован в работу других подразделений КГБ и Восьмой Главк. Это одно из важнейших управлений Комитета – потому оно и не просто “управление”, а “главное”. Компетенция его – создание разного рода шифров, разработка технических устройств, необходимых для криптографической защиты секретной информации, передаваемой по всем видам связи – по телефонам, телефаксам, телеграфам, через компьютеры, а также отслеживание и дешифровка зарубежных каналов передачи информации.

Кроме того, в обязанности Восьмого Главка вменена информационная защита всех особо важных служебных помеще-

ний и правительственных зданий: в этих учреждениях есть специальные помещения, оснащенные соответствующей радиотехнической аппаратурой.

Короче, все шифровальные службы страны, включая службы Министерства иностранных дел, правительства и даже Президента – в том числе и переписка, – контролируются КГБ. При этом шифровальщики, работающие, скажем, в МИДе или в службе Президента страны, вполне могут находиться в штате этих организаций и ведомств.

Впрочем, они – не единственный источник информации КГБ о первых лицах страны. В подчинении КГБ находится АТС–1* и АТС–2, в обиходе – “вертушка”, “кремлевка”, ВЧ. В его же подчинении и Управление правительственной связи, и Служба охраны – бывшее Девятое управление Комитета, осуществляющее охрану Президента и других высших руководителей страны. Интересная деталь: долгое время эту службу возглавлял генерал Пляханов**, который в прошлом руководил отделом прослушивания КГБ, то есть 12 отделом.

Мне приходилось слышать, что начальники отдела прослушивания всегда были лицами, особо приближенными к руководству – как правило, они становились помощниками Председателя КГБ. Что вполне понятно: телефоны есть у всех руководителей и “сболтнуть” может каждый. По нашим с Наталией Геворкян сведениям, только в Москве 12 отдел обслуживают тысячи людей, в основном это женщины.

Таким образом, с помощью 8 Главка, Службы охраны и отдела подслушивания (N 12) КГБ имеет всю информацию о первых лицах страны, в том числе и о Президенте. И, следовательно, может не только успешно контролировать эти лица, но и предупреждать их действия. Служба охраны, которая неотступно следует за Президентом, где бы он не находился, делает известным КГБ и его сокрытую от чужих глаз личную жизнь, и его слабости, и его контакты. Откровенно говоря, меня всегда удивляло, как Горбачев, зная о роли КГБ в свержении Хрущева, не опасался столь очевидного контроля за собой со стороны этого ведомства? И как того же не боится Ельцин? Допускаю, впрочем, что это та данность, с которой они оба ничего не могли и не могут поделать... Дай Бог – если “не могут”, хуже – если не хотят...

Я догадываюсь, что читатель, вероятно, уже устал от всех

* Автоматические телефонные станции.

** Ныне — заключенный “Матроской тишины.”

этих “семерок”, “Z” и “Главков”. Но как не упомянуть Оперативно–техническое управление КГБ, в состав которого входит множество лабораторий и научно–исследовательских институтов, создающих чудеса техники подслушивающей, стреляющей, записывающей и прочей иной. Это прежде всего – Центральный научно–исследовательский институт специальных исследований (ЦНИИСИ) и Центральный научно–исследовательский институт специальной техники (ЦНИИСТ). Здесь собраны действительно лучшие научные и инженерные мозги страны – безвестные гении, чьи монографии, диссертации, статьи выходят под грифом “совершенно секретно” и чьи умы так необходимы сегодня средневековой советской промышленности. Вот уж действительно: тоталитарный строй востребовал для своей зашиты интеллектуальные “сливки” общества!

Под эгидой этого управления трудится и знаменитая Лаборатория N 12, занимающаяся созданием ядов и различных психотропных средств. “Изыскивая способы применения различных ядов для совершения тайных убийств, Берия издал распоряжение об организации сов. секретной лаборатории, в которой действия ядов изучались на приговоренных к высшей мере наказания”, – гласил один из разделов обвинительного заключения по делу Берия, Меркулова и Кобулова – руководителей НКВД и главных сталинских палачей.⁴¹

Так начиналась эта лаборатория.

По словам Олега Калугина, ядом, изготовленным в этой лаборатории, был убит болгарский диссидент Георгий Марков: яд поместили в стреляющий наконечник обыкновенного с виду зонта. Тот же Калугин рассказывал и о других способах убийства людей. Скажем, ядом может быть намазана ручка двери личного автомобиля. Ничего не подозревающего владельца через два дня увозят в больницу, где он умирает с диагнозом “инфаркт”.

Другой бывший коллега Калугина – ныне сотрудник британской разведки SIS Олег Гордиевский утверждает, что в Оперативно–техническом управлении “великолепно налажено производство документов и паспортов”. По словам Гордиевского, примерно в 1971 году сотрудники управления “достигли “высшего пилотажа”, когда начали производить американский паспорт, у которого особый состав бумаги”.⁴²

Не могу не сказать и о 10 отделе КГБ. Архивы. Именно здесь хранится подлинная, еще не известная нам трагическая история Советского государства и его народа. Вероятно, сюда с помощью 11 отдела КГБ, координировавшего деятельность

служб безопасности бывших теперь социалистических стран, перекочевали кое-какие архивы чехословацкой госбезопасности, восточногерманской Штази, румынской сикуритата. Не могут досчитаться архивов и в Литовской республике, после того как Литва объявила о своей независимости.

Однако боюсь, что наши потомки, для которых эти архивы будут открыты, испытают определенное разочарование. По некоторым сведениям, КГБ уже уничтожил свои дела на Андрея Сахарова и Александра Солженицына⁴³. “Чтобы никто не узнал, чем мы занимались до сих пор, сотрудникам управления (“Z”) был дан от руководства устный приказ очистить сейфы от документов”, – говорит полковник Кичихин.

Но я ничуть не исключаю, что “достоверные сведения” об уничтожении архивов – сознательная деза, дабы отвести граждан от желания их увидеть. Другие люди из КГБ убеждали меня, что Комитет никогда ничего серьезного не уничтожает. Просто бумаги переводятся на дискеты и закладываются в компьютерную память КГБ. Хотя... Это очень в духе тоталитарного государства: одной рукой уничтожать архивы, другой, например, создавать “бункеры” для спасения руководства страны на случай атомной войны. На то в КГБ существует специальное 15 управление. Его так и называют – “бункерное”. За создание в Москве комплекса таких спецпомещений, предназначенных для высшего руководства страны, Председатель КГБ СССР в 1982–88 гг. Виктор Чебриков был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

По некоторым сведениям, в компетенцию 15 управления входит и строительство вилл для правительственной элиты, и подготовка персонала (например, горничных) для обслуживания этих дач. Подозреваю, понятие “подготовка” здесь понимают шире, чем стирание пыли с мебели...

16 управление. Его дело – перехват связи и дешифровка ее электронными средствами. Здесь трудятся замечательные математики. Управление располагает большим компьютерным комплексом в центре Москвы, исследовательской лабораторией на периферии столицы. Более чем в 60 странах мира на территории советских дипломатических и торговых миссий расположена сеть электронных разведывательных станций КГБ.

Естественно, что 16 управление работает в самом тесном контакте с Главным разведывательным управлением (ГРУ) Министерства обороны СССР. Только если сфера интересов ГРУ – перехват и дешифровка военной информации, то электронные “уши” 16 управления прежде всего нацелены на сигнала-

лы, в которых закодирована экономическая и дипломатическая информация.

Вот, пожалуй, и все о структуре и функциях Комитета государственной безопасности СССР.

А теперь подведем итог. КГБ имеет: разведку, контрразведку, тайную полицию, правительственную связь, охрану, военную контрразведку, пограничные войска, следственные подразделения, в том числе Отдел по борьбе с организованный преступностью, наконец, свою армию. А еще – сеть закрытых научно-исследовательских институтов и сеть – открытых, выполняющих заказы КГБ. А еще... По меткому выражению “US World News Report”, КГБ собирался еще и “позеленеть”: в 1991 году тогдашний его Председатель заявил о проекте создания под эгидой КГБ экологического управления. Ну и плюс – все остальное, от религии до спорта... Чем – не “государство”?

Стоит ли говорить, что оно нуждается во множестве различных хозяйственных, медицинских (не могут же сотрудники КГБ лечиться в обычных поликлиниках), технических служб – и все они, естественно, есть. Нуждается и в постоянном воспроизводстве кадров – для этой цели создана сеть одно-двухгодичных школ, разбросанных, как поется в песне, “от Москвы до самых до окраин”, не говоря уже о могучем комплексе Высшей школы КГБ, где получили образование 90 процентов моих собеседников. Говорят, что образование там – одно из лучших в стране. “Комсомольская правда” писала недавно, что конкурс на отдельные факультеты – 6 человек на место.

Ну и во сколько же обходится это “государство” налогоплательщику?

В духе гласности КГБ весной 1991 года обнародовал свой бюджет – 4,9 миллиарда рублей в год, включая расходы на пограничные войска. Обнародовал и тут же для вящей убедительности привел расходы американского разведывательного сообщества, который объединяет целый ряд организаций, включая ЦРУ, ФБР, военную разведку и т.д., – 32 миллиарда долларов.⁴⁴ (Бюджет ФБР – 1 миллиард долларов.⁴⁵)

Действительно, наш КГБ оказывается весьма экономным. Только вот когда думаешь, что, по данным американской печати, КГБ в одном лице выполняет функции 25 различных американских разведывательных служб⁴⁶ – служб безопасности, правоприменительных органов и агентств, когда вспоминаешь хотя бы о 60 электронных станциях слежения, расположенных за рубежом, когда...

Мы тогда не поверили. И провели несложный арифметичес-

кий подсчет. Поделили эти 4,9 миллиарда рублей на минимальную из упоминавшихся в различных источниках цифру сотрудников КГБ – 400.000. При этом мы “забыли” о 220 тысячах пограничников. Что же у нас получилось? А получилось, что на каждого чекиста в год КГБ тратит 12.250 рублей, чуть больше тысячи рублей в месяц. В октябре 1991 года – уже после августовских событий и уже новое руководство КГБ анонсировало следующую цифру своего бюджета: 6,5 миллиарда рублей. И это снова – ложь.

Допускаю, что сей суммы хватит на зарплату и обмундирование. Но где же тогда добывает средства Оперативно-техническое управление, занятое разработкой и созданием новейшей техники? По моим данным бюджет только одного института этого управления составляет 2 миллиона долларов. Долларов, а не советских “деревянных” рублей! А из каких фондов питается Лаборатория N12? Или Отдел прослушивания? Не говоря уже о 8 Главке, создающем невероятно дорогую технику для защиты шифров?

КГБ перешел на самообеспечение? Занялся бизнесом? Это, кстати, тоже недалеко от правды – о том речь впереди.

Впрочем, не будем гадать. Ребенку ясно: в реальности деньги совсем иные – как минимум на порядок больше объявленного.

Однако и это еще не все. То, что вы уже прочитали о “государстве в государстве” – лишь видимая часть айсберга. А есть еще и невидимая. Я говорю о теневом и, быть может, наиболее опасном штате КГБ.

2. Стукачи

Что же это такое – теневой штат КГБ ?

Во-первых, это так называемый “действующий резерв.” Кадровые офицеры КГБ, которые либо открыто работают под другими “крышами”, либо имеют профессию – прикрытие. Скажем, должности заместителей директоров научно-исследовательских институтов и проректоров “по работе с иностранцами” в высших учебных заведениях, трудятся переводчиками, швейцарами интуристовских отелей, инженерами автоматических телефонных станций, журналистами. Зарплату они получают в тех же кассах, где и их гражданские коллеги, а КГБ выплачивает им разницу между окладом сотрудника Комитета, надбавкой за звание и выслугу лет, и теми деньгами, как правило, меньшими, кои они имеют согласно штатному расписанию своей “крыши”.

27 декабря 1991 года первый заместитель нынешнего ми-

нистра безопасности Анатолий Олейников в своем письме в комиссию Верховный Совет России сообщил, что “в связи с реорганизацией органов госбезопасности действующий резерв КГБ СССР упразднен”.

Это правда. Неправда состоит в том, что где чекисты работали под “крышами”, там в большинстве своем и продолжают трудиться, только в официальных комитетских бумажках они теперь именуется по-другому – “прикомандированные”.

Вторая, вероятно наиболее многочисленная, группа теневого штата КГБ, это институт “доверенных лиц”.

Сами сотрудники идеологической контрразведки затрудняются очертить круг тех, кого можно отнести к этой группе. От других структур теневого штата этих лиц отличает то, что они выполняют, как правило, разовые поручения и не связаны финансовыми или документированными отношениями с госбезопасностью. Бесспорно, что к институту “доверенных лиц”, во всяком случае в прежние годы, относились кадровики. Как говорил мне генерал Виктор Иваненко, начинавший свою карьеру рядовым оперработником, “кадровики – это очень доверенные лица: всегда дадут необходимую информацию и будут молчать”.

По словам сотрудника идеологической контрразведки подполковника КГБ Александра Кичихина, еще год-два назад “доверенными лицами” были многие руководители средств массовой информации, директора предприятий, деканы факультетов вузов, сотрудники исполкомов, секретари парторганизаций, главные редактора издательств, телефонистки АТС, сотрудницы пошивочных ателье, телеграфистки, работники жэков. В чем заключались их функции? В предоставлении информации: что думают в их профессиональных кругах – например, в Союзе писателей, в газете, в Союзе кинематографистов. Контакты их с комитетчиками вряд ли были особо обременительными и носили характер почти дружеских бесед. Бумаг, как правило, не писали. (За них это делали комитетчики: “От доверенного лица “САГ” получена и доложена руководству управления информация о настроениях, планах и намерениях академика Д.С.Лихачева...”⁴⁷) Разве только – составляли отчеты, если выезжали за рубеж в качестве руководителей делегаций: с кем встречались, что собеседники говорили о Советском Союзе, насколько политически зрелыми проявили себя члены делегации. Гонорара КГБ за то, конечно, не выплачивал, но для руководителей, например, туристических групп поездка становилась бесплатной. В большинстве случаев ничего дурного – с позиций морали – эти люди не делали, написание же отчетов считали нор-

мальным порядком вещей. Убеждена, что большинство из них и не подозревали, что КГБ относит их к числу своих “доверенных лиц”. А если кто-то и понимал, почему чекисты так интересуются его мнением, то, вероятно, полагал это условием той игры, в которой участвовал и без которой карьерного успеха не видеть.

Специалистом номер один по беседам с теми, кого потом заносили в число доверенных лиц, в КГБ считали все того же генерала Филиппа Бобкова. В числе его собеседников были многие хорошо известные и сейчас стране люди. Я не буду называть имен, поскольку документов не видела, а полагаться на хорошую память, назовем это так, своих собеседников из КГБ не считаю возможным. Исход таких дружеских бесед был разным: по одним данным, на “доверенных лиц” в КГБ заводили специальные карточки, по другим – далеко не на всех. Знаю, что кому-то Бобков и помогал, например, выехать за рубеж. Однако сомневаюсь, что делал он это совершенно бескорыстно. Профессионал.

Наконец, третья, и наиболее опасная, часть теневого штата КГБ – “негласные помощники”, как именуют их в Комитете. В обиходе – стукачи.

Изобретение это давнее. Отнюдь не советское: как известно, подобного рода “помощниками” весьма удачно пользовалось Третье отделение, в том числе и для борьбы с партией большевиков.

Придя к власти, сим опытом большевики воспользовались в полной мере. Такой размах, такой масштаб Третьему отделению даже не снился.

В 1920 году на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было принято письмо ко всем коммунистам, работающим в армии, обязывающее их быть осведомителями особых отделов, а также требующее “распространить” сие партийное поручение и “на коммунистов, работающих по транспорту”.⁴⁸

Но и этого вскоре показалось недостаточным.

“Телеграмма

ВСЕМ ГУБЧЕКА

<...>Принять меры насаждения осведомления фабриках, заводах, центрах губерний, совхозах, кооперативах, лесхозах, карательных отрядах, деревне. К работе о постановке осведомления отнестись возможно внимательней, соблюдая все принципы конспирации”.

30.VI.21

Менжинский

Самсонов”.⁴⁹

А вот и развернутая инструкция:

“ВСЕМ ГУБЧЕКА

Губчека должны помнить и не забывать, что основной ее работой является политическая борьба с антисоветскими партиями через секретно осведомительный аппарат и что при отсутствии такого отсутствует и губчека как политорган данной губернии. В целях пресечения этого основного зла в работе губчека ВЧК под личную ответственность предгубчека и завсекретотделами предлагает:

1) в 3-х дневный срок со дня получения сего выработать конкретный план вербовки и насаждения секретного осведомления в недрах политпартий; 2) не считаясь ни с какими склоками и условностями перегруппировать сотрудников губчека по работе таким образом, чтобы они приносили максимум пользы; 3) вербовка, насаждение и руководство осведомлением должны производиться под личным руководством предгубчека, завсекретотделом и уполномоченного по политорганам; 4) осведомление по политпартиям должно вербоваться из рядов тех же партий, а не из числа беспартийных и комиссариатов, кои могут быть только подсобными и попутными осведомителями, а не осведомителями основными; 5) никоим образом не стремиться к количеству осведомления, а к его качеству. Достаточно иметь два-три толковых осведомителя по той или иной партии, чтобы контролировать их действия; 6) ни один осведомитель не может быть принят кем бы то ни было из сотрудников губчека без санкции предчека и завсекретотделом... 8) все данные осведомления должны тщательно проверяться или подтверждаться иными данными о нем и немедленно сообщаться СО ВЧК на имя нач. СО ВЧК; 9) более или менее серьезные дела по политпартиям, основанные на данных крепкого осведомителя не могут ликвидироваться без санкции СО ВЧК, за исключением случаев, не требующих отлагательств; 10) все губчека в 3-х месячный срок по выработанной в 3-х дневный срок программе должны закончить организацию и образование у себя секретного осведомления по политпартиям согласно настоящего циркуляра; 11) все предгубчека и завсекретотделами, не успевшие в 3-х месячный срок обзавестись секретным осведомлением, будут считаться бездеятельными; 12) по истечении шестинедельного срока губчека должны прислать первый доклад на имя начальника СО ВЧК о проделанной ими работе, второй доклад должен быть представлен не позднее 20 сент.с.г. под ответственность предгубчека.

11.VI.21

Нач-к СО оперуправления ВЧК
Нач-к СО ВЧК

Менжинский
Самсонов”.⁵⁰

Богатое у нас прошлое... Богатое...

Итак, стукачи.

Градаций внутри сей категории “секретных сотрудников”

Комитета не счесть: “сторожа”, “наблюдатели”, “консультанты”, “агенты”, “особо ценные агенты”, “резиденты”. На всех на них в Комитете ведутся личные и рабочие дела.

“Сторожа” – это люди, в задачу которых входит как наблюдение за коллегами, так и за состоянием дел на объектах, например – на АЭС. Примерно такие же функции возложены и на “наблюдателей” и “консультантов”.

В разряд “особо ценных агентов” попадает примерно 10 процентов от общего числа секретных сотрудников КГБ. К таким “особо ценным агентам” относился один из личных врачей Андрея Дмитриевича Сахарова, в компетенцию коего входило не столько следить за состоянием здоровья своего подопечного, сколько, ссылаясь на проблемы со здоровьем, уговаривать Сахарова воздержаться от выступлений, заявлений, писем протеста.⁵¹

Понятия “агент” и “резидент”, полагаю, в расшифровке не нуждаются.

Как осуществляют вербовку агентов? В КГБ есть инструкция, согласно которой нельзя вербовать молодых людей, не достигших 18-летнего возраста. “Помощники”, перешагнувшие 60-летнюю возрастную отметку, как правило, уже не используются, разве только – как содержатели явочных квартир.

Дальше на возможных кандидатах в стукачи делается “установка”, то есть проверяется:

- а) не является ли агентом КГБ;
- б) не является ли агентом МВД;
- в) есть ли на него компромат в КГБ;
- г) есть ли на него компромат в МВД;

д) какую ведет переписку, в том числе с границей. Для получения этой информации направляется запрос в 6 отдел Оперативно-технического управления, занятый перлюстрацией корреспонденции;

- е) был ли судим.⁵²

То есть просто бездна работы! А ведь иной раз надо и к соседям по дому зайти – можно, например, в качестве сотрудника Госстраха, узнать, каков предполагаемый агент в быту.

Следующий шаг – беседа с возможным “помощником”. Как это происходит – могу поделиться собственным опытом.

12 лет назад, в самом начале моей журналистской карьеры, мне довелось работать на Конгрессе по ракетно-космической технике: в доперестроечные времена я занималась исключительно научным популяризаторством, и космическая медицина была одной из любимых тем. Конгресс этот был организован Академией наук СССР. И вот однажды ко мне подходит некий

Иванов (реальная фамилия) – элегантный, бородатый, весьма симпатичный человек лет тридцати пяти, сотрудник 1 отдела Президиума АН СССР – “режим”. Расспрашивает меня о моей журналистской работе, часто ли бываю в командировках, не хочу ли побывать на других научных конгрессах, в том числе и за рубежом. Я, понятное дело, хочу. То есть очень даже хочу. “Я вам помогу, – говорит Иванов. – Мы вас сами будем отправлять в командировки. Единственно, о чем я вас попрошу, так это делать для нас копию ваших интервью с иностранцами – вы ведь свободно говорите по-английски, да? Ну вот, замечательно. Наверное, эти копии будут чуть обширнее, чем то, что вы публикуете в газете. Для нас вы приведете некоторые детали: какие разговоры ваш собеседник вел помимо основной темы интервью, чем интересовался, что говорил о нашей стране. Да не мне вас учить – вы же профессионал”, – польстил Иванов 22-летней журналистке. В ответ я промямлила что-то насчет того, что в редакции много работы, да как посмотрит на это начальство... “Подумайте, подумайте”, – не стал настаивать симпатичный чекист. Потом был еще какой-то конгресс или симпозиум. Он подошел ко мне снова. Тут я уже довольно резко и, как поняла потом – неосторожно, – сказала ему, что на совмещение профессий у меня нет времени.

Следующие 8 лет за границу меня не выпускали.

Подполковник Кичихин, которому я рассказала эту историю (мы как раз говорили о стукачах, и Кичихин убеждал меня, что завербовать можно практически любого), поведением моего вербовщика был просто возмущен: “Дуболом. Я бы, например, на вас не пошел”. Не скрою – польстил. “Кандидатов у меня всегда достаточно. Но к каждому надо подобрать ключик. С одним можно сговориться на одних каких-то интересах, с другим – на других. А к третьему с “интересами” и лезть нечего – надо найти что-нибудь весомое: объяснить, чтобы не рыпался, что нет у него выхода, что работать придется. Так сказать, своя профессиональная мастерская”, – пояснил он.

На чем же ловят комитетчики своих жертв?

Во-первых, это не всегда жертвы, во-вторых, часто их вовсе не надо ловить – сами приходят. “Я, когда в Воронеже на заводе работал, – рассказывал мне полковник Рубанов, – то мне приходилось буквально отбиваться от добровольных “помощников”. Начинаю проверять – точно: метит в кресло своего начальника, надеется, что с моей помощью – в качестве платы – ему удастся это быстрее”.

Ну, а если все-таки “ловят”, то – как?

По-разному. Вариантов при нашей жизни бесконечное ко-

личество: от решения квартирного вопроса или устройства на работу в совместное предприятие до командировки за границу и места в детском садике для ребенка. То есть пообещать могут черта в ступе, вот с выполнением обещанного, после того как "клиент" уже сел на крючок, труднее.

"У меня не был решен квартирный вопрос, я не мог устроить дочку в детсад. Сотрудник КГБ намекнул, что помогут с квартирой". (В.Алещенко, Киев.)

"Если бы я с ними не сотрудничал, то не смог бы устроиться в фирму "Хана", которая строила в Воронеже завод видеоманитофонов". (М.Ярославцев, кличка "Феликс".)

"Какие-нибудь просьбы к нам есть?" – спросили комитетчики Б.Криволатова – тогда официанта из Новокузнецка. "Есть. Хочу работать в ресторане "Новокузнецкий" ...В тот же день я получил перевод на новую работу".⁵³

"Как все началось? Когда – помню точно: 25 октября 1985 года. В тот день меня вызвал к себе начальник отдела кадров Ленинградского Комитета по телевидению и радиовещанию. Из литературно-драматической редакции радио, где я работал, я уже тогда уволился: вышла первая книжка, мне был 41 год, решил, что займусь серьезно литературой. Но "трудовая" оставалась на радио, и по старинке я все еще что-то делал для родимой редакции. Так вот, за столом начальника отдела кадров, который, встретив меня, тут же ушел погулять, сидел молодой, подтянутый и аккуратно одетый человек – майор УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области Борис Иванович Ткаченко. Он-то и предложил – попросил помогать им. Я без долгих колебаний согласился. Почему? Я ощущал себя чуть ли не чекистом новой формации, так сказать, горбачевского призыва..." – слушаю я пленку своей беседы с членом Союза писателей СССР Владимиром Лысовым*.

Ловили (ловят?) и на романтике разведывательной работы, на общественной полезности такой работы (ну, например, борьба с коррупцией в высших эшелонах власти), на трудностях с карьерой.

"Я работал в одном журнале, рассчитанном на зарубеж, – рассказывал мне один журналист, назовем его NN. – С КГБ в нашей редакции сотрудничали практически все: это было обязательное условие, если хочешь поехать за рубеж. Заведующий отделом был кадровый чекист, в прошлом разведчик. Сначала

* Здесь и далее я называю фамилии лишь тех людей, кто публично обнародовал свое сотрудничество с КГБ.

мне казалось – разведка, романтика. Ну, а потом уже понял: влип. Сейчас? Звонят иногда, просят написать для них обзор ситуации в стране. Я пишу примерно то же самое, что у себя в журнале, ничуть не смягчаю”.

И последняя цитата – из разговора с журналистом Михаилом Казаковым: “Они мне сказали: если я откажусь с ними работать, они испортят жизнь моему брату – он работал в оборонном институте, и жене, на трудоустройство которой я потратил столько сил”.

Бывший сотрудник идеологической контрразведки, опальный капитан КГБ Виктор Орехов*, считает, что есть четыре главных побудительных мотива, почему люди начинают работать на КГБ:

- желание сделать карьеру – например, без проблем защитить диссертацию;
- наличие у чекистов компромата на имярека, который может поломать всю дальнейшую жизнь;
- страх перед органами;
- боязнь, что КГБ, если откажешься от сотрудничества с ним, все равно не отстанет, все равно будет давить.

“За 8 лет моей работы от вербовки отказался один студент. Хотя я и пугал его неприятностями. А план по вербовке у меня был 4–5 человек в год”, – рассказывал Орехов.⁵⁴

План по вербовке в 1991 году (до переворота) был 2 человека в год на каждого оперативного сотрудника КГБ. Некоторые чекисты, по словам Кичихина, работали особо успешно, имели и четырех и пятерых новых агентов. За что поощрялись – премией. Или не поощрялись, если начальство считало, что подчиненный себя не реализовал: “Мог завербовать 5 агентов, а завербовал лишь 4, потому премия снижается на 30 процентов”, – объяснял руководитель отдела на собрании зимой 1991 года.

Как официально оформляются отношения со стукачами? Подпиской. Выглядит она примерно так: “Я, Иванов Иван Иванович, изъявляю добровольное желание сотрудничать с органами госбезопасности (вариант: помогать органам КГБ в их работе). Об ответственности за разглашение факта сотрудничества предупрежден. Даваемые мной материалы буду подписывать псевдонимом Веснин”. Число. Подпись. Выбор клички стукача – дело тонкое: нельзя, чтобы она напоминала фамилию или имя

* Этот тот самый Орехов, который отсидел 8 лет в лагерях за то, что предупреждал диссидентов о грозящих им обысках и арестах. О нем я пишу в Гл. “Реалия эпохи гласности”.

кого-то из родственников, друзей, но при этом должна легко запоминаться.

Как только человек дает такую “подписку”, объясняли мне собеседники из идеологической контрразведки, его надо сразу заставить написать агентурное сообщение, на комитетском сленге – “шкурку”.

“Шкурка” необходима и в тех случаях, когда человек отказывается дать подписку о сотрудничестве с КГБ. “Бывают трудные случаи, – жаловались мне комитетчики. – Поговорили, хорошо поговорили, источник дает агентурную информацию. В конце говоришь ему: надо дать подписку. Он отказывается... Разъясняешь: “Подписка необходима, чтобы не было разглашения факта сотрудничества”. Он – ни в какую. Тогда просишь: “Коротко запишите мне фамилии, факты – чтобы нам не ошибиться, никого зря не наказать”. Это часто срабатывает. Агентурного сообщения вполне достаточно, чтобы завести на агента карточку. Подписка затем последует”.

Или – не последует: в последние годы подписка стала необязательной.

По словам Вадима Бакатина, нередко и устных бесед с комитетчиками было достаточно, чтобы в оперативные архивы КГБ легла еще одна карточка агента, а оперативник мог отчитаться. Ну, например, так: “В качестве агента органов КГБ СССР завербована актриса театра “Современник” – “Евгения Рюмина”, а также искусствовед, сотрудник Художественного фонда СССР – “Пономарева”...⁵⁵ Это я к тому, что, идя на самые, казалось бы, безобидные отношения с чекистами (дескать, дам им информацию общего свойства), надо отчетливо осознавать, что за этим может последовать.

Где встречаются с агентами? Где угодно. По словам Лысова, его майор захаживал и к агенту домой и беседовал на явочной квартире: “Это была квартира какой-то старушки. Обычно майор меня там уже ждал. Старушка давала нам чай, печенье и уходила на кухню. Чем интересовался Ткаченко? Что на радио делается, о чем в Союзе писателей говорят. Однажды попросил поближе сойтись с одним писателем, евреем, у него родственники жили в Нью-Йорке, просил адрес их узнать...”

Ну, и последний вопрос из этой серии: как оплачивается работа стукачей? По словам Орехова, среди его коллег было принято выделенные на агентов деньги (так называемая “девятая статья расходов” – на оперативно-агентурную работу) “списы-

вать” и пропивать их в ресторане*. Правда, если “негласный помощник” нигде не работал, то чекисты проявляли милосердие, составляли на имя вышестоящего начальства “специальное поручение”: “В связи с тем, что (фамилия, имя, отчество) нигде не работает, рекомендуется оплата в сумме...” Чаще всего вознаграждение за “стук” осуществлялось в другой форме, кстати, более в советских условиях действенной, – помогали сделать карьеру, урегулировать возникшие проблемы с начальством, получить командировку за рубеж, издать собрание сочинений – вариантов много.

К теме: практически каждый советский журналист, работавший в корреспондентском бюро за рубежом, обязан был заполнять и потом передавать сотруднику посольства – чекисту так называемые “карточки первичного” и “карточки вторичного контакта” с гражданами страны, новости из которой сообщал в свои газеты. Равно как и записи своих бесед с местными политиками. Некоторых корреспондентов заставляли идти и на “мокруху” – так на комитетском жаргоне называется встреча, появляться на которой разведчику небезопасно. Могли ли журналисты отказаться от подобной работы? – спрашивала я своих коллег. Отвечали: “Если отказываешься, то вылетаешь из страны пребывания в 24 часа. Ибо в Москве, в ЦК КПСС, ты подписывал бумагу: “Обязуюсь соблюдать правила поведения советского человека за границей”. Отметим для себя: стук в эти правила входил.

Сколько же всего агентов КГБ в стране? Думаю, сегодня этой цифры не знает уже никто. Вадим Бакатин, недавний глава КГБ, осенью обещал мне, что эти цифры будут обнародованы. Была составлена соответствующая записка Президенту – тогда еще Президенту – Горбачеву. Он свое “добро” на это не дал. По другой версии, цифры, подготовленные для Бакатина подчиненными, не соответствовали реальности: “Меня просто обманули, подсунув старье”, – говорил Бакатин. “И какую цифру вам подсунули?” – спросила я. – “Мало похожую на правду”. По своим каналам я узнала: 400 тысяч человек. Действительно смешно.

Смешно потому, что если основываться только на аналогиях с бывшими соцстранами – ГДР, Чехословакией, то эта цифра должна соответствовать 1 проценту населения страны.

* Между прочим, ВЧК в этом отношении проявляла большую широту натур: “Каждому осведомителю платить по особому решению в зависимости от способностей. Все разведчики получают по 8 р. в день и довольство за счет Комиссия, а также и расходы по разведке, а вопрос об одежде оставить открытым”. (Из протокола заседания ВЧК 2 февр. 1922 г.(56).)

Когда открылись архивы штази в ГДР, выяснилось, что в 16,5 миллионной стране работало 180 тысяч агентов. Когда разогнали STB в ЧСФР, узнали: в 15,5 миллионной Чехословацкой республике действовало 140 тысяч информаторов, среди которых, кстати, оказалось 12 членов парламента, 14 министров и заместителей министров.⁵⁷

Значит, в Советском Союзе – теперь уже не существующем – с органами КГБ сотрудничало как минимум 2 миллиона 900 тысяч человек.

Однако полковник КГБ в отставке Ярослав Карпович, всю жизнь проработавший в идеологической контрразведке, полагает, что мой подсчет явно занижен: Карпович утверждает, что примерно 30 процентов взрослого населения страны так или иначе – как доверенное лицо или как “негласный помощник” – работает на КГБ.⁵⁸

Подполковник Александр Кичихин еще более пессимистичен: “60–70 процентов населения страны поддерживает отношения с КГБ”.⁵⁹ Невероятно? Вероятно. Если знать, что на каждом железнодорожном околотке было 2 агента. (Дистанция пути включает 5 околотков.) “Агентами, – говорит генерал Иваненко, – были практически все путевые обходчики и все – или почти все – осмотровики вагонов, в обязанности коих входило не только следить и давать информацию о состоянии железнодорожного пути, но и о том, как живут–поживают коллеги”.⁶⁰

Что же изменилось в последние годы перестройки? Да ничего. Разве только некоторые более радикально настроенные комитетские начальники призвали своих подчиненных “вести агентурную работу по–новому”: “Подготовлено новое положение об организации работы с негласными помощниками, определены пути обновления этой важнейшей сферы деятельности органов КГБ. Они заключаются в изменении подхода к принципам формирования агентурного аппарата. В него должны включаться только те негласные помощники, которые решают боевые, конкретные задачи. Всех остальных – так называемых сторожей, наблюдателей, консультантов, а это более 50, кое–где и 80 процентов агентуры, – следует перевести в другую категорию, не требующую ведения личных и рабочих дел, другой регламентации работы с ними. Одновременно следует предоставить оперативным работникам большую свободу выбора в использовании различных форм негласного сотрудничества,” – говорил на совещании чекистов летом 1991 года глава российской госбезопасности генерал–майор Виктор Иваненко.⁶¹

“Свободу выбора” использовали. Еще как использовали!

“Да поймите вы, наконец, – однажды рассердился на меня полковник Владимир Рубанов. – Понятие “агент КГБ”, или, как вы любите выражаться, “стукач”, отражает не столько взаимоотношения Комитета госбезопасности с обществом, сколько менталитет этого общества”.⁶²

М-е-н-т-а-л-и-т-е-т!

* * *

...“Одним из парадоксов перестройки является то, что вопреки значительному продвижению страны по пути создания более свободной, демократической системы КГБ сохранил свою огромную значимость в Советском Союзе” – так писала американская исследовательница советской тайной полиции Эми Найт в своей статье “Будущее КГБ”.

Парадокс? Или – трагедия перестройки? И могло ли быть иначе? Ведь годами создавался особый тип людей, способный выполнять задачи органов КГБ. И годами воспитывался народ, готовый эти органы терпеть. Годами. Десятилетиями. Я расскажу лишь о той истории КГБ, со страницами которой волей журналистской судьбы столкнулась лично.

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Чудеса случаются. И это было чудо. Или – журналистская удачливость, называйте как угодно... Нет, все–таки для человека моей профессии в нашей стране образца 1987 года это было пока еще чудо.

Случилось оно так.

Киоск Мосгорсправки, расположенный возле гостиницы “Интурист”, в пяти минутах ходьбы от Кремля, был открыт. Очереди – никакой. Хозяйка киоска, женщина лет сорока, с сероватым, нездоровым лицом, протянула мне форменный бланк–заявку: “Заполняйте!”

Первые три пункта мне дали легко: “Фамилия. Имя. Отчество”. – Хват Александр Григорьевич. “Место рождения” – я поставила прочерк. “Род занятий”. Я написала: “Следователь НКВД”. Хотя понимала: это – полная безнадега. Во–первых, НКВД с того времени уже дважды сменил свою “вывеску” – сначала на МГБ (Министерство госбезопасности), потом на КГБ. Во–вторых, человек, которого я искала, скорее всего уже давно вышел на пенсию, и, не исключено, с совершенно другого места работы. “Возраст”? – тут требовалось посчитать: в 1940 году Хват был старшим лейтенантом НКВД, – значит, пришел в органы пару годами раньше: “старшего” сразу не давали. Пришел скорее всего по комсомольскому набору тридцать восьмого года, после того как органы подверглись второй сталинской “чистке”, – тогда из НКВД убирались кадры прежнего наркома – Ежова. Им на смену заступали новые – уже бериевские ребята. Сколько тогда могло быть лет Хвату? Двадцать пять? Тридцать? Я поставила: “1910 года рождения”. Пункт “7”, последний – “предполагаемый район местожительства”? – Это–то мне и хотелось знать.

Заполненный бланк–заявку я вернула в окошечко киоска. Теперь мне оставалось только ждать.

Человек, которого я уже не первую неделю разыскивала,

следователь НКВД Александр Хват, в 1940 году принял к производству дело на знаменитого генетика, академика Николая Вавилова. В тот год Вавилов вдруг исчез с мировой научной сцены – он был арестован. И, как миллионы других его сограждан, приговорен к расстрелу. Год отсидел в камере смертников. Расстрел распоряжением Берии заменили 20 годами тюрьмы. И в январе 1943 года, Николай Вавилов, выдающийся генетик, ботаник, биолог и географ, бывший президент ВАСХНИЛ* и бывший директор гремевшего на весь мир Всесоюзного Института растениеводства, создатель уникальной коллекции семян растений, в том числе и десятков видов семян хлебных злаков... в январе 43-го года, умирая в 56 камере III корпуса Саратовской тюрьмы от голодной дизентерии, Вавилов просил тюремщиков: “Дайте мне немножечко риса”. Не дали: “Рис врагам народа не полагается”.¹

О Вавилове я писала очерк. И просматривая сотни страниц архивов, воспоминаний, вышедших в “гамиздате” книг,² я наткнулась на эту фамилию – Хват.

Позвонила в пресс-центр КГБ – тогда это был единственный канал связи журналистов с Лубянкой, – мне ответили: “Хват Александр Григорьевич давно умер”.

Интуиция подсказывала: врут.

Теперь мне оставался один путь. Тот путь, которым простые советские граждане ищут таких же простых советских граждан – уличные киоски Московской городской справочной службы. Но Хват не был простым советским гражданином. А не простые советские граждане в картотеках простой советской Мосгорсправки не значились. А может быть, не был, но – стал?

...Голова “женщины из киоска” показалась в окошечке и помяла меня.

“С вас сорок копеек”, – сказала она и протянула мне обратно мою заявку.

1910 год рождения был переправлен на 1907. Внизу шариковой ручкой был написан адрес: улица Горького**, дом 41, кв.88.

Это и было чудо.

Я стояла посередине тротуара, мимо меня, толкая меня, шли туда-сюда люди, а я, пораженная, в десятый раз перечитывала адрес и пыталась понять, как теперь мне с этим чудом распорядиться.

* Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук им. Ленина.

** Ныне, в апофеозе низвержений и переименований ей вернули дореволюционное название – Тверская.

Забегая вперед, скажу: когда уже потом, уже побывав у Хвата, я влетела в кабинет своего главного редактора Егора Яковлева и выпалила: “Я взяла интервью у следователя Вавилова”, – Яковлев посмотрел на меня устало и тихо сказал: “Только этого мне еще не хватало”... Это была осень восьмидесят седьмого года, и это было какое-то смурное и странное время: чтобы купить “Московские новости” читатели вставляли в очередь затемно, но в высоких кабинетах газету и ее главного редактора поносили беспрестанно. Гласность вроде бы уже была объявлена, но гласности еще не было – были лишь отдельные прорывы в нее. Еще гуляла всю цenzура и особо острые – по тем временам – материалы затребовались на “одобрение”, то есть на ту же цenzуру, в Отдел пропаганды ЦК КПСС. О сталинских репрессиях только начинали писать, ни одного интервью со следователями НКВД тогда в печати еще не появилось, и вообще все ждали доклада Горбачева в связи с 60-летием революции. Вокруг доклада шла борьба, особенно вокруг оценок сталинских репрессий, партийные наши вожди по-прежнему боялись сказать то, что было сказано Никитой Хрущевым еще в 56-ом году, да и всего лишь два года назад Горбачев воздал хвалу Сталину за его великие заслуги в годы войны и был за то награжден бурными аплодисментами собравшихся в Кремле. Короче, для нас, журналистов, от того, каким будет доклад, зависело, сможем ли мы опубликовать то, что пишем, или же, как и прежде, наши материалы будут уродоваться цenzурой либо вовсе сниматься с полосы.

Однако тогда, когда я стояла посереде тротуара возле киоска Мосгорсправки и, трясая от удивления, как лошадь, головой, выучивала наизусть искомый адрес, доклад Горбачева и все верхушечные игры вокруг него интересовали меня в самую последнюю очередь. Дилемма была одна: позвонить Хвату по телефону (имея адрес, достать номер просто) и договориться о встрече или – тут же ехать к нему. Позвоню – может испугаться и начать советоваться с каким-нибудь кагебешным начальством, это – конец, не позвоню, заявлюсь так... Во-первых, без звонка как-то неловко, во-вторых – может выпнать.

Я решила ехать.

Спустя пятнадцать минут я уже стояла возле этого большого, мрачноватого, тяжело нависающего дома – типичная архитектура сталинской эпохи, с такими же тяжелыми, массивными деревянными дверьми подъездов, каких теперь не делают, и мраморной облицовкой внутри и искала глазами нужный мне пролет. Тут я увидела седеньких старичков, сидевших на лавоч-

ке во дворе и мирно беседовавших о чем-то своем. Старичкам явно было под восемьдесят или около того, и они, очевидно, вышли погреться и порадоваться последнему осеннему солнцу. Я уже совсем почти собралась пойти к ним, спросить, где квартира номер... И вдруг осеклась. А ведь эти милые старички, – подумала я, – они же тоже... тоже вполне вероятно – из той славной когорты бериевских или абакумовских ребят... Дом-то ведомственный, в конце тридцатых специально был выстроен НКВД для своих сотрудников – коренные москвичи об этом знали. Нет, конечно, никакого страха у меня не было – чего теперь-то бояться, – просто я, родившаяся через пять лет после смерти Сталина, через четыре – после расстрела Берии, впервые нос к носу сталкивалась с теми, кто порушил жизнь многих знакомых и дорогих мне людей, кто ворвался смертью в жизнь семьи Альбацев и о ком я раньше читала только в книжках.

И тут я явственно увидела эту “картинку”. Увидела, хотя видеть ее не могла – меня тогда просто не было на свете. Увидела вот этих милых старичков, но только таких, какими они были сорок-пятьдесят лет назад. Увидела, как вот к этому дому в предрассветном сумраке утра подъезжали черные машины и они выходили из них – молодые, крепкие, в перетянутых крестнакрест ремнями гимнастерках. Выходили усталые, даже осунувшиеся от постоянных недосыпов, но с видом людей хорошо и трудно поработавших в эту ночь. Следователи возвращались после ночных допросов. Возвращались, чтобы три-четыре часа передохнуть и потом снова сесть в ту же “эмку” или на трамвай, и снова – вести обыски, писать обвинительные заключения: “мера пресечения – расстрел”, отбивать почки... Стальные люди – как только здоровья хватало! Стальные? А где-то в камерах, во Внутренней тюрьме на Лубянке-2 или в Бутырках, после этой их р а б о т ы стонали измученные ими люди... Дальше вижу, как эти следователи поднимались на лифтах в свои квартиры, как встречали их заспанные жены. Или – нет, не встречали, а они сами отворяли дверь, тихонечко разувались в прихожей, чтобы не наследить, на цыпочках пробирались сначала в ванную – надо же помыть руки после т а к о й работы, потом прошмыгивали на кухню, где их ждал то ли поздний ужин, то ли ранний завтрак. Потом, быть может, заглядывали в детскую, умильно смотрели на своих разметавшихся на постелях мальчиков и девочек. У Хвата было четверо детей. Потом входили в спальни и на вопрос жены: “Устал?” – “Да, что-то тяжкая сегодня выдалась ночь”... И ложились рядом со своими женами и теми же руками ласкали их... А может быть, кто-то

ответчал и по-другому? Кто-то каялся в этих своих страшных ночных грехах? Кто-то метался от страха: а что если... не ровен час... и меня вот так же свои же – своя же стая окружит и...? И свои же приклеят “дело”. И свои же заставят в том признаться – методы известны. А может быть, кто-то обкусывал губы до кровоточин – от невозможности завтра идти туда же и выполнять ту же р а б о т у и от невозможности не идти...

Я поднялась на третий этаж этого дома и позвонила. Дверь открыла женщина средних лет.

– Здесь живет Александр Григорьевич Хват?

– Папа, – негромко позвала она.

Он вышел из соседней комнаты. Широкогрудый. Когда-то, видно, высокий. Голый череп в обрамлении коротко стриженных седых волос. Старость, хотя он выглядел моложе своих восьмидесяти лет, выдавала шаркающая походка и какая-то сгорбленность фигуры. Нет, точнее, не сгорбленность – согбенность: как будто что-то давило на него сверху и все больше склоняло в странном полупоклоне, все больше прижимало к земле. Потом я пойму: его давил не только возраст – страх.

Хват профессиональным жестом раскрыл мое редакционное удостоверение, внимательно прочитал, сверился с фотографией.

– По какому вопросу? – спросил.

– Давайте пройдем в комнату, – оттягивая возможность быть изгнанной, сказала я.

– Пожалуйста, – он покорно открыл дверь комнаты и пропустил меня вперед.

В комнате стояла двуспальная кровать – по примятым подушкам видно было, что он, когда я пришла, лежал. Еще стояли две тумбочки для белья, шкаф, пара стульев. Больше – ничего.

Хват поставил стул у окна – так, чтобы свет падал мне на лицо. Сам сел у стены, напротив.

Я начала в лоб:

– Вы работали следователем НКВД?

– Да.

– Помните, в сороковом году вы вели дело Вавилова, академика...

– Как же, конечно помню...

Покорность Хвата поразила и сковала меня. Я ожидала чего угодно, но только не этого. Вся заготовленная загодя агрессия оказалась не нужна.

Передо мной сидел старик. Просто – старик. Уставший и, кажется, больной.

А мне предстояло напомнить ему, что Вавилова он мучил одиннадцать месяцев – четыреста раз вызывая на долгие, многочасовые допросы. Что, по свидетельству очевидцев, после этих допросов Вавилов идти сам не мог: до камеры № 27 в Бутырской тюрьме его доволакивали надзиратели и бросали возле двери. Сокамерники помогли Вавилову забраться на нары и снять ботинки с огромных, вздутых, синих ступней.³ Академика ставили на так называемые “стойки” – пытка эта означала, что человеку по десять и больше часов (иногда она растягивалась на дни, и тогда у пытаемых лопались на ногах вены) не позволяли сидеть... После полугода такого следствия (Вавилова обвиняли в шпионаже и вредительстве) из крепкого, подтянутого, даже чуть франтоватого пятидесятирехлетнего мужика, академик превратился в очень пожилого человека.

Я неловко выдавила из себя:

– Свидетели утверждают, что вы применяли к Вавилову... (я искала слово помягче) жесткие методы следствия...

– Категорически отвергаю, – быстро и заученно ответил Хват. – Был же и другой следователь, Албогачиев, – тут же продал он своего коллегу. – Нацмен, – добавил.

“Нацмен” – это сокращенное от “национальные меньшинства”. Так русские порой снисходительно называют выходцев из Средней Азии и с Кавказа.

– Албогачиев – он малообразованный человек был. Ну и нацмен, сами понимаете... – снова повторил Хват. – У него с ним (с Вавиловым. Хват упорно не называл Вавилова ни по имени, ни по фамилии – “он”, “с ним” – Е.А.) – отношения так, не очень были...

Это был известный сталинский прием, впрочем, весьма удачно применяемый и во все остальные годы советской власти, провозгласившей интернационализм и “дружбу народов”. Вавилов был русский, значит, пытал его, конечно же, нацмен. Не мог же он, Хват, русский с русским, со своим такое делать?

Хват искал во мне понимания своей логики. Каюсь – не нашел.

– Скажите, вы верили в то, что Вавилов – шпион?

– В шпионаж я, конечно, не верил – данных не было. То есть было заключение агентурного отдела – существовал такой в Главном экономическом управлении НКВД (видимо, это нынешнее 7 управление – “топтуны” – Е.А.): так и так, шпион. Агентурный отдел его “разрабатывал”, но данные нам не передавали – у себя оставляли. Они и постановление на арест по таким делам писали. Ну, а что касается вредительства – что-то

он (Вавилов. – Е.А.) не так в своей сельскохозяйственной науке делал. Тут я собрал экспертизу – академик ее возглавлял, к Трофиму Лысенко ездил. Они, то есть академики и профессора, подтвердили: да, вредил*.

– Вам не было жалко Вавилова? Ведь ему грозил расстрел. Так, по-человечески, не было жалко?

Я ждала ответа, почти уверенная, что вот сейчас Хват скажет: “Да, было жалко, но, знаете, время было такое...” Ведь только что, пять минут назад, Хват не сумел сдержать слез, рассказывая мне, как в начале шестидесятых, в годы хрущевской реабилитации, отобрали у него партбилет и положенную повышенную пенсию полковника КГБ (“пенсия у меня общегосударственная”) – “за нарушение соцзаконности в годы работы в НКВД”...** Я же ждала от него жалости к человеку, у которого отняли жизнь. Ах, как же я была еще наивна!

Хват рассмеялся (рассмеялся!):

– Что значит жалко? – Так и сказал. – Ну что он, один, что ли?..

Не один, это правда, миллионы безвинных ушли в сырую землю. Хотя, конечно, Николай Вавилов был человеком неординарным, редкого дарования и таланта. В тюрьме он написал свой последний труд – “История мирового земледелия”. Рукопись пропала. Или, что скорее всего, поконится где-то в бездонных архивах КГБ... Но перед смертью – перед смертью и теми муками, которые выпали, – все, конечно, равны.

“Что значит жалко?” – сказал Хват. Сказал не юнец, не тридцатилетний старший лейтенант НКВД – восьмидесятилетний старик, которому у жить-то осталось всего – ничего...

* * *

Как все было бы просто – и не стоило бы тогда об этом писать, если бы Хват и его коллеги были садистами, палачами по характеру, по складу души. Ну, что-то вроде Эльзы Кох. Нет, конечно, были в ВЧК и НКВД и такие, и не один десяток таких. Но не о них речь. Хват был нормальным человеком. Нормальным. Уже после того, как “Московские новости” опубликовали мой очерк о Хвате⁴ ко мне неожиданно приехал его племянник, физик из Ленинграда. Он был совершенно поражен

* 20 августа 1955 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР Николай Вавилов был реабилитирован “за отсутствием состава преступления”.

** Это была стандартная формулировка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

– буквально сражен тем, что прочитал о своем дяде. “Вы понимаете, – говорил он мне, – дядя Саша был добрым гением нашей семьи: он спас меня и моих родных, когда мы умирали от голода в блокадном Ленинграде. Я знаю, что он помогал и другим людям...” Помогал. Наверное даже помогал. И для дочери Хвата, Наташи (она работала освобожденным секретарем парторганизации Института прикладной механики им. Келдыша), как и для других его троих детей, он – лучший, самый любимый папа. И после всех публикаций о нем в газетах все равно – любимый. Что, на мой взгляд, только делает им честь.

А в то же время, когда “дядя Саша” – Хват спасал далеких и близких ему людей из умирающего Ленинграда, его коллега, лейтенант Николай Кружков, в том же самом блокадном Ленинграде сажал за решетку ученых, занимавшихся, кстати сказать, оборонной тематикой. “Признание” своей вины, то есть подписание истощенными от голода, похожими на скелеты учеными той “липы”, которую сочинял Кружков, оплачивалось им 125 граммами хлеба. И сын Кружкова, тоже, кстати, ученый, только из Московского университета, доказывал моему коллеге Ярославу Голованову, что его отец был добрым и хорошим человеком, но он выполнял приказ...

Так что, нормальные люди. Или – нормальные советские люди? Может быть, это уточняющее прилагательное – как раз то, чего для объяснения недостает?

Тот же Хват – вырос в большой семье крестьян-батраков. Учился в школе, и скорее всего первые годы своего ученичества (они пришлись на дореволюционное время) – в церковно-приходской школе. Значит, основы Закона Божьего проходил. Потом, как рассказывал, поступил в совпартшколу – изучал основоположников марксизма-ленинизма. В совпартшколу всех не брали – только “классово своих”, то есть молодых людей пролетарского либо крестьянского происхождения. Усвоил, полагаю: он, Хват, для этой власти – свой, ее белая кость; о н и, те, что за дверьми школы, кого и в институты, и в университеты из-за социального происхождения не брали, из дворян, купцов и т.д. (то есть из семей “эксплуататоров”), – чужие. Дальше – карьера очевидная: работал в районном комитете партии, в комсомоле. Боролся – писал доносы на своих коллег.⁵ Перевели в столицу, в Москву, направили в Центральный Совет Осоавиахима.

В тридцать восьмом, когда наркомом НКВД стал Лаврентий Берия, пригласили на беседу в НКВД, сказали: ЦК партии ото-брал вас для работы в органах. Хват, по его словам, пробовал

отказаться: “Верхнего образования нет, юридического дела не знаю”. “Надо, – отвечали. – Поможем, научим, все будет в порядке”. И про то, что если откажется, партбилета лишится, – тоже намекнули. Пошел. С чем? Что он знал? Ведь нормального образования у него действительно не было, нормальных книг – и по недостатку времени, и от отсутствия привычки – не читал.

А знал он вот что.

Ленин: “Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных (выделено мною – *Е.А.*), сознательных или несознательных, или потерять тысячу красноармейцев и рабочих? – Первое лучше”.⁶

Сталин: “Шахтинцы”⁷ (то есть враги народа, вредители – *Е.А.*) сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко не все выловлены”.⁸

Вышинский (Прокурор СССР): “Во все советские учреждения и организации проникло много врагов, они замаскировались под советских служащих, рабочих, крестьян, ведут жесткую и коварную борьбу против советского народного хозяйства, против Советского государства”.⁹

Каганович (секретарь ЦК ВКПб): “Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правовое государство” к Советскому государству, то это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве”.¹⁰

Таковы были “университеты” Хвата.

Ну, а кроме того, из всех репродукторов, со всех газетных страниц – враги, враги, враги. Дети приходят из школы: отец Иванова – шпион; жена с работы: муж Петровой – вредитель; в очереди за молоком: “Про Тухачевского слышали? – Шпион. А про жен Буденного, Молотова, Калинина? – Тоже. Да, говорят, завербовали”. И ведь верили. Многие – верили, хотя год назад, да что там – месяц назад газеты писали: “Наш красный маршал Тухачевский, герой Гражданской войны”.

Шпион – стала самой массовой профессией в стране. По данным НКВД, за три года – с 1934 по 1937 – число арестованных за шпионаж выросло в 35 раз (в пользу Японии – в 13 раз, Германии – в 20 раз, Латвии – 40 раз).

Людей, нежданно-негаданно оказавшихся вдруг “троцкистами”, в тридцать седьмом “обнаружили” в 60 раз больше, чем в

тридцать четвертом. А ведь Троцкий был выдворен из страны еще в двадцать девятом.

За участие в так называемых “буржуазно–националистических группировках” число арестованных в 37–ом году выросло в 500 (!) раз по сравнению с годом тридцать четвертым... Это ли не уроки бдительности для Хвата? Ну а то, что друзей и знакомых, соседей и сослуживцев чаша сия горькая не минула? – “Так ведь лес рубят – щепки летят”, – повторил мне в нашем разговоре Хват известную фразу тех времен. Только вот о том, что “щепки” эти – люди, он и в восемьдесят лет не задумался.

Вот с таким багажом Хват пришел в НКВД. Ну, а там ему действительно “помогли” и “научили”: “Следствие в условиях работы органов НКВД ведется с соблюдением норм УПК*. Но основания для возбуждения уголовного дела **несколько шире** (выделено мною – Е.А.), чем в УПК”. И это предложили усвоить: “Нельзя дать обвиняемому превосходство над собой... Нужно в ходе следствия обвиняемого держать в руках. Ведь это серьезная борьба с врагом, в которой вы его должны уличить и привести к сознанию”. И об этом – если сам следователь на тюремные нары не торопится, не следовало забывать: “Отказы от правдивых показаний (ранее полученных от обвиняемого – Е.А.), объясняются только тем, что арестованный уходит из-под влияния следователя и подпадает под чужое влияние, которое недопустимо. Нужно помнить, что сознавшийся арестованный не перестал быть врагом и будет искать лазейку, чтобы уйти от ответственности. Отказы от показания показывают плохую работу следователей над арестованными”. Все три цитаты – из учебного пособия для сотрудников НКВД, которое было написано следователями Владимирским, Ушаковым, Шварцманом еще по заказу наркома Ежова, а утверждено как руководство для сотрудников НКВД уже наркомом Берия, когда Ежова расстреляли. Делаю это уточнение неслучайно: в январе 1938 года Пленум ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, осудившее беззакония в органах НКВД. Малый процент арестованных вышел из тюрем и лагерей (чтобы позже попасть в них вновь). Однако бесчисленные документы свидетельствуют, что эти беззакония были до Пленума, во время его работы и после того, как он принял свое специальное постановление.

Чудовищный, невиданный спектакль, поставленный боль-

* Уголовно–процессуальный кодекс.

шевиками еще в годы Красного террора на сцене, именуемой СССР, продолжался ни на минуту не прерываясь!

Ну, а что же понималось в НКВД под работой хорошей?

Вот документ – показания бывшего начальника Главного строительного управления Наркомпищепрома СССР Аркадия Емельянова (его арестовали в конце 37 года), данные им после реабилитации, в 1955 году, военному прокурору Главной военной прокуратуры СССР, майору юстиции Кожуре.¹¹

“...Вы знаете за что Вас арестовали?” – спрашивает меня Луховицкий (следователь, который вел дело Емельянова – Е.А.). – “Нет, не знаю”. Луховицкий сделал шаг вперед, плюнул в лицо и обругал матом. Я бросился на него. Он ждал этого и ударил меня ногой в пах. Я потерял сознание. Очнувшись на полу в уборной, которая была напротив комнаты следователя, в мокрой и окровавленной одежде с разбитыми губами и носом. Возле меня стоял Луховицкий и фельдшер, который дал лекарство, пощупал пульс и сказал: “Страшного ничего нет”. Меня ввели снова в комнату и поставили к стенке. Луховицкий предупредил, что я буду стоять на “конвейере” до тех пор, пока не подпишу показаний. Издевался до утра. Ему на смену пришел другой 23–25 лет с вьющимися светлыми волосами. Был до середины дня, уговаривал не мучить себя и дать показания. Затем пришел в штатском 20–22 лет. Его поздно вечером сменил Луховицкий. Так – трое суток. Я все время стоял на ногах. Не давали пищи. В дежурство Луховицкого не давали воды и не разрешали курить. На четвертые сутки у меня на опухших ногах полопались сосуды и ноги превратились в бесформенную кровавую массу. Появились галлюцинации, временами я терял сознание, падал. Меня поднимали и, как выражался Луховицкий, “подбадривали пробочками”: в пробках от бутылок были проколоты иголки и булавки, которые выходили на 2–3 миллиметра. Ими кололи бока, снизу ноги. Применяли и другие способы “подбадривания”: когда я закрывал глаза, выдергивали волосы из бороды и усов. “Напишите на клочке бумаги, кто вас завербовал, протокол составлять не будем”. – “На кого конкретно я должен дать показания?” – “Вы сами должны знать. Но это лицо должно быть известным в стране и должно принадлежать к руководству партии”. – “Член ЦК?” – “Пусть вас не смущает, даже если это будет член Политбюро, и учтите, что у нас уже сидят члены Политбюро Рудзутак, Коссиор, Чубарь, Эйхе”. – “А какие показания вас могут интересовать?” – “Получите тезисы. Их надо только развить”. Не в силах выдержать “конвейер” написал: “Считаю бессмысленным дальнейшее сопротивление следователю.”

Я признаю, что входил в...” Через несколько дней вызвал: “Думаете ли вы давать показания?” – “Я уже дал, что еще надо?” – “Это ерунда. Нужны настоящие показания”. Я молчал. “Поедете в Лефортовскую тюрьму и уж там напишете все, что требуется”. Через два–три дня, ночью Луховицкий допрашивал в Лефортове с еще двумя следователями и избивал в течение часа резиновой дубинкой, скруткой из голого медного провода, топтал ногами.

Двое ушли, привели Темкина (Арон Темкин, начальник управления снабжения Наркомпищепрома – Е.А.). Темкин: “Я был свидетелем, когда нарком пищевой промышленности давал Емельянову поручение убить Микояна”. Темкина тут же увели.

“Вы подтверждаете сказанное Темкиным?” – “Мне все понятно”.

“Показания Темкина – обеспеченный смертный приговор, и от вас зависит теперь ваша судьба”. Сфабрикованный протокол допроса я не подписал. Снова били и поставили в стойку. Наступили каблуком на пальцы, сорвали ногти. В октябре (спустя месяц – Е.А.) подписал не читая”.

Аркадий Емельянов подписал 82 страницы “собственноручных” показаний, то есть продиктованных следователем. Получил 15 лет лагерей.

В этом же документе есть и рассказ Арона Темкина: “Луховицкий спрашивал, знаю ли я, куда попал, а сам перебирал дубинки и жгуты из проволоки. Потребовал рассказа. “В чем меня обвиняют конкретно?” – “Этот вопрос – попытка пытать (так в документе – Е.А.) советское следствие”. И тут же начал избивание. Другие заходили в кабинет и тоже били. В перерывах Луховицкий садился за стол, перебирал в ящиках орудия пытки и пел песенку “Дай мне наглядеться на тебя”. Смеялся. Когда я падал без чувств на пол – обливали холодной водой...”

Очнулся утром в камере от укола шприцем врача (камфора). Врач выразил соболезнование, что я, по-видимому, от падения на лестнице так побился. Я так распух, что не налезало белье. Я давал самые фантастические показания. Не читая, Луховицкий разорвал их и начал избивать своим поясом, стараясь попасть пряжкой в больные места. Плевал мне в рот. Оказывается, от меня ждут не менее 120 страниц показаний”:

Арон Темкин подписал 120 страниц “собственноручных” показаний. Получил 20 лет лагерей.

Луховицкий служил в органах до 1951 года. На пенсию ушел полковником.

Я спрашивала сотрудииков Главной военной прокуратуры,

был ли Луховицкий психически нормален? “Здоровее нас с вами”, – услышала в ответ.

Прочитав десятки таких документов, я перестала задавать подобные вопросы, равно как и удивляться, что люди давали на себя самые невероятные “собственноручные показания”, оговаривали коллег, друзей, близких, мужа – жен, жены – мужей... Вот дословная запись рассказа одного из бывших сталинских зеков, до ареста – председателя Госплана Северной Осетии Николая Гусалова: “Тацоев Иван, зав. орготделом обкома партии, 600 человек показал (т.е. назвал как причастных к контрреволюционной деятельности против Советской власти – Е.А.), Кочков – 500 человек. Ну что это такое? **Хотя бы сказали, что больше такого-то количества нельзя называть!**” (выделено мною – Е.А.). “На каждого у НКВД была своя пытка”, – объяснил мне Лев Разгон. Сам Разгон тоже подписал все. Его не били. Ему просто доверительно сообщили, что в случае, если он не подпишет, у его жены Оксаны, больной тяжелой формой диабета, отберут инсулин.

“Естественно, я согласился: отнять у Оксаны инсулин означало убить ее”, – говорил мне Разгон.

У Оксаны инсулин все равно отобрали, и она погибла – на этапе, по дороге в лагерь. Ей было 22 года.

Так что, повторю, то что делал Луховицкий, – это была нормальная, разрешенная практика. Практика, которую осуществляли психически здоровые, нормальные советские следователи. И практика эта была официально санкционирована свыше, единственным человеком, которого чекисты смертельно боялись – от наркома до оперуполномоченного – и кому беспрекословно подчинялись – Иосифом Сталиным.

10 января 1939 года (напомню – через год после Пленума ЦК ВКП(б), осудившего беззакония в НКВД) Сталин направил шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В ней говорилось:

“ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП (б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и при том применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воз-

действия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод".¹²

Стоит ли удивляться, что следователи, которые позволяли себе – назовем это так – вежливость в обращении с арестованными, то есть не били их, вызывали подозрение: их начинали уличать в сочувствии к врагу.

Вероятно, в искоренении этой мягкотелости в "Основных принципах следственной работы в органах МГБ", разработанных под руководством начальника следственной части МГБ Леонова и утвержденных министром МГБ Виктором Абакумовым в 1950 году, содержалось требование об "усилении интенсивности допросов арестованных".¹³

Что уж тут говорить о таких "мелочах", как аресты без санкции прокурора (тем паче, что у карательных органов, начиная с 1932 года и по 1954 год, существовала своя, ведомственная прокуратура), непредъявление обвинения в течение нескольких месяцев, а то и лет, содержание человека в тюрьме или даже расстрел его после того, как он был оправдан судом... Что об этом говорить? Таковы были правила. Ими и только ими руководствовался Хват.

Ну, а что же законы? Законы? Они, конечно, были. Вот, например. 2 января 1928 года XVIII Пленум Верховного Суда СССР принимает постановление "О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении" – вносит разъяснение в то, что судьям следует понимать под контрреволюционными действиями. Пункт "б" звучал так: "...действия, когда совершивший их, хотя и не ставил прямо контрреволюционной цели, однако сознательно допускал их наступление или должен был предвидеть (выделено мною – Е.А.) общественно опасный характер последствий своих действий".¹⁴

В следующие двадцать с лишним лет, в том числе и благодаря этому "разъяснению", миллионы людей пойдут в лагеря только потому, что, по мнению следователя, в их мозгу могла возникнуть сама мысль о контрреволюционных действиях – факт действия доказывать не надо было.

Впрочем, о каких законах – в цивилизованном понимании этого слова – может идти речь? Хват, как и большинство его коллег, их просто не знал. По причине отсутствия какого-либо, самого минимального юридического ликбеза.

Я спрашивала Хвата: "А как же вы работали?" – "Насколько разумел, так и вел дела", – последовал ответ. "Насколько разумел..."

Если дело направлялось на особое совещание, этот суррогат суда, созданный при народном комиссаре внутренних дел постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года,¹⁵ то именно следователь предлагал меру наказания, с которой, как правило, особое совещание соглашалось. А мерой этой могло быть все что угодно – вплоть до расстрела...¹⁶

Ну, а если бы и знал Хват законы – что с того? “...Бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону”. Это сказал не кто-нибудь, не просто партийный чиновник – Прокурор СССР Андрей Вышинский, то есть верховное лицо страны, надзирающее за исполнением закона.¹⁷

И законы были отложены в сторону. Начался беспредел. То же “особое совещание”, куда, согласно директиве Прокуратуры СССР от 1935 года, направлялись дела, “по которым нет **точных документальных данных** для рассмотрения в судах (выделено мною – Е.А.),¹⁸ судило без заседателей, без вызова свидетелей, без заключения прокурора, без права защиты и – нередко – без самого обвиняемого*.

* Справедливости ради надо сказать, что, принимая Положение об Особом совещании при НКВД СССР, большевики не были оригинальны: они в полной мере использовали опыт царского правительства, в тюрьмах которого сидели и которое свергли в семнадцатом году. А именно: скопировали “Правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 года” и Приложение от 14 августа 1881 года, принятые при царе Александре III. В этих правилах министру внутренних дел предоставлялось право карать арестованных в случаях, если: а) не нашлось явных признаков и достаточных следов преступления; б) совершены деяния, кара за которые еще не вошла в Уложение о наказаниях или кои вовсе не упомянуты в законе; в) уличающие сведения добыты секретным путем и не могут быть подтверждены фактически. “В итоге жандармы имели право, – пишет в своей книге “Без грифа “секретно” генерал-майор юстиции Борис Викторов, – арестовывать любое лицо без каких-либо доказательств его виновности, за деяние, не признанное законом в качестве преступления, и на основании не подлежащих проверке сведений”. Позже, уже после первой русской революции 1905 года, в ход были пущены и столяпинские военные трибуналы, судившие без участия сторон... Ах, Россия – что за страна? Ничто дурное в ней не кончается, хорошее – обрубается, да так, чтобы не взросло, дурное – всегда имеет свои предтечи и свое продолжение...

Однако правда и то, что во времена царского самодержавия подобное беззаконие дозволялось подвергать публичному остракизму и критике. Тот же Викторов в своей книге приводит слова присяжного поверенного В.Н.Новикова, выступившего в защиту подсудимых на процессе по делу Петербургской группы РСДРП (напомню, РСДРП – предшественница партии большевиков) – так называемый “Процесс 44-х”, состоявшийся в Петербурге в 1906 году. Новиков говорил: “Господа судьи! Ведь это не новый факт, что жандармское дознание,

Если же имярек обвинялся в участии в “террористическом акте или террористической организации”, то он лишался права и на кассационное обжалование приговора, и на подачу ходатайства о помиловании. Приговор к высшей мере наказания, то есть к расстрелу, приводился в исполнение немедленно по его вынесении.²²

Так, например, маршал Тухачевский вместе с “подельниками” – другими крупными чинами Красной Армии, услышал свой приговор 11 июня 1937 года. 12 июня все они были расстреляны.

А ведь кроме особого совещания в стране вплоть до сентября 1953 года*, сменяя друг друга или действуя одновременно, “трудились” различные спецколлегии, “тройки”, “двойки”, специальные присутствия. Только за один день 18 октября 1937 года и только одна “двойка” в составе Прокурора СССР А.Вы-

хотя бы и произведенное в порядке Устава уголовного судопроизводства, не обладает достоверностью и что наша политическая полиция не стоит на высоте своего назначения, и дознания, проводимые ею, не имеют никакой цены. Почти на каждой странице обвинительного акта имеется фраза: “по полученным охранным отделением сведениям”, “до сведения охранного отделения дошло”. Что это за фразы? Что это за сведения?”¹⁹

Могу себе представить, что было бы с советским судьей или адвокатом времен сталинской поры, если бы он позволил себе сказать подобное, заменив лишь слова “охранное отделение” на НКВД, “по полученным НКВД сведениям”, “Управление НКВД располагает данными”, – а ведь именно с этого начиналось каждое или почти каждое обвинительное заключение, составленное следователями НКВД... Впрочем, что значит “могу себе представить”? Знаю. Знаю, что было с адвокатами, посмеившимися защищать арестованных. Один лишь пример. В марте 1939 года в Северной Осетии прошел процесс по так называемому “молодежному делу” – очередная и обыденная фальсификация, по которой были расстреляны лидеры тамошнего комсомола. Так вот адвокат Ясинский на суде пытался доказать, что к его подзащитному применялись незаконные методы следствия. Это был, конечно, акт гражданского мужества и гражданского же отчаяния – подзащитный Ясинского был расстрелян. Сам же адвокат был арестован уже на следующий день после окончания процесса, осужден за клевету и умер в лагере.²⁰

В постсталинские времена адвокатов не убивали. Их либо исключали из Коллегии адвокатов и тем лишали адвокатской практики, как было с Софьей Калистратовой, защищавшей генерала-диссидента Петра Григоренко, или с Борисом Золотухиным – адвокатом известного правозащитника Александра Гинзбурга; либо – принуждали уехать из страны, как было с Дивой Каминской, защищавшей “инокомыслящих” – Владимира Буковского, Александра Марченко, Юрия Галанского и многих других.²¹

*1.IX.1953 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Особого совещания и упразднении различных спецсудов.

шинского и наркома НКВД Н.Ежова “рассмотрела” материалы в отношении 551 человека и всех их приговорила к расстрелу.²³

Таковы были “законы”, в полном согласии с которыми работал Хват.

Ну и, наконец, собственные нравственные барьеры – они-то должны быть? Ведь мать родила Хвата, мать – не волчица. И дед с бабкой – люди очень набожные – у него были. И в церковь ходил, и Закон Божий в школе изучал. Крестьянские семьи в России, из коей происходил Хват, вообще были богобоязненны. Что-то, на доньшке, под всеми его “университетами” должно было остаться? Должно. Но, видно, задел был слишком мал.

Хвату было семь лет, когда разразилась первая мировая война. Десять – когда случилась революция. Когда брат пошел на брата, а сын – на отца. Когда в жизнь вошли революционные военные трибуналы, принимавшие решения так, “как это подсказывало им революционное коммунистическое правосознание и революционная совесть”: законы царской России были отменены. Хвату было одиннадцать, когда началась Гражданская война, когда виселицами по России прошелся белый террор и был объявлен террор красный.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) была создана меньше чем через два месяца после октябрьского большевистского переворота – 7 (20) декабря 1917 года.

Первоначально на нее были возложены функции борьбы с контрреволюцией и саботажем (наше Управление “Z” и Шестое управление – идеологическая и экономическая контрразведки). Однако довольно скоро ВЧК приняла на себя и борьбу со спекуляцией, должностными преступлениями, шпионажем (нынешний Второй Главк), подавление контрреволюционных и бандитских выступлений (войска специального назначения КГБ), обеспечение безопасности транспорта (Четвертое управление), Красной Армии (Третье управление), охрана государственной границы (погранвойска).

21 февраля 1918 года Совет народных комиссаров утвердил ленинский декрет “Социалистическое Отечество в опасности!”, пункт восьмой которого гласил: “Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления”.²⁴

И – расстреливали. Десятками и сотнями. Потом – тысячами и сотнями тысяч.

С этого времени в народе ВЧК стали расшифровывать как – Всякому Человеку Капут.

Великий гуманист Владимир Ленин, яростный борец с беззакониями царского самодержавия, писал исторические записки: “т.Федоров. В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спяивающих солдат, бывших офицеров и т.д. Ни минуты промедления. Надо действовать вовсю. Массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Смена охраны при складах, поставить надежных”.²⁵ Слал телеграммы: “...расстреливать заговорщиков и колеблющихся (здесь и далее выделено мною – Е.А.), никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты”.²⁶ Диктовал на фронт письма: “Покончить с Юденичем (именно покончить – добить) нам дьявольски важно. Если наступление началось, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот (вот откуда берут начало смершевские заградительные отряды времен Великой Отечественной войны! – Е.А.) и добиться настоящего массового напора на Юденича?” “Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили”.²⁷

Запомнили. На годы – запомнили. До сих пор забыть не можем.

Так закладывались основы тоталитарного режима. Тоталитарного права. Тоталитарного правосудия и советской морали.

5 сентября 1918 года после убийства председателя Петроградского ЧК М.Урицкого и покушения на Ленина Совет народных комиссаров принял официальное постановление о Красном терроре.

Это был сигнал к отпусканью всех и всяческих тормозов. Следующие четыре с лишним года Россия буквально захлебывалась собственной кровью.

“Мы железной метлой выметим всю нечисть из Советской России, – писал в журнале “Красный террор” от 1 ноября 1918 г. председатель Всеукраинского ЧК М.Лацис. – Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он (то есть обвиняемый – Е.А.) против Советов оружием или словом, – учил Лацис. – Первым долгом вы должны его спросить, к какому клас-

су он принадлежит, какое у него происхождение, какое образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора".²⁸

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия получила ничем не ограниченные права – права на самостоятельные обыски, аресты и расстрелы. Был введен институт заложников – один из самых мерзких методов борьбы, когда ни в чем не повинных людей хватили на улицах в облавах, арестовывали на квартирах, на вокзалах, в театрах. Хватили и расстреливали, только потому, что кто-то другой где-то совершил убийство или теракт.

Журнал "Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией" ради устрашения начал публиковать списки расстрелянных.

"В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина ...Красному террору подвергнуты: Сумской уездной ЧК – трое летчиков; Смоленской областной Комиссией – 38 помещиков Западной области; Новоржевской ЧК – ... Александра, Наталия, Евдокия, Павел и Михаил Росляковы; ...Пошехонской ЧК – 31 человек (5 Шалаевых, 4 Волковых)..."²⁹

"По постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии, – докладывает "Еженедельник ВЧК" N 5 от 20 октября 1918 г., – расстреляно 500 человек заложников".³⁰

Брали в заложники и убивали "классово-чуждых" – князей, графов, представителей старого режима – министров, жандармов, членов оппозиционных партий ("взято... в общем количестве 184 виднейших представителей местной и крупной буржуазии и социал-предателей", – рапортовала Комиссия ЧК Иваново-Вознесенска в "Еженедельнике..." № 3).³¹

Брали в заложники и убивали "классово-своих" – крестьян, поднявших бунт, рабочих, объявивших забастовку. ("В одном кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921–1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в их числе дети от 1 месяца до 16 лет".)³²

"В Уральской губернии было восстание, подавленное с жестокостью средних веков. По официальным данным расстреляно 10 тысяч крестьян, а по неофициальным – 25 и больше. Когда поговоришь с рабочими и крестьянами, то кажется чудовищным, как большевики могут держаться, когда около 99 процентов населения против них. Это может быть только при отчаянной запуганности населения..."³³

"В своей картотеке, относящейся только к 1918 г., я пытался определить социальный состав расстрелянных, – пишет в

своей книге “Красный террор в России 1918–1923” С.Мельгунов, живший в то время в Москве. – По тем немногим данным, которые можно было уловить, у меня получились такие основные рубрики, конечно, очень условные. Интеллигентов – 1.286 человек, заложников... – 1.026, крестьян – 962, обывателей – 468, неизвестных – 450, преступных элементов... – 438, преступления по должности – 187. Слуг – 118, солдат и матросов – 28, буржуазии – 22, священников – 19”.³⁴

Брали жен – за мужей, мужей – за жен, детей – за родителей, соседей – за соседей, слуг, за господ, родителей – за детей. Некий студент П. убил комиссара Н. За это были казнены его отец, мать, два брата (младшему было 15 лет), учительница-немка и ее племянница 18 лет. После этого нашли и студента...³⁵

Священник, инженер, фельдшер, купец, заводчик, “бывший редактор газеты”, “лесничий”, “бывший охранник”, “отставной артиллерист”, “лидер местного отделения партии “Народной воли”, “студент, выдающий себя за матроса”, – все это из перечисления профессий расстрелянных, опубликованных в различных еженедельниках ВЧК.

Это была какая-то вакханалия насилия!

“Нелепо ввести деятельность ЧК в юридические рамки”, – доходчиво объясняет в № 6 “Еженедельника ВЧК” чекист Шкловский. И – не вводили!

По всей стране чекисты без суда и следствия пытали, насиловали гимназисток и барышень, убивали родителей на глазах детей, сажали на кол, били железной перчаткой, надевали на головы кожаные “венчики”, закапывали живыми, закрывали в камеры, где пол был устлан трупами с разможженными черепами... Неужели нынешние сотрудники и руководители КГБ после всего этого не смущаются, не краснеют называть себя чекистами, продолжателями дела Дзержинского? Не смущаются. Не краснеют... Читать “Архив русской революции” И.Гессена или “Красный террор” С.Мельгунова невозможно. Невозможно знать, что живешь в стране, где ради некоего “светлого будущего” земля превращена в сплошной погост.

“Наш террор был вынужденный, – восклицали большевистские лидеры. – Это террор не ЧК, а рабочего класса”.

Нет, это был именно террор ЧК, – возражают им очевидцы, историки, наконец, – собственные инструкции Чрезвычайки. Вот только одна из них – весны 1918 года:

“I. Применение расстрелов.

1. Всех бывших жандармских офицеров по специальному списку, утвержденному ВЧК.
2. Всех подозрительных по деятельности жандармских и полицейских офицеров соответственно результатам обыска.
3. Всех имеющих оружие без разрешения, если нет на лицо смягчающих обстоятельств (например, членство в революционной Советской партии или рабочей организации).
4. Всех с обнаруженными фальшивыми документами, если они подозреваются в контрреволюционной деятельности. В сомнительных случаях дела должны быть переданы на окончательное рассмотрение ВЧК.
5. Изобличение в сношениях с преступной целью с российскими и иностранными контрреволюционерами и их организациями, как находящимися на территории Советской России, так и вне ее.
6. Всех активных членов партии социалистов-революционеров центра и правых. (Примечание: активными членами считаются члены руководящих организаций – всех комитетов от центральных вплоть до местных городских и районных; члены боевых дружин и состоящие с ними в сношениях по делам партии; выполняющие какие-либо поручения боевых дружин; несущие службу между отдельными организациями и т.д.).
7. Всех активных деятелей к/революционных партий (кадеты, октябристы и проч.).
8. Дело о расстрелах обсуждается обязательно в присутствии представителя Российской партии коммунистов.
9. Расстрел приводится в исполнение лишь при условии единогласного решения трех членов Комиссии.
10. По требованию представителя Российского комитета коммунистов или в случае разногласия среди членов Р.Ч.К. (Российская Чрезвычайная Комиссия – Е.А.) дело обязательно передается на решение Всероссийской ЧК.

II. Арест с последующим заключением в концентрационный лагерь.

11. Всех призывающих и организующих политические забастовки и другие активные выступления для свержения Советской власти, если они не подвергнуты расстрелу.
12. Всех подозрительных согласно данных обысков и не имеющих определенных занятий бывших офицеров.
13. Всех известных руководителей буржуазной и помещичьей контрреволюции.
14. Всех членов бывших патриотических и черносотенных организаций.

15. Всех без исключения членов партий с.-р. центра и правых народных социалистов, кадетов и прочих контрреволюционеров. Что касается рядовых членов партии с.-революционеров, центра и правых рабочих, то они могут быть освобождены под расписку, что осуждают террористическую политику своих центральных учреждений и их точку зрения на англо-французский десант и вообще соглашение с англо-французским империализмом.

16. Активных членов партии меньшевиков, согласно признакам, перечисленным в примечании к пункту 6.

Должны быть произведены массовые обыски и аресты среди буржуазии, арестованные буржуа должны быть объявлены заложниками и заключены в концлагерь, где для них должны быть организованы принудительные работы. В целях терроризации буржуазии следует также применять выселение буржуазии, давая на выезд самый короткий срок (24–36 часов)...³⁶

“Вся Россия покрылась сетью чрезвычайных комиссий... Не было города, не было волости, где не появились бы отделения всесильной Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, которая отныне становится **основным нервом государственного управления** (выделено мною – Е.А.) и поглощает собой последние остатки права”, – пишет Мельгунов. И добавляет: “Это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила ни одна власть в мире”.³⁷

В какой-то момент Ленин, все-таки юрист по образованию, мне кажется, на миг очнулся – понял всю страшную, разрушительную силу разливанного моря крови. На заседании Политбюро 1 декабря 1921 года он предлагает проект постановления, который сужал компетенцию ВЧК и усиливал роль судебных органов. Проект отклонили.³⁸ Годом раньше, в декабре 1920 ВЦИК и СНК отменяют расстрел. Этого решения хватило на 4 месяца. Лавина уже пошла.

В апреле 1921 года Ленин пишет совершенно секретную записку т.Молотову:

“...Поручить ВЧК выработать систематический план: а) на лето-осень 1921 года; б) на январь (вообще начало) 1922 г. и доложить через 1–2 недели в Политбюро.

Примерный план их (т.е. ВЧК) мер:

- 1) доликвидация с.-р. и усиление надзора;
- 2) тоже меньшевики;
- 3) чистка партии: долой нестойких коммунистов;
- 4) чистка Саратова и Самарской губернии;
- 5) отряды особого назначения;

6) курсанты в провинции;

7) чистка аппарата государственной власти в деревне, необходим доклад ВЧК, НКВНУДЕЛ (Наркомата внутренних дел – Е.А.), РАБКРИН.

Совершенно секретно. Только лично. Перепечатке не подлежит. По использованию сжечь”.³⁹

План составили. Меры приняли. Документ, подготовленный начальником Секретного Отдела ВЧК Самсоновым, пестрит словосочетаниями “массовые операции”, “ликвидация”, “групповые и персональные изоляции”, “выкачка” эсеров и меньшевиков “на окраину Республики”, – и все это планоно, по месяцам вперед, с учетом праздников и сезонных работ: “В летний период до сбора урожая операций государственного масштаба (за исключением необычных случаев, вроде Кроштадтских событий и пр.) не производить, а бить персонально активистов всех партий вплоть до губернского и краевого масштаба”...⁴⁰

Сколько погубило в этой резне, не знает никто. Автор “Красного террора” считает, что в среднем каждый день застенки ВЧК (а кроме них – особые отделы, губернские революционные трибуналы, специальные ЧК на транспорте, в войсках и т.д.) приносили на алтарь революции 5 человек, в год – 1 500 000 человек...⁴¹

А ведь был еще белый террор. Несравнимо менее масштабный, но ведь был. И тоже были виселицы, пытки, расстрелы. Так откуда же было взяться нравственным барьерам у таких, как Хват ?

...Писатель Максим Горький объяснял жестокость революции жестокостью и темнотой русского народа. А жестокость Великой французской революции – результат просвещенности французского народа? Нет, я думаю, что революции в своей основе – внациональны: в российской резне участвовали и русские, и евреи, и украинцы, и латыши, и грузины, и армяне (и у каждой нации был свой резон для того) – чем перечислять, проще взять справочник “Народов СССР”. Порочен, я думаю, сам принцип революции, которая неизбежно – по самой природе своей – опирается на чернь, на самые темные и разнуданные ее инстинкты, на те нижайшие слои народа, для которых она, революция – возможность отобрать у жизни то, что не удалось по самым разным причинам: от отсутствия ума и способностей до – несправедливого устройства общества.

Сами методы революции, – а это всегда и неизбежно – насильственные методы (Ленин: “Революция в белых перчатках не делается”, Ленин: “Только та революция чего-нибудь стоит,

когда она умеет защищаться”) – разлагают людей. Известно: человек, однажды попробовавший человечину, становится людоедом – он уже не может остановиться. Так и имярек, проливший чужую кровь, уже преступил некую невидимую черту в своей душе, уже нарушил и уже готов сделать это и во второй, в третий, в десятый раз. Психология этого явления прекрасно описана Федором Достоевским в “Преступлении и наказании”: “Стоит только себе один раз позволить”, – говорит его герой Раскольников, убивший ненавистную ему старуху... Э т о себе позволили сотни, тысячи, десятки тысяч людей по всей стране. Стоит ли тогда удивляться, что *эта* страна и *этот* народ так легко приняли и оправдали сталинский геноцид?..

“Волею революционной власти, – писал первый народный комиссар юстиции, левый эсер Штейнберг, – создавался слой революционных убийц, которым суждено было вскоре стать убийцами революции”.⁴²

Неправда – не “слой” – страна убийц, неправда – не “убийцы революции” – педантичные воплощители ее принципа.

Революция была исполнена в России по всем классическим канонам революций: они были одни и те же и в восстании рабов под предводительством Спартака в Древнем Риме, и в Великой французской революции, и в Октябрьском перевороте: кровь, убийство, оправдание убийства.

Идея. Порочна сама ИДЕЯ – коммунистическая или национал-социалистическая, которая разделяет людей по классовому (эксплуататоры – эксплуатируемые), национальному (арийцы – не арийцы) или какому-то еще признаку. Идея, которая объявляет одних людей – лучше, других – хуже, исходя из социальных или национальных отличий, и обещает лучшим – рай, за счет, естественно, убийства других – худших. “Жертвы, которых мы требуем – жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды”, – писала чекистская газета “Красный меч”.⁴³ Такая идея неизбежно требует мощнейшего охранного корпуса – карательных органов, призванных следить, чтобы “худшие”, не дай Бог, не зазнались пролезть в касту “лучших”. (Ленин: “...власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать (выделено мною – Е.А.) на свете эксплуататоры”.⁴⁴) И чтобы “лучшие”, не приведи Господь, не поняли, что их рай – это один сплошной концентрационный лагерь. В результате и появляются ВЧК–НКВД и гестапо.

“Мы форма единой сущности – партийного государства”, – убеждает ээсовец Лисс большевика Мостовского в великом

романе Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”.⁴⁵ В одном из черновых вариантов этой же главы Лисс говорит Мостовскому примерно следующее: не важно, кто из нас победит в этой войне. Победите вы – мы будем жить, продолжаться в вас, мы – вы будете жить и продолжаться в нас...

Победил Советский Союз. И тысячи советских военнопленных, прошедших горнило фашистских лагерей, эшелонами были отправлены в лагерь советские, в Сибирь.

Лагерь же Бухенвальд, Заксенхаузен и другие – всего одиннадцать – не были закрыты – перешли в ведение НКВД. Уже 12 августа 1945 года, через три месяца, как был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, в Бухенвальде – этом символе фашистского ада – появились первые узники НКВД. По западногерманским оценкам, в особых лагерях Советской зоны оккупации погибло около 65 тысяч мужчин, женщин, детей.⁴⁶

В 1950 году эти лагерь наконец закрыли. А в победившем Советском Союзе в это время бушевала новая, не менее страшная, чем в тридцать седьмом, волна репрессий. За недостатком расстрельщиков и большим потоком приговоренных, для казни использовались автомашины–душегубки, закамуфлированные под хлебные фургоны, – в них людей отравляли газом... Или, может быть, я ошибаюсь, и эти “милые” изобретения появились еще в середине тридцатых, еще до печей Освенцима?..⁴⁷ Да, еще до печей Освенцима. Да, это наше, советское изобретение.

Ничто не возникает из ничего. ИДЕЯ породила ВЧК, ВЧК, в свою очередь – НКВД, опытом НКВД воспользовалось гестапо. ИДЕЯ сокрушила мораль, заменила ее антиморалью – классовыми интересами. Классовые интересы и теоретически, и на практике допускали убийство во имя высших целей. “Морали в политике нет, а есть только целесообразность”, – учил Ленин.⁴⁸

Выгучил.

“Не убий” было ханжеской заповедью, пролетариат подойдет к этому правилу строго по–деловому, с точки зрения классовой пользы. Убийство злейшего, несправимого врага революции, убийство, совершенное организованно, классовым коллективом – по распоряжению классовой власти во имя спасения пролетарской революции – законное этическое убийство (выделено мною – Е.А.). Метафизической самодовлеющей ценности человеческой жизни для пролетариата не существует, для него существуют лишь интересы пролетарской революции”, –

написано в книге “Революция и молодежь” проф.Залкинда, изданной в Москве в 1924 году.⁴⁹

Убийство стало нормой.

“Девочка 12 лет боится крови... Составить список книг, чтение которых заставило бы девочку отказаться от инстинктивного отвращения к Красному террору”, – рекомендует “Сборник задач по внешкольной работе библиотек” 1920 года.⁵⁰

Мальчику Саше Хвату в это время было тринадцать.

Ему исполнилось 22, когда великим стоном по деревням и селам прошелся “великий перелом”. И миллионы крестьянских семей – цвет крестьянства! – усилиями сотрудников ОГПУ – так теперь назывались ВЧК – были отправлены на голод и смерть в Сибирь*.

Так откуда же, повторю, было взяться нравственным барьерам? Так откуда же было появиться жалости к отдельному человеку, если был потерян всякий страх перед чужой кровью и чужой смертью? Так какими же еще могли быть следователи ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ, коли они сами, либо их учителя – предшественники, прошли такую школу братоубийственного террора?

Но разве извиняет это Хвата и иже с ним? Оправдывает ли его? Делает ли меньше его личную вину перед теми, кому “мера наказания – расстрел”? Перед их женами, оставшимися до срока вдовами? Перед их детьми–сиротами, потерявшими детство или, хуже того, прошедшими школу спецдетских домов и колоний для детей “врагов народа”?

Дети... Нет для меня в этой истории темы больнее. Дети, только научившиеся говорить, зовущие по ночам – “мама”, нуждающиеся в родительском тепле и – брошенные в водоворот этой страшной мясорубки. За что? Как эта земля могла подобное выдержать? Как Господь мог не проклясть эту безумную страну?..

В бумагах следователя НКВД Александра Ланфанга, закончившего свою карьеру генерал–лейтенантом, было найдено это письмо. Оно адресовано “дяде Иосифу Виссарионовичу Сталину”:

“Дядя Иосиф Виссарионович!

Я и моя сестра Роза учимся в 151 школе Ленинградского района города Москвы. Я учусь в пятом классе, а Роза во вто-

* По официальным данным было выселено 1,5 миллиона семей “кулаков”. В каждой семье было в среднем 6 человек. А ведь были выселены еще и те, кого называли “подкулачники”. А это – миллионы крестьян.

ром классе. Мы решили написать Вам письмо для того, чтобы мы были спокойны и могли лучше учиться. Нашего папу Василия Тарасовича Чемоданова забрали 15 сентября 1937 года. Мама в это время была в больнице, сделали сложную операцию – кесарево сечение, вытащили сестричку, которую мы называли Светланочкой. Уже 3,5 месяца ей. Спустя два месяца, как взяли папу, пришли за мамой. Но маму не взяли, потому что Светланочке было три недели и мама была очень плоха. Они попросили дать подписку о невыезде из Москвы. Иосиф Виссарионович, мы просим Вас, чтобы нашу маму не трогали, потому что она у нас хорошая и мы очень любим ее. Просим Вас, чтобы Вы прислали нам ответ на наше письмо. И обещаем, что будем учиться на “хорошо” и “отлично”.

Ленинградское шоссе, дом 36, кв.191. Писал Гриша Чемоданов. Роза Чемоданова, Чемоданов Гриша за Светланочку”.

Это письмо написано детьми человека, в тридцатых годах в России очень известного, даже легендарного – его звали “комрадо Чемо”. Василий Чемоданов был представителем комсомола в Коммунистическом Интернационале Молодежи. Его, естественно, арестовали и расстреляли.

Следователь Александр Ланфанг вел дело Чемоданова. Поэтому письмо Чемодановых–младших, адресованное “лучшему другу детей”, как писали о Сталине в газетах того времени, попало, понятное дело, к Ланфангу. У него в сейфе и осталось.

Мне письмо передал бывший заместитель Главного военного прокурора СССР в конце 50–ых – начале 60–ых, генерал-майор в отставке Борис Викторов. Разбирая в архиве следственное дело Ланфанга, Викторов и обнаружил там это письмо.

Детей Чемодановых я нашла в 88–ом. Гриши, старшего из них, уже не было – он сгинул на фронте еще в 41–ом. Когда я прочитала письмо сестрам – Розе и Светланочке, родившейся уже после того, как арестовали ее папу, сестры очень плакали – не могли говорить.

Потом они рассказали мне свою историю.

После ареста папы Гриша и Роза какое–то время жили с бабушкой – маминой мамой. Потом привезли из больницы маму со Светланочкой. У мамы, Ольги Абрамовны, в результате неправильного переливания крови отнялись ноги и рука.

Денег не было. Имущество после ареста отца конфисковали – энкаведешники вывезли целый грузовик. Оставили только кровать, на которой дети и спали. Когда чекисты описывали имущество, Роза в приоткрытую дверь видела, как они меж со–

бой делили их, чемодановское, имущество: “Этот патефон – тебе, это платье – мне...” Мамину розовую пудреницу делили тоже.

По паспорту мамы Роза и Гриша устроились в артель – клеили бумажные пакеты для киселя. Так зарабатывали Светланочке на молоко (у мамы от волнений молоко перегорело), себе – на хлеб. Иногда раздавался стук в дверь: открывали, у порога сумка с продуктами – их подкармливали соседи, которые заходить в квартиру арестованного боялись.

Еще нужны были деньги, чтобы передавать раз в месяц 5 рублей папе в тюрьму – сначала в Бутырскую, потом – в Лефортовскую. Деньги в окошечке исправно принимали вплоть до войны, до 41-го года. Хотя Василия Чемоданова расстреляли еще в тридцать седьмом, в ноябре.

Потом маме позвонила ее бывшая маникюрша, предложила обучит своему делу и купит рабочий инструмент: “Иначе умрете с голоду”. Ольгу Абрамовну как жену “врага народа” на работу никуда не брали.

Роза, как исполнилось тринадцать, устроилась на завод клепальщицей. Учиться больше не пришлось.

Светланочку, когда началась война, отдали в детский дом. Вскоре оттуда пришло письмо: дети завшивели, от голода пухнут, хороним пачками. Если хотите увидеть Светланочку живой – забирайте. Ее забрали соседи по московскому дому – они, на счастье, оказались в Казани, куда эвакуировали детский дом.

Первое время (после детдома) Светланочка при виде хлеба на столе кричала – от страха, что ей не достанется.

В середине 50-ых Василия Чемоданова, как и многих тогда, реабилитировали, – мама и сестры получили о том соответствующую бумажку: в графе “место смерти” – прочерк, “причина смерти” – тоже прочерк...

* * *

После публикации очерка о Хвате в газете, я получила десятки писем: “Рассказывая об “университетах” Хвата, о тех правилах, которые существовали в НКВД, о той нравственной атмосфере, в которой тогда жила страна, вы тем оправдываете Хвата”, – писали мне читатели.

Я отвечала: нет, не оправдываю. Но я хочу понять, как создавался такой тип советских людей, который в 1991 году, согласно социологическому опросу, относил основателя ВЧК Дзержинского к первой пятерке своих героев.⁵¹ Такой тип со-

ветских людей, из которых вышли Хваты и Луховицкие? Повторю – они не выродки, не мутанты – одни из нас.

Вопрос о вине – есть ли вопрос труднее? Вопрос о вине человека, выполнявшего приказ, сложен вдвойне и, как считают юристы, однозначного ответа не имеет.

Да, за разрешением на арест Вавилова, “подопечного” Хвата, нарком НКВД Берия обращался к Председателю Совета народных комиссаров Молотову. Да, аресты многих людей производились по спискам, составленным в НКВД и доложенным Сталину – “который крестиками, стрелками и всякими другими знаками отмечал фамилии, кого надо арестовать, и нередко давал указания, в каком направлении нужно вести следствие”.⁵² Да, в допросах принимали участие высшие лица государства – Ворошилов, Каганович, Маленков и физические пытки были санкционированы свыше. Да, да, да – страной правила банда убийц, выражаясь воровским законом – паханы. И никто из них, за исключением Берии, кары за то не понес.

Но ведь правда и то, что многих людей сажали по доносам, неиссякаемым потоком шедшим в НКВД. И писали их нормальные советские люди.

Писали, чтобы убрать неугодного начальника. Писали, чтобы ликвидировать конкурента и тем сделать карьеру. Писали, чтобы улучшить свои жилищные условия – отправить соседа за решетку и в награду получить его комнату в той же коммунальной квартирке, в которой прожили бок о бок, может быть, не один год. Жены писали доносы на мужей, потому что появился любовник и надо избавиться от мужа. Мужья – на жен. Жены – на любовниц мужей, любовницы на... Писали, конечно, и от страха – чтобы спасти себя, писали – во множестве, и поэтому что заставляли чекисты, у которых был “план” по посадкам.

Писали. Доносили. Стучали. По некоторым оценкам, каждый второй взрослый гражданин страны сотрудничал с НКВД! Я уже не говорю о тех миллионах, что с готовностью голосовали на собраниях за исключение “жены врага народа” – из партии, сына – из комсомола, зная, что автоматически за этим следует потеря работы, исключение из института или невозможность туда поступить и клеймо – изгой! Я уже не говорю о тех десятках миллионов, кто молчаливо “съедал” то, что преподносилось с газетных страниц, не давая себе труда в том усомниться. И тем – развязывая руки Хватам. И тем – порождая их.

Я тогда не жила. Возможно, моя позиция – позиция челове-

ка, родившегося “в вегетарианское время”, – отдает максимализмом... Но все же, все же... Мера вины – она, конечно, разная, но разве это повод для самопрощения? Забыть?

Так что же, оправдываю я всем этим Хвата? Нет, конечно. Хотя я не судья. И не приведи Господь мне взять этот грех на душу – кого–то карать или миловать. Просто мне претит упрощение, которое позволяет подменить причины, в том числе и причины того, почему тысячи нормальных людей становились палачами, следствием этих причин.

В этих “причинах” кроется и одно из объяснений того, почему в стране, пережившей ад лагерей и застенков, органы безопасности не утратили своей мощи – приумножили ее. Хотя, бесспорно, распоряжаться этой своей мощью они стали куда как в более цивилизованных формах...

И я спрашиваю себя: сколько же еще пройдет времени, прежде чем общественное сознание, и интеллигенция, и нынешние демократы в том числе, признают и за собой вину в том, что творилось все эти десятилетия советской власти в этой стране?

Ведь мы же, мы – причина всему. Ибо мы им позволили. Позволили убивать себя в тридцатых и сороковых (помогали, стучали, одобряли, поощряли своей верой), позволяли унижать – в пятидесятых (“спасибо, не сажают”), позволяли не давать работать, закрывать визы, отправлять в психушки, сажать и высылать из страны тех, кто им пытался этого не позволить, – в семидесятых и восьмидесятых (молчали).

Я часто думаю: что бы мы все делали, если бы за каждый период нашей истории не было бы у нас конкретных штатных виноватых – Сталина, Хрущева, Брежнева, теперь вот – Горбачева?

Убеждена: в этой стране – кроме детей – невиновных нет. Все мы, и я в том числе, и себе я этого не прощаю, – участники этого кошмара. И на всех нас, ибо мы наследуем вину наших дедов и отцов, вину за то, что именно в этой стране поставлен страшный рекорд, зафиксированный в Книге рекордов Гиннеса: 66 миллионов 700 тысяч человек стали жертвами государственных репрессий и терроризма с октября 1917 года по 1959 год – при Ленине, Сталине, Хрущеве...⁵³ А сколько судеб было искалечено после 59–го – в семидесятых и восьмидесятых, когда мы раболопно молчали, – кто возьмется подсчитать?

Конечно Хват виновен. По крайней мере, с позиции нормальной человеческой морали – виновен.

Виновен, хотя уголовное дело против него, затеянное Глав–

ной военной прокуратурой при Хрущеве, в 1957 году, было закрыто. (О том, как и почему закрывались такие дела, – в следующей главе.)

Хват, в моем понимании, виновен, потому что кровь человеческая на его руках.

Потому что не слепой котенок он был, не дитя, которое не ведает, что творит. Помните: “В шпионаж я, конечно, не верил”... Все ведал и все понимал. И что безвинных людей на смерть отправляет – тоже понимал.

Когда другого следователя, Шварцмана, во время суда над ним в 1955 году спросили: “Вы давали себе отчет в том, что избивали крупнейшего военачальника, заслуженного человека?” (речь шла о генерале армии К.А.Мерецкове, арестованном летом 1941 года), Шварцман ответил: “Я имел такое высокое уважение, которое не обсуждается”.⁵⁴

Не обсуждали. И тем зарабатывали себе ордена, звания, зарплаты (вместе с выплатой за воинское звание они в 10, а то и в 20 раз превышали среднюю по стране), квартиру, путевки в элитные санатории и доступ в закрытые продуктовые распределители. И должности зарабатывали тоже.

Тот же Хват в 1946 году получил место начальника Отдела “Т” – Отдела по борьбе с терроризмом Центрального аппарата НКВД. Это называлось “сделать карьеру”. Агнцы Божии в НКВД карьеры не делали и квартиры в центре Москвы при их тотальном дефиците не получали.

Заработал.

Кстати, о квартирах. При той жилищной проблеме, какая в СССР была всегда, а в те годы – особенно, наличие у потенциального “врага народа” приличной квартиры было весьма серьезным стимулом для ареста.

Например, следователь Боярский, работавший в Северной Осетии, арестовал супругов Цуровых, их 12-летнюю девочку выгнал на улицу, сам поселился в этой квартире – мебель в ней ему тоже приглянулась, не сменил.

А в 1950 году между МГБ и московскими городскими властями было и вовсе подписано специальное соглашение, согласно которому квартиры арестованных передавались МГБ для разрешения жилищных трудностей сотрудников.

Однако, думаю, самым притягательным в работе следователей НКВД были даже не должности и не высокие зарплаты – власть над людьми.

Их боялись соседи, перед их женами расступалась очередь в магазине, подобострастно заглядывали в глаза школьные друзья

и искали их покровительства товарищи детских игр, когда-то понукавшие ими. Но, конечно, высшее удовольствие они испытывали на допросах. Орать матом на академика, избивать маршала, глумиться над недавним членом Политбюро, чьи портреты носили на демонстрациях и одно слово которого еще вчера могло превратить этого следователя в пыль, в ничто... О, для этих мелких людишек, почти всегда – малообразованных, часто – не слишком далеких, обремененных комплексами слабосильных импотентов, коим изменяют собственные жены, – для них топтать, унижать было удовлетворением самолюбия холопа, истинным наслаждением...

...Холопы! Коммунистическая идея с ее принципами абстрактного равенства и абстрактной справедливости отняла у людей столь необходимое и им, и нормальному функционированию общества чувство собственного места. Понимания, что, если ты кухарка, то ты не должна править государством – твое место на кухне, щи варить, и ничего постыдного в том нет. Люди рождаются разными – одни умные, другие глупые, одни способные к наукам, другие – нет, одни могут править государством – другим это противопоказано. Равны люди только перед Богом, на земле равенства – нет и быть не может. Другой вопрос, что в обществе должны быть созданы демократические институты, позволяющие способным, умным, к какому бы сословию они ни относились, пробиться и реализовать свои способности. Коммунистическая же идея на словах хотя и признавала, что природные задатки у всех разные, тем не менее всем, без разбору, выдала аванс: вы все равны. Человек же вовсе не всегда готов оценить свои способности, ему кажется: мне обещали, что я буду “править государством”, и вы (не я сам – вы!) обязаны мне эту возможность предоставить. Ибо пообещав, тут же девальвировали и профессию кухарки: в государстве рабочих и крестьян быть рабочими и крестьянами в силу этого оказалось непрестижным. Отсюда – ненависть к тем, кто умнее, образованнее, удачливее. Отсюда – жадное желание унижить, раздавить, растоптать. Воля к власти по Ницше? Не думаю. Самоутверждение по-большевистски, спродуцированное той же идеей абстрактного равенства. Холопы – холопы типа Хвата – получили в России власть и ничем иным, кроме как жестокостью и убийством, они своего равенства, своего права быть выше доказать не могли. Тому подтверждение – все коммунистические режимы, существовавшие в XX веке и в Европе, и в Латинской Америке, и в Африке; все, исключений нет. А в результате возникают все те же классы, сословия, касты, с той

лишь разницей, что элитой общества становится агрессивная серость и ничтожество. Господи, неужели XX век мало заплатил за эту, столь же притягательную, сколь и безнравственную, левую идею? Неужели мир еще не наелся, не переболел ею?..

Но вернемся в незабвенные тридцатые–сороковые, вернемся к сталинским следователям.

Были же среди них те, кто беззаконию сопротивлялся? Были же и в органах НКВД люди, кто отказывался выбивать показания, ставить на “стойки”, мучить людей? Были! Мне рассказывали о начальнике Управления НКВД по Дальневосточному краю Терентии Дерибасе – отказался проводить аресты по сфальсифицированным показаниям – расстреляли.⁵⁵ О следователе Глебове – не стал брать “показания” на командарма Якира. Расстреляли. О начальниках областных управлений НКВД Капустине и Волкове – оба застрелились. О прокуроре города Витебска С.Нускультере – ему пришла в голову странная по тем временам мысль: проверять законность содержания арестованных в камерах предварительного заключения областного НКВД. Расстрелян.⁵⁶

Слышала я и о следователях, которые не отказывались, не стрелялись – закрывали дверь комнаты, где допрашивали арестованного и говорили ему: “Я сейчас буду орать, ругаться матом, бить кулаками по столу. А вы – кричите. Это для тех, кто там, за дверью...” Наверное, были и другие, чьих имен я не знаю, о ком не читала, не слышала – просто сгинули они.

Но список таких, думаю, мал. Хотя за годы сталинской инквизиции, как сообщает КГБ, погибло 22 тысячи чекистов.⁵⁷

Мир праху их! Однако причина смерти большинства из них отнюдь не сопротивление преступному режиму – сталинские “чистки” органов НКВД, когда слой за слоем уничтожались одни чекисты, а на их место заступали другие.

* * *

Принято считать, что карательные органы, именуемые ныне КГБ, достигли апогея своей власти в годы сталинского режима. Нет слов – это был самый кровавый период в истории “органов”. Однако всей полнотой власти в стране в условиях жесточайшей личной диктатуры обладал лишь один человек – Иосиф Сталин. НКВД при нем выполнял роль пусть и инициативных, но – опричников, которых в глубине души диктатор, наверное же, побаивался, но которые еще больше – боялись его.

Убийцы с лубянок, разбросанных по городам и весям страны, всегда жили под дамокловым мечом неотвратимых чисток.

Чистки – большие или малые – были и при наркоме Ягоде, и при наркоме Ежове были, и при Берии, и потом при наркомах НКВД–МГБ* Абакумове, Меркулове и Игнатъеве.

Сталин расстрелял Ягоду и Ежова. Не сомневаюсь, если бы не болезнь и старость – расстрелял бы и Берию. За него это сделал Хрущев.

Вслед за наркомом Ягодой были казнены все 18 его приближенных комиссаров госбезопасности 1 и 2 ранга. Вслед за наркомом Ежовым 101 высший чин НКВД – не только заместители Ежова, но и почти все начальники отделов Центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники многих краевых, областных, городских управлений.⁵⁸

А кроме “выших” – тысячи и тысячи рядовых следователей были расстреляны в подвалах советских гестапо. (Хват, кстати, уцелел чудом: в начале 50–х на него был подписан ордер на арест.)

“...Невозможно передать, что со мной в то время происходило. Я был скорее похож на затравленное животное, чем на замученного человека, – писал из тюрьмы руководству НКВД следователь З.Ушаков–Ушимирский, один из тех, кто “клепал” дело о “военно–фашистском заговоре” в Красной Армии и, в частности, выбивал показания из маршала Тухачевского. В 1938 году он был арестован и вскоре расстрелян. – Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и Советской власти, но у меня никогда не было представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах. Правда, мы не били так зверски, к тому же допрашивали и били по необходимости, и то – действительно врагов<...> Короче говоря<...> я сдался физически, т.е. не выносил больше не только побоев, но и напоминания о них<...>”⁵⁹

Диктатор был неглуп и понимал: свидетелей надо вовремя убирать.

Диктатор был мудр и знал: казни – единственная возможность держать в руках этих обезумевших от человеческой крови людей. Иначе они могут броситься и на самого диктатора. Как бросается стая волков на вожака, учув в нем слабинку. Именно страх – страх, неотвязный, всегда преследующий – животный

* Министерство государственной безопасности – новое имя НКВД с 1945 г.

страх; и позволял удерживать огромную, все разрастающуюся систему органов безопасности в рамках, определенных ей в то время режимом – инструмента, приводного ремня тоталитарной власти.

Другими словами, такая государственная структура, как КГБ, такое государство в государстве, наделенное невиданными правами и функциями, может, с моей точки зрения, находиться под контролем и не претендовать на самую власть только и только в условиях абсолютной личной диктатуры, либо жестко спянной олигархии. Ибо люди, воспитанные на языке насилия, другого языка сдерживания не понимают.

...А Хват плакал. И мне было жаль его. Мне было жаль этого старика, прожившего долгую и бесславную жизнь, в которой он был и палачом, и жертвой.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ

Диктатор умер. Главный опричник, Берия, “оказался” английским шпионом и был повержен. Так закончился первый, пещерный, людоедский этап развития тоталитарного государства. И наступил этап новый – более цивилизованный. Когда перестали – в массовых масштабах – убивать плоть и сосредоточились на убийстве души. Когда и началась истинная экспансия КГБ в государственные и общественные структуры.

Никита Хрущев, отдавая себе отчет в том, что вторым Сталиным ему не быть, да и не претендуя на эту роль, понимал, какую страшную опасность представляют для него лично органы. Прожив всю жизнь в верхних эшелонах власти, он, конечно же, знал, на что они способны, коли у кучера нет достаточных сил, чтобы удержат вожжи.

Госбезопасность постигла новая, но на сей раз – практически бескровная “чистка”. Что уже само по себе указывало на изменение в соотношении сил (глава тоталитарного государства – органы) и в какой–то мере предопределило конец Хрущева.

Владимир Семичастный, Председатель КГБ, обеспечивший брежневский переворот осени 64–го года, тоже ни в коей мере не был Берией, но то, что Хрущев не стал Сталиным, коего органы смертельно боялись, и позволило им, органам, стать соучастниками, если – не направляющей силой заговора. Хрущев оказался как раз тем “старым волком”, слабость которого тут же учуяла стая... В тоталитарном государстве ничего делать наполовину нельзя – ни карать, ни миловать. Те, кого покарали, – не испугались, озлобились, те, кого помиловали, – поняли: этот – не вожак.

...Расстрел в пятьдесят третьем Берии, а за ним и его ближайших помощников – Кобулова, Багирова, через год – ленинградский процесс над министром госбезопасности Абакумовым и начальником следственной части МГБ Леоновым,¹ высшая

мера для организатора знаменитого “дела врачей” – генерала МГБ М.Рюмина и кое-кого еще, – все это, конечно, повергло органы в смятение. Ждали – по опыту – худшего.

В 1955 году из лагерей стали возвращаться уже не одиночки – тысячи людей, помнивших и, весьма отчетливо, своих мучителей. В Главной военной прокуратуре (ГВП) была организована специальная группа под руководством ныне генерал-майора в отставке Бориса Викторова, которой и была поручена реабилитация – пересмотр сфальсифицированных ранее дел.² Потом такие группы возникли по всей стране. В их работе, естественное дело, принимали участие и сотрудники обновленного, как считалось, КГБ: многие бывшие сотрудники НКВД-МГБ были уволены. “На наше место, – жаловался мне Хват, – пришли непрофессионалы – люди из Центрального Комитета партии”. То есть те, кто и санкционировал репрессии. Профессионалы, заметим, тоже остались. Органы поменяли “вывеску”, изменив слово “министерство” на “комитет” – Комитет государственной безопасности СССР, и... И принялись “создавать” новые дела по все той же 58¹⁰ статье (“контрреволюционная агитация”) – только теперь сажали за анекдоты не о Сталине – о Хрущеве.³ Комитет государственной безопасности СССР возглавил заместитель Берии в конце тридцатых, “герой” – организатор массовых депортаций народов Кавказа – в годы войны, генерал Иван Серов*. Он, кстати, курировал дело академика Николая Вавилова – к нему не раз обращался за советом “мой” Хват... Обновились.

Так что же произошло со всей этой многотысячной армией следователей НКВД-МГБ?

Да, в общем-то, – ничего.

38 генералов НКВД лишились своего звания, как, например, лишился его уже ставший генерал-лейтенантом авиации(!) Александр Авсеевич – один из тех, кто весьма успешно выбивал в 37-ом показания из комкора Виталия Примакова – участника знаменитого “военно-фашистского заговора” в Красной Армии. В отличие от своего коллеги Ушакова-Ушимирского, он счастливо избежал бериевской “чистки” кадров и перешел под другую “крышу” – в ВВС**.

Сотни чекистов расстались с партийными билетами. Но не сразу. Скажем, Хват, уволившись из органов – не по своей, ко-

* Генерал армии И.Серов в последние годы своей жизни возглавлял садово-дачный кооператив “Красная звездочка”.

** Военно-Воздушные Силы СССР.

нечно, воле, 5 лет был секретарем парторганизации (!) одного из управлений Министерства среднего машиностроения СССР (известного как “атомное министерство” или еще – “ведомство Славского”). Однако, когда уголовное дело против Хвата было закрыто “по истечении срока давности”, другой заместитель Главного военного прокурора генерал Дмитрий Терехов добился–таки, чтобы Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в 1962 году исключил Хвата из партии. Хотя министерство и представило на своего партийного лидера хорошие и очень хорошие характеристики... А почему нет? Почему эти характеристики должны были быть плохими? Не сомневаюсь, что, пройдя т а к у ю школу НКВД–МГБ, Хват был замечательным партийным секретарем.

Наконец, десятка верных служаек – из тех, кто был уже в возрасте, – потеряли свои персональные пенсии – тоже, конечно, обидно. Потерял ее и Хват, и знакомый нам Соломон Луховицкий. Он еще в пятьдесят первом году был уволен из органов по болезни, но после реабилитации Аркадия Емельянова и Арона Темкина, формулировка увольнения (по представлению ГВП) была изменена: “по фактам, дискредитирующим высокое звание офицера”. Пенсия Луховицкому была снижена до 1400 рублей (старыми)...⁴ Когда Рика Берг вернулась в Москву после своих лагерей и вечной ссылки, ее зарплата секретаря–машинистки составляла 350 рублей – тоже “старыми”...

Что касается скамьи подсудимых, то на нее, по свидетельству генерала Викторова (а именно ГВП возбуждала дела против следователей НКВД–МГБ), из многотысячной армии пыточных дел мастеров попали лишь единицы. Прежде всего – те, кто много знал и кто был ненужным свидетелем для новой власти. Их пускали в расход быстро и судили при закрытых дверях.

Нет, официально, для газет, процесс, скажем, того же Абакумова был открытым – столь же “открытым”, сколь “открытыми” были потом, в шестидесятых–семидесятых и процессы над диссидентами. Так называемым представителям или делегациям “общественности” выдавались специальные пропуска – столько–то для активистов N–ского завода, столько–то – ударникам N–ской фабрики, такое–то количество для райкома и проч. Причем, пропуска эти старались распределять так, чтобы одни и те же люди не могли услышать весь процесс, от и до, полностью.⁵ Резоны очевидны. Те же, по каким “закрытый” доклад Никиты Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях” был обнародован в собственной

стране лишь в 1989 году:⁶ кухню и методы управления своим народом тоталитарное государство предпочитало не раскрывать. Органы, как часть этого государственного управления, и подавно.

Впрочем, думаю, была и чисто практическая цель в том, чтобы эти процессы слушались исключительно в закрытом порядке. Во-первых, советским гражданам вовсе не обязательно было знать технологию работы НКВД-МГБ – ведь она ни каким образом не изменилась.

“Что изменилось, что изменилось? – сердито передразнивал меня один из бывших руководителей КГБ Владимир Семичастный. – Сажать перестали – это и изменилось”.⁷

Сажать, поправим генерала, совсем не перестали – это-то мы знаем.

Но что и ничего больше не изменилось – понимаем теперь тоже. Хотя, конечно, и за отсутствие массовых репрессий – великое спасибо Хрущеву...

Ну, а вторая причина (или – пятая, шестая) закрытых дверей заключалась в том, что ореол тайны, окружавшей подобные процессы, создавал в народе иллюзию, что подобных судебных разбирательств было много – во всяком случае, больше, чем их было на самом деле...

Правда, в одном из своих “перестроечных” интервью тогдашний Председатель КГБ СССР Владимир Крючков, вполне убежденно сказал, что около полутора тысяч следователей НКВД-МГБ были осуждены “за нарушение законности”,⁸ – я не случайно подчеркиваю формулировку. Мне жаль расстраивать бывшего Председателя, но боюсь, что информацию ему готовили люди, плохо знакомые с историей советской юриспруденции.

Во-первых, совершенно очевидно, что в названную цифру включены те, кого судили во время ежовской и бериевской “чистки” органов, и судили как “врагов народа”,⁹ а вовсе не потому, что они нарушали закон. (И – какой закон?) А, во-вторых...

Как уходили следователи НКВД-МГБ от наказания? На то было несколько путей.

Первый – амнистия 27 марта 1953 года.¹⁰ Она была подготовлена аппаратом Берии в память о кончине вождя и учителя Сталина. Под эту амнистию попадали не только уголовники (о политических речь даже не шла), но и лица, совершившие должностные, в том числе должностные воинские преступле-

ния (“злоупотребление властью”, “превышение власти”, “бездействие власти”, “халатность” и т.д.) – статья 193¹⁷ пункт “б” *. Именно эта статья прежде всего вменялась следователям НКВД–МГБ, против некоторых ГВП пыталась возбуждать уголовные дела. И именно благодаря амнистии, распространявшейся на эту статью, от суда ушел, например, Луховицкий. Не говоря уже о том, что срок давности по этому виду преступлений – 193¹⁷ – составлял 10 лет. То есть тот же Хват не мог быть осужден за фальсификацию дела Николая Вавилова, поскольку с того времени прошло уже (к пятьдесят пятому году) – 14 лет. И – не был осужден.

Но ведь кто–то же все–таки попадал за решетку? Попадал. За решетку отправились те, чьи деяния следователям ГВП удавалось квалифицировать по все той же печально знаменитой, дикой, незаконной 58–ой статье, по которой шли на плаху – как контрреволюционеры, шпионы, террористы, вредители и изменники Родины – их же, следователей НКВД, жертвы. По этой статье срока давности можно было не применять.¹¹

Так был осужден в декабре 1957 года бывший следователь, а к середине пятидесятых годов – уже генерал–лейтенант МГБ Александр Ланфанг; он “лепил” дела на руководителей Коминтерна – И.Пятницкого, В.Кнорина, Я.Анвельда, В.Чемоданова...

“Я сижу в тюрьме уже шесть с половиной месяцев. Я жил надеждой, что следствие разберется в моей абсолютной невиновности. Теперь очевидно все пропало. Меня берет ужас. Я еще и еще заявляю, что ни в чем не виновен перед партией и советской властью. Я был и остаюсь преданнейшим сторонником и защитником советской власти. Я всегда был готов да и теперь еще готов положить жизнь свою за наше социалистическое Отечество. Но я не могу, не хочу, да и не должен сидеть в советской тюрьме и судиться за право–троцкистскую контрреволюцию, к которой я никогда не принадлежал, а боролся с ней”, – писал Игорь Пятницкий из тюрьмы в Политбюро ВКП(б). Это заявление главы делегации ВКП(б) в Коминтерне, человека, позволившего себе в 37–ом открыто выступить против наркома НКВД Ежова, было найдено в архиве Ланфанга.¹²

Ланфанг получил 15 лет, столько же, сколько и полковник Николай Кружков, сажавший за решетку ученых в дни ленин–

*Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года, действовавший в 1936–1939 и 1946–1950 гг.

градской блокады. По этой же статье был расстрелян один из самых страшных следователей НКВД, полковник Леонид Шварцман, входивший в группу “создателей” “нового военно-фашистского заговора”, по которому в октябре 1941 года, когда немцы стояли у Москвы, было “ликвидировано” 6 генералов Советской Армии.

Итак, Ланфанг и Кружков были осуждены как “вредители” (статья 58⁷), Шварцман – как террорист (58⁸), Абакумов и Леонов – как изменники Родины (58¹), – ни один – “за нарушения законности”.

Однако и тут на военных прокуроров нашлась управа. В декабре 1958 года были приняты новые Основы советского уголовного законодательства, согласно которым – и слава Богу! – была отменена 58 статья в ее прежней редакции. Другие же статьи, напомню, имели срок давности. Это и был еще один путь, по которому прекращались дела в отношении следователей НКВД–МГБ. Им удавалось или точнее – им помогали затянуть следствие как раз до принятия новых Основ. О том, что такой закон готовится, понятно, стало известно заранее.

Если и это кого-то не спасало, если оказывалось, что и Указ об амнистии 1953 года “не работает”, и срок давности по статье 193¹⁷ еще не истек, – о, тогда... Тогда из уголовного дела просто-напросто вынимались целые тома следственного материала – те тома, по которым суд мог бы обвинить в совершении преступления по статье о воинских преступлениях. Так, например, случилось с подполковником Боярским, с которым читатель еще познакомится в этой главе.

Ну и, наконец, были и другие, лежащие за границей уголовного кодекса возможности. Военным прокурорам элементарно “выкручивали руки”. “Если бы вы знали, как на нас давили, – не выдержав моих расспросов воскликнул однажды генерал Викторov. – И как трудно нам было вести расследования: в огромном большинстве случаев свидетелей пыток и мучений просто уже не было в живых: кто расстрелян, кто забит в тюрьмах, кто погиб в лагере... И потом, – продолжал Борис Алексеевич, – вы ведь можете себе представить, что за дверями наших кабинетов стояла многотысячная очередь тех, кто ждал своей собственной реабилитации или реабилитации своих мужей, отцов, матерей... Живым справка о реабилитации нужна была для того, чтобы начать жить”.

Меня подмывало сказать Викторovu, что и осуждение следователей необходимо было для того же – чтобы всем нам

жить, а не мучиться в этой стране... Но подумала: легко обвинять военных прокуроров в отсутствии принципиальности, коли у 99 процентов из нас ее не было. И – нет. Да и многое ли изменилось бы, коли Система оставалась прежней?..

Нет, все–таки кое–что изменилось бы. Но для этого нужен был советский Нюрнберг.

У Страны Советов была единственная возможность восстановить справедливость и наказать убийц: квалифицировать преступления сталинской поры как геноцид, как преступления против человечества – каковыми они и были. Другими словами – деяния следователей НКВД–МГБ должны были бы быть отождествлены с преступлениями создателей Освенцима и Бухенвальда, с преступлениями тех, кого советские суды и сегодня приговаривают к высшей мере наказания...

Но советский Нюрнберг был невозможен. Ибо так же, как Нюрнберг немецкий, он вскрыл бы преступность самой Системы и ее идеологии. ИДЕИ, их породившей.

В результате, посадив за решетку или расстреляв несколько десятков сотрудников НКВД–МГБ, режим, с одной стороны, – как бы удовлетворил всегда присущую России жажду возмездия, с другой – показал: вот они, именно они, эти полковники и генералы, – виновники ваших мук, поломанных судеб и вырванных с корнями жизней. Что порочна сама система органов безопасности (о государственном устройстве и не говорю) никто из наших вождей ни тогда, ни позже не сказал... “Одним из первых актов Западной Германии после окончания войны, – писал как–то Лев Разгон, – был акт публичного государственного извинения перед жертвами фашистов, широчайшая материальная компенсация их близким. ГДР, скинувшая своего коммунистического лидера, но еще не вошедшая в состав Объединенной Германии, тоже тут же присоединилась к этому извинению.”¹³ “Нам каются не в чем”, – говорил Председатель КГБ, генерал Крючков.¹⁴

Закономерен вопрос: куда же тогда подевались все эти следователи НКВД–МГБ? Как куда? Я что–то не слышала, чтобы кто–нибудь из них был выдворен из Страны Советов как лица, дискредитирующие их социалистическую Родину... Преданные органам до смертного одра уже за одно то, что те “вывели их из–под боя” – отвели от них суд, решетку, а возможно, и высшую меру наказания, – они представляли собой действительно бесценные для КГБ кадры. Об одном таком человеке я и хочу здесь рассказать.

Эта история началась для меня еще в то время, когда я занималась Хватом. А закончилась спустя два с половиной года, весной 1990, очерком “Лубянка: будет ли этому конец?”.¹⁵ Хотя понятно, что по жизни – сие не конец, а сплошное многоточие.

Но начну я не с начала – с середины, с 5 сентября 1988 года. Начну так не ради интриги – я не беллетрист, и не потому, что в этот день мне исполнилось тридцать лет, и дома меня ждал накрытый стол, гости и трехмесячная дочь Лелька, требовавшая материнской груди, а мама в это время сидела на собрании в актовом зале Института проблем комплексного освоения недр (ИПКОН) Академии наук СССР и благодарила судьбу, за то, что Господь определил ее в журналистику.

Просто в этот день происходило событие, не имевшее, насколько я знаю, прецедента в советской истории и уже по одному тому стоившее десятка праздничных столов. Подонку и убийце, чекисту с полувекowym стажем, в этот день публично, с документами на руках, люди, выросшие в смертельном страхе перед такими, как он (а кое-кто и перед ним лично), в глаза сказали: подонки и убийцы. Хотя, конечно, в интеллигентном ученом собрании выражения употреблялись помягче. Ну что ж, пусть будет так (все-таки “убийца” – категория, определяемая судом): ему было выражено общественное презрение.

Человек этот – бывший следователь НКВД, на совести которого как минимум 117 человеческих жизней: 57 – расстреляны, 4 – умерли от пыток в процессе следствия, остальные отправлены в лагеря, где многие и погибли;¹⁶ палач, которому инкриминируется “убийство способом особо мучительным для убитой, с использованием ее беспомощного состояния”;¹⁷ обладатель высшего кагебэшного отличия – знака “Почетный чекист”, специалист по научной и творческой интеллигенции, подполковник госбезопасности в запасе Владимир Боярский.

Он же – кандидат исторических и доктор технических наук, заведующий лабораторией истории горного дела ИПКОНа, преподаватель Горного института, член Союза журналистов СССР, жуир и покоритель женских сердец, желанный гость самых престижных столичных творческих домов и задушевных интеллигентских компаний, профессор Владимир Ананьевич Боярский.

О Боярском я написала в одном из своих очерков, написала тогда немного (почему так – рассказ впереди), всего 2–3 стра-

ницы, но факты – в том числе и приведенные выше – там были, и были для репутации профессора, конечно, убийственные.

Коллеги Боярского – я имею в виду по научной его деятельности – ни о чем подобном, естественно, не подозревали, а если кто-то что-то и подозревал, то конкретики не знал и узнать не стремился. В брежневские годы на всяческие разговоры о репрессиях был наложен строжайший запрет, а кагебэшники мерещились за каждым углом. Впрочем – они там и были. Не случайно, Владимир Ананьевич где-то с начала семидесятых вновь стал гордо писать во всех открытых анкетах, что работал в НКВД–МГБ, тогда как в хрущевские времена о своей деятельности в тридцатых–пятидесятых скромно проставлял: “Был на воинской службе”.

Короче, в институте, в Академии наук информация о двойной жизни Боярского произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Кто-то – из людей постарше – тихо хватался за сердце, вспоминая свои излишне откровенные беседы с коллегой – профессором, кто-то перестал спать по ночам, опасаясь, что его очевидная близость к Боярскому, частые душевно-доверительные (с упоминанием фамилий) разговоры с подполковником наведут на определенные размышления друзей-товарищей. Не буду никого называть, но могу сказать сразу: таких людей было немало и в ученой среде, и в среде журналистско-писательской...

Сам Боярский к публикации в “Московских новостях” отнесся профессионально, то есть спокойно. Статья его не испугала. Надо признать: воли и выдержки этому человеку не занимать – закалка сильна.

Нет, конечно, было неприятно как раз накануне Дня Победы увидеть под своим портретом в институтской галерее участников Великой Отечественной войны кем-то привешенную табличку – “палач”. Неприятно было ощутить и пустоту в ответ на протянутую им для рукопожатия руку. Немного подпортил настроение и разговор с новым директором института членом-корреспондентом АН СССР Климентом Трубецким. Тот всего несколько месяцев как принял хозяйство и, конечно, был ошарашен неожиданно-негаданно свалившимся на него “подарком” – раздражения не скрывал. И то понятно: куда ни приходил, “слава” впереди него бежит: “это у вас этот мерзавец работает?” “Если все изложенное в газете, как вы утверждаете, клевета, – сказал Боярскому тогда Трубецкой, – то вернуть вам честное имя может только суд”. В суд Боярский, естественно, не подал – слава Богу, не мальчик – подполковник госбезопасности,

опыта о-го-го! И покаянные вериги – опять же опыт, опыт! – не надел. “Ты чего же не пришел? – укорил дальнего родственника, не оказавшегося на традиционном семейном сборе, аккурат после публикации в газете. – Статью прочитал и не смог... – Другие тоже прочитали, и ничего, пришли,” – рассказывал мне в телефонном разговоре тот родственник.

Однако и в бездействии Боярский не сидел. На все вопросы отвечал однозначно: ложь. В НКВД – да, работал, но следователем никогда не был и никого не сажал. Жонглировал какими-то бумагами со звучными подписями. Намекал на высокие связи – фамилии употреблял все известные: секретарей ЦК и членов Политбюро. Почти не блефовал – связи у него действительно были, и тянулись они из прошлых времен. Сколь высокое положение занимал тогда Боярский, можно понять хотя бы по тому, что его фамилию я нашла в одном из писем Сталина Клименту Готвальду, руководителю Чехословацкой компартии.¹⁸ Сам же Боярский жаловался мне, что Главная военная прокуратура “обрушилась” на него в конце пятидесятых (то есть завела уголовное дело) только потому, что он, Боярский, поссорился – де с Никитой Хрущевым.

Ну, а кроме того, профессор собирал на меня компромат – “клеил дело”, обзванивая людей, обиженных моими прошлыми статьями, связанными с грызней в геологической науке. “Обиженные”, раскумекав что к чему, о том меня сами и предупредили, за что я им очень благодарна. Наконец, Боярский сообщил дирекции института, что из газеты меня уволили или – вот-вот собираются уволить, редакция готовит опровержение, а “Московские новости” власти и вовсе закрывают.

Нет слов – Боярский был достойный противник – не чета Хвату: держал в тонузе, помогал чувствовать нерв жизни...

А тут, к удовольствию профессора, подоспела и XIX партконференция, с трибуны которой Егор Лигачев – тогда второй человек в партии и государстве – крайне негативно отозвался о “МН”.

“Скоро в этой грязной истории будет поставлена точка”, – заключил подполковник.

После этого мне домой позвонил директор института Трубецкой и довольно нервически спросил: “Вы по-прежнему уверены, что ничего в своем очерке не напутали? Не может оказаться, что Боярский – прав?” Не может. О Боярском я к тому времени знала, наверное, больше, нежели его родные и близкие. Но тревоги Трубецкого мне были понятны: член-корреспондент АН СССР, директор, человек партийный – рычагов давле-

ния более чем достаточно. Допускаю даже, что его вызвали в райком партии – объяснили сложность политического момента – или куда-то еще: в каждом райкоме была такая неприметная дверь – без таблички, но зато с маленьким звонком сбоку – районное управление КГБ.

Короче, коллективная институтская душа требовала фактов – жаждала услышать документы, способные подтвердить или опровергнуть то, что было изложено в статье журналистки.

Услышали. Собрали собрание – народу набилось полный зал. Пригласили начальника отдела Главной военной прокуратуры СССР, генерал-майора юстиции Владимира Провоторова и меня.

И Боярский – услышал. Услышал то, что был убежден, похоронено навсегда. Спрятано, в том числе и в его личном деле ОИ-4630, хранящемся в архиве Комитета государственной безопасности СССР. (Чтобы не подводить КГБ, скажу сразу: Комитет к обнародованию этих документов никакого отношения не имел. Так бывает.)

“Настоящим свидетельствую, что т.Боярский В.А. с 1932 по 1936 г. находился на негласной работе в НКВД Северо-Осетинской АССР. С января по август 1932 г. в качестве осведомителя, а затем и резидента по заводу “Севкавцинк” в г.Орджоникидзе. С августа 1932 г. по апрель 1936 г. платным резидентом, самостоятельно проводил вербовку агентуры, участвовал в агентурной разработке, систематизации материалов. При непосредственном участии т.Боярского возникли и успешно доведены до конца некоторые агентурные дела... на антисоветские троцкистские группы из числа профессорско-преподавательского и студенческого состава вузов г.Орджоникидзе. Как прикрытие т.Боярский был устроен в тот период на учебу в Институт цветных металлов. В период 1932–1936 гг. т.Боярский работал под моим руководством”. Подпись – полковник Городниченко. 22.VIII.47 г.¹⁹

Это – начало славной биографии. (К слову: сей замечательный документ мне не удалось опубликовать вплоть до марта 1990 года. На собрании – зачитала, но потом на него набросились все цензурные инстанции, начиная от ЦК КПСС и кончая зависимым от КГБ Главлитом – ныне Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совмине СССР*. Из второго очерка о Боярском – “Анатомия мерзости” – документ

* Только что узнала: теперь это Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации.

был вынуден прямо в типографии, когда газета была практически подписана в печать. Редакция потребовала объяснений – объяснили: подобная публикация раскрывает методы работы КГБ...)

А это – продолжение славной биографии:

“За период работы Боярского В.А. в должности оперуполномоченного 4-го отдела он руководил и возглавлял агентурную группу “Учебные заведения, профессура и интеллигенция”. За один год гласной работы провел успешно следствие и ликвидацию следующих дел: “Дело преподавателей “Северо-Кавказского Пединститута” – в количестве 5 человек, контрреволюционная троцкистская группа. Дело “Фашисты” – контрреволюционная молодежная фашистская диверсионная организация в количестве 11 человек. Дело “Наглые и аграрники” – контрреволюционная фашистско-повстанческая организация. По делу арестовано 6 человек. Дело “Боевое” – контрреволюционная фашистская буржуазно-националистическая организация в количестве 9 человек... Кроме того ведет агентурную разработку по делам контрреволюционного фашистского типа: “Корифей”, “Приятели”, “Арийцы”, “Гнус”, “Эсперанто”, “Националист”, “Друзья”, “Фашисты”, “Шакал”... Боярский обладает живым, комбинационным умом”,²⁰ – свидетельствовала характеристика на Боярского В.А. в его личном деле ОИ-4630 Особой инспекции МГБ.

Особой инспекции сейчас в КГБ нет – ее функции приняли на себя Управление кадров КГБ и Инспекторское управление. А было это подразделение мощнейшее (да и сейчас не последнее), что-то вроде тайной полиции над тайной полицией. Сюда стекалась вся важнейшая информация на сотрудников госбезопасности: продвижение по службе, личные характеристики, докладные по начальству, резолюции руководства и тому подобное. Здесь же собиралось и все “грязное белье” чекиста. В личном деле был на то специальный раздел – “компрометирующие материалы”. Доносы своих на своих же, жен на мужей, любовниц, соседей и так далее, анонимки, нарушения по службе, агентурные данные: “источник Лебедь докладывает”, “агент Юрист показал”, “жители подъезда сообщают”. Короче – чтение захватывающее и информационно чрезвычайно насыщенное.

Так вот, согласно этой информации, карьеру Боярский сделал стремительную: начав в тридцать шестом рядовым оперуполномоченным, он уже спустя три года был начальником секретно-политического отдела Управления НКВД Северной Осетии. В тридцать седьмом получил свое первое звание (тогда

они только-только вводились) – сержанта госбезопасности, меньше чем через два года уже был лейтенантом, еще через год – старшим лейтенантом госбезопасности.²¹ Что это означало? Это означало, что, когда он входил в офицерский клуб, армейские майоры и полковники – вставали.

Любопытно – бывают же такие совпадения: одно из незавершенных дел Боярского – на первого секретаря Осетинского обкома КПСС Беталы Калымова, в Москве, в Центральном аппарате НКВД, продолжала группа, в которую входил и Александр Хват.²²

Войну Боярский закончил уже полковником – начальником контрразведки “СМЕРШ” (“смерть шпионам”) V Армии 1 Дальневосточного фронта Приморского военного округа.

Однако я опережаю события. Тем более, что сам Боярский свою чекистскую карьеру был склонен видеть совсем другими глазами...

Я была убеждена: на собрание он не придет. Думала: сколько бы ни был циничен этот человек, должен же он испытывать – нет, не стыд, конечно, – об этом и говорить – то смешно – неловкость, некомфортность, что ли, от необходимости как-то объясняться перед людьми – коллегами, учениками, друзьями, с которыми бок о бок проработал многие годы и которые ведать не ведали о той его, первой жизни. Пришел. И не один – с внуком, молодым человеком лет двадцати. Ему поручил все происходящее в зале записывать на магнитофон.

Выглядел, правда, Боярский усталым, даже несколько болезненным, как выглядит человек, жестоко и несправедливо обиженный. Во всяком случае, не было той строгой подтянутости и чуть провинциальной светскости, с которой встретил он меня полугодом раньше, во время нашего первого разговора... (Деталь: “Кофе”, – предложил мне тогда профессор. – “Нет, спасибо”. – “Вы что, боитесь я вас отравлю?” – удивился он. Я подумала: как же специфически устроена у этого человека голова.)

Боярский взял слово первым. Начал так: “Считаю своим долгом не оправдываться. Я пришел для того, чтобы рассказать правду”.

Говорил он долго. Подробно. Обильно приправляя свой монолог модными ныне словами: “правовое государство”, “гласность”, “демократия”... Он всегда умел органично входить в окружающую его реальность: в 30-х писал в рапорте на имя за-

местителя наркома внутренних дел Северо-Осетинской АССР: “С конца 1936 года я начал ставить вопрос, что мы работаем не так, как нужно, что необходимо внести рационализацию, применять стахановские методы”.²³ (За два года, 1937–1938, тройкой НКВД С-О АССР было рассмотрено 2313 дел. 1032 человека приговорены к высшей мере наказания, 1281 – к лишению свободы от 8 до 10 лет.²⁴) В 50-х, в годы хрущевской оттепели, публиковал в центральных изданиях – “Труде”, “Коммунисте”, “Международной жизни” – статьи под заголовками типа “Порог нового мира” – о возрождении страны в послесталинское время, выпустил книгу “День рождения нового мира”...

Говорил, умело расставляя паузы, варьируя интонацией и высотой звука, лишь пунктирно упоминал одни факты и расписывал – другие. Например, о своей деятельности во второй половине 40-х годов, когда по стране прокатилась новая, еще более страшная, чем в 37-ом, волна репрессий, сказал вскользь: “Работал в Москве, потом за границей”.

“В Москве” – это значит заместителем начальника Управления МГБ по Москве и Московской области – курировал следственный отдел. И курировал, по свидетельству подчиненных, сурово, строго: “Тот, у кого было мало ночных допросов, кто допрашивал меньше 10 часов в сутки, кто не умел “мотать” арестованного и не получал от него признательных показаний, считался руководством негодным и неспособным работником”, – рассказывал о нем бывший следователь управления Геннадий Колесов.²⁵

“Боярский – кровавый жандарм, потерявший человеческий облик, провокатор по своему нутру, профессиональный палач, ни перед чем не останавливающийся карьерист, насадил и показывал образцы ведения следствия, которые могли заставить “сознаваться” в том, что не было совершено, и помочь тем, кто совершил преступления, спрятать концы”, – писал трижды арестовывавшийся журналист Ефим Долицкий,²⁶ “познакомившийся” с Боярским в сорок восьмом, в застенках Бутырской тюрьмы.

Под словами “за границей”, о которой упомянул Боярский, кроется и вовсе замечательное: в 1950 году полковник Боярский был назначен старшим советником при национальном комитете госбезопасности ЧССР. Фактически – он был министром госбезопасности новой социалистической страны с окладом 29 тысяч крон, что соответствовало максимальной зарплате чехословацкого министра.²⁷ Именно Боярский стоял у истоков знаменитого “процесса Сланского”. Об этом я еще расскажу.

Зато о себе времен войны профессор рассказывал подробно и в деталях: как готовил диверсионные группы для засылки в тыл врага, как отлавливали по лесам шпионов, как был награжден 5 орденами, 10 медалями и боевым оружием, как с боями входила в Маньчжурию его V Армия 1 Дальневосточного фронта, в составе которой он возглавлял отдел контрразведки “СМЕРШ”...

“Летом 1945 года... полковник Боярский, находясь в Харбине, совершил крупное ограбление жительницы г.Харбин гражданки Аркус, – читаю я в разделе “компрометирующие материалы” в личном деле чекиста. – Боярский произвел незаконный арест Аркус, а все ее имущество – золото, бриллианты, серебро, меха, фарфор, одежду, мебель – было тщательно упаковано и вывезено в гор. Спасск-Дальний, где проживал постоянно Боярский... В июне месяце 1946 года (он) погрузил все в 50-тонный пульмановский вагон и отправил в Москву... Аркус сохранилась незаконно под стражей до трех месяцев без санкции прокурора... Боярский под давлением получил от Аркус подписку о том, что она никаких претензий к органу, арестовавшему ее, не имеет... Боярский увез из квартиры Аркус имущество на сумму до одного миллиона рублей...”²⁸

“Этим делом занималась следственная бригада, в которую я входил”, – рассказывал мне в восемьдесят девятом майор юстиции запаса Зорма Семенович Вольтинский, в послевоенные годы – старший военный следователь Военной прокуратуры V Армии. Прочитав мою статью, Вольтинский прислал мне из Харькова, где живет, письмо, а потом и приехал в Москву: “Это была чистая “уголовка”: по всем параметрам Боярского надо было сажать за ограбление, но материалы забрали в Москву в НКВД и дело заглохло...”

Эльза Ароновна Аркус была владелицей парфюмерной фабрики в Харбине. Человек, ее арестовавший, – Боярский, вернувшись в столицу своей социалистической Родины, вскоре получил повышение – как раз в столичное управление госбезопасности. Работая же потом в Чехословакии допускать, как написано в компромате, “большие излишества в быту и злоупотреблял служебным положением” – изъясил и уничтожил книгу выдачи продуктов советской военной миссии. За это был разжалован в подполковники: у своих воровать – ни-ни!

Короче, говорил Боярский на том собрании, ни мало не смущаясь от того, что как минимум два человека в этом зале – генерал-майор Провоторов и автор, – эту легенду о его карьере

уже слышали и без труда подмечают то, как она видоизменяется в зависимости от меры осведомленности слушателей.

Что касается начала своей биографии, фактов, приведенных в газете, то это, конечно, сказал он, клевета. Как было? Мальчишка-комсомолец, бегал по собраниям и конференциям, вел большую и известную по тем временам – тут голос набирает силу – комсомольскую работу... (Что в минуты отдохновения от общественной деятельности стучал на своих же комсомольцев – умолчал.) В 1936 году с 4-го курса вуза мобилизован по путевке ЦК ВЛКСМ в НКВД – выполнял исключительно техническую работу: начальники не любили писать – специфика национальной республики – и просили заполнять протоколы. Голос почти дрожит: “За закрытыми от меня дверьми (я цитирую!) творились преступления, о которых я, мальчишка-комсомолец (цитирую!), и не подозревал...”

Да-да, “мальчишка-комсомолец”... “В 1938 году на заседании “тройки” Боярский докладывал дело на братьев Лац Владимира и Августа”, – рассказывала следствию в 1940 году секретарь “тройки” Ольга Славина, осужденная на 2 года 6 месяцев за то, что самолично внесла в протокол о расстреле имя неугодного ей человека. – “Насколько я припоминаю, на Владимира Лаца было больше материалов, то есть доказательств, чем на Августа... Но когда Боярский высказал свое мнение о расстреле Августа, Миркин (нарком НКВД Северной Осетии в то время – Е.А.) сказал, что он “молодой и что ему надо дать 10 лет”. Боярский стал доказывать, чтобы его расстреляли, и действительно, решением “тройки” Август Лац был приговорен к расстрелу. Когда протокол заседания тройки был отпечатан и я его принесла на подпись Миркину, он, дочитав до Лаца, сказал: “Надо с Боярским быть осторожней, а то он подведет. Я Лаца Августа хотел пропустить по второй категории (т.е. не расстрел, а лагерь – Е.А.), парень он молодой, да и материала на него мало, а Боярский его угробил”. На мое замечание, почему же он как председатель “тройки” не отстаивал свое мнение, Миркин, подумав немного, сказал: “Черт с ним, все-таки он – немец” ...²⁹

Да-да, “за закрытыми дверями”. “Видел в кабинете Боярского поэта Алибалова со связанными руками, он был избит, лицо в крови. Боярский требовал от него признательных показаний. Алибалов так и умер в кабинете Боярского, но он доложил его дело на “тройке”, как о живом. Было принято решение применить к нему ВМН (высшую меру наказания – Е.А.), сос-

тавили акт о расстреле, тогда как он давно умер...” (Из показаний коллеги Боярского по НКВД Ивана Кучиева.)³⁰

В 1939 году “мальчишка–комсомолец” из провинциального Орджоникидзе был переведен – вероятно, за особые заслуги – в Москву, в Центральный аппарат НКВД, во Второй Главк – контрразведка. И тем, кстати, счастливо избежал чистки ежовских кадров: уголовное дело на него уже было заведено, компромат уже собирали – повезло: “Материалы расследования по делу Боярского В.А. сдать на временное хранение” – гласило решение инспекции НКВД СССР.³¹

Кто–то (не Господь же!) Боярского хранил. Этим “кто–то” был комиссар госбезопасности, потом генерал КГБ Виктор Ильин. В 1937 году Ильин отправился с инспекцией в Северо–Осетинское Управление КГБ и заметил там Боярского. В середине шестидесятых Ильин стал... секретарем по оргвопросам Московской организации Союза писателей СССР – тоже *специалист* по творческой интеллигенции...

– Зачем вы нас дурачите? – спросили Боярского из зала, когда он закончил свой рассказ на тему “мальчишки–комсомольца”, а мы с Провоторовым зачитали документы. “Зачем?” – риторический вопрос. Затем, что на протяжении всей его жизни – и первой, чекистской, и второй, чекистско–профессорской, ему это прекрасно удавалось. Привык...

– Если у нас не будет настоящего правового государства, – как бы не заметив вопроса, вновь заговорил Боярский, – то многое из того страшного, что мы сейчас узнаем, может повториться, – нравоучительно (профессор!) подытожил он.

У сидевшего рядом со мной генерал–майора юстиции Провоторова побагровела шея, потом стало багроветь лицо. Он тяжело поднялся со своего стула, оправил китель с золотыми генеральскими погонами, – вид у него был такой, как будто он собирается вызвать Боярского на дуэль или как минимум съездить тому по лицу. (“Да что вы! – скажет Провоторов мне после. – Буду я еще об этого гада руки марать!”) Генерал медленно открыл пожелтевшую от времени архивную папку и начал читать документ.

“...Боярский расследовал дело по обвинению учительницы Алагиро–Ардонского района по имени Фатимат, которую Боярский называл эсеркой. При допросах этой арестованной Боярский применял карательные меры. Он заставлял ее продолжительное время стоять у него в кабинете... Однако эта арестованная категорически отрицала свою вину, заявляя, что убили за неправду ее мужа и она умрет, но ложь на себя говорить не

будет... От длительных стоек тело арестованной сильно распухло, она обессилела и стала падать, т.к. не могла стоять. Тогда Боярский предложил нам с Зарубиным привязать ее к стене. (Шешуков, чьи показания зачитывал генерал, и Зарубин были курсантами Харьковского пограничного военного училища, прикомандированными в то время к НКВД Северо-Осетинской АССР; они были отданы в подчинение Боярского – Е.А.) Для этого он сам надел на руки арестованной наручники со сложенными на спине руками и предложил нам веревкой от наручников привязать к какому-то предмету, вбитому в стене. Кроме этого Боярский предложил веревками захватить за плечи арестованной (под мышками) и также привязать за гвоздь в стене. После этого Боярский сам лично привязал ее косами за гвоздь, чтобы она не опускала голову на грудь или по бокам. В таком положении мы, курсанты, охраняли арестованную посменно. Пищу и воду арестованной не давали, в уборную не водили и от нее исходил резкий запах. Боярский приходил сюда время от времени и требовал от нее показаний, но она ничего не показывала, в связи с чем Боярский заявлял, что “не отвяжем пока не сдохнешь или не будешь давать показания”. Последнее время арестованная бредила, была в безумном состоянии, стонала вначале сильно, а потом все тише и тише. Однажды я заступил на дежурство и стал ее охранять. Примерно в 4–5 часов утра арестованная умерла. Минут за 35–40 до смерти она подняла голову и сказала: передай начальнику, что я умираю, но ложь на себя говорить не буду”.³²

Учительница Фатимат Додоевна Агнаева умерла 14 сентября 1937 года. По словам уже упоминавшейся секретаря “тройки” О.Славиной, Боярский держал Агнаеву на “стойке” более 17 суток: “Агнаева до последнего вздоха кричала, что муж ее Михель не враг, а честный человек...”³³

Зал был потрясен. Зал зашумел.

– Это клевета, меня оклеветали, – фальцетом выкрикнул Боярский.

Провоторов взял другой пожелтевший том, открыл нужную страницу, повернул ее к залу:

– Вот протоколы допросов Агнаевой, смотрите, – он переворачивал лист за листом, – под каждым – подпись Боярского. – Боярский, вы узнаете свою подпись? – Тот промолчал. – Вот допрос врача Хаита, осматривавшего труп и, по принуждению Боярского, выдавшего ему справку, что следов насильственной смерти на трупе не обнаружено. Вот показания других курсан-

тов – Зарубина, Смолева, Абрамова, взятые у них в пятьдесят восьмом году...

– Почему же Боярского не судили? – откуда–то из дальнего ряда поднялся худой, бледный молодой человек. – У меня растет дочь, и я... я просто боюсь... Сколько их, таких мерзавцев? – последнее слово молодой человек выговорил с явным усилием – интеллигентный молодой человек: его приучили с почтением относиться к старшим. Он смотрел на Боярского. Я – на внука чекиста. Тот был абсолютно бесстрастен – держал на вытянутой руке магнитофон, микрофоном повернутый к говорящему.

Почему их не судили? Потому что они были нужны.

Нужны как кадровые сотрудники, которые работали на КГБ под чужими “крышами” – для Боярского была выбрана Академия наук. Как профессиональные агенты (не чета разным там любителям–стукачам), которые наблюдали за окружающими их людьми. Как хорошие селекционеры, отбирающие и помогающие продвигаться по службе – в самых разных областях: в науке, в культуре, в промышленных министерствах и ведомствах – людям не обремененным нравственными принципами, но готовым – за хорошую, конечно, зарплату, служить партии и государству и органам так – как э т а партия, э т о государство и э т и органы от них того требуют.

Почему не судили Боярского?

В 1956 году Комитет партийного контроля исключил его из партии “за грубые нарушения социалистической законности в 1937–1939 годах”, – как будто в сороковых он цветочками торговал!

В том же году военный прокурор Северо–Кавказского военного округа возбудил уголовное дело против целого ряда следователей, трудившихся в НКВД Северной Осетии – против Боярского в том числе. Его обвиняли во вредительстве (статья 58⁷ УК РСФСР).

Расследование шло ни шатко ни валко, на военного прокурора совершенно очевидно “давили”, обвинение было переквалифицировано на другую статью – должностные преступления (193¹⁷) и дело благополучно закрыли – опять же “по истечении срока давности совершения преступления”.

Но вот тут вышла незадача: первый секретарь Северо–Осетинского обкома КПСС не успокоился – нажаловался Никите Хрущеву, тот, видно вспомнив Боярского, “спустил” распоряжение ГВП, и та вновь открыла дело.³⁴

Тогда Боярским и его северо–осетинским шефом Городниченко уже занялась целая группа военных следователей под ру–

ководством подполковника юстиции Дмитрия Васильевича Каширина.

С Кашириным мне удалось увидеться и поговорить незадолго до его смерти. Он рассказывал мне, что его группа подобрала около 300, выражаясь юридическим языком, эпизодов на Боярского. То есть фактов, свидетельствовавших, что Боярский лично арестовывал, лично пытал, лично подводил людей под расстрел. Нашли следователи и опросили, и несколько десятков свидетелей – живы! “Это был истинный виртуоз, – говорил мне Каширин, – настоящий виртуоз, мастер пыточного дела”.³⁵

Однако Боярский тянул время – отказывался давать какие-либо показания, в том числе и на очных ставках.³⁶ Наконец, его арестовали – на месяц отправили в Бутырки. И, одновременно, выделили в отдельное производство, а попросту – вынули из уголовного дела том XIV, в котором были собраны материалы о деятельности будущего профессора в сороковых–пятидесятых годах. В том числе – дела, не подпадавшие ни под амнистию 1953 года, ни под срок давности по статье 193¹⁷. Это касалось прежде всего работы Боярского в Чехословакии и службы в Литве – в качестве начальника отдела Управления МВД* Шяуляйской области, куда он был сослан после того, как потерял “звездочку” – понижен в звании до подполковника и коллегией МВД рекомендован к использованию только на периферии страны.

В Литве Боярский прослужил до конца ноября 1953 года – боролся с зелеными братьями** и оставил, понятно, о себе память: Витаутас Волотко, которым “занимался” Боярский, подписывая очередной протокол “собственноручных показаний”, в углу ставил латинские буквы “ZP” – “зверски принужден”. Боярский был верен себе до конца...

Короче, из Бутырок его выпустили “в связи с болезнью”,³⁷ и в феврале 1959 года заместитель Главного военного прокурора генерал Борис Викторов подписал постановление о прекращении уголовного дела “за истечением давностного срока с момента совершения преступления”.³⁸

“Принял грех на душу”, – сказал мне недавно Викторов.

Бурно начавшаяся когда-то хрущевская оттепель шла к концу.

* В марте 1953 года МГБ ненадолго (до марта 1954 г.) слили с Министерством внутренних дел и все вместе назвали МВД.

** “Зеленые братья” – вооруженные соединения литовцев, боровшихся против советской власти в Литве и советских оккупационных войск.

Кандидат исторических наук, преподаватель Московского полиграфического института (с 1958 года), старший научный редактор издательства Академии наук СССР Владимир Ананьевич Боярский возвращался по месту своей оперативной работы...

Так и не сумела нигде найти: месяц, проведенный в Бутырках, ему оформили в счет отпуска или – выдали больничный лист?

* * *

О Боярском я узнала от Викторова. Профессор к тому времени уже совершенно замучил Главную военную прокуратуру своими жалобами: с начала “перестройки” требовал своей реабилитации, хотел снова вступить в ряды КПСС. Почему – то он решил, что с перестройкой пришло его время...

Генерал Викторов давно уже был на пенсии, перенес не один инфаркт, но связи с ГВП не терял – рылся в архивах, готовил к публикации свою книжку.

К слову: я вовсе не идеализирую Викторова – он, как принято говорить, человек своего времени. Однако генерал неизменно подкупает меня своей какой – то корневой честностью. А это удивительно: все – таки столько лет – в советской военной юстиции. После ГВП был в Министерстве внутренних дел – замом у известного всей стране Щелокова (оттуда и вышел в отставку), а вот, неизвестно как, сохранился. Вдруг позвонит и покается: “Вот еще на мне грех – Реденса я реабилитировал...” Реденс был мужем сестры жены Сталина (одной из Алилуевых) и начальником Московского НКВД в самые страшные – в тридцатые годы. То есть руки – по локоть в крови. В бериевскую “чистку”, естественно, посадили, расстреляли. В пятьдесят шестом семья подала ходатайства о реабилитации. Викторов, подняв дела Московского НКВД, отказал. Тогда пришла бумага от Хрущева: “Настоятельно прошу разобраться”. Ну, советская юстиция и “разобралась” – реабилитировала. Почему же тогда и Боярскому не требовать реабилитации?..

Короче, Викторов мне рассказал о Боярском: есть такой профессор, а был – следователем. То, да се, мучил людей, а осудить мы его не смогли – не дали. Я в то время писала о Хватте, была окрылена успешным своим поиском и полагала, что с профессором больших трудностей у меня не будет.

Фамилию Боярского я без труда нашла в справочнике Академии наук, да и в Академии его помнили: “Как же, как же, наш Владимир Ананьевич...”

“Наш Владимир Ананьевич” всегда был любезен, услужлив, приятен в общении – так о нем мне потом говорили многие. К тому же – бесспорно умен – не Хват, по-своему талантлив, не скажу, чтобы слишком интеллигентен, но и не лишен известного светского лоска – в столичных творческих домах вполне был свой, к месту.

Коллегам по Академии неизменно помогал лекарствами, с коими в Советском Союзе всегда был дефицит, – жена работала в полубогемном Институте курортологии. Помогал и своими связями, помогал – в бытность свою руководителем редколлегии научно-популярной литературы Редакционно-издательского совета АН, – без проволочек, вовремя, без тягостного ожидания бумаги и очереди в типографию, членкорам и академикам издать свои монографии и книги. Не всем, понятно, членкорам и академикам помогал – кому следовало или к кому имел особое душевное расположение. В общем, скажи людям, его окружавшим, что человек этот убийца и уголовник, – не поверили бы: “Так мил, так мил...”

Особенно любили его женщины – в них он безошибочно угадывал нужную струну. А что? С его природным нахрапом, силой, абсолютной уверенностью в себе – о, такой должен был косить слабый пол и направо и налево. И косил, знаю – косил. Кстати, мои собеседники из КГБ объясняли мне, что женщины особенно легко поддаются на вербовку (тем паче, если вербовщик хорош собой) и дают подчас неизмеримо более ценную информацию, чем мужики... Вот и на то собрание в институте защищать Боярского пришла экзальтированная дама лет сорока – не одна, правда, пришла, с коллегами-профессорами Боярского из смежных институтов. Но те в конце как-то сникли, а дама билась за него – ничего не слыша – со всей силой своей неизрасходованной страсти...

Впрочем, наши с Боярским отношения поначалу складывались довольно напряженно. Я позвонила ему в институт – секретарша соединила, – представилась, соврала (я уже кое-что о нем знала): занимаюсь историей северо-осетинского комсомола, слышала, что он там работал, правда – в НКВД...

– Следователем я никогда не был, – сказал, как отрезал, минуты не взяв на размышление. – В Северной Осетии не работал – учился в институте, потом женился, переехал в Москву...

Времени встречаться со мной у него, понятно, не было: очень загружен – выполняет важное правительственное поручение, руководит разработкой комплексной программы изучения природных ресурсов СССР. Работа ответственная (кто бы

сомневался!) – на контроле в Большом Совмине и в ЦК... Вот и сейчас, прямо после нашего разговора, направляется именно туда – пропуск заказан во второй подъезд...

Для иностранца – разговор как разговор, для советского журналиста подтекст незатейлив – его и не скрывал: “Учтите, – говорил мне всем этим Боярский, – связи у меня большие, в самых верхних эшелонах власти (второй подъезд ЦК – подъезд, через который, во всяком случае в то время, ходили генеральные секретари КПСС, члены Политбюро и секретари ЦК – “каста высших”), там меня ценят и уважают, так что смотри, детка, как бы тебе зубки не обломать...”

– И вообще, дайте мне телефон вашего главного редактора, – уже совсем строго сказал профессор, – я выясню, кто и зачем вам поручил мне звонить...

Ну, думаю, нахал, совсем меня за школьницу держит. Телефон дала (главного предупредила) – на том и распрощались.

Я поняла: это – орешек крепкий, ходить придется кругами, добывать документы. И уж если не с документами в руках, то – зная их, – ехать к Боярскому. Вопрос – как добывать?

В Главную военную прокуратуру в то время обращаться было бесполезно: я уже обожглась на Вавилове и Хвате. В прокуратуре исправно лгали, что в их архивах ничего нет. В КГБ – и подавно: Комитет и сейчас*, несмотря на всю нашу гласность и безудержную демократию, не позволяет даже родственникам ознакомиться с делами своих безвинно убиенных родных – отцов, матерей, бабушек и дедушек. А хотят–то они немногого: узнать, когда в действительности родные погибли, где, в каком лагере похоронены. Ну, безбожная страна – что тут поделаешь!..

Короче, пришлось мне обращаться за помощью к Викторову и... к еще одному человеку, фамилию которого я пока приберегу.

Викторов сразу согласился: “На Боярском пробы ставить негде”. Тот, другой, – тоже. Не зная друг друга, они добыли мне из архива ГВП то, что пока и требовалось: обвинительное заключение ГВП пятьдесят девятого года и свидетельство курсанта о мученической смерти учительницы Фатимат Агнаевой

* Май 1991 года. Немногое изменилось и сейчас, после переворота. С ноября 1991 года Лев Разгон просит дело Ефрема Берга – отца жены. В бытность свою Председателем КГБ Вадим Бакатин дал свое “добро”, но стоило Бакатину покинуть Лубянку, как та тут же закрыла свои двери.

(тот документ, который зачитывал на собрании генерал Провоторов). Не много, но и – не мало.

Прочитав все это, я благодарила Бога, что Боярский дал мне тайм-аут: боялась, что, увидевшись с ним, – не сдержусь...

А Боярский позвонил мне сам, и не на работу – домой. Как узнал телефон (я живу за пределами Москвы – в общегородских справочниках этого телефона нет), не спрашивала – и так понимала.

Владимир Ананьевич на этот раз был любезен, то есть почти друг семьи. И о муже моем он знал, и о сестрах, и обо мне навел справки (так и выразился: “навел справки”). И статьи мои прошлые читал, и бескомпромиссность и принципиальность мою – “этого и требует наше время!” – ценит. (Все – цитирую: разговор записывала в блокнот.) Потом последовали фамилии общих знакомых – людей известных в журналистских и писательских кругах. Потом кое-кто из этих “знакомых” мне тоже звонил – рассказать, сколь милый человек Владимир Ананьевич, сколь многим он в этой жизни помог (как конкретно звонившим – я не уточняла) и вряд ли стоит ворошить это туманное прошлое – был ведь совсем мальчишка. (“мальчишка-комсомолец” – как вы, надеюсь, помните.)

В общем, сговорились с Боярским о встрече – на 12 апреля 1988 года. К тому времени я уже переговорила с Кашириным – тем подполковником юстиции, который вел дело Боярского в ГВП, созвонилась с Хасаном Икаевым (в тридцать седьмом, перед арестом, – первый секретарь Ирафского райкома партии Северо-Осетинской АССР): “Я стоял непрерывно в кабинете Боярского по двое-трое суток. Мне не давали в это время пить и спать. Причем есть давали только соленый бульон... А когда я просил пить, Боярский расстегивал ширинку брюк и говорил: “Я тебя сейчас напою из моего крана”...³⁹ (Позже Икаев воскликнет перед видеокамерой: “Ты, Боярский, надеялся, что все умерли, но кое-кто жив, в частности я, Икаев Хасан!..”) По цепочке мой телефон стали передавать и другим жертвам Боярского, их детям – они сами находили меня.

Каюсь, отправляясь на встречу с Боярским, мужу оставила его телефон и адрес, предупредила: если через три часа не вернусь – поезжай с друзьями туда (почему – туда, а не на Лубянку?). Честно сказать, я не из трусливых, хотя, конечно, в темный лес гулять одна не пойду и, входя в московские подъезды ночью, в кармане нащупываю газовый баллончик, – просто это было особое время в моей жизни, не слишком предназначенное

для всякого рода эксцессов – через три с половиной месяца мне было рожать.

Боярский жил в хорошем, сталинской постройки, доме, в престижном районе почти в самом центре Москвы: угол Садового кольца и Калининского проспекта. Помимо престижности, дом этот имел и совершенно особую славу: через здание от него находится посольство США, а потому традиционно считается, что селятся здесь люди, которые ГБ особо проверены, позволяющие Комитету из их квартир устанавливать всякие приборы для наблюдения за посольством. Так ли на самом деле, нет – не знаю.

Квартира у Боярского была прекрасная – в таком чудесном, спокойном, интеллигентном стиле: без показного богатства, когда от хрусталя в глазах искрит, но и, конечно, без бедности. По квартире он меня не водил, да я и не просила, хотя мебель оглядывала с интересом: та ли, что вывез из дома маньчжурской миллионерши Эльзы Аркус, или другая – сменил?

Говорили мы в его кабинете. Нормальный профессорский кабинет: много книг. Книжки свои Боярский тоже показывал: и публицистикой баловался, и научную монографию выпустил. На журнальном столике были приготовлены пирожные – свежайшие (не иначе как из ЦДЛ), кофе в турке, изящные чашечки. Тут и прозвучала фраза (на мой отказ разделить трапезу): уж не боюсь ли я, что он меня отравит.

Разговор был – как в шахматы играли. Он прослезился: жену год назад похоронил, я – голову склонила. Он заметил: как рано я без отца осталась (ну все, сукин сын, знал!), я – еще ниже голову: теперь, чтоб раздражение скрыть. Потом фотографии свои показывал: каким был в чудесной своей комсомольской юности. Красив был – слов нет: строен, крепок, высок. Лицо чуть широковатое – не из дворян, это видно. Но глаза – карие, с тёмпераметным излетом бровей. Черные волосы – не волосы: шевелюра! – зачесаны назад и вверх, как бы продолжая линию совсем немного вздернутого, горделивого подбородка. Да и сейчас, несмотря на то, что семьдесят пять, стройности фигуры не утратил, хотя, показалось, волосы чуть подкрашивает, убирая из аккуратно подстриженной седины часто присущую его возрасту желтизну.

Когда я упомянула фамилию Фатимат Агнаевой – дернулся, стал прощупывать, что я знаю. Сказал, прежде всплакнув (“Простите, вспомнил жену: так любили, так любили друг друга... Почему она – первая, не я?”): оклеветали. Жестоко оклеветали, завидуя его комсомольским успехам (“Я действительно

был вожаком, обо мне говорили: “Наш Павел Корчагин!”) и – что скрывать – благорасположению девушек. И снова: следователем НКВД никогда не был, в контрразведке потом работал – это да, возглавлял отделение по борьбе с американской агентурой – теперь об этом можно сказать, но следователем? – это грязная работа... нет, нет, Бог миловал. Уголовное дело в ГВП? Это личная обида Хрущева: со света сживал, но доказали – невиновен.

Поговорили о научной карьере. Я поинтересовалась, как же это ему удалось, не имея исторического образования, семнадцать лет напряженно работая в органах, ровно через год после увольнения из Министерства безопасности защитить диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук? Вопрос как бы сам собой элегантно повис в воздухе – у Боярского вдруг попадали на пол все разложенные на столе бумажки, он, чуть покрхтывая (“Ах, Женечка, старость – не радость”), принялся их собирать, почти ползая у моих ног. Когда, наконец, собрал, вопрос был забыт. Я задала другой: “Какова была тема вашей диссертации?” Ответил:

“Восточные славяне в гуситском движении”.

Заметив мое изумление (из школьной истории я помнила: Ян Гус – знаменитый чешский проповедник, отец Реформации в Чехии в первой половине XV века. У кого же такой материал украл?), поторопился добавить:

“Мой отец был историком, я использовал его материалы”.

Все – от первого до последнего слова – ложь. И отец не был историком – школьный учитель. И диссертация называлась по-другому: “Разгром интервентов и белогвардейцев на Восточном фронте (лето 1918 – начало 1919 г.)”.⁴⁰ Но это я узнаю уже потом, когда подниму архивы Высшей Аттестационной Комиссии (сокращенно – ВАК), где хранятся “дела”, на всех, кто получил кандидатскую или докторскую степень – во всяком случае в Москве.

Тогда же в моей голове выстраивалась совсем другая версия: в начале пятидесятых Боярский был старшим советником при Национальном комитете госбезопасности Чехословакии. Наверное, посадил кого-то из ученых, при обыске нашел готовую рукопись, по привычке брать чужое – положил в карман. Вернулся в Москву, кого-то попросил перевести работу на русский, дальше – при его связях – дело простое: защитил. Вопрос – как найти доказательства? Видно, надо просить о помощи чехов, каким-то образом пролезть в пражский архив... Каким? Если с перестройкой в братской соцстране в то время – весна 1988 го-

да – обстояло совсем туго: до “бархатной революции” оставалось еще полтора года и местные органы блюли свои секреты ничуть не меньше, чем органы советские...

Значит, так: в Чехословакию полковник Боярский – тогда еще полковник – приехал в конце июля 1950 года. Задержался там не долго – всего 15 месяцев, но за это время успел арестовать... Впрочем, история стоит того, чтобы о ней рассказать не торопясь, во всяком случае не в одном абзаце. Ибо это – не только рассказ об еще одной трагедии, но и своего рода очерк нравов, царивших (царящих?) в госбезопасности...

К лету пятидесятого года как раз закончилось служебное расследование в связи с ограблением владелицы парфюмерной фабрики Эльзы Аркус. Оно шло все время, пока Боярский был на посту заместителя начальника МГБ по Москве и Московской области, и результаты его легли мертвым грузом в раздел “компрометирующие материалы” личного дела Боярского. И тут, неожиданно для окружающих, полковник вдруг получает высокое назначение – место старшего советника. По слухам, сработал именно тот, украденный у несчастной жительницы Харбина (ко всем ее несчастьям, еще и завербованной МГБ) миллион.⁴¹ Министерством госбезопасности тогда руководил Виктор Абакумов, о котором говорили – “берет”, и берет купюрами крупными.

Правда, к Абакумову у Боярского был и другой ход. Еще в войну он довольно близко сошелся с генералом Белкиным, начальником Управления контрразведки “СМЕРШ” Северо-Кавказского фронта, руководителем советского разведывательного бюро по Центральной Европе и координатором вошедших в историю “монстр-процессов” – фальсификацией против лидеров компартий стран, как тогда говорили, народной демократии. Белкин дал Боярскому рекомендательное письмо к Абакумову,⁴² а уж “подмазал” тот письмо или нет – о том судить не могу. Тем более, что кандидатуру старшего советника (естественно, по представлению МГБ) утверждал Центральный Комитет ВКП(б).⁴³

В Чехословакии Боярский жил на широкую ногу. Вообще, этому человеку нельзя отказать в одном – в способности из жизни выуживать все, на полную катушку. Всегда не чуравшийся роскоши, занимал в Праге прекрасный особняк, имел четыре человека прислуги, охрану, пять собак...⁴⁴ Для советского человека, особенно советского человека сталинской поры, подобное – это все равно, что стать членом Политбюро. Жена Боярского, Ирина Ахматова, от открывшихся вдруг воз-

можностей просто потеряла голову: не знала, как распорядиться прислугой, а потому беспрестанно гоняла ее, заказывала бесконечные платья, скупала в магазинах отрезы...⁴⁵ Обо всем том, естественно, “стучали” в Москву коллеги: как-никак под началом будущего профессора было 50 советских советников,⁴⁶ трудившихся на ниве чехословацкой безопасности и разведки.

С Ириной Ахматовой Боярский познакомился еще в годы войны. А познакомившись, устроил работать к себе в “СМЕРШ”, как, впрочем, и родного брата Георгия, в будущем – студента ВГИКа (такая для него была выбрана “крыша”).⁴⁷ Ахматова была полковнику верной помощницей (понятное дело, пока не развелись, – как развелись, писала на него же доносы).⁴⁸ Тогда, в Маньчжурии, Эльзу Аркус они “обрабатывали” вместе: жили рядом, Ирина по-соседски заходила к старухе поболтать, посмотреть, где что лежит. Аркус русскую полюбила, дарила подарки, ничего не скрывала. Так что грабили – не искали: все потайные места были известны...⁴⁹ Полагаю, и из Чехословакии вернулись не с одним чемоданом.

Еще коллеги “стучали” – не воздержан Боярский в еде: просто-таки гурман! “За три месяца израсходовал на питание 219 тысяч крон, тогда как на весь коллектив – 600 тысяч”.⁵⁰ Понимаю, обидно. Тем более, что зарплата у Боярского, как я уже писала, была не маленькая – 29 тысяч крон, равнялась максимальной зарплате местного министра. “Без консультаций с главным советником, – признавался позже тогдашний министр госбезопасности Ладислав Копржива, – я не принимал никаких принципиальных решений... Главный советник имел у коммунистических функционеров вес больший, чем министр”.⁵¹ Значит – платили за дело?

Впрочем, и в Москве у Владимира Ананьевича зарплата складывалась не маленькая. Он получал: 3600 рублей – основной оклад, 1300 – надбавка за воинское звание, плюс 15 процентов от оклада – 735 рублей – за выслугу лет. Итого – 5633 рубля в месяц (все – старыми).⁵² Для сравнения: в том же 1949 году, цифры коего я привожу, недавний зек, старший научный сотрудник кабинета культпросветработы Дома политпросвещения г.Ставрополя Лев Разгон имел зарплату 600 рублей в месяц. Мой отец – радиоинженер, кандидат наук, руководитель подразделения одного весьма секретного оборонного научно-исследовательского института (а за “войну” Сталин платил всегда хорошо), получал – вместе с премиями – 1800–2000 рублей, что считалось деньгами более чем приличными.

Между тем, на Боярского “стучали”: прикарманивает деньги, отпущенные для агентуры... Не хватало?

Но – геник о меркантильном. Поговорим о деле, за которое Боярскому и платили деньги.

В Чехословакию Боярский был послан организовывать очередную “монстр–процесс”. Уже прошло судилище над Ласло Райком в Венгрии (министром внутренних дел и одним из самых популярных лидеров компартии) и Костовым – в Болгарии. На очереди оказался чехословацкий генсек Рудольф Сланский.

Сталин таким образом наказывал своих послевоенных союзников за идею их “особого пути” к социализму, то есть – за тягу к самостоятельности. А также предупреждал всякую, даже гипотетическую возможность альянса с югославским отступником Иосипом Броз Тито. (Советские газеты тогда были полны возмущенных заголовков: “Тито и его клика”, равно как и карикатур на югославского диктатора.)

Сталину требовалось единство. Единство всех советских колоний, вступивших, правда, несколько насильственно, на социалистический путь развития. Вождю совершенно было необходимо беспрекословное подчинение его, и только его воле: Сталин вынапивал идею военного похода на Европу. В январе 1951 года в Москве состоялось тайное совещание руководителей компартий стран Варшавского блока и советского Генштаба, на котором вождь заявил о том, что союзники обязаны использовать свое военное преимущество для распространения социалистического режима во всех европейских странах. Военные подсчитали, что выгодная для Советов внешнеполитическая ситуация должна сохраняться в Европе еще в ближайшие три – четыре года.⁵³ Так начиналась подготовка к третьей мировой войне... Господь не позволил: смерть Сталина в марте 1953 года спасла нас всех от этой страшной катастрофы...

Понятное дело, Боярский выполнял задание весьма рьяно. Уже к февралю 1951 года арестовал около 50 высших чехословацких функционеров,⁵⁴ в том числе, следуя принятой в НКВД–МГБ практике, – руководителей Национального комитета госбезопасности. Почистил.

Еще раньше в подвалы чехословацкой Лубянки отправился Отто Шлинг – первый секретарь регионального комитета КПЧ в Брно. Вслед за ним – его коллеги по комитету, люди, которым он протезировал, будучи весьма влиятельным в стране человеком, друзья по испанским интербригадам – Шлинг воевал в свое время в Испании.

Правда, поначалу, Боярский, то ли не разобравшись в указа–

ниях Москвы, то ли эти указания были противоречивы, то ли Готвальд* был еще не готов отдать своего генсека, – короче, руководитель советских советников повел расследование сначала как заговор против Сланского. Отту Шлингу в том отводилась ключевая роль: 4 февраля 1951 года Шлинг “признался” Боярскому, что имел душевное намерение ликвидировать генерального секретаря КПЧ.⁵⁵ Впрочем, нельзя и исключить, что, давая “добро” на эти аресты, и Готвальд, и сам Сланский пытались таким образом “откупиться” от Сталина – а вдруг сие жертвоприношение удовлетворит диктатора? Ах коммунисты, ах безбожники – везде одни и те же! Вот она – Идея...

Сам же Боярский объяснял мне, что, несмотря на указания из Москвы, старался спасти Сланского, “отвести от него меч”, что и послужило причиной крушения его карьеры и отзыва в Москву.

Однако в моей голове эти два понятия – “Боярский” и “спасти” кого-либо, кроме собственной шкуры, – укладываются плохо. То есть вовсе не укладываются. Тем более, что все историки пражского процесса сходятся на том, что как раз усилиями Боярского дело “клепалось” именно как дело Сланского. Буквально не успев разобрать привезенные из Москвы чемоданы, полковник принялся выбивать компромат на генсека, придерживая протоколы до поры до времени у себя в столе, а потом, козыряя ими, убеждал чехословацких лидеров, что над Шлингом стоит кое-кто повыше...

Явственно изменился с приездом Боярского и характер арестов – они приобрели откровенно националистический антисемитский характер, а само судилище в Чехословакии задумывалось – так и прошло – как суровый удар по “мировому еврейству, сионизму и международному еврейскому империализму”. Арест Шлинга – выходца из еврейской семьи – был тому лишь первым знаменем. Евреем был Сланский. Евреями были и одиннадцать из четырнадцати человек, осужденных по этому процессу. В самом Советском Союзе в это время шла война с “космополитами”: евреев выгоняли отовсюду, откуда только было возможно выгнать, готовилась их депортация в Сибирь и на восток страны...

Все – правильно, все – логично. Дело, начатое Гитлером с молчаливого, кстати сказать, попустительства со стороны мировых держав – Англии, Франции, США, – подхватил Сталин. Нацистское государство, осужденное в Нюрнберге с участием

* Клемент Готвальд – президент Чехословакии с 1948 года.

советских юристов, жило и продолжалось, как и предсказывал эсэсовец из романа Василия Гроссмана*, на необъятных просторах одной шестой части земного шара...

Что касается Боярского, беда полковника, думаю, заключалась в том, что он просто плохо “слепил” свое дело. Как призыв? Поставил на “стойку” на “конвейер”, попил соленым бульончиком или водой из туалета и – на тебе: “троцкист”, “фашист”, “террорист”. Особых доказательств не требовалось – ни ему, ни Особому совещанию.

Не учел: Чехословакия – это все-таки не Союз, все-таки центр Европы, все-таки пятьдесят первый год и у американцев – бомба, да и Сланский как-никак генсек. Сталин любил, чтобы подобные процессы обставлялись хорошо – хотя бы с неким внешним оттенком достоверности. А вдруг – и тут найдется свой Уолтер Дюранти, который расскажет миру о правоте обвинения**? 56

Короче, Сталин оказался недоволен. Прочитав отчет Боярского, присланный из Праги, осердился: в материалах “нет никаких аргументов для обвинения”, чтобы начать процесс против Сланского приличествующим тому образом. О том и написал в письме Готвальду от 21 июля 1951 года. Письмо заканчивалось словами: “...Из этого видно недостаточно серьезное отношение к работе, и поэтому мы решили Боярского отозвать в Москву”. 57

Готвальд расстроился: “...Он (Боярский – Е.А.) представляет нам очень ценную помощь по линии министерства нац. безопасности”, просил – оставьте нам полковника. 58

Но вождь был непреклонен: “Опыт работы Боярского в ЧССР показал, что у него недостаточно квалификации для выполнения ответственных обязанностей советника...” 59

Бедный, бедный Владимир Ананьевич! Не только генеральские погоны “уплыли” – полковничьи не сохранил! Арестовывал Сланского уже генерал МГБ Алексей Бесчастнов, ему же предстояло довести процесс до искомого конца, а значит, и получить лавры. 60

Готвальд на замену Боярского на Бесчастнова согласился, приехавшие из Москвы товарищи верно ему донесли: в МГБ, кажется, называют большие изменения. Осенью 1951 года

* См. Главу “Палачи и жертвы”

** Американский журналист Уолтер Дюранти, допущенный на знаменитый процесс “право-троцкистского блока” (1938 год) по обвинению Бухарина и др. “поверил почти всему, что там говорилось, и поведал миру о своей “поддержке процесса”, – пишет в “Большом терроре” Роберт Конквест.

протежировавший Боярскому Абакумов был арестован. Не повезло...

...О пражском процессе, как и о других “монстр-процессах”, написано, наверное, с десяток книг. Не хочу повторяться, да и тема эта – как коммунисты убивали друг друга, – откровенно говоря, меня уже мало интересует. Я обещала очерк нравов МГБ – его и продолжу.

Итак, Владимир Боярский борется в Чехословакии с мировым еврейством, а в это время... А в это время над ним самим сгущаются тучи, да какие! Весь прошлый “стук” по поводу прислуги, платьев и “невоздержанности в еде” – о, это был не стук, так – “стучки”. Хотя они тоже легли потом в обвинение, по которому Боярский потерял “звездочку”.

Главный, действительно мощный “стук” пошел от заместителя старшего советника товарища Есикова. (Полагаю, для исследователей дела Сланского нижеследующее станет открытием: сию пикантную страницу я почерпнула из личного дела Боярского Особой инспекции МГБ.)

Товарищ сообщал московскому начальству, что “поведение тов. Боярского ему кажется неправильным, неискренним”. В частности, товарищ Есиков считает, что Боярский “...неправильно себя повел в связи с наличием в органах безопасности Чехословацкой Народной Республики материалов о враждебной деятельности еврейских буржуазных националистов, ряд из которых пробрался в государственные и партийный аппарат”.

Тов. Есиков указывает, что “развороту этих материалов тов. Боярский не способствовал и направил записку об этом в МГБ СССР только лишь под нажимом со стороны аппарат советника Есикова и некоторых других работников аппарата”...*

Могу представить себе, как возмутился товарищ Боярский! Это он-то, во всеуслышание заявлявший, что “наш главный враг – международный сионизм, который везде разослал своих агентов”,⁶¹ не способствовал “развороту материалов”? Он, потративший столько сил и энергии, чтобы расчистить путь и усадить в кресло одного из основных управлений чехословацкой госбезопасности зоологического антисемита Андрея Копперта?! Копперта, известного тем, что “при виде человека с крючковатым носом”, – говорил – “немедленно либо открывал на то дело, либо – сразу отправлял в в тюрьму”...⁶²

Но товарищ Есиков не унимался – тонко разъярялся плохо что-то понимающему его начальству, про окрас волос товарища Боярского. Вот тут уже – государственное дело! – вопрос на-

* Из личного дела Боярского Особой инспекции МГБ.

чинает разбирать не кто-нибудь – сам заместитель министра госбезопасности СССР, генерал-майор Пытовранов. Он отправляет вверх, в ЦК, следующую записку: “По предположению ряда работников МГБ СССР, тов. Боярский неправильно сообщал о своей национальности – украинец, считая его по ма-
нерам и внешнему облику евреем...”⁶³

Ну, полоса выпала всегда такому удачливому Боярскому, ну просто черная полоса! Это же надо: в таком преступлении, в еврействе подозревают! И ведь не первый уже раз – пару лет назад писал объяснительную о том Абакумову – лично министру писал, а вот, опять все сначала... Вздохнул: “Проверка биографических данных Боярского, – заключает Пытовранов, – не подтвердила эти предложения”. П р о в е р к а не подтвердила! Надеюсь, до седьмого колена проверяли?..

Однако думаю (поскольку знаю нашу любимую власть), что подозрение в еврействе тоже стало одной из причин отзыва полковника из Чехословакии... Тут достаточно слухов.

Впрочем, меня вопрос, был ли Боярский евреем или нет, занимает мало (хотя один документ, найденный совсем недавно, говорит – не был). А – если и был? Известно, что еврей, скрывающий свое происхождение, становится самым страшным, самым омерзительным, самым оголтелым антисемитом.

А вот почему среди следователей НКВД-МГБ – и среди самых страшных, в том числе, – вообще было много евреев, меня, еврейку, интересует. От вопроса этого никуда не уйти. Да и не хочу я уходить.

Я много думала над этим. И, поверьте, это были мучительные раздумья.

Говорила себе: в процентном отношении – к общей численности еврейского народа в стране – евреев в НКВД было не больше, чем, скажем, русских или латышей.

Убеждала: отец сионизма Жаботинский еще в XIX веке сказал: “Дайте право каждому народу иметь своих подлецов”. Почему же им не быть среди евреев?

Вспоминала историю: кровавая резня евреев в Кишиневе в конце века, погромы в Одессе – в начале нынешнего, беспорядочное их убийство на Украине – в гражданскую...

Говорила, убеждала, вспоминала, но легче оттого мне не становилось: народ, столько пострадавший, – он-то цену страданиям должен знать?!

И вот до чего я додумалась – изложу это очень коротко.

Октябрьский переворот для евреев Российской Империи, с ее еврейскими резервациями – местечками, с ее страшными погромами, ограничениями в правах, невозможностью для мо-

лодых евреев получить высшее образование (за исключением так называемых “детей николаевских солдат” и детей купцов первой гильдии), – конечно, этот переворот стал для них своего рода национальным освобождением. Они приняли революцию, потому что не могли ее не принять: она подарила им надежду выжить, спокойно – не на горе, рожать детей, иметь равные права с другими людьми. Хотя старый Гидали в замечательном рассказе Исаака Бабея и говорит: “Что революция? Революция приходит и стреляет...”

Однако по свойству революций поднимать на поверхность, в том числе – и на поверхность человеческой души, все самое мерзкое, она вынесла на простор Отечества именно подонков народа. И в НКВД, на эту кровавую работу, пришли те, для кого она была возможностью самоутвердиться, ощутить свою власть, задушить собственные страхи. В этом евреи ничуть не отличались от своих коллег других национальностей, трудившихся в органах. Разве только – были лучше образованны (что считалось ценностью во всякой еврейской семье), а потьму быстрее продвигались по служебной лестнице, да еще, благодаря своему генетическому страху, особо усердствовали, опасаясь, что их уличат в “мягкости” к своим... Расплата наступила скорее, чем они предполагали, – не могла не наступить.

Вообще, я думаю, унижение любого народа таит в себе огромную потенциальную опасность для человечества. Американцы сейчас расплачиваются – и сурово расплачиваются – за свой черный расизм. Израиль платит, и еще будет платить, по палестинским счетам. Какую цену “выложит” СССР за многие десятилетия унижения советского народа – остается только гадать...

.. А Боярский возвращается в Москву. Напоследок, правда, отдает указание уничтожить книгу выдачи продуктов советской военной миссии. О чем, естественно, тут же, впереди него, летит “стук”.

Одного не могу понять: как, после столь убийственной критики Сталина, его не пустили в расход? Тем более – Абакумов уже в тюрьме, под следствием: по всем “законам” близкостоящих должны были “убрать”. Тем более, что Боярскому, в числе прочего, инкриминировалось: “Неправильно распорядился сведениями, полученными от источника (запомним: компромат собирался подчиненными и на министра!), что бывший министр Абакумов имеет связи с женщинами легкого поведения”. А

также – вменили – “в Москве у Боярского на столе, – сообщали коллеги, – был портрет Абакумова”...⁶⁴ Но, видно, заступники разжалованного полковника сидели очень высоко, не в МГБ – в Центральном Комитете славной ВКП(б). Видно, и вотжак старел – все более боялся обезумевшей от запаха крови стаи...

В обвинительном заключении коллегии МГБ по поводу Боярского слова Сталина и сам он даже не упоминаются, главным пунктом обвинения стала та самая, продуктовая книга: “За допущенные ошибки в работе и недостойное поведение снизить в воинском звании до подполковника”, – говорилось в приказе МГБ СССР № 5522 от 13 декабря 1951 г.⁶⁵ Соблюдали правила игры?

Так закончилась первая жизнь Боярского.

Так начиналась и вторая. В одной из собственноручных автобиографий Боярского 1979 (!) года я прочитаю: “В 1950–1951 г. был в Чехословакии, работал советником и одновременно собирал материалы для диссертации, что послужило одной из основных причин отзыва меня в июле 1951 г. в Москву...”⁶⁶ Каково?..

* * *

...Однако тогда, в апреле 1988 года, беседуя с Боярским у него дома, я, к сожалению, не знала практически ничего из того, что вам только что рассказала. На поиск этой и другой информации, о которой речь впереди, ушло более двух лет.

А тот апрельский день закончился вполне благополучно. На прощание Боярский любезно продиктовал мне рецепт, как похудеть (он тогда для меня был особенно актуален), я прилежно его записала, профессор проводил меня до дверей, на прощание поцеловал руку. Сказал – вскользь: “Уезжаю руководителем делегации Союза журналистов в Югославию”... “О, да мы еще и коллеги”, – удивилась я.

Держался он замечательно.

Личное дело Боярского в московской организации Союза журналистов я, естественно, нашла. Оказалось, что человек, пытавший журналиста Ефима Долицкого, поставивший свою подпись под обвинительным заключением по делу журналиста Александра Литвака, был принят в Союз журналистов еще в сентябре 1960 года. Через два года после того, как был выпущен из Бутырок, через четыре – как исключен из КПСС. Для западного читателя в том ничего удивительного нет, для советского – сплошные восклицания. Дело в том, что журналистики, в общецивилизованном понимании этого слова, в стране в то

время практически не было. Журналисты являлись идеологическим отрядом партии, более или менее талантливо излагавшим на страницах газет и журналов тот миф о действительности, который эта партия предлагала своим согражданам. Потому в Союз идеологов инарек, исключенный из партии, не мог быть принят по определению. Беспартийный – еще куда ни шло, скомпрометировавший собой партийные ряды – никогда.

Ничего, приняли.

Из немногих обнаруженных мною в деле документов, я узнала, что, оказывается, журналистикой Боярский плодотворно занимался аж с 1931 года. К тому был приложен и обильный список публикаций – во всех газетах: от районных до областных и центральных. Еще там была одна забавная справка, повествующая о том, что на заседании бюро секции издательских работников (читай – в узком кругу) присутствовал заместитель главного редактора издательства Академии наук, где тогда трудился Боярский. Заместитель – цитирую – “подтвердил, что Боярский В.А. исключен из партии и не восстановлен. Причину исключения тов. Ковалев не знал, т.к. она связана с работой тов. Боярского в органах.”⁶⁷ Точка. Подпись. И – никаких вопросов. Правильно: умные люди органам вопросов не задают.

Это была, конечно, мелочь, так – штрих, но для понимания того, как в оттепельное время формировался теневой штат КГБ, – штрих небесполезный.

Итак, Боярский в составе делегации Союза журналистов СССР отправился в Югославию, я же – в путешествие еще более увлекательное, именуемое публикацией очерка* в газете. Стоит ли говорить, что материал, как только он был набран в гранки и попал к цензору, кои тогда еще сидели в каждой редакции, тут же был отправлен в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС.

О всех перипетиях рассказывать долго и нудно, важно: партийные начальники тут же, безошибочно, вцепились именно в те страницы, где речь шла о Боярском. “Откуда вам это известно? Как можно? Уважаемый человек...” Казалось, появление очерка для них не было неожиданностью...

Главные бои развернулись вокруг рассказа о мучениях учительницы Фатимат Агнаевой – это были, конечно, убийственные для профессора абзацы.

“Представьте документы”, – потребовали в ЦК. Потребова-

* Очерк “Прощению не подлежат. Заметки человека, родившегося после XX съезда партии.” Московские новости, № 19, май 1988 года.

ли, понятно, не у меня – я как бы о всех этих “вертушечных”^{*} разговорах и знать – то не должна (к тому же – я беспартийная, то есть лицо, и так наполовину лишённое доверия) – потребовали от заместителя главного редактора “МН” Юрия Бандуры – он вел номер.

До Закона о печати, отменившего цензуру, тогда еще оставалось два года, потому послать их к черту и сказать, что документы журналист представит в суд, редакция не могла.

Документы лежали в моей папке, но извлечь их на свет Божий я не имела права – боялась тем подвести людей, которые мне их достали.

И вот тут нам пришла в голову совершенно гениальная идея – позвонить в Главную военную прокуратуру и просить их подтвердить подлинность того, что написано в очерке.

Я набрала номер помощника Главного военного прокурора, генерал-майора юстиции Владимира Провоторова – того самого Провоторова, который выступал потом на собрании в институте, где профессорствовал Боярский. Прочитала... Провоторов изумился: “Откуда у вас это?” Я что-то несвязное мычала в ответ, повторяя: “Но это – правда?”

Генерал, видно сверившись с архивными папками, перезвонил: все так. Не переставая удивляться, заметил: “Некоторые формулировки как будто взяты из заключения ГВП 1959 года...” Я скромно промолчала.

Дело было сделано: публикация очерка “Прощению не подлежат” открыла мне дверь в архивы Главной военной прокуратуры СССР – к уголовному делу профессора.

...Восемнадцать томов архивно-уголовного дела № 06–58 на Боярского В.А., прочитанные в ГВП, меня потрясли.

Ничуть не умаляя значения “Архипелага ГУЛАГа” Солженицына, “Крутого маршрута” Евгении Гинзбург, “Непридуманного” Льва Разгона, других исторических и литературных памятников режиму, должна сказать, что эти документы, не обработанные рукой литератора, не предназначенные для чужого прочтения, имеют, конечно, совершенно особую силу. Силу ма-

* “Вертушка” – так называется специальная телефонная связь, находящаяся, кстати, под контролем КГБ, для больших советских начальников. Главный редактор газеты, не имевший (да и не имеющий сейчас) подобной связи, не только отрезан от важных источников информации (дозвониться по обычным телефонам до людей номенклатуры очень трудно – секретарши заранее знают, с кем соединить, а с кем – нет), но и в кастовом советском обществе сразу как бы относится к числу людей второго сорта.

териальную; силу разрушительную для тоталитарного государства.

Тогда—то я, наконец, поняла, почему эти документы пятидесяти—тридцатилетней давности тщательно охраняли раньше, продолжают охранять и сейчас.

Строго говоря, все эти уголовные дела на следователей НКВД—КГБ, реабилитационные дела, надзорные производства, хранящиеся в архивах Главной военной прокуратуры, не говоря уже о следственных делах, припрятанных в КГБ, тюремных делах, гниющих в любой из старых тюрем, — все это надо публиковать в том виде, в каком они сохранились.

Вопрос не в том, что люди узнают какую—то новую для себя информацию. Хотя — узнают. Как узнавала ее я.

Узнают, что портного можно было арестовать за то, что он пришел не ту подкладку, музыканта — за то, что плохо сыграл на концерте и тем расстроил изысканный вкус начальника из НКВД, учительницу — за то, что поставила не ту оценку дочери следователя...⁶⁸

Узнают, как люди от боли и страха (скажем — клизмами из кипятка) превращались в готовых на все животных. Как сходили они с ума в карцерах размером 50 на 50 сантиметров — такой был в НКВД Северной Осетии,⁶⁹ как добивались показаний от тех, кому уже был объявлен смертный приговор.

Узнают, что пытка — это не обязательно избиение до потери сознания. Можно и не бить: не пускать в туалет во время многочасовых допросов — “подпишешь — пуцу”. Не давать есть по несколько дней подряд и притом — обедать на глазах у допрашиваемого. Сутками не разрешать спать. Приказывать не шевелить пальцами ног и рук. Предлагать испытывающему нестерпимую жажду заключенному воду из туалета. Отправлять в “холодную баню” с цементным полом. Приковывать к горячей батарее, и обещать все то же самое сделать, например, с дочерью...⁷⁰ И это — только из уголовного дела только одного следователя НКВД—МГБ.

А это — из другого: “Допрашивали всю ночь — 17 часов... Без сна, без еды... Требовали ложных показаний...” Год — 1988, третий год перестройки. Место — Москва.⁷¹

Я вообще думаю, что люди должны знать, что с ними могут сделать — в собственной стране, собственные сограждане. Не “нелюди” — как часто мы себя успокаиваем, — люди. Такие же люди, как и мы.

Но главное то, что там, на пыльных архивных полках, хранятся крики и стоны тысяч людей — их жалобы, предсмертные

письма, прошения о помиловании, просьбы их детей, жен, мужей и матерей, протоколы их допросов, свидетельства глумления над ними и их собственные исповеди–рассказы военным прокурорам... Там хранится, гниет, а возможно, и уничтожается трагедия огромного народа, действительная история этой страны, которую мы до сих пор не знаем, а потому уроки которой все еще не восприняли. И повторяем те же ошибки вновь и вновь.

Работая над книгой, перечитывая страницы своих блокнотов, куда я переписывала листы уголовного дела (о ксероксе не могло быть и речи), я вдруг с ужасом поняла, что, если я все это не вылью на бумагу, – сии страшные, бесценные документы – свидетельства чужих страданий! – просто умрут. А ведь их писали живые – тогда еще живые – люди. И меня преследует – буквально преследует – это чувство, что я хороню их вновь.

“...Ведение следствия поручили Текаеву. Последний вызывал меня к себе, потом к нему приходили Городниченко и Боярский и, задав один вопрос: дам ли я признательные показания или нет, связывали мне руки и ноги и начинали бить резиновым шлангом по очереди... В дальнейшем меня даже не спрашивали, а заводили в кабинет и сразу начинали бить... Я уже не в состоянии был ходить – по существу надзиратели меня на допрос не водили, а носили. Эти пытки продолжались с вечера до утра каждый день, кроме вечера с воскресенья на понедельник, причем били до потери сознания, потом обливали холодной водой, приводили в чувство и били снова... Били по сплошным гнойным ранам, образовавшимся от этих побоев на моей спине, а на бедрах мясо отстало от костей и гной из ран выходил в большом количестве, а врачебной помощи мне не оказывали. У меня начались приступы нервных судорог и я, боясь сумасшествия, пытался покончить с собой. С этой целью я в бане выдернул ржавый гвоздь, продержал его в параше несколько дней, потом всунул в вену левой руки, продержал его там целые сутки – с намерением вызвать заражение крови. К моему удивлению – не получилось. Тогда в бане повесился на крючке, но крючок сорвался... Последний раз били с семи часов вечера до восхода солнца 16 мая 1939 года, требуя подписать заранее подготовленный лист коротенького протокола... В одно время на несколько дней ко мне привели Шарикяна Антона – секретаря Орджоникидзевского горкома КПСС – еле живого. Он “видимо” уже начал сходить с ума и все время спрашивал, не знаю ли я, есть еще на улице советская власть или нет... Его держали на стойке 12 дней, потом били... На суд ко мне привели Кокова и Маурера...

Несмотря на то, что до ареста я их хорошо знал, ни того, ни другого я не узнал – только по их голосам догадался, что это – они. На суде я рассказал, какие пытки применяли ко мне Гордниченко, Текаев и Боярский, как они вынудили подписать меня ложные показания. До суда и после суда меня держали в одиночке, ни разу не видел прокурора, бумаги для написания жалобы мне не давали, поэтому свое заявление я вынужден был выпить на спине нижней рубашки, а когда это обнаружилось – написал на стенке камеры углем спичек...⁷²

Я знаю: к тому, что я уже написала и что написано десятками других, это свидетельство ничего не добавит. Но пусть хоть он не умрет – Битемиров Ромазан Гайтеевич. Хоть перед ним – совершенно неведомым мне человеком – у меня совесть чиста... А перед другими – десятками – что кричат столь же страшно из моего блокнота?..

* * *

Уголовное дело Боярского много рассказало мне о первой, чекистской жизни профессора. Теперь предстояло “распрямить” самый интересный вопрос – вопросы: как ему это удалось? Как удалось столь безошибочно точно сыграть свою вторую жизнь? Добиться в ней положения, признания, авторитета?

Я не спрашиваю, как удалось Боярскому еще в бытность заместителем начальника УМГБ по Москве и Московской области, не имея исторического образования, сдать кандидатские экзамены в 1949 году (без них невозможно получить допуск на защиту диссертации) по специальности “История СССР”. Для меня тут ответ очевиден: в следственных изоляторах УМГБ тогда сидела половина московской интеллигенции. Догадываюсь, что побывали там и преподаватели Московского Областного педагогического института, где полковник Боярский все шесть кандидатских экзаменов сдал исключительно на “отлично”. “Догадки” мои в известном смысле подтвердил аноним – “чекист” – так подписался. Написанная печатными буквами, карандашом, анонимка оказалась подшита в личном деле Боярского Особой инспекции МГБ. Аноним сообщал, что экзаменов в Московском Областном педагогическом институте Боярский не сдавал: “использовал свое служебное положение: директор (института – Е.А.) – резидент, профессора – осведомители. Экзамены принимали в здании УМГБ”...⁷³

Ну, а как смог Боярский защитить первую диссертацию – ведь начальником уже не был? Как – вторую, уже на соискание степени доктора технических наук? Размах интересов поражает:

от “Разгрома интервентов и белогвардейцев” в гражданскую войну (тема первой, исторической диссертации) до – “Развитие научно-технических основ открытой разработки рудных месторождений СССР. Опыт исторического исследования” – тема второй, докторской... Кто написал их? Как удалось ему обойти различные бюрократические препоны, связанные с тем, что высшего образования у него не было – лишь липовый диплом об окончании Института цветных металлов г.Орджоникидзе, куда, как вы помните, он был устроен “в качестве прикрытия”? Наконец, предстояло разобраться, почему, с какой целью он бесконечно изменял в своих документах дату рождения? Зачем выкрадывал из личного дела брата Георгия в МГБ (отметим: студента Всесоюзного института кинематографии) справку об образовании и рождении и вложил взамен другие? Короче – предстояло если не узнать, то хотя бы понять, как происходит создание легенды секретного сотрудника КГБ в этой стране.

Сожалую: сам Боярский мне в том нимало не помог.

В архиве Высшей Аттестационной Комиссии читаю его автобиографию, написанную в 1979 (!) году: “В 1951–1953 гг. работал в Литовской ССР, где закончил диссертацию...” Уже любопытно. Особенно, если вспомнить, что как раз в это время автор возглавлял 2 отдел Управления МВД Шяуляйской области – боролся с литовскими партизанами. “В 1953 г. откомандирован в Москву и в связи с поступлением в аспирантуру был уволен в запас...” Уволен в запас Боярский был в связи с арестом Берии, чисткой Центрального аппарата МГБ и большим количеством скопившегося на него “компрометирующего материала”⁷⁴ – вот, когда ему припомнили все, об аспирантуре же Особая инспекция, полагаю, мало пеклась.

Однако не дай Бог вам подумать, что увольнение в запас означало разрыв с органами. Никогда! Полковник просто переведился в так называемый “действующий резерв”, более того – продолжал оставаться на оперативной работе. Лишь в 1963 году поликлиника КГБ СССР вынесла вердикт: “к дальнейшей оперативной службе не годен...”. И добавила: “Годен к службе **вне строя** (выделено мною – Е.А.) в мирное время. Ограничено годен первой степени в военное время”.⁷⁵ Вне строя и служил.

“В 1954 г. защитил диссертацию, – продолжает полковник излагать свою карьеру в мирное время, – и окончательно перешел на научную работу, к которой всегда стремился”. Так и написал: “всегда стремился”.

Кандидатскую диссертацию Боярского мне обнаружить не удалось. Ее не оказалось в Государственной Ленинской библи-

отеке – главной библиотеке страны, где хранятся все диссертации, за исключением тех, что имеют гриф “секретно”. Не было ее и в архиве Высшей Аттестационной Комиссии. Я подумала: может быть, истек срок хранения? Но знала: искали ее и двадцать лет назад – и тоже не нашли.⁷⁶

Однако, личное дело диссертанта, как ни странно, не “убежало” и содержит в себе немало интересного.

Например меня привлекли выдержки из выступления профессора Николая Волкова на заседании Ученого Совета исторического факультета все того же... Московского Областного педагогического института: “Автор щедро показывает сборники английских документов, чехословацких документов (выделено мною – Е.А.), – анализирует диссертацию Волков. – Когда же речь идет о наших советских войсках (имеются в виду войска Красной Армии, боровшиеся с интервенцией в гражданскую войну – Е.А.), то у автора не хватает материала”.⁷⁷ Тем не менее диссертация “порадовала” (цитирую) профессора “своей новизной”.

Вот значит как! Значит, моя “чехословацкая версия” была не столь уж беспочвенна: какие-то материалы в братской стране подполковник таки надывбал. И надывбал немало: столько, что мог выбирать, какую из двух тем – “гуситы” или “интервенция” – представлять к защите.

Почему выбрал вторую тему? Кажется, некоторый ответ содержится в экспертизе диссертации, сделанной “черным рецензентом”, то есть оппонентом, чья фамилия остается неизвестной соискателю степени: “Диссертация представляет из себя компиляцию ранее известных материалов. По сути дела это не очень совершенный пересказ кратких выводов “Краткого курса истории ВКП(б)” по восьмой главе”...⁷⁸ Автором “Краткого курса”, как известно, был Сталин. Кому же в пятьдесят четвертом году могло прийти в голову не одобрить работу человека, столь усердно изучившего произведения вождя? Эта рецензия написана уже в 1956 году, то есть после развенчания “культа личности”, когда ВАК, судя по всему, сделала попытку “завернуть” работу новоявленного историка. Рецензент продолжает: “Как правило, автор не указывает источников, то есть не называет подлинных архивных материалов, из которых заимствует те или иные факты, цифры, характеристики...”⁷⁹

Неужели подполковника хватают за руку? Ведь в переводе на нормальный человеческий язык это означает: Дорогой товарищ! Вы забыли указать, где вы нашли факты, которые легли в

основу вашей научной работы. Не украли ли вы их? Не совершили ли плагиат?

То же – и в анализе уже открытого рецензента, специалиста в области истории гражданской войны доцента И. Берхина: “Все сноски на архив неправильно оформлены: нет указаний на фонд, номер дела, лист...” Ну же, ну?..

“Аргументы соискателя (т.е. Боярского) признаны достаточными...” – заключает или, лучше сказать, сдается экспертная комиссия ВАК.

Кандидат исторических наук Владимир Боярский уже со спокойной душой продолжает свою высокополезную научную деятельность в Институте истории СССР. “Любезнейший человек, так он представлялся тогда, – писал мне в письме его коллеги Виктор Фарсобин. – Дамы от него были в восторге: расшаркивался, целовал руку. Что-то смутно вспоминается: мы с него сняли ранее наложенное партийное взыскание. Не захотели разбираться, такие растяпы...” Растяпы... А что они могли сделать? Против них играл подполковник КГБ...

Забавно: в личном деле диссертанта, в справке, датированной 1954 годом, я прочитала: “Научно-практический стаж Боярского В.А. насчитывает 23 года... Во время службы в НКВД-МГБ-МВД СССР им велась в том числе педагогическая работа...”⁸⁰

“Боярский давал указание следователям о том, что они недостаточно работают по ночам с подследственными, – сообщает его бывший подчиненный по Московскому МГБ лейтенант Г. Чернов, – и требовал, чтобы следственные работники усилили свою работу с арестованными в целях получения от них признательных показаний...”⁸¹ Э та “педагогическая работа” имелась в виду? Впрочем, почему – нет? Может быть, именно эта.

Дальнейшая научная карьера Боярского шла почти столь же стремительно, учитывая неспешный учебно-бюрократический лад, сколь и карьера чекиста. 1958 – старший редактор издательства Академии наук, через год – заведующий редакцией. 1960 – преподаватель Московского полиграфического института – наставник студентов. 1967 – обладатель ученого звания старшего научного сотрудника по специальности – уже! – “История науки и техники”, и Ученый секретарь редколлегии “Научно-популярная литература” Редакционно-издательского совета Академии, 1968 – доцент кафедры “Технология, механизация и организация открытых горных разработок” Московского горного института, автор 53 научных работ и соавтор учебника,

который потом ляжет в основу его докторской диссертации – “Разработка рудных и рассыпных месторождений”... Вторая фамилия на обложке – Михаил Агошков. Тогда член–корреспондент АН СССР, ныне полный академик, в 1991 году удостоенный звания Героя Социалистического Труда.

Свой путь в большую науку академик Агошков начал еще в тридцатых, в Северной Осетии, в Институте цветных металлов г.Орджоникидзе. Боярский числился у него в студентах, в то время как в НКВД – напомним – резидентом по тому же институту.

С Михаилом Ивановичем Агошковым мы встретились на годичном общем собрании Академии наук СССР в актовом зале МГУ, где советские академики и члены–корреспонденты решали будущее советской науки... Андрей Дмитриевич Сахаров еще тогда тоже сидел в этом зале.

Агошков был стар – за восемьдесят и, мне показалось, тугоух.

– Вы помните такую фамилию – Боярский? – спросила я.

– Боярский? – было видно: академик с трудом вспоминал. – Боярский... – протяжно повторил. – Да, да... Кажется, был у меня такой студент... Да, да... способный, помнится, молодой человек...

– Вы встречались с ним потом?

– Не думаю... Нет, нет – не припоминаю... А почему вас это интересует?

– Он работал следователем НКВД...

– Неужели? А такой был способный молодой человек.

И академик заторопился в фойе: объявили перерыв.

“...Нельзя привлекать к ответственности рядового за то, что он добросовестно выполнял приказы своих начальников”, – писал Агошков в своем ходатайстве о реабилитации Боярского В.А. в Главную военную прокуратуру СССР в 1965 году.⁸² Такое же письмо в защиту подполковника направили в ГВП бывший комиссар госбезопасности, секретарь правления по вопросам московской организации Союза писателей, генерал КГБ Виктор Николаевич Ильин: “Мне представилась возможность убедиться в знании т.Боярским (несмотря на молодость) специфики агентурной работы в условиях национальной республики, знание характера и природы различных националистических формирований и их исторического прошлого, а также умелое обращение с агентурой...”⁸³

Не припомнил академик Боярского, не припомнил, – бывает...

Агошков преподавал в Северо-Кавказском Институте цветных металлов в самое страшное для этого, как и для других вузов республики, время. Тогда, в 37–39 годах они были охвачены различными “контрреволюционными”, “троцкистскими” и “фашистскими” организациями, созданными не без помощи “студента” Боярского – руководителя агентурной группы “Учебные заведения, профессура и интеллигенция”. В самом “Цветмете” десятками арестовывались студенты, преподаватели, профессора. Агошков был среди тех немногих, кто уцелел.

В 1938 году тридцатитрехлетний специалист в области горного дела Агошков выступил экспертом по делу другому – о контрреволюционной организации на руднике. Вел следствие Боярский.⁸⁴

Годом раньше, в 1937 году, Агошков поставил свою подпись на дипломе первой степени № 8707 об окончании Боярским В.А. горного факультета Северо-Кавказского Института цветных металлов, защитившим дипломный проект на “отлично” и получившим квалификацию “горного инженера горнорудной промышленности”.⁸⁵

Материалами спецпроверки МГБ СССР в 1950 году установлено: “Данных об окончании института и выдаче диплома Боярскому В.А. не имеется. Диплом Боярскому выдан незаконно”.⁸⁶ “Среди лиц, закончивших институт, Боярский не значится”, – подтвердило расследование ГВП 1990 года.⁸⁷

Кстати: на этом ложном дипломе напротив подписи Агошкова стоит – “за декана горного факультета”, то есть сам декан либо отсутствовал, либо, что точнее, не должен был о том знать. Говорю я об этом потому, что и на целом ряде других документов Боярского тоже стоит чья-то подпись – “за” такогото...⁸⁸

В 1978 году, когда подполковник защищал свою докторскую диссертацию и на него пришла очередная анонимка (“Я не знаю, каковы научные достоинства диссертации, хотя Боярский никогда горняком не был, но его моральный облик мне хорошо известен. Боярский повинен в клевете и истреблении партийных работников в нашей стране и в Чехословакии... Он скрыл от Ученого Совета, что исключен из рядов партии...”),⁸⁹ спасти подполковника бросился тот же Агошков. “Как человек хорошо – около 50 лет – знающий В.А.Боярского”, – было написано в стенограмме заседания спец.совета К-003,11.03 при Институте естествознания и техники АН СССР.

...“Вы встречались с Боярским потом?” – спрашивала я академика.

“Нет, нет, не припоминаю...”

Не вспомнил. Бывает...

Анонимку на Боярского написала женщина – Мария Григорьевна Малкова. Называю ее потому, что, во-первых, имя ее давно уже известно всем заинтересованным в том лицам, во-вторых, она сама мне дала на то право...

Мария Григорьевна была женой, ныне, уже много лет, вдовой Ефима Семеновича Лихтенштейна, Ученого секретаря (то есть фактически – главы) Редакционно-издательского совета АН (РИСО).

С подполковником Боярским Лихтенштейн познакомился еще в бытность свою главным редактором издательства АН. Ему, по словам вдовы, порекомендовали Боярского как деятельного – что правда, и много пострадавшего – что любопытно узнать, человека.⁹⁰

– Он был такой бедный, такой жалкий, – объясняла мне Мария Григорьевна.

Потом Лихтенштейн перетащил Боярского за собой в РИСО. В Академии подполковник быстро освоился.

– Вы поймите, этот совет формировал планы издательства, академики ходили туда в качестве просителей, готовые сделать одолжение: кому хочется ждать годы, пока выйдет книга или монография? А это значит связи, и какие! – втолковывала мне вдова.

Короче, связи подполковник приобрел быстро – того требовала и служба. И начал поедом есть своего начальника – мешал. Лихтенштейн от этого вероломства тяжело заболел. Жена избрала свой путь борьбы за мужа.

Откуда она знала о прошлом Боярского? Рассказал в дни болезни муж. Откуда знал он то, что вряд ли подполковник сам ему рассказывал, поскольку давал подписку о неразглашении фактов, связанных со своей работой в НКВД–МГБ?⁹¹ Мария Григорьевна не ответила.

Я могла бы предложить читателю найти разгадку этой тайны самостоятельно. Однако выскажу и свою версию. Должность главного редактора официального советского издательства – это должность номенклатурная, утверждаемая раньше ЦК КПСС. Что понятно: издательства, как и другие средства

массовой информации, были на передовом фронте идеологической борьбы. Биографию главных редакторов проверяли весьма тщательно, и занимался тем не ЦК – КГБ. А ну как пропустят в печать что-нибудь антисоветское?.. По некоторым моим сведениям, главные редактора проходили и собеседование с сотрудниками Пятого – идеологического – управления КГБ. В том числе и потому, что в штате любого средства массовой информации работают люди КГБ. И этим лейтенантам, капитанам и т.д. не следовало мешать. Уверена, что такое собеседование касательно подполковника состоялось и с Ефимом Лихтенштейном...

Анонимка, которую Мария Григорьевна закончила так: “Я честная коммунистка, но не подписываю своего имени, так как он (Боярский – Е.А.) погубил не одного честного человека”, – диссертационную обедню подполковнику, конечно, испортила.

Ученый, а еще более – околонуточный люд зашумел, заспорил, рассердился.

Кто слал панегирики Боярскому: “...На всех участках научной и производственной деятельности проявляет себя преданным делу партии, исключительно трудолюбивым, морально устойчивым, скромным и отзывчивым товарищем”.⁹²

Кто – говорил, и в общем – то справедливо, что анонимки не следует разбирать, что надо кончать с практикой, когда они имеют силу документа.

Кто – требовал проверки изложенных в анонимке фактов. Первое: действительно ли Боярский скрывал, что был исключен из партии, – это считалось, конечно, компроматом номер один. Второе – действительно ли он “никогда горняком не был”.⁹³

Проверили.

Прокуратура города Москвы по заявлению Боярского возбудила уголовное дело и начала поиски анонимщика. Вопрос был столь серьезен, что его взял под свой неусыпный контроль Центральный Комитет КПСС. О чем прислал соответствующую бумагу в ВАК.⁹⁴

“Взял под контроль” – естественно, не в части приводимых в анонимке фактов (ведь для тех, кто контролировал, ничего нового в ней не сообщалось) – в плане возведения напраслины на столь уважаемого там человека.

Анонимщицу нашли быстро. Малкову не судили – возраст велик, строго поговорили, предупредили и – отпустили.

Боярского поздравляли: “Ну, слава Богу, а то такая напасть”. Поздравлял, полагаю, не только Агошков, но и другие

его давние, добрые друзья и покровители – ректор Московского горного института, член–корреспондент В.Ржевский, патриарх горной науки, без одобрения которого не защищалась ни одна докторская, академик Н.Мельников...⁹⁵

Собрали новое заседание Ученого Совета. Читать его стенограмму – сплошное удовольствие. Официальный документ, а вот не сумел скрыть, с каким душевным трепетом, с каким неизбывным внутренним страхом задавали присутствующие – убежденные сединами профессора и академики – вопросы подполковнику.

Вот она – действительная сила КГБ. Даже прикоснуться – и то страшно!

“А... по Чехословакии” в том плане, в каком об этом говорится в анонимном заявлении (то есть что убивал там людей – Е.А.), к Вам претензии были?” – спрашивает академик, Герой Социалистического Труда, один из создателей ракетно–космического щита Родины.

“Нет” – категорически отвечает Боярский. – По Чехословакии их не было. Их не было и нет за весь период моего пребывания в партии”.⁹⁶

Удовлетворились. “Товарищ Боярский в своей научной и производственной деятельности и в жизни следует нормам коммунистической морали...”⁹⁷ Что – правда.

Так и этот эпизод в своей биографии Боярский выиграл.

“Почему ему всегда все удавалось?” – спрашивали меня в письмах читатели. Почему? В том числе и потому, что он прекрасно, профессионально знал психологию той среды ученой и творческой интеллигенции, в которой ему приходилось вращаться. Знал, на что эта среда, эти люди – часто талантливые и весьма достойные – способны, а на что – нет, до какой предела они могут пойти, а на каком – сами же себя остановят. Почему – то мне кажется, что Боярский этих интеллигентов презирал. Может быть, со своей колокольни и имел на то основания?..

Пройдет всего пара лет, и доктор технических наук Владимир Боярский получит ученое звание профессора.

К тому времени, как мы с ним познакомимся, в его официальных бумагах уже будет значиться: “автор более 200 научных работ, в том числе – 12 монографий, учебников и учебных пособий, ведущий ученый в области истории горной науки и техники...”. Блестящий поддон – что и говорить, блестящий. Ибо как бы ни помогало ему его родное ведомство, какие бы двери

ни открывал страх перед КГБ, сколь бы высокими связями Боярский ни обладал, в его собственных талантах ему, конечно, отказать нельзя.

Его бы энергию и способности – да на благое дело. Но люди породили Идею, Идея – таких людей.

Итак, кто написал Боярскому диссертация, – достоверно мне выяснить так и не удалось. Думаю, что имя автора первой, исторической работы навсегда уже сокрыто в расстрельных списках МГБ. Авторство второй – более прозрачно: большинство положенных в ее основу статей и монографий написано совместно с академиком Агошковым и его учениками. Что ж, по сравнению с ценой жизни, эта цена – вовсе невелика.

Наконец – последнее: манипуляции Боярского с указанием года своего рождения: в одних документах писал – 1913, в других – 1915 г.р.

Разгадку тому нашел следователь по особо важным делам при Главном военном прокуроре СССР, полковник юстиции Виктор Шеин.

В метрической книге Владикавказской Духовной Консистории Шеин, проверив записи за 1913 и за 1915 годы, обнаружил сведения о том, что отец подполковника – Ананий Владимирович Боярский был лицом духовного звания, преподавателем Высшего Духовного училища, в светской иерархии – коллежский асессор. Крестной матерью Володи Боярского, урожденного 1915 года, стала дочь полковника царской армии.

Вот почему Боярский скрывал год своего рождения. Вот почему подменил и справку о рождении брата в личном деле Гергия Боярского в МГБ.

Именно обнаружения этой информации Боярский боялся всю свою, во всяком случае – первую жизнь.

И боялся справедливо. Ибо она означала, что он был сыном социально-чуждого, по классификации первых десятилетий советской власти, элемента. Чуждого и враждебного. Для такого “элемента” двери в светлое будущее революция открывать была не намерена – закрывала и двери высших учебных заведений. О какой-либо карьере в НКВД или МГБ – я и не говорю. В 1937 году подобной информации было вполне достаточно, чтобы быть арестованным и объявленным врагом народа. Боярский предпочел арестовывать других.

Вот вам и еще одна жертва Идеи, ставшая в результате палячом для сотен и сотен людей.

...Я все чаще начинаю думать о том, что Международный суд

в Гааге должен был провести расследование преступлений, совершенных во имя или в результате воздействия Коммунистической Идеи. И осудить ее как Идею, провоцирующую геноцид, преступления против человечества, морали, личности. Осудить как Идею, калечащую сознание людей. Так, как это было сделано – пусть и частично – в отношении нацистской идеи в Нюрнберге...

А теперь, как и положено, – хэпши энд.

После серии очерков о подполковнике в газете Высшая Аттестационная Комиссия СССР лишила Боярского В.А. ученых степеней кандидата исторических и доктора технических наук. Государственный Комитет СССР по образованию на основании ходатайства Московского горного института (там тоже прошло бурное собрание) и Института проблем комплексного освоения недр АН СССР лишил его званий профессора и доцента. Президиум АН СССР – звания старшего научного сотрудника. Московская организация Союза журналистов СССР исключила Боярского из числа своих членов... Сколь бы ни льстила автору подобная реакция официальных ведомств, должна сказать, что все эти лишения и исключения были совершенно незаконны. Никто диссертаций Боярского не изучал, текстов не слыхал, расследований не проводил. Подполковник потерял свои степени исключительно на основании печально известного пункта 104 Положения о порядке присуждения степеней – “за поступки, несовместимые со званием советского ученого”.⁹⁸ Пункта, по которому в прошлые времена можно было успешно бороться с инакомыслящими. Такого же свойства и остальные кары.⁹⁹

Все опять повторилось, как и в оттепельные времена. Публика жаждала крови – пожалуйста. Примерно наказать одного, вышедшего уже в тираж кагебэшника – да, за милую душу, нате – возьмите. И на том уж – будьте счастливы.

И только Комитет государственной безопасности СССР лицо сохранил – как был Боярский подполковником, заслуженным работником органов и почетным чекистом – так и остался. Впрочем, нельзя сказать, чтобы ведомство и совсем не отреагировало – у Главной военной прокуратуры были неприятности. Однако, несмотря на это, Комитет включил своего человека в следственную группу ГВП, которая вновь – уже в третий раз – возбудила против Боярского уголовное дело. После нескольких месяцев поиска прокуратура предъявила подполковнику обвинение в совершении целого ряда преступлений, в том числе – “в убийстве, совершенном способом особо мучитель-

ным для убитой, с использованием ее беспомощного состояния”.

Как это стало возможным? Нет, срока давности никто не отменял, геноцидом репрессии никто так и не назвал. Сам Боярский обратился с соответствующим заявлением в прокуратуру: потребовал судебного разбирательства. Нанял адвоката. Одного показалось мало – коллектив ветеранов V Армии, в составе которой, напомним, Боярский возглавлял “СМЕРШ”, нанял и своего. Забавно: общественную защиту возглавил полковник КГБ в отставке Петренко, в прошлом подчиненный Боярского и... автор одного из доносов на него в связи с уголовщиной в Харбине...¹⁰⁰

Я долго ломала себе голову над тем, почему Боярский на сей шаг таки пошел? Потом поняла. Во-первых – растерялся. Ото всюду сыпались на него сообщения о “лишении” и “исключении”, думал этот селевой поток остановить – “не судим – не виновен”. Справедливо. Во-вторых, полагал, что новое расследование окажется не более чем красивым жестом со стороны ГВП – кому захочется искать свидетелей пятидесятилетней давности? Нашли.

“Ты, Боярский, надеялся, что все умерли, но кое-кто жив, в частности я, Икаев Хасан”, – буквально прокричал в видеокамеру один из них. Не ожидал Владимир Ананьевич, не ожидал...

Кстати, Виктор Шеин объяснял этим людям – часто уже глубоким старикам, детям расстрелянных и убитых в лагерях, что они могут, как потерпевшие, подать против Боярского гражданский иск – хотя бы ради возмещения материального ущерба. Никто, ни один из восьмидесяти свидетелей этого не сделал: “С этим негодяем еще судиться? Да и намыкаешься...” Что – правда: намыкались бы. Ибо, согласно советскому законодательству, в случае гражданского иска бремя доказательств лежит на истце. Но главное, конечно, – *эти* люди с *этим* ведомством – с КГБ – более связываться не хотели.

Наконец, третья причина, почему Боярский “полез в петлю”, – твердое убеждение в том, что петли – не будет, что его родной Комитет, которому верой и правдой служил всю свою жизнь, его не отдаст, не захочет открытого судебного разбирательства.

Тут ошибался: КГБ он был больше не нужен: стар, да и слишком засветился, зачем такой? Суда же все равно не будет: чтобы можно было передать уголовное дело советскому правосудию, подполковник должен подписать, выражаясь языком юристов, 201 статью – то есть поставить свое факсимиле на

обвинительном заключении. Боярский, естественно, в ГВП не пришел, подпись не поставил – и не придет. Хотя лагерный срок ему и так не грозит: срок давности по–прежнему спасает.

Скажу сразу: при всем том, что я узнала о следователях НКВД–МГБ–КГБ, – и, поверьте, положительных эмоций они у меня не вызывают, – я против какого–либо изменения, ужесточения законодательства, дабы их можно было бы посадить. В нашей стране, где такая ожесточенность сердец и такая извечная жажда крови, – подобного делать категорически нельзя: сами же в этот же молох потом и попадем.

Да и поздно это. Дело сделано. Империя, именуемая Комитетом государственной безопасности СССР, создана.

* * *

Боярский был не один. Его судьба – отнюдь не исключительна. Тысячи сотрудников НКВД–МГБ, уходя в запас, или в д е й с т в у ю щ и й резерв, заселяли новые “квартиры”. Получали места в первых отделах – отделах, осуществляющих контроль за контактами сотрудников режимных министерств, научно–исследовательских институтов с закрытой тематикой, различных “почтовых ящиков”. Хват, например, проработал в Министерстве среднего машиностроения вплоть до 1975 года. Получали должности начальников отделов кадров (еще Сталин говорил: “Кадры решают все” – не ошибался), кресла заместителей по режиму и работе с иностранцами в различных университетах и вузах. Посты, призванные контролировать идеологическую правотворчество масс и армии: тот же генерал Ильин – в Союзе писателей, заместитель Абакумова, генерал Епишев, в качестве начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно–Морского Флота. Занимали места управляющих делами горкомов, обкомов, совминов, должности в газетах и издательствах, кресла в милицейских управлениях и в прокуратурах.

Все то же самое было и в семидесятых–восьмидесятых, продолжается и сейчас.

“Офицеры КГБ, когда–либо служившие в органах и перешедшие на работу в другие организации, состоят в действующем резерве ведомства”, – объяснял мне сотрудник Управления КГБ по N–ской области.

Но чекисты не просто успешно “обживали” (и обживают) новые “квартиры”, не только привносили (и привносят) туда идеологию выпестовавшего их ведомства, но и продолжали (и

продолжают) держать под страхом разоблачения старых информаторов и вербовать новых. Ведь не у одного Боярского был свой Агошков – у каждого из них были десятки таких – покрупнее, помельче. И у каждого – ученики и наследники.

Так уже на качественно ином, чем в сталинскую эпоху, уровне формировался огромный теневой штат КГБ. Так происходила интерференция органов безопасности в государственные и общественные структуры, а потом и постепенное переплетение, сращивание с ними. Потому-то всяческое сравнение КГБ с ЦРУ или ФБР кажется мне, простите, наивным. Конечно, и у тех есть свои секретные агенты и информаторы, но масштабы – не сопоставимы. Поверьте, это не паранойя, не страх перед чекистами, прячущимися в каждой подворотне, – такие как раз не так опасны. Это, к несчастью нашему, – трезвый анализ реальных фактов человека, который живет в этой стране и с теневым штатом и его влиянием сталкивается и наблюдает его действия бесконечно.

Однако самый ужасающий результат работы сего ведомства (НКВД–МГБ–КГБ), полученный, естественно, во взаимодействии и под руководством политорганов – КПСС, – это то, что я называю “отрицательной селекцией”: многодесятилетний процесс отбора и выведения особого типа гомосапиенс – советского человека.

Поначалу самых достойных – из дворянства, интеллигенции, рабочих, крестьянства – просто убивали. Потом из оставшихся тщательно отбирали себе удобных и послушных – они получали руководящие посты. Боярский – это блестящий результат такой селекции. Но – не только он. И Хрущев, и Брежнев, кого с таким упоением мы сейчас ругаем, и Горбачев – из того же отбора.

Помню, меня совершенно сразило письмо одного бывшего зека – Д.Алкацева – тоже “подопечного” Боярского:

“Прежде всего примите от меня массу добрых пожеланий из далекой Таймырской тундры, ныне цветущего промышленного города Норильска, “жемчужины Заполярья” – как образно называют его журналисты. Да, тут была лишь одна голая тундра, когда в августе 1939 года из Соловецкой центральной тюрьмы на пароходе “Буденный” доставили нас в порт Дудинка, а потом по юркой железной дороге (в телячьих вагонах, где загибались без воды и воздуха тысячи – Е.А.) – в нынешний город. Почти босой, измученный и истощенный начал я тут свою трудовую деятельность. И хотя я преждевременно постарел и страдаю

серьезным сердечным заболеванием, я горжусь тем, что жизнь моя не пройдет даром, не без пользы нашему Великому Государству...”¹⁰¹

“Великое Государство”... И таких, как Алкацев, были миллионы.

С тем и можем себя поздравить. Обладая такой мощью – сотни тысяч кадровых чекистов и миллионы – вне штата, – удачно пользуясь относительным помягчением режима (а потому перестав его бояться) и очевидной деградацией коррумпированной верховной элиты, КГБ просто и не мог не стать частью власти в стране. Тоталитарное государство развивалось, и это был объективный, закономерный результат его развития. Так продолжалась отрицательная селекция: уже не только на уровне индивидуумов – на уровне государственных структур. Отрицательная селекция, в результате которой КГБ все больше и больше стал прибирать к рукам власть в стране.

Глава V.

ОЛИГАРХИЯ У ВЛАСТИ, ИЛИ КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ПЕРЕСТРОЙКИ?

Осенью 1990 года многие американские газеты обрели сенсацию. Поводом послужили несколько абзацев из последней главы тогда только что появившейся книги К.Эндрю и О.Гордиевского “КГБ: взгляд изнутри”. Суть – перестройка в Советском Союзе была инициирована Комитетом государственной безопасности СССР¹.

Не успела отшуметь эта новость, как в комментариях ряда западных политологов замелькала и другая: приходу к власти Горбачева способствовал именно КГБ. Впрочем, открытием это не было. Схожее утверждение содержится в книге известного советолога, бывшего советского диссидента, живущего ныне в Мюнхене, А.Авторханова – “От Андропова до Горбачева”.

Для больного горбиманией западного читателя, к тому же весьма туманно представляющего себе устройство и нюансы функционирования советских властных структур, подобные “разоблачения” были шокирующими. Однако, как мне показалось (я тогда стажировалась в американской газете), им не больно поверили, и американцы более склонны были их расценивать как нападки правых консерваторов на молодую советскую демократию и ее лидера Горбачева. А тут еще пала великая Берлинская стена... Короче, не было буквально ни одного таксиста – будь то в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго или Сан-Франциско, – который не считал бы своим долгом выразить мне свое восхищение Горбачевым. Нельзя сказать, чтобы я этим разговорам противилась: у меня были личные основания чувствовать себя благодарной Горбачеву. Ну, например, в брежневские, андроповские и черненкоские времена меня категорически – без объяснения причин – не выпускали за границу, и лишь на четвертом году перестройки сподобились – выда-

ли серпастый–молоткастый в его заграничном варианте. Так что таксистам я даже поддакивала, хотя один, в Вашингтоне, меня совершенно допек, объясняя мне – советской, – какой нехороший Ельцин, что он критикует Горбачева, и что последнему необходимо предпринять, дабы быстренько сделать всех русских счастливыми. Слава Богу, ехать мне было недалеко. Но – достаточно, чтобы еще раз подумать о том, насколько же хорошо поработал Первый Главк и его Служба “А” (служба дезинформации), снабжая западных журналистов именно той информацией, какая нужна для формирования совершенно опеределенного западного общественного мнения. Забавно, что по-том эта же информация (как было, например, с сенсационным повествованием итальянской “Репабблика” о том, как Ельцин беспробудно пьянствовал в США) нередко возвращалась в советские массмедиа, но уже – как точка зрения Запада.²

“Вы, русские, все происходящее у вас склонны видеть исключительно в мрачных тонах, и во всем, даже хорошем, предполагать руку КГБ, – говорили мне мои оппоненты, никогда, впрочем, в России не жившие и черпающие свой оптимизм относительно наших реалий на расстоянии 9 часов лету от них. – Да и так ли уж важно, – продолжали мои собеседники, – кто – КГБ, Горбачев или они вместе – стоял у истоков перестройки?”

Исключительно важно. Ибо это объясняет и изначальные ее цели, и те, малорадостные, но неизбежные итоги, к которым мы пришли в августе 1991 года, когда пишутся эти строки.

Итак, “КГБ – инициатор перестройки” – ересь, парадокс? Между прочим, и для “мрачных русских” – ересь тоже. Ведь любая секретная служба, а тем более такая, фискальная, традиционно осознается нами исключительно как сила теневая, то есть никогда не выходящая на открытую политическую арену, и, конечно, консервативная, априори не способная на благие порывы. О “благих порывах” речь не идет.

Между тем и парадокса тоже нет. Если...

Если, во–первых, отказаться от стереотипа, что КГБ – это только тайная полиция (секретной службой Комитет вообще никогда не был), только одно из министерств – пусть и более могущественное, нежели, скажем, Министерство финансов или торговли. И во–вторых, если не пытаться упрощать историю, низводить ее до уровня вульгарного романа “из жизни шпионов”. Ну, например, так.

Однажды вечером в апреле 1985 года несколько руководителей КГБ – скажем, Виктор Чебриков (тогдашний Председа-

тель Комитета), его умный первый зам Филипп Бобков и... пусть будет – начальник Первого Главного Управления (внешняя разведка), будущий глава КГБ Владимир Крючков – собрались попить чаю. Попили. И решили: а не пора ли нам запустить на Запад глобальную дезинформацию? Дескать, Советский Союз перестает быть “империей зла” и становится открытым, демократическим обществом. Западники, естественно, обрадуются – устали ждать, пока им на голову посыпятся советские ракеты, глядишь – подкинут деньжат, а мы тем временем поправим свои экономические проблемы. Решили, позвали Горбачева, на которого имелся кое-какой компромат (чтобы в случае чего, если начнет зарываться, можно было приструнить, одернуть), и сказали: “Давай, парень, действуй...” Звучит? Звучит...

Сожалею: все вышеизложенное не моя придумка. (Хотя представляю себе, как она была бы хороша в кино: в роли Горбачева – конечно же Арнольд Шварцнегер!) Такая версия, что перестройка – это не более чем стратегическая дезинформация Кремля, быгует. Более того, ее сторонники, основываясь главным образом на книге Анатолия Голицина – бывшего советского разведчика, ушедшего на Запад еще в 1961 году, – “New Lies for Old”,³ утверждают, что концепция подобных глобальных обманов зарубежного общественного мнения была разработана в недрах КГБ еще в 1959 году. И базировалась на постулатах древнекитайского теоретика и полководца Сунь Цзы (VI–V вв. до н.э.), один из которых гласил: “Я заставлю врага принять свою силу за слабость, а слабость за силу, благодаря этому превращу его силу в слабость”.⁴ Что ж, запускать “дезу” Комитет, конечно, умеет – на то и существует Служба “А”. Однако до такой степени переоценивать интеллектуальные и прочие иные возможности КГБ, – увольте, я бы не стала.

Думаю, в реальной жизни все было гораздо сложнее, чем просто “деза”.

* * *

В предыдущей главе я уже писала о том, что именно после XX съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина и пал тем самым режим абсолютной личной диктатуры, после хрущевской чистки органов, начался процесс проникновения КГБ в различные государственные и партийные структуры. Что и говорить: конечно, и раньше КГБ имел своих людей во всевозможных обкомах и министерствах. Но это были агенты, стукачи. Теперь этот процесс приобрел совершенно

иной качественный размах. В новые кабинеты, сняв форму, приходили кадровые сотрудники органов, чье самолюбие было весьма и весьма задето всеми этими перетрясками, но чьи амбиции и притязания на власть над людьми отнюдь не были подавлены. Довольно скоро стало ясно, что пересаживанием из одних кресел в другие все реорганизации в КГБ и закончились. Комитет, как и раньше, выполнял функции тайной полиции, политического сыска, подавления любого инакомыслия. А прежние сотрудники не только не потеряли для Комитета своего значения, а, напротив, в новой функции оказались нужны еще больше.

Но в то время как чекисты прятали свою форму в домашних шкафах, вчерашние партийные и комсомольские функционеры получали новенькое обмундирование, а с ним и погоны, и воинское довольствие на складах КГБ. Особенно много “идеологов” пришло в Комитет при Александре Шелепине, возглавившем органы после нескольких лет борьбы за светлое будущее на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

Шелепин пробыл в должности Председателя КГБ недолго – всего три года, но оставил там о себе неплохую память. Ярослав Карпович, полковник КГБ в отставке и ярый противник Крючкова, рассказывал мне, что Шелепин всячески способствовал притоку в органы людей, имеющих высшее образование, поработавших до того в научно-исследовательских институтах и университетах. При нем начала создаваться и научнотехническая база Комитета... При нем, при Шелепине, добавлю я, закладывалась и нынешняя мощь КГБ: если раньше, при Сталине, органам требовались заплечных дел мастера, то теперь для подавления собственного народа нужны были головы. И головы хорошие.

Из КГБ Шелепин пересел в кресло секретаря ЦК КПСС и... через три года стал одним из главных инициаторов свержения Хрущева. А ключевую роль в этом дворцовом перевороте сыграл рекомендованный Шелепиным на пост главы органов еще один комсомолец–чекист – Владимир Семичастный, тоже в прошлом первый секретарь ЦК ВЛКСМ.⁵ При нем КГБ снова пополнился не одной сотней идеологических сторожей – партийными и комсомольскими деятелями. И так же, как старые чекисты не утрачивали своих связей с Лубянкой, так и бывшие партийцы не теряли контактов с возраставшей их средой. Что еще более сближало структуры.

Допускаю, что этот процесс вливания “новой крови” пре-

следовал самые благие цели – убрать из органов “вурдалаков”, “монстров”, придать им более цивилизованный вид. Однако было бы по меньшей мере наивно думать, что отлаженный механизм репрессивной структуры, порочность которого так и не была признана режимом, не перемелет даже здравые мозги. Не говоря уже о том, что новые кадры стимулировали деятельность КГБ именно в сфере борьбы с инакомыслием – то есть там, где вновь пришедшие “идеологи” только и могли претендовать на звание профессионалов. Случайно ли, что именно при Шелепине и Семичастном была существенно расширена и получила особый статус Служба дезинформации Первого Главного Управления КГБ? Служба, которая по праву могла считаться своими подразделениями на внутреннем, так сказать, рынке все без исключения обкомы и горкомы, райкомы КПСС и ВЛКСМ, кои на протяжении всей своей истории занимались подтасовкой фактов, переписыванием прошлого. “Если бы Советы в сфере промышленности и сельского хозяйства действовали с такой же предприимчивостью, как и в сфере дезинформации, – писал директор ЦРУ времен президента Картера, адмирал Стэнфорд Тернер, – они давно уже обогнали бы нас по всем параметрам”.

Так, в результате кадровых перетасовок, началось переплетение, сращивание партийно–государственного аппарата с КГБ.

Утверждался новый тип власти – партийно–чекистско–военной олигархии, в которой КГБ и Военно–промышленный комплекс до поры до времени занимали периферийное положение, отдавая приоритеты КПСС. До поры.

Не будем упрощать: процесс сращивания репрессивной структуры с властью шел не один год и не два. Органы при Хрущеве переживали трудный для себя период, партийная верхушка, памятуя прошлое, панически их боялась и всячески пыталась поставить их на место. Но тоталитарное государство развивалось, и аппарат насилия не мог бесконечно оставаться лишь инструментом его.

Логическое завершение этот процесс получил в 1967 году, когда Комитет государственной безопасности СССР возглавил секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов. Впервые после смерти диктатора руководить КГБ пришел человек, занимавший столь высокое положение в партийной иерархии. И впервые, со времен Берия, Председатель КГБ стал членом высшего органа управления страной – Политбюро ЦК КПСС. “Это назначение ознаменовало... такую степень сближения партии и КГБ, когда

они стали действовать почти как два подразделения одной и той же организации”, – напишет в своей книге “История Советского Союза” английский историк Дж.Хоскинг.⁶

В том же году руководители республиканских, областных, городских управлений КГБ в обязательном порядке вошли в бюро соответствующих обкомов и горкомов.

Так олигархия оформилась структурно. Так начинался один из самых мрачных периодов в послесталинском СССР.

...Я хорошо помню август 1968 года – мне было десять лет и мы отдыхали с родителями на Черном море, под Одессой. В один день небо над пляжем вдруг застили самолеты. Их гул сливался с гулом проходящих где-то неподалеку танков. Мой отец, фронтовик, решил, что началась война. Война на территории СССР не началась: советские танки шли давить пражскую весну. Потом был поздний декабрь 1979 года: дружной университетской компанией мы готовились к какому-то очередному экзамену, когда телевидение сообщило, что наши войска, “откликаясь на просьбу афганского руководства”, вошли в Афганистан. Совершенно очумевшие от этой новости, мы сидели и считали: каждые двенадцать лет, с дьявольской периодичностью, режим осуществлял кровавую интервенцию. 1956 – Венгрия, 1968 – Чехословакия, зима 1979–1980 – Афганистан. И каждая из этих дат были неизменно связана с именем Юрия Андропова – человека, которого в первые годы перестройки Горбачев объявил чуть ли не родоначальником демократических преобразований в стране. В 1956 году Андропов был послом в Венгрии, кровь шестьдесят восьмого и семьдесят девятого он санкционировал уже в качестве Председателя КГБ и члена Политбюро ЦК КПСС.

Со слов генерала КГБ Олега Калугина известно, что именно Комитет всячески настаивал на применении “экстренных мер” в Чехословакии, убеждая политическую верхушку страны, что если это не будет сделано, то Чехословакия уйдет из-под влияния Союза и станет жертвой НАТО и т.д. и т.п. Калугин – тогда один из руководителей советской разведки в США прислал из Вашингтона документ, свидетельствующий, что ЦРУ не имеет никакого отношения к пражской весне. Документ, говорит Калугин, попросту положили под сукно.⁷ Венец карьеры Андропова – к этому времени уже Генерального секретаря ЦК КПСС – расстрел истребителями ПВО южнокорейского пассажирского авиалайнера в 1983 году. Но чужой крови было мало. Именно Андропов, сей отец-демократ, создал в КГБ Пятое

управление – идеологическую контрразведку, – которое поставило на поток производство политзеков в СССР. И именно Андропов 29 апреля 1969 года направил в ЦК КПСС письмо с планом развертывания сети психиатрических лечебниц для защиты “советского государственного и общественного строя”.⁸

Так чекисты брали реванш за хрущевскую оттепель.

Сталин вновь становился национальным героем и спасителем Отечества. На всякий разговор о репрессиях было наложено табу.

Журналист Ярослав Голованов, биограф советского космического конструктора Сергея Королева, пытался достать в КГБ его дело: Королев отсидел свое на Колыме и в шарашке.

“Зачем Вам это?” – спросил его Филипп Бобков, ведавший в КГБ творческими массами.

“Затем, что это правда”, – ответил ему Голованов.

“Такая правда советским людям не нужна”, – отрезал Бобков.

Стукачи тогда мерещились везде. Да они и были везде. Однажды к нам на факультет журналистики МГУ, где я училась, некий добрый молодец принес машинописные копии запрещенных тогда стихов Николая Гумилева и частично запрещенных Осипа Мандельштама и Анны Ахматовой. Я купила: три тонюсенькие, кустарно переплетенные книжечки стоили 25 рублей – половину моей месячной стипендии. А через пару дней меня вызвали на проработку к старшим партийным товарищам в партбюро факультета – напомнили, что за хранение и распространение запрещенной литературы легко схлопотать 7 лет лагерей. Кстати, совсем недавно генерал Леонид Шебаршин, бывший начальник Первого Главного Управления подтвердил мне те слухи, которые в мое время активно циркулировали среди студентов. А именно: каждый год внешняя разведка (полагаю не только она) составляла списки тех молодых людей, которых рекомендовалось принять на факультет журналистики МГУ – для них держались специальные места. Надо понимать, так Комитет готовил свои кадры для советских средств массовой информации и загодя создавал “легенду” тем, кому предстояло работать за рубежом? Как тут в благодарность не стучать?

Наконец, еще одним, и весьма важным, штрихом из жизни тех лет был пристальный интерес КГБ к сугубо личной жизни советских граждан. То есть просто-таки взялись держать канделябры!

"КОМИТЕТ
государственной безопасности СССР
22.11.82. № 2278-ф
Москва

ЦК КПСС
Подлежит возврату
в Общий отдел ЦК КПСС

О браках деятелей советской
культуры с иностранцами из
капиталистических государств

Краткое содержание. В брак с иностранцами вступили некоторые известные деятели советской культуры или члены их семей. Отдельные из них, покинув Родину, встали на путь враждебной деятельности. По вопросам, связанным со смешанными браками, буржуазная пропаганда выступает с клеветническими измышлениями. Некоторые советские фильмы вызывают некритическое отношение к заключению браков с иностранцами.

В последнее время на фоне некоторого возрастания количества смешанных браков с иностранцами (в г.Москве браков с иностранцами из капиталистических и развивающихся стран зарегистрировано: 1979 год – 258, 1980 год – 264, 1981 год – 337) все чаще отмечаются факты регистрации браков деятелей советской культуры с иностранцами из капиталистических государств.

Зарегистрировали браки с гражданами западных стран поэт Е.Евтушенко, кинодраматург А.Шлепянов, актриса театра им.Е.Вахтангова Л.Максакова, кинорежиссер А.Михалков–Кончаловский, киноактрисы М.Булгакова и Е.Коренева, пианист А.Гаврилов, экс–чемпион мира по шахматам Б.Спасский, композитор А.Зацепин, солист балета ГАБТ В.Деревянко и другие. Отдельные из них фактически проживают постоянно за границей.

Покинувшие Родину вследствие заключения браков некоторые представители интеллигенции встали на путь совершения враждебных по отношению к СССР действий.

Бывшая киноактриса студии "Мосфильм" В.Федорова(дочь ныне покойной известной киноактрисы З.Федоровой), выехавшая несколько лет назад в США, выпустила от своего имени книгу антисоветского содержания под названием "Дочь адмирала", а затем исполнила главную роль в фильме "Дневник Юлии" резко враждебной направленности.

Выехавшая на жительство к мужу в Швецию бывший кинорежиссер студии “Таллинфильм” и эстонского телевидения В.Аруоя ныне активно сотрудничает в зарубежной антисоветской организации.

Буржуазные средства массовой информации нередко используют факты заключения смешанных браков и выездов наших творческих работников за рубеж для распространения разного рода инсинуаций, доминирующим мотивом которых являются утверждения, будто бы браки советских граждан с иностранцами и выезд на Запад служат целям “расцвета творческого потенциала в условиях свободного самовыражения”.

В отдельных случаях отказов в разрешении на выезд за границу советским гражданам, заключившим браки с иностранцами, по соображениям охраны секретов и иным веским основаниям на Западе, как правило, развязывается очередная клеветническая истерия “в знак протеста против насильственного разъединения семей”, а лица, которым отказано в выезде, стремятся инспирировать разного рода антиобщественные акции.

Обращает на себя внимание то, что зарегистрировали браки с иностранцами из капиталистических государств дети ряда деятелей советской культуры: сын писателя В.Катаева, концертмейстера Д.Ашкенази, дочери поэтов М.Алигер и А.Кешокова, кинокритика Е.Суркова, заместителя директора киностудии “Мосфильм” Н.Иванова, композиторов А.Николаева, М.Фрадкина и Я.Френкеля, кинооператора телеобъединения “Экран” А.Едидовича, руководящего работника телерадиофонда И.Покжевницкой и других.

По распространенным в среде творческой интеллигенции мнениям, наличие семейных связей с иностранцами нередко используется для получения за рубежом всяческих “благ”, совершения сделок, неминуемо приводит к пропаганде западного образа жизни и, с другой стороны, потенциально опасно возможностью утечки негативной информации за границу. Отмечается, что некоторые кинофильмы (“Необычайные приключения итальянцев в России”, “Подсолнухи”, “Москва – любовь моя”, “Мелодии белых ночей”) вызывают у зрителя некритическое отношение к вопросам заключения браков с иностранцами из капиталистических и развивающихся стран.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

В.Федорчук⁹

Как говорится – комментарии излишни...

Ну, а что же все это время происходило внутри “подразделений одной и той же организации”, как определил меру близости КГБ и КПСС историк Хоскинг? А ничего, дружно работали, иногда, впрочем, устривая друг другу сцены на почве то-

го, кто кого главнее и кто кому больше мешает руководить страной. В годы Андропова переход из одного подразделения в другое – из КГБ в государственно-партийные структуры и наоборот – приобрел уже совершенно обыденный характер.

Причем – на всех этажах власти. На верхнем: например, Гейдар Алиев*, возглавлявший при Андропове КГБ Азербайджана, потом стал первым руководителем всей республики, а в конце своей карьеры – первым зампредом Совмина СССР. Или Гиви Гумбаридзе – проделавший тот же путь в Грузии. На среднем... Нет, впрочем, “средним” это не назовешь, скажем так – на “полуверхнем” (то есть на промежуточном этаже – между властью де-юре и де-факто верховной, и властью верховной де-факто, обладающей огромными реальными полномочиями) – Аркадий Вольский, бывший помощник Председателя КГБ Юрия Андропова, потом занял место заведующего Отделом промышленности ЦК КПСС, другими словами – верховного главнокомандующего промышленности страны, к коему на полусогнутых ходили министры. И ныне Вольский – президент Научно-промышленного Союза, довольно странной организации, ворочающей миллиардами и, по слухам, являющейся одним из важнейших каналов коммерциализации денег КПСС и КГБ. (Напомню в скобках то, о чем писала в предыдущей главе: ни один человек, когда-либо работавший в КГБ, рядов этого ведомства не покидает – остается в так называемом действующем резерве; место же помощника Председателя КГБ предполагает генеральские погоны.) Пошли дальше – на среднем этаже: генерал Абрамов**, начальствовавший в V, идеологическом управлении КГБ, уже в перестроечные годы пересел в кресло заместителя Генерального прокурора СССР. Именно Абрамову – никого другого, видно, не нашлось – было поручено курировать дела... по реабилитации репрессированных в сталинскую эпоху: представляю, как веселились по этому поводу сами чекисты! Или Евгений Иванов, занявший место Абрамова в КГБ в уже переименованной идеологической контрразведке, который до этого с пользой поработал в должности заведующего сектором Отдела административных органов ЦК КПСС. И сменивший Иванова на этом посту генерал Воротников*** тоже пришел в

* Ныне – председатель Нахичиванского менаджиса Азербайджана, заместитель председателя Верховного Совета суверенной республики.

** После августовского переворота 1991 г. генерал Абрамов от должности отстранен.

*** Генерал Воротников должности своей лишился в связи с ликвидацией в сентябре 1991 Управления по защите советского конституционного строя.

КГБ из парторганов. И еще на среднем “этаже”: весной 1991 года в печати проскочила информация о том, что управляющий делами Совмина РСФСР А.Стерлигов вернулся в родные пенаты с повышением: получил звание генерал-майора КГБ. Полагаю, столь высокая оценка заслуг чекиста дана ему не только за деятельность в российском “Белом доме”, но и за работу предыдущую. На протяжении ряда лет тогда еще полковник КГБ Стерлигов возглавлял сначала хозяйственное управление Совмина СССР (могущественнейшее управление, ведавшее распределением благ для номенклатуры), а потом, при Премьер-министре Николае Рыжкове, Шестой сектор экономического отдела Совмина СССР. На этот сектор была возложена обязанность отслеживать процессы, происходящие в промышленности, и проверять достоверность поступающих в правительство сведений (то есть врут министры главе правительства или нет), а также контролировать деятельность сотрудников Совета Министров СССР. Под началом Стерлигова* работали 6 офицеров КГБ, официально откомандированных в Совмин из КГБ и представлявших там целый ряд чекистских управлений: экономическую контрразведку (Шестое управление), контрразведку на транспорте (Четвертое управление), Второй Главк (контрразведка) и так далее. Этот сектор имел двойное подчинение и КГБ, и Совмину, а его сотрудники – два служебных удостоверения... И еще на “среднем”, хотя и очень властном этаже: полковник КГБ Евгений Колгин, сотрудник Секретариата Председателя КГБ Юрия Андропова, впоследствии стал секретарем Генсека Андропова в ЦК КПСС, а потом – и секретарем Генсека К.Черненко, и секретарем Генсека М.Горбачева. И – так далее и тому подобное на областных, районных и прочих уровнях.

Кстати, об Отделе административных органов ЦК КПСС (позже переименован в Отдел по законодательной инициативе и правовым вопросам). Один из моих источников (тема диктует стиль!) доверительно объяснял мне, что многие сотрудники этого отдела, в том числе – и руководящие, так же как и труженики Шестого сектора Совмина, подчиняются и ЦК КПСС, и КГБ.

В этой связи любопытно, что на посту Председателя Верховного Совета СССР – высшего законодательного органа

* Генерал Стерлигов в дни путча выступал на стороне российских властей, принимал участие в аресте бывшего Председателя КГБ СССР В.Крючкова. Потом он занял место руководителя аппарата вице-президента России А.Руцкого. Ныне – лидер Русского национального Собора.

страны, оказался именно Анатолий Лукьянов, который до своего избрания трудился в должности секретаря ЦК КПСС и одновременно... заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС.¹⁰ Помощником Лукьянова, его правой рукой, стал полковник ПГУ КГБ СССР Вячеслав Косов. А вице-президентом СССР в декабре 1990 года в результате самых настойчивых просьб и уговариваний Президента Горбачева, после повторного голосования на IV Съезде народных депутатов СССР был избран Геннадий Янаев. Человек, в чьем послужном списке – восемнадцатилетнее начальствование в Комитете молодежных организаций СССР и Союзе советских обществ дружбы¹¹ – организаций, традиционно используемых в качестве “крыши” для сотрудников КГБ.

Случайно ли, что к руководству страны в последние годы столь широко объявленной перестройки, пришли люди, тесно связанные с КГБ? Полагаю, вопрос риторический и ответ на него очевиден: как раз в годы помягчения режима в верхушке олигархической власти центр тяжести все более стал смещаться в сторону ее репрессивной составляющей – КГБ СССР. Впрочем, я забегаю вперед.

Каковы же были взаимоотношения внутри олигархии? Кто кому подчинялся: КГБ – КПСС или ЦК КПСС – КГБ? Дилемма эта в последнее время особенно занимает прессу, и не только советскую, и со стороны сотрудников КГБ имеет однозначный ответ: Комитет страдал и страдает от засилья партийных функционеров и контроля партийных властей. Что же было в реальности?

Опальный генерал-майор КГБ Олег Калугин публично не раз заявлял, что Комитет может контролировать любую организацию, любого человека в стране, в том числе и имеющего статус депутатской неприкосновенности. Может прослушивать телефоны, собирать компромат, заводить дело на каждого, за исключением – представителей высшей партийной элиты. “Как только имярек, – говорит Калугин, – достигает определенного уровня партийно-государственной иерархии – становится секретарем областного комитета партии, или председателем областного Совета народных депутатов, или даже “младосекретарем” – то есть руководителем комсомола, – в силу вступает ведомственная инструкция, запрещающая проводить в отношении этих лиц оперативные мероприятия – то есть прослушивать их телефоны, выставлять наружное наблюдение, снимать на ви-

деокамеру и так далее. Если же какие-то негативные материалы на них уже были собраны или вдруг поступили, то они должны быть уничтожены”.¹² Таков приказ.

Однако в одном из интервью Калугин делает примечательную поправку: “Это не значит, что номенклатуру обкома нельзя слушать (т.е. отслеживать частные и служебные телефонные переговоры – Е.А.), если есть такая необходимость. Но тут уже сама партийная власть решает, кого слушать”.¹³

Оговорка Калугина не случайна. По словам моих анонимных собеседников из КГБ, чье место службы по-прежнему Лубянка, весь вопрос в том, кто, какого ранга сотрудник Комитета получил компромат на партийную элиту. Рядовым сотрудникам делать подобное, к тому же по собственной инициативе, запрещено... Но у каждого начальника областного управления были свои доверенные люди, которые при необходимости или по указанию вышестоящих властей собирали необходимый материал. Подтверждением этого стала волна уголовных процессов и расследований, которая прокатилась по стране после смерти Леонида Брежнева, когда “первым” стал Юрий Андропов: стало очевидно, что все эти годы Председатель – будущий Генсек – накапливал информацию и вел досье о злоупотреблениях партийно-государственного аппарата.¹⁴ Именно при Андропове, например, возникло дело о так называемой “узбекской мафии”, в результате чего первый секретарь Узбекистана Ш.Рашидов покончил жизнь самоубийством. Тогда же началось расследование и прегрешений министра МВД Щелокова – очень близкого к Брежневу человека, в том числе и потому, что его первым замом был зять Брежнева Чурбанов – ныне заключенный лагеря в Нижнем Тагиле.

Короче, я убеждена, что КГБ отслеживал и отслеживает всех, включая верховных властей, если по тем или иным причинам это представляет для него интерес*.

Могла ли подобный контроль осуществлять КПСС за КГБ? Могла, конечно, поскольку в каждом управлении Комитета есть доверенные лица партийных властей. Настучать на ближнего – была ли большая сладость для людей этого круга? Настучать, и тем, между прочим, решить многие свои бытовые (новая квартира, например) и карьерные проблемы. Однако беда партийных товарищей заключалась в том, что их технические возможности несравнимы с возможностями Комитета, у которого на то есть и специализированная аппаратура, и специальные

* Я оказалась права. О том см. в Главе VII, написанной уже после путча.

службы – прослушивания, наружного наблюдения, проверки корреспонденции и так далее.

Так что определенная конфронтация между КГБ и КПСС, конечно, всегда была. Комитетчиков всегда раздражало, что в их дела вмешиваются непрофессионалы – партийные функционеры, к тому же, нередко подверженные страстишкам типа воровства или непомерной любви к наградам и орденам. А партийным всегда было, мягко говоря, неприятно, что, снимая трубку телефона или отправляясь с визитом к приятельнице, они никогда не могли быть уверены, что не являются объектом внимания со стороны сотрудников КГБ.

Конечно, в прежние годы Политбюро номинально стояло над КГБ, а сам Комитет, согласно официальным документам, – был при Совмине СССР. Однако, ни о каком реальном подчинении КГБ партийно-государственным структурам говорить не приходится. Между КПСС и КГБ, как между субъектами олигархии, давно уже установились отношения партнеров, сотрудников разных подразделений одной организации*.

А вот взаимоотношения с третьей силой олигархии – Военно-промышленным комплексом (ВПК), этим материальным фундаментом тоталитарного режима – были до последних лет перестройки отнюдь не столь равноправными, как с КПСС.

О советском ВПК, “очерк нравов” которого “Московские новости” предварили заголовком “Чудовище”**, на Западе написаны книги. Я нарисую лишь самый беглый его эскиз – просто, чтобы было понятно, о чем идет речь, используя последние доступные мне данные***.

Итак, ВПК Страны Советов – это 14 миллионов 400 тысяч

* Александр Николаевич Яковлев – бывший член Политбюро ЦК КПСС, немало лет проработавший в аппарате на Старой площади, взаимоотношения между КГБ и ЦК обрисовал автору следующим образом: “Между нами всегда было взаимное и глухое недоверие при соблюдении всех правил приличия. То есть сотрудники Комитета всегда демонстрировали нам свое уважение, готовность к выполнению поручений, дисциплину. Но ты всегда – каждый из нас – всегда чувствовал, что вот они – обладают наибольшей информацией, всегда больше знают, в том числе – и о тебе. Был такой круг невидимого страха, который создавался годами и судьбами твоих товарищей, которые вдруг увольнялись из ЦК: никто не знал – за что конкретно, но все понимали: поступил соответствующий компромат из КГБ...”

** Март 1991 года.

*** Сейчас в ВПК идут сокращения и более или менее корректных данных нет.

человек¹⁵ – солдат, офицеров, инженеров, техников, конструкторов, которые обеспечивают с той или иной долей успеха бесперебойную работу сотен заводов, КБ, закрытых городов, полигонов, испытательных комплексов. Эта цифра включает в себя и почти четырехмиллионную армию. Для сравнения: регулярные вооруженные силы США насчитывают почти в два раза меньше людей – 2 миллиона 133 тысячи человек.¹⁶ Красная Армия июня 1941 года, года наивысшей опасности существования государства, когда началась война с фашизмом, имела под ружьем лишь на 1 миллион 330 тысяч людей больше, чем сегодня, в мирное и весьма голодное для моих соотечественников время.¹⁷

Ежегодно заводы ВПК выпускали 1,700 танков*, 5,700 бронетранспортеров, 1,850 полевых орудий. Соответственно в 2,3, 8,7 и 12,5 раз больше, чем США. Атомных подводных лодок СССР в 1989 году понадобилось в 3 раза больше, истребителей – в 1,5, межконтинентальных баллистических ракет – в 15, крылатых межконтинентальных баллистических ракет (КМБР) малой дальности – в 6 с лишним раз больше, чем американцам.¹⁸

Понятно, что все это стоило немалых денег. Официальный бюджет ВПК был 96,5 миллиарда рублей, что составляло более трети бюджета страны.¹⁹ Однако Международный институт стратегических исследований в Лондоне не склонен верить и горбачевским цифрам (предшественники первого Президента СССР называли и вовсе анекдотическую цифру – 20 миллиардов рублей) и имеет все резоны предположить, что военные расходы Советского Союза достигали 200–220 миллиардов рублей, или почти половину его бюджета в 1989 году.²⁰ Оценки же отечественных специалистов были еще менее оптимистичны: они полагали, что если считать в реальных ценах, а не в тех странских, коих нет вовсе, то наши траты на вооружение и армию составляли** от 236 до 300 миллиардов рублей.²¹ Таким образом, бюджет Министерства обороны СССР даже в официальных величинах был примерно равен расходам страны на:

- финансирование народного хозяйства,
- науки,
- социально–культурных мероприятий,
- содержание правоохранительных органов,
- ликвидацию последствий Чернобыльской аварии,

* Данные на 1989 год. В предыдущем году танков выпустили еще больше – 3,500, или в 4,5 раза больше, чем США.

** До начала 1992 года.

– программу “Арал”*, – вместе взятым.²² Стоит ли удивляться, что одна из богатейших стран мира СССР сегодня – страна поголовно нищих?

Но и это еще не все цифры: Чудовище пожирало 25 процентов национального дохода страны, 80 процентов ее научного потенциала, 80 процентов машиностроения, 42 миллиона гектаров земли – столько требуется для размещения войск, аэродромов, баз и так далее, плюс еще 22 миллиона гектаров ВПК забирал, так сказать, периодически – во время пусков, например, ракетно-космической техники.²³ Львиную долю всей производимой в СССР продукции – по черной металлургии – 60 процентов, по цветной – весь (!) объем продукции.²⁴ По некоторым оценкам, более 87 процентов всех заводов страны работает на ВПК.²⁵ В феврале 1991 года Горбачев признался: у нас “самая милитаризованная экономика в мире и самые огромные затраты на оборону”...²⁶

Вот такой эскиз.

Нормальный читатель, особенно нормальный западный читатель, познакоившись с вышеприведенными цифрами, воскликнет: о каком КГБ и КПСС вы, автор, ведете речь? Вот она – реальная власть в СССР, ибо именно ВПК владеет экономикой страны! Нормальный читатель, особенно нормальный западный читатель, выросший в условиях нормальной рыночной экономики, будет бесспорно прав. Однако, кажется, еще Гете говорил, что цифры, конечно, правят миром, но они далеко не всегда показывают, как управляется мир... А потому нормальный советский читатель, выросший в условиях этого уroda, именуемого – социализм, устало махнет рукой: да бросьте вы, какая к черту экономика?.. И будет прав.

Ибо на протяжении всей истории Страны Советов, за исключением, может быть, последних лет перестройки, в СССР был примат и диктат идеологии над всем остальным, в том числе и экономикой. Последняя была девкой, которой пользовались, потому как вовсе без нее нельзя: кто-то или что-то должен был выпускать танки и автоматы, нацеленные на собственный народ, да и мир вовне СССР? Разве не было давным-давно ясно, что колхозы и совхозы не могут накормить страну? “Ну как же: дать землю фермерам, это значит допустить частную собственность!” – отвечали идеологи. Разве не было понятно, что насильвать человеческий энтузиазм можно было только в

* Программа спасения уникального озера Арал, которое почти умерло, с ним – я население окружающих его территорий.

годы войны, что бесконечным “партия сказала надо!” никакую производительность труда не поднять, коли человек не имеет маломальской выгоды от своего труда? Допустить предпринимательство? Создать классы богатых и бедных? – возражали те, чьим состоянием была вся страна. Разве не было, наконец, очевидно любому, имеющему минимальное количество извилин, что богатейшая по своим природным ресурсам страна мира разорвется, выбрасывая на ВПК миллиарды рублей и поддерживаемая другими миллиардами тоталитарные режимы по всему миру?.. Все это, конечно, риторика. Ни в черта, ни в дьявола, ни в социализм, ни в коммунизм эти бесы, по выражению Достоевского, не верили. Частная собственность, рынок – это означало хоть маломальскую, но личную свободу, которая становилась ощутимой (впрочем, как показала перестройка, отнюдь не летальной) угрозой режиму, имевшему безраздельное право над душами и жизнями несчастных, часто не осознающих собственного рабства советских людей. Идеология, которая была прерогативой, бизнесом тайной полиции и партии, правила и 14 миллионами 400 тысячами (еще пару лет назад цифра была как минимум на пару миллионов выше) служащих ВПК*. Военно-промышленный комплекс был руками, ногами, телом режима, без которого он, конечно, обойтись не мог. Но головой режима были КПСС и КГБ. А вот когда по “телу” пошли метастазы, тогда “голова” и всколыхнулась, и объявила перестройку.

Но была и вторая причина, по которой “идеологи” держали военных на некотором отдалении: это всегдашний страх власти перед многомиллионной армией вооруженных людей. Не доверяя никому, и себе в том числе, власть постоянно опасалась, как бы автоматы не повернулись против нее. Основа этого страха была заложена еще Сталиным, который расстрелял трех из пяти имевшихся перед войной маршалов Советского Союза, расстрелял всех без исключения командующих военными округами, расстрелял или посадил в лагеря всех командиров корпусов, дивизий, бригад, до половины командиров полков, – к началу войны каждый пятый офицер Красной Армии был репрессирован.

В хрущевские времена не сажали (или – почти не сажали, поскольку сажали в Советском Союзе в тех или иных масштабах всегда), но и к власти не допускали. Хрестоматийный пример – маршал Георгий Жуков. Он помог Хрущеву расправиться

* Данные на декабрь 1991 года.

с Берией, потом поддержал своего Генсека в его войне с “антипартийной группировкой” Молотова и Кагановича – людей из ближайшего окружения Сталина, которые попытались сместить Хрущева. В “благодарность” Хрущев вскоре выслал весьма популярного в народе и армии Жукова из столицы, и потом ни сам, ни его преемники к московским властным дверям Жукова не подпускали. Кстати, и в дворцовом перевороте 1964 года армию не привлекали – ставка была сделана на КГБ.

В брежневские времена, насколько мне известно, было всего два случая неповиновения людей в форме властям, которые имели – пусть и с определенной натяжкой – политическую окраску.

Героем одной стал младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин. В 1969 году, у Боровицких ворот Кремля, он стрелял в машину, в которой должен был быть Генсек Леонид Брежнев. Ильин был объявлен сумасшедшим и 18 лет просидел в одиночной камере–палате казанской психбольницы. Был ли Ильин в действительности здоровым человеком или нет – до сих пор неясно.²⁷

Второй случай произошел в Ленинграде, в 1973 году. Тогда капитан–лейтенант Владимир Саблин увел с рейда эсминец, вышел в нейтральные воды и запросил политического убежища. Саблин, естественно, был схвачен и расстрелян.²⁸

Сотрудники Главной военной прокуратуры говорили мне, что было и еще несколько историй, способных вызвать тревожения товарищей со Старой площади и Лубянки, однако, по их словам, это скорее было невыполнение нижестоящими приказа вышестоящих начальников, а вовсе не политика.

И тем не менее вооруженных людей боялись и держали под пристальным контролем.

Каким образом осуществляется этот контроль? Ну, во–первых, на то в КГБ существует специальное подразделение – Третье Главное управление, военная контрразведка. Или точнее – политический сыск в ВПК. Предполагается, что она должна бороться со шпионажем в вооруженных силах. Наверное – борется. Однако не менее остро это управление интересуется состоянием умов в армии.

По мнению чекистов, если передать военную контрразведку в ведение армии – а такие поползновения со стороны Министерства обороны есть, – то государство потеряет всякий контроль над вооруженным людом. Ну, чтобы всякий – я сомневаюсь: слава Богу, в стукачах Отечество недостатка никогда не

испытывало. Однако, вероятно, налаженные и простые каналы получения информации будут порушены.

А каналы эти таковы. В каждом полку или даже в каждой менее крупной войсковой части существуют так называемые особые отделы – подразделения КГБ в армии. Они... Впрочем, начну лучше с одной истории.

Однажды ко мне в редакцию пришел... ну, назовем его – полковник Салматов. Принес объемистый труд – страниц 200 машинописного текста. Читать его было довольно трудно – полковник, скажем мягко, не слишком хорошо владел пером. Между тем именно перо, как следовало из этих страниц, было главным, что позволило ему дослужиться до полковника.

Салматов писал доносы на своих коллег–офицеров.

История его была тривиальна. Вскоре после окончания военного училища Салматова, только-только успевшего освоиться в части, вызвали в Особый отдел. Популярно объяснили, сколь велика может быть его помощь партии и всему советскому народу, если он... Короче, вербовали в стукачи. Салматов – так у него в тексте – попытался отказаться. Тогда особист достал несколько листов бумаги и, прикрыв стоящую внизу фамилию, дал прочитать офицеру рассказ о нем самом. Ничего экстраординарного: в компании, в подпитии, Салматов позволил себе какую-то вольность – покритиковал военное начальство, прошелся анекдотом по тогдашнему Генсеку. Дальше особист подробно рассказал Салматову о том, как можно ему испортить жизнь и как он, Салматов, может сам себе помочь сделать карьеру, если... Салматов согласился. Следующие примерно 70 страниц труда полковника были посвящены изложению того, как его дергали особисты, требуя информации, и какое чувство раскаяния у него перед теми, кого он закладывал. Любопытного в этом мало. Заинтересовало меня другое – то, что, оказывается, чекисты из особых отделов любят вербовать в стукачи жен офицеров. Те, как правило, весьма словоохотливы, боятся за своих мужей, да и нередко работают там, где люди склонны распускать язык – в офицерских столовых, клубах, парикмахерских и тому подобное*.

Короче, по данным некоторых экспертов, от 30 до 40 про-

* Уже после путча подполковник КГБ, сотрудник ныне расформированного Управления по защите советского конституционного строя Александр Кичихин рассказывал о функциях особых отделов в армии следующее: “Особисты в войсках обязаны передавать в Третье Главное управление (контрразведка) всю информацию о дислокации армии, могут на нее влиять, остановить либо приказывать выдвинуть войска. Я уже как-то рассказывал, как был отдан приказ Язова

центров служащих вооруженных сил являются источниками или доверенными лицами КГБ.³¹

Другой канал контроля за армией со стороны “идеологов” – это политорганы. В начале 1991 года они были ликвидированы и заменены на... военно-политические органы. То есть попросту сменили вывеску. По сведениям из Управления по защите советского конституционного строя, политорганы всегда работали в самой тесной упряжке как с партийными инстанциями, так и... с идеологической контрразведкой: военные люди – друг друга хорошо понимали.

В советской прессе нет-нет да и появлялись статьи о непростых, скажем так, взаимоотношениях между кадровыми армейскими офицерами и их замполитами – заместителями по политической части. Армия вне моих журналистских интересов, но однажды волей случая мне пришлось разговаривать с командиром армейской части в N-ской области*. Своей ненависти к замполиту командир не скрывал. И страха перед ним – тоже.

Я спросила его: “Почему вы так его боитесь, вы же – подполковник, он – майор”. Командир усмехнулся: “Почему? Что он пишет в свое политическое управление, и не только, как вы понимаете, туда – я не знаю. Но если пропишет меня в своих донесениях – это конец, хана. Здесь до города сто километров – какая-никакая цивилизация. Захотят – зашлют куда-нибудь к черту на кулички, где ни школы нормальной, ни магазинов, ни больницы – о театре уже и не говорю. А у меня семья, дети. Здесь жена как-никак работает – у нее высшее образование, а где-нибудь на севере, на “точке” – что она будет делать? Уйдет...” – “А отказаться ехать на точку вы не можете?” – наивно спросила я. – “Отказаться? – он посмотрел на меня как на идиотку. – Я же военный человек... Ну, увольюсь из армии. И что я буду делать? Кто мне квартиру даст?... Хочу вот в Академию поступать. Нужна характеристика из политорганов – вот сижу и думаю, что эти сукины дети там “нарисуют”. Не поступлю – значит, так всю жизнь здесь и торчать...” Он помолчал и доба-

(бывший министр обороны СССР, один из главных организаторов августовского переворота – Е.А.) использовать войска против крымских татар. Тогда операция по уничтожению палаточных городков в Крыму не удалась потому, что особысты аналогичного распоряжения не получали и остановили вывод военнослужащих из казарм. 19–21 августа (в дни путча – Е.А.) войска в стране были выведены на “боевые рубежи” наверняка с ведома Третьего управления – иначе быть не может”.³⁰

* Здесь и далее я не называю имен своих собеседников, поскольку они по-прежнему служат или работают в тех же в/ч и институтах.

вил: “Вы, на гражданке, даже не представляете, насколько мы, военные, рабы...”

“КГБ имеет огромное значение в армии, – рассказывал другой офицер, из другой части и другого рода войск. – В Главке, где я служил, было 300 человек. Но главным кабинетом был кабинет сотрудника КГБ. Он мог вызвать любого офицера и мог сделать с любым все что угодно”.³

“Все что угодно” – это вовсе не обязательно арест, военный трибунал или психушка. Хотя и такое было не редкость, о чем свидетельств масса. Например, письмо одного раскаявшегося особиста майора Бориса Бугрова в газету “Комсомольская правда”: “Да, я бывший старший оперуполномоченный особого отдела КГБ, тот, который работал в в/ч, где ты, Иван Рябов, служил курсантом и рядовым... Ты решил, что только ООН способна навести у нас порядок. (Курсант написал в ООН письмо о творящихся в СССР беззакониях – Е.А.) Я помещал тебя в психбольницу – не по реальной необходимости, а чтобы иметь справку о твоём психическом состоянии, и тогда искренне считал, что это необходимо...”³³ Так вот, “все что угодно” – это далеко не всегда спецбольница, лагерь или репрессии, с чем обычно ассоциируется деятельность КГБ. В стране, где наличие в твоём холодильнике колбасы, мяса, молока зависит от географической точки, где живешь; в стране, где мера цивилизованности твоей жизни – скажем, тротуары, а не грязь по колено, туалет в квартире, а не на дворе, квартира, а не жалкая комнатуха в барачном строении, в котором и скотине – то плохо, – зависит от того же; в стране, где самое понятие “жизнь” давно уже заменено понятием “выжить”, с человеком можно действительно сделать все что угодно, не прибегая к крайним мерам. Сами условия нашего существования, наш замордованный быт плодят стукачей и увеличивают силу КГБ.

Понятно, что мера присутствия органов безопасности в другой, и наиболее важной, сфере деятельности ВПК – в научно-исследовательских институтах, на заводах, испытательных полигонах, в лабораториях, – то есть там, где разрабатывается и производится оружие, многократно больше, нежели чем в армии. Что объяснимо: военные секреты принято охранять во всем мире. В КГБ за это отвечает Шестое управление. Но, конечно, задействовано не только оно.

Собственно, сам наш ВПК, особенно в той его части, что занимается ядерным оружием, родился под крышей госбезопасности. Честь создания знаменитого “Средьмаша” – Минис-

терства среднего машиностроения, где разрабатывались атомная и прочие иные бомбы (почему “среднего” – сие тайна или, точнее, еще один советский идиотизм, но теперь уже в области секретности), принадлежит не кому-нибудь, а Лаврентию Берии. Он курировал всю эту отрасль вплоть до 53 года, когда был объявлен “английским шпионом”. Люди Берии, а потом и его преемники держали под неусыпным оком не только главных конструкторов, но их жен, любовниц, друзей. Эти же люди вполне прижились в ВПК и после всех хрущевских “разборок” с органами. Скажем, один из бывших заместителей расстрелянного Хрущевым министра ГБ Абакумова, генерал-полковник Огольцов, исключенный из партии и уволенный из органов, много лет, вплоть до ухода на пенсию, был заместителем директора по режиму одного страшно секретного, главным образом для соотечественников, НИИ № 1. Стоит ли говорить, что и сегодня, несмотря на все перестройки и перетряски, заместителями по режиму подобных институтов являются полковники (плюс – минус звание) КГБ.

По словам людей, не десять и даже не двадцать лет проработавших в ВПК, органы госбезопасности прослушивают все служебные, а часто и личные телефоны сотрудников институтов. Они же отвечают за оформление командировок ученых внутри страны – для этого есть специальный человек. Через чекистов проходит и оформление всех закрытых кандидатских и докторских диссертаций – это сфера компетенции так называемого первого отдела. Первые отделы существуют также на всех оборонных заводах. Эти отделы, кстати сказать, являются и одним из каналов вербовки новых чекистов среди сотрудников заводов или институтов*. Есть такие отделы и в самых обычных, отнюдь не режимных научно-исследовательских заведениях, в том числе в вузах. Но работают там, как правило, не кадровые офицеры КГБ – вышедшие на пенсию чекисты или уволенные в запас военные.

Я спрашивала своих собеседников, каковы взаимоотношения руководителей оборонных НИИ и лабораторий с чекистами – например, с теми же замами по режиму. Ответы были идентичны: “С ними предпочитают не связываться, дабы не осложнять себе жизнь. Как правило, ни одну даже пустяковую бумагу (то есть документ) директор не подписывает, если на ней не стоит подпись заместителя по режиму...”

* Таким путем пришел в КГБ, например, нынешний первый заместитель министра безопасности России генерал А.Олейников.

· Советскому читателю объяснять, что это такое “неподписанная бумага” – не надо. (Впрочем, вероятно, и западному тоже: бюрократия вненациональна.) “Без бумажки ты не человек” – этот афоризм давно стал аксиомой нашей жизни. Что значит “бумажка” в закрытом НИИ? Это значит, что, например, надо провести совместный эксперимент с коллегами из другого института. Для этого необходимо получить на него “допуск” – разрешение: а) вести исследования в секретной области; б) пройти в закрытое учреждение. Бумажку, скажем, не дают. Не то чтобы отказывают – нет, просто тянут с оформлением, проверяют имярека до седьмого колена, выясняют, нет ли родственников за границей и не является ли агентом ЦРУ. В результате намеченный эксперимент срывается, работа останавливается, рушится защита диссертации, не выполняются планы, нервная система в состоянии стресса и... И какой-нибудь доктор наук, создающий уникальное средство убийства людей, мается под дверями зама по режиму, заглядывает ему в глаза, униженно просит... Дальше возможны варианты – личные услуги, одолжения, доверительные разговоры... Потому и “предпочитают не связываться”.

Ну, а если – “связался”? Сдали нервы – наорал, конфликтовал с замом по режиму, пошел жаловаться директору, а тот решил остаться в стороне, в конфликт не вступать: “Знаешь, разбирайся сам”. О, тут дальше может быть всякое. Например, за нарушение режима (а нарушают режим, по словам моих собеседников, практически все, ибо иначе работать невозможно – секретность доведена до абсурда) могут лишить “допуска” – то есть права работать с секретными документами. В результате приходится уходить из закрытого института в гражданский, гражданский. А там аппаратуры толковой нет, поскольку гражданской науке такого финансирования, как в системе ВПК, даже не снилось, работа останавливается, валится защита, зарплата – несравнима с той, что в оборонке... Впрочем, остановилось, а то меня обвинят в чекистской паранойе, да и сама я начинаю заглядывать под собственный стол – нет ли там гебэшника. Все это – наши реалии. И все это “мелочи” – я сознательно акцентирую именно на них внимание читателей, – которые делают нашу жизнь невыносимой и до крайности, до невозможности зависимой от государства, в котором КГБ играет роль первой скрипки. Повторю: не репрессии, не лагеря – самая наша каждодневная жизнь плодит стукачей и увеличивает мощь госбезопасности. В системе же ВПК простор для ее деятельности и вовсе ничем не ограничен.

И снова повторяюсь: военные секреты, особенно те, что связаны с идеями, с технологиями, надо охранять. И делают это во всех странах. Кстати, по мнению бывшего генерального директора французской Секретной службы (ДЖСЕ) Пьера Мариона, именно в промышленно-индустриальном шпионаже КГБ не имеет себе равных в мире.³⁴ Однако беда в том, что в Советском Союзе нет закона о государственной тайне – что секретить, а что нет, – все это определяется ведомственными подзаконными актами. (К слову, деятельность, например, КГБ регулируют около 6 тысяч таких актов, инструкций и приказов.) А вот закон об ответственности за нарушение несуществующего закона – есть. Это статья 74 УК РСФСР, карающая за разглашение гостайн.³⁵ И поэтому тоже секретность – еще один действенный “короткий поводок”, с помощью которого осуществляется контроль и влияние КГБ в сфере ВПК.

Конечно, говоря о подчиненности ВПК идеологическим структурам олигархии – КГБ и КПСС, не следует забывать, что сам ВПК был крупнейшим поставщиком номенклатуры, то есть партийно-государственной элиты. (Тут с ним мог соперничать лишь “молодой отряд партии” – славный Ленинский комсомол.³⁶) Что, конечно, в условиях переплечения различных подразделений олигархии было вполне естественно. Интересно и то, что как только в годы перестройки идеологические вожжи были чуть-чуть отпущены, ВПК стал превращаться в самостоятельную и крайне консервативную политическую силу.

И последний штрих к портрету олигархии. По данным социолога Ольги Крыштановской, 28,3 процента нынешней чекистской элиты начали свою карьеру на предприятиях ВПК. 20,8 процента – выходцы из партаппарата, 13,2 процента – до прихода в КГБ трудились на ниве народного образования, главным образом – в высших учебных заведениях. 47 процентов нынешнего руководства КГБ прошли закалку в комсомольских органах.³⁷

Вот эта дружная компания – КГБ–КПСС–ВПК – и начала в Советском Союзе перестройку. Но мотором реформ стал Комитет государственной безопасности, который к этому времени уже прочно сросся с партийно-государственным аппаратом и который к 1985 году, в силу маразмизации и коррумпированности другого подразделения – верхушки КПСС, и общей деградации, приобретал все большее влияние и все большую силу в системе олигархической власти в стране.

Могут биться об заклад: когда счастливые историки будут наконец допущены к секретным бумагам КГБ и КПСС первой половины 80-х годов, они не найдут в архивах ни одного документа, который однозначно бы говорил: “КГБ был инициатором перестройки в СССР”.

Что найдут? Найдут докладные записки Шестого (экономического) управления КГБ, написанные на имя руководства Комитета, из которых следует, что советская экономика находится на грани краха. Найдут отчеты отдела “Т” (научно-техническая разведка) ПГУ, сообщающие об успехах Запада в электронике, в компьютерной технике, в области создания новых технологий. Найдут аналитические доклады ученых из ВПК, делающих вывод: советский военно-промышленный комплекс начинает безнадежно отставать от подобного же комплекса противника. Разговоры об оборонной мощи СССР, особенно в области стратегических вооружений, несмотря на выпуск тысяч танков и ракет, многомиллиардных вливаний и т.д., – все более превращаются в миф. Все? Нет, пожалуй, не все. В архивах ЦК КПСС архивисты, вероятно, обнаружат и доклады секретной группы экономистов, созданной по приказу Юрия Андропова, когда последний из кресла Председателя КГБ СССР пересел в кресло Генерального секретаря ЦК КПСС. Эта группа, сформированная при Межведомственном Совете по изучению опыта социалистических стран, готовила анализ реформ экономики в Китае, в Югославии, в Венгрии и на основе этого предлагала свои соображения по либерализации экономики в СССР.³⁸ Когда Андропов, спустя полтора года после прихода к власти, умер и его место занял 73-летний, не способный самостоятельно передвигаться Константин Черненко, эта группа была благополучно разогнана.

Короче, историки будут разочарованы. Впрочем, кое-что они почерпнут из советской прессы уже перестроечных лет. Например, из интервью с тогда еще первым заместителем Председателя КГБ СССР, членом ЦК КПСС Филиппом Бобковым: “КГБ в 1985 году хорошо понимал, что Советский Союз без перестройки развиваться не может”.³⁹ Еще более историки будут заинтригованы словами – теперь бывшего Председателя КГБ Владимира Крючкова: “Органы госбезопасности, первыми, еще до 1985 года, сказали те слова, которые нынче звучат на всех перекрестках: “Так дальше жить нельзя!”⁴⁰

Полагаю, это был тот редкий случай, когда Председатель

КГБ СССР не лгал. Правда, под словами “так дальше жить нельзя” КГБ имел в виду вовсе не то же самое, что демократы.

Итак, какие же мотивы толкнули КГБ “первым сказать” о необходимости реформ в СССР и почему именно органы госбезопасности стали инициатором шагов, которые, казалось, сам Комитет должны были сбросить в пропасть? Должны были. Но ведь не сбросили?

Мотивы и причины очевидны. Действительно, кто еще в стране, – я имею в виду властные структуры, – кроме Комитета, знал, что в реалии творится на просторах Отечества, в том числе – в экономике? ЦК КПСС? Политбюро, средний возраст которого переваливал за 70 лет? (К 1985 году самому “юному” после Горбачева члену Политбюро Г.Романову было 62, а самому пожилому – Премьеру Н.Тихонову – почти 80 лет.) Каким образом, откуда они могли иметь правдивую информацию, если с мест, то есть от областных партийных начальников, шли подправленные, подчищенные, облагороженные сведения, которые только и устраивали первых лиц страны? Ложь в документах, в цифрах – это ведь был не только способ общения властей со своим народом, но и практика, получившая широкое распространение и в самих управляющих структурах. Информация о нашем безудержном продвижении к светлому будущему не только сохраняла душевное спокойствие маразматиков из Политбюро, но и обеспечивала награды, посты – то есть делала карьеру тем, кто такую информацию давал. Между прочим, и КГБ, зная истинное положение дел в стране, по словам Олега Калугина, занимался “облагораживанием” информации для первых лиц государства. Более того – набил руку на справках, вполне отвечающих понятийному уровню слабейших умом руководителей страны.

Секретно

КОМИТЕТ

государственной безопасности СССР

19.07.82. № 1479-ф

Москва

ЦК КПСС

товарищу Андропову Ю.В.

О негативных проявлениях в поведении отдельных категорий зрителей в ходе выступлений зарубежных артистов и просмотров произведений западного киноискусства.

По поступающим в Комитет госбезопасности СССР данным, в последнее время нередко наблюдаются элементы негативного поведе-

ния отдельных категорий зрителей из числа советских граждан, присутствующих на различных международных мероприятиях в области культуры и искусства.

9 июля этого года в Большом зале Московской государственной консерватории состоялось торжественное закрытие VII Международного конкурса имени П.И.Чайковского, в ходе которого были официально подведены его итоги, а также дан заключительный концерт лауреатов. В процессе награждения победителей со стороны большинства зрителей открыто проявилась демонстративная тенденция к явно завышенной оценке некоторых зарубежных исполнителей и прежде всего представителей США и Великобритании, встреча которых сопровождалась продолжительными аплодисментами, доходившими порой до вызывающей нарочитости. (...) В то же время вручение наград советским исполнителям, занявшим более высокие места, проходило в обстановке не более чем обычных приветствий. Этот контраст усилился во время выступлений лауреатов на концерте. Так, пианист из Великобритании Донохоу П. после своего номера неоднократно вызывался на сцену и был буквально усыпан цветами. По мнению ряда присутствовавших, такая реакция на его выступление не в полной мере соответствовала объективности, а была создана искусственно. Это подтверждается также и тем, что после оваций, устроенных англичанину, многие зрители покинули концерт, и выступления советских лауреатов Овчинникова В. и Забиякты Л. проходили при полупустом зале (...)

Председатель Комитета госбезопасности

В.Федорчук⁴¹

Кажется, до такого абсурда, сообщаемого “в порядке информации” под грифом “секретно”, даже Оруэлл в своем блистательном романе “1984” не додумался. Впрочем, Пастернак предупреждал: “Замечательно перерождаются понятия. Когда к ужасам привыкают, они становятся основаниями хорошего тона”. Так и абсурд становится нормой...

Короче, по меткому выражению весьма близкого к власти предрежащим академика Г.Арбатова, в сей славный период существования нашего государства – в начале восьмидесятых – “физиология стала важнейшим фактором политики”: от того, как себя чувствовал немощный генсек, в каком расположении духа проснулось столь же немощное и болезненное его окружение, – зависела жизнь огромной, напичканной ядерным оружием державы.⁴²

Однако сохраняя нервы партийным иерархам, которые к тому же один за другим отправлялись в мир иной, Комитет сам себя не обманывал. Пример тому – Юрий Андропов, который

попытался начать кое-какие изменения в экономике, да не успел.

КГБ знал: падают цены на нефть, сокращается валютная выручка государства, а с ней – и возможности закупать оборудование для предприятий ВПК. Катастрофически пошла вниз производительность труда, спорадические вливания в машиностроение, которое, напомним, на 80 процентов работало на ВПК, перестали давать отдачу. Экономисты свидетельствовали: в 1984 году с каждого рубля, вложенного в станки, в оборудование, страна получала на четверть меньше продукции, чем полтора десятилетия назад.⁴³

Происходило страшное: начал разваливаться материальный фундамент тоталитарного режима, который только и позволял СССР быть великой державой, представляющей угрозу всему миру. “Тело” режима – ВПК – было серьезно больно. Вот его-то и бросилась спасать побуждаемая к тому Комитетом олигархическая верхушка. Его, ВПК, крики о помощи убедили: экономика страны подошла к той последней черте, когда она становится неспособной обеспечивать потребности Военно-промышленного комплекса, и, следовательно, создается угроза существованию самой системы власти в стране. Значит – нужны реформы. Но – какие? Очевидно, те, что, с одной стороны, не угрожали бы безопасности власти, с другой – вытаскивали бы из ямы ВПК. Опыт же Китая свидетельствовал: либерализация в экономике вполне сопрягается с жестким идеологическим и политическим контролем со стороны правящей партии. “Главная задача – быстро перейти на производство новых поколений машин и оборудования, которые способны обеспечить внедрение прогрессивной технологии...” – определял задачи перестройки Михаил Горбачев в апреле 1985 года. – “Первостепенное внимание должно быть уделено совершенствованию станкостроения, ускорению развития вычислительной техники, приборостроения, электротехники и электроники как катализаторов научно-технического прогресса”⁴⁴, – перечислял он именно те области промышленности, которые прежде всего и главным образом работают на ВПК.

Вадим Печенев – помощник Генсека Черненко по теоретическим и идеологическим вопросам (академик Георгий Арбатов относит его к числу тех “серых кардиналов”, которые имели особое влияние на верховных лиц страны), основываясь на опыте личного общения с Горбачевым, пишет, что будущего реформатора отличала приверженность двум основополагающим концепциям: ускорения экономического развития страны

и “внутреннего и международного значения ленинизма вообще и исторического теоретического подвига В.И.Ленина в особенности”. Печенев, не без сарказма, также добавляет, что любые попытки со стороны возглавляемой им группы консультантов ЦК внести некоторый радикализм в речи, статьи и выступления первых лиц по части критики прошлого или необходимости коренной ломки старого хозяйственного механизма, мягко, но систематически пресекались тогдашним секретарем ЦК и вторым человеком в государстве М.Горбачевым. В декабре 1984 года, то есть за полгода до объявления перестройки, Горбачев в одном из своих докладов, подготовленных, по словам Печенева, его “теневым кабинетом”, высказался резко против “рыночного социализма”, подчеркнув, что “главное историческое преимущество стран социализма – плановый характер экономики”.⁴⁵ Конечно, слова Печенева – лично обиженного на Горбачева (последний, естественно, убрал его из ЦК вскоре после прихода к власти) – надо принимать с известными допущениями. Конечно, Горбачев 1984 года должен был лавировать, дабы не раздражать старых членов Политбюро и получить страстно желаемое место Генсека. Конечно, его взгляды со временем претерпели – в угоду времени – определенные изменения. Но мы говорим о причинах и побудительных мотивах перестройки – и в этом смысле свидетельства старого аппаратчика весьма интересны.

Откройте наугад речи Горбачева первых лет перестройки: “ускорение”, “научно-технический прогресс”, “развитие машиностроения” – вот что было ключевыми словами того времени. И не только словами. На XXVII съезд КПСС в 1986 году новый Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков, пришедший на эту должность – подчеркну – из системы ВПК, заявил: “Машиностроение должно развиваться в 1,5 раза быстрее, чем вся промышленность... В 1,8 раза увеличатся капиталовложения в машиностроении...”⁴⁶ И вкладывали.

И еще больше пустели полки магазинов. И накапливалось социальное напряжение, которому надо было дать выход. Так была объявлена – нет, не свобода слова – до нее еще было далеко, – гласность, ставшая символом перестройки.

Между прочим, этот иезуитский прием выпускаания социальных паров через средства массовой информации придумал еще Иосиф Сталин в 1947 году. На одном из совещаний в Кремле он тогда вдруг заговорил о необходимости изменить лицо писательской “Литературной газеты”: “Все наши газеты – так или иначе официальные газеты, а “Литературная газета” – газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофици-

ально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. “Литературная газета” как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это “Литературную газету”, но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело...”⁴⁷

Ах прилежные ученики товарища Сталина, ах Софоклы конца XX века!.. Они явно переоценили свои возможности. Им, видно, даже в голову не пришло, что Страна Советов 1985 года – это уже не лагерь, именуемый СССР, образца 1947 года. Что, начав выпускать пар, накопившийся в стране за 70 лет режима, под него можно попасть и самим, а затолкать обратно – без крови и пушек – уже невозможно...

Но вернемся в 1985 год, к началу перестройки. Остается открытым вопрос, как и почему пост Генсека и роль реформатора достались именно Михаилу Горбачеву. Откровенно говоря, мне этот вопрос представляется вторичным. Сравнительно молодой – самый молодой член Политбюро, достаточно для Запада светский, весьма энергичный и хорошо знающий аппаратные игры, Горбачев, полагаю, вполне устраивал ту часть олигархической верхушки, которая понимала необходимость перемен. Хотя и не исключаю, что близость Горбачева к Юрию Андропову, который, как известно, весьма и весьма способствовал карьерному росту Горбачева, сыграла в том не последнюю роль.

Более того: по словам помощника Ю. Андропова, ныне президента влиятельного Научно-промышленного союза Аркадия Вольского, умирая, Андропов рекомендовал именно Горбачева на пост преемника.

В своем политическом завещании бывший Председатель КГБ СССР и практически уже бывший Генеральный секретарь Юрий Андропов писал: “Товарищи члены ЦК КПСС, по известным вам причинам я не могу принимать в данный период активное участие в руководстве Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС... В связи с этим просил бы Пленум ЦК рассмотреть вопрос и поручить ведение Политбюро и Секретариата ЦК товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу”. Это означало – в переводе с эзопова партийного языка на нормальный: Горбачев должен быть Генеральным секретарем ЦК КПСС. Ибо только Генсеки вели заседания Политбюро.

Однако дальше с этим политическим завещанием приклю-

чилась прямо—таки детективная история: в зачитанной на Пленуме ЦК машинописной копии этих строк не оказалось — они исчезли. Горбачеву предстояло ждать престола еще почти год: предназначенное ему Андроповым кресло занял смертельно больной Константин Черненко. В апреле 1985 года час Горбачева наконец пробил*.⁴⁸

Любопытно и другое. Когда Горбачев, еще будучи не первым, а только вторым человеком государства, в 1984 году приехал в Англию, именно КГБ и особенно ПГУ, разведка, как пишет в своей книге Олег Гордиевский — тогда еще исполняющий обязанности резидента в Лондоне, немало потрудился и чтобы сам визит был удачен, и чтобы он произвел должную реакцию как в мире, так и в стране.⁴⁹ Начальником ПГУ в 1984 году был генерал Владимир Крючков, чья карьера тоже неразрывно связана с именем Андропова: Крючков начинал с ним работать еще в Венгрии, в бытность Андропова послом СССР. Потом был его помощником в ЦК КПСС и вместе с Андроповым ушел в КГБ, заняв весьма многообещающую должность начальника секретариата Председателя КГБ. Так вот в 1988 году, через четыре года после лондонского визита, именно Крючков был назначен новым главой Комитета.⁵⁰ Он оказался первым в истории начальником советской разведки, который стал Председателем КГБ СССР. И все эти годы был одним из самых близких к Горбачеву людей.

Однако не хочу быть ложно понятой: я вовсе не стремлюсь сказать, что Горбачев—де был креатурой только КГБ. Подобная прямолинейность неизбежно ведет к упрощению типа — “Горбачев — агент Комитета”.

Горбачев устраивал олигархическую верхушку, способную осознать всю близость экономического краха СССР. А значит, он устраивал и КГБ. А то, что Комитет ему, очевидно, помог в его аппаратных играх и интригах, и то, что Горбачев потом за это должен был расплачиваться, — так это естественно. Слава Богу, от Лубянки до Старой площади — пешком дойти. Повторю, вопрос выбора на роль реформатора Горбачева все—таки вторичен. Важнее, что сами реформы затевались единственно и ради спасения Военно—промышленного комплекса, а значит, и самого режима. Отсюда и их итоги — окончательно разоренная

* Помощник К. Черненко Вадим Печенев опровергает эту версию Вольско—го. Не исключено, что опровергает именно потому, что был одним из тех, кто принял участие в “редактировании” завещания Андропова.

страна. Ни безопасности ВПК, ни безопасности КГБ эти реформы до поры до времени не угрожали.

Что же касается безопасности КПСС – а именно на партию оказался направлен первый разрушительный удар демократов, – то боюсь, что положение пусть и сильного подразделения, не говоря уже о раздражающей коррумпированности партийного аппарата, КГБ, как наиболее мощную структуру олигархической власти, уже не устраивало. Он не хотел более оставаться только за сценой. И это было одной из главных ошибок КГБ в предпринятой с его помощью и при его инициативе кампании, именуемой – перестройка. Впрочем, это только моя версия.

Но факт есть факт: именно с перестройкой началось продвижение КГБ к центру власти в стране.

Глава VI.

РЕАЛИИ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ.

Повесился человек.

Жил-был, работал в трамвайном парке, водил трамвай по улицам города Ростова-на-Дону, был активным членом клуба “Защита” – общественного объединения, родившегося на волне горбачевского призыва к включению масс в перестройку и надежды этих самых масс как-то себя от государственного произвола защитить.

Звали этого человека Анатолий Отрезнов, и было ему 35 лет.

Был он человек как человек, ничем особенно не увлекался, ничем не выделялся, был безотказен в работе и не слишком уживчив в быту. Семьи не имел, друзей – тоже. Если чем и отличался, так это несдержанностью на язык – прилюдно ругал КПСС, власти, конституцию, что в 88-ом, да еще в провинции, было небезопасно. Или – казалось небезопасным его сотоварищам по клубу “Защита”, к которому местные партийные власти излишней любви не проявляли.

И вот – повесился. Оставил предсмертное письмо – “Исповедь” – так сам назвал. “Исповедь” кончалась словами: “Люди – негодяи и грязь”... Уже после смерти выяснилось: был Отрезнов агентом КГБ. Не штатным – нет, так, мелким информатором, внедренным в новое демократическое объединение: наблюдать, по возможности – дискредитировать. В качестве платы ему была обещана отдельная однокомнатная квартира, каковой Отрезнов никогда в жизни не имел и о которой страстно мечтал, – вырос он в детдоме, потом служил в армии, потом мотался по общежитиям и ютился по частным углам. В общем, была у человека цель – свой дом, своя крыша над головой... Квартиры не дали. Предложили комнату в коммуналке. А он ведь – мечтал! Не о Гавайских, повторю, островах, не о девочках на пляжах острова Фиджи – о том, что для советского че-

ловека – полжизни: об отдельной квартире. Сорвалось. Обманули – может быть, плохо служил? В результате и наложил на себя руки... В декабре 1989 года (раньше мера отпущенной гласности не позволяла) корреспондент “Литературной газеты” Николай Попков рассказал об этой истории в очерке “Петля”.¹

Странно: особого впечатления на читательскую аудиторию очерк не произвел. Во всяком случае, большого шума по сему поводу не было. Между тем это был первый рассказ в советской печати об агенте КГБ, внедренном в новую демократическую организацию простых советских граждан – внедренном в годы декларированной перестройки, гласности, нового мышления! Однако – проглотили, съели... Видно – привыкли. Как же без них? “Народу – то верили, конечно, но не следить вообще... тогда какова же роль Комитета безопасности? – изумлялся в одном из перестроечных интервью Владимир Семичастный – Председатель КГБ хрущевской поры. – Если он (то есть Комитет) вообще ничего не будет знать – настроения, мнения и просто куда мы идем, а потом возникнет что – то, и народ нам скажет: где же вы были, друзья мои? За что вы деньги получали?”² – толковывал Семичастный корреспонденту, обозначая главные функции КГБ в стране. Механику же исполнения этих функций, в том числе и формы взаимоотношений Комитета с новыми общественными организациями, однажды наглядно объяснил генерал Олег Калугин: “Когда в начале 80-х любители рока заполнили ленинградскую эстраду, по инициативе КГБ был создан рок-клуб. Создан с единственной целью: держать это движение под контролем, сделать его управляемым...” В общем – привыкли. И о н и – привыкли, и мы – привыкли. То есть неприятно, конечно, но что поделаешь: все равно что сердиться на плохую погоду – проще взять из дома зонтик. Тем паче методика осталась та же, что и 30 и 50 лет назад. “Меняются только объекты – теперь вот стачкомы и новые политические партии”, – заключил в том разговоре Калугин.³

Ну так вот, очерк был опубликован в декабре. И примерно тогда же Центральное телевидение побаловало нас сюжетом: Председатель КГБ СССР Владимир Крючков принимает у себя, на Лубянке, членов Международного пресс-клуба женщин-журналисток.

Крючков был мил и радушен: каждой из дам его подчиненные вручили цветы и двухтомник “Красной книги ВЧК” – чекистской версии геноцида первых послереволюционных лет. Дамы были растроганы и в своих вопросах – предельно тактич-

ны. Я видела стенограмму встречи и взаимопониманием Председателя КГБ и журналисток была тронута буквально до слез.

Об Анатолии Отрезнове Крючков на этой встрече, конечно, не говорил. Да и вообще разговора об агентах, стукачах, информаторах – то есть о том, что живо волнует простых читателей и не простых – тоже, речь там не шла. Говорил Крючков об обеспечении прав советских граждан (“Наша деятельность должна защищать права человека”), о воспитании “законопослушных” чекистов, говорил проникновенно и о достижениях КГБ в сфере гласности.⁴ Состоялась научно-практическая(!) конференция “Демократия, перестройка и органы КГБ”. Принято постановление “Комитет госбезопасности и гласность”. Начал издаваться “Информационный бюллетень КГБ”, коего, впрочем, легальными способами достать практически нельзя – об этом Крючков, понятно, умолчал. Создан Центр общественных связей, который возглавил генерал КГБ Александр Карбаинов (в прошлом, замечу, начальник 1 отдела Пятого управления КГБ – отдела, весьма интересовавшегося творчеством и бытом литераторов, художников, музыкантов. Карбаинов интересовался ими, судя по всему, усердно, потому как стал заместителем начальника всего этого управления, потом ушел поработать в ЦК КПСС, и вот новая, заметная должность).

Что касается отношения КГБ к инакомыслию, к диссидентам, то тут Крючков был категоричен: “Органы безопасности боролись не против инакомыслия, а против конкретных противоправных действий, а потому указанная терминология (“диссидентство”, “политические заключенные”) никогда (так и сказал!) не была для нас приемлемой”. Вот, оказывается, как! Терминологии не принимали, но при этом – сажали. Согласно справке, подготовленной КГБ совместно с Прокуратурой СССР на имя Горбачева, в 1987 году, например, в лагерях сидело 288 политических заключенных: “Из них в ИТУ (исправительно-трудовые учреждения – Е.А.) за антисоветскую агитацию и пропаганду – 114 чел., за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, – 119 чел., в ссылке осужденных по уголовным статьям находится 55 человек”.⁵

Более того, не далее как в ноябре 1989, то есть за месяц до этих милых посиделок на Лубянке, в городе Свердловске был осужден к трем годам лишения свободы Сергей Кузнецов – активный член “Демократического Союза”. Осужден за правоза-

читную деятельность, но поскольку прежние посадочные статьи – знаменитая семидесятая (“антисоветская агитация и пропаганда”) и сто девяностая прим (“распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй”), были отменены, в приговоре Кузнецова были указаны статьи уголовные (что именно уголовные, Крючков особенно подчеркнул) – статья 130 (клевета) и статья 191¹ (оказание сопротивления работникам милиции). В переводе на нормальный язык это означало, что Кузнецов распространял антисоветские листовки, а также организовывал митинги, которые власти провести, естественно, не разрешили. К этому времени перестройка зашла уже так далеко, что был принят Закон о митингах и демонстрациях, позволяющий либо награждать граждан свободой на собрания, либо наказывать запрещением оных, если граждане ведут себя плохо.⁶ “Демократический Союз” традиционно вел себя плохо, потому милиция был дан приказ митинг в Свердловске разогнать. Разогнали, используя для того дубинки. Спустя несколько месяцев (очень возмущалась международная общественность, а это бросало тень на “новое мышление”) Кузнецов из тюрьмы таки был выпущен: вдруг оказалось, что преступления он не совершал. Однако не думаю, что подобный поворот событий смутил Председателя КГБ: к концу 1989 года Комитет к сим перестроечным коллизиям стал относиться уже спокойно, не нервничая. Дескать, собака лает, а караван – идет. И действительно – шел.

Что еще было интересного в той стенограмме? Например, вопрос журналисток о привилегиях высшего руководства КГБ. Ответ Крючкова, как мы уже привыкли, был предельно искренним и выдержан в лучших традициях советской демагогии: “Единственная привилегия высокопоставленного сотрудника КГБ – это более высокая степень ответственности за порученное дело”... Потом, правда, добавил, что определенная категория чекистов может иметь госдачу – “за плату” (подчеркнул), иметь служебный транспорт, есть у Комитета свои дома отдыха, поликлиника, садово-огородные участки... Представляю, как веселились, читая эту стенограмму, рядовые сотрудники КГБ.

Я не говорю о том, что четвертый этаж нового, предельно мрачного (серо-черный гранит) здания КГБ на Лубянке сами комитетчики называют “зоной”. Это, так сказать, чекистский юмор, ибо зона эта отличается от тех, лагерных, с которыми как-то более ассоциируется слово КГБ, тем, что рядовым чекистам вход туда заказан. Вероятно, к “секретам государствен-

ной важности” относится и специальная столовая для Председателя, его замов и членов коллегии КГБ. Слышала, что кормят там замечательно, слышала, что готовят блюда исключительно из экологически чистых продуктов, коих ни рядовые чекисты, ни рядовые советские граждане от рождения не знают. Впрочем, для бесклассового общества, где нет ни богатых, ни бедных и все – равны, это обычное явление: перестройка в том мало что изменила.

Однако что в действительности является большим секретом, так это то, что верховная комитетская элита через советские внешнеторговые организации по каталогам западных фирм заказывала необходимый им и их семьям ширпотреб, коего в советских магазинах не было и нет. Оплата шла, естественно, в твердо конвертируемой валюте.⁷ Вот такая забавная деталь, маленькое добавление к словам о “единственной привилегии высокопоставленного сотрудника КГБ”.

Еще журналистки заинтересовались у Крючкова взаимоотношениями внутри Комитета – как ладят между собой радикалы и консерваторы и кого больше? И снова Председатель – ну, да, конечно: “монолитное единство рядов”... Впрочем, тут как раз не все однозначно и это вопрос, требующий некоторых размышлений.

Конечно, никакого “монолитного единства рядов”, в том смысле, в каком говорил об этом Крючков, в КГБ давно уже нет. Не первый год там тлеет огонек конфронтации – раньше менее заметный, сейчас – весьма откровенный – между теми, кто называет себя “профессионалами”, и теми, кого называют “партаппаратчики”. Последние, как правило, начинали свою карьеру в комсомольских и партийных органах, добивались там до определенного начальственного этажа, им как офицерам запаса с каждой ступенькой по карьерной лестнице вверх присваивалось новое звание – капитана, майора, подполковника. С ним они и переходили в КГБ, пройдя предварительно двухгодичное обучение в Высшей школе КГБ. Ну, а дальше начальственная, как правило, не ниже заместителя руководителя отдела, – должность в Комитете. Профессионалам, то есть тем, кто начинал в органах с должности рядового оперуполномоченного, подобная карьерная стремительность “партаппаратчиков” мало сказать не нравилась. “Профессионалы” считали, что в настоящей чекистской работе их конкуренты на большие должности мало что смыслят и добиваются начальственных кресел, хоро-

ших зарплат и поездок за границу совершенно незаслуженно. Вероятно, по-своему они правы, хотя... Хотя если главная функция КГБ (вспомним Семичастного) состоит в том, чтобы знать мнени я и н а с т р о е н и я, то в этом—то как раз партийные товарищи доки.

Надо сказать, что вопрос о поездках за границу в этой конфронтации играл и играет весьма существенную роль. Особенно, конечно, в Первом Главном Управлении (внешняя разведка). Ибо, как известно, “поездка за границу”, а тем более — долгая работа под “крышей” посольства или зарубежного корреспондентского пункта однозначно переводила советского гражданина в разряд обеспеченных или даже очень обеспеченных людей. Ибо позволяла за казенную зарплату купить то, что в Советском Союзе до самого последнего времени можно было купить лишь у спекулянтов и за очень большие деньги. Естественно, тем же макарон делались и делаются поныне деньги: называется это “купить на сдачу”, — видеомагнитофон или телевизор приобретается специально для того, чтобы потом сдать его дома в комиссионный магазин или перекупщику. Вещи “на сдачу” везутся домой, конечно, не только комитетчиками, но и другими совзагранработниками. Впрочем, разделить первых и вторых в иных случаях довольно трудно, поскольку, по словам подполковника КГБ Валентина Королева, “посольские резидентуры ПГУ за границей объединяют сотрудников этой разведки, работающих под видом дипломатов, журналистов, представителей внешнеторговых, туристических и иных советских учреждений”.⁸ По мнению Королева, именно этот материальный стимул привел в органы, особенно в Первое Главное Управление, немало молодых людей, в том числе и особенно — детей партгосаппарата — сыновей высшей партийно—государственной номенклатуры. Что в свою очередь, опять заметим, немало способствовало сращиванию структур.

“Безродных” в Первом Главке примерно 10—20 процентов, — утверждает Королев. — Обладатели менее “мохнатых лап” распределяются из Высшей школы (КГБ) во Второй Главк КГБ СССР, являющийся центральным контрразведывательным органом этого ведомства. Я знавал только одного “безродного” слушателя ВШ КГБ, распределенного в ПГУ, и одного такого же, получившего назначение в ВГУ. Это из порядочных. Были и другие случаи распределения в ВГУ “безродных”, которые стучали руководству курсов и факультетов на своих же однокашников”.⁹ Это, к слову, и о нравах, царящих в Комитете. Но я хочу еще на секунду вернуться к “стимулу”.

Так вот он, этот материальный стимул в нашей нищей стране является не только медом для чекистов, но и одним из мощнейших способов в деле привлечения к сотрудничеству с органами и – воздействия чекистов на советских людей. Ибо желание попасть за границу велико, а оформление документов, позволяющих выехать из страны, по сию пор – прерогатива КГБ. И именно слово Комитета, а не партийных органов является решающим. КГБ может просто сказать: “На данного человека есть закрытый материал”. И никакой начальник не посмеет спросить – какой материал? Выездом во Втором Главном Управлении (контрразведка), равно как и в каждом его подразделении в областных и республиканских комитетах, ведает специальный “выездной” отдел или группа: “выездные дела” граждан хранятся там пять лет. В прошлые годы КГБ мог без всякого объяснения причин не дать разрешения на выезд, как не давал его мне на протяжении 8 лет. Кадровики из газеты, где я тогда работала, совершенно откровенно говорили мне: “Не подавай документы – бесполезно”. Недавно я узнала: в 1989 году подпись на моем разрешении на выезд поставил ни больше ни меньше как заместитель Председателя КГБ СССР Гелий Агеев. “Значит, на вас было что-то серьезное”, – объяснял мне мой собеседник. Что? Узнаю ли я когда-нибудь?

Так вот, сейчас Комитет действует более деликатно: просто не торопится с оформлением документов. Чтобы имярек заведомо не успел, например, на конференцию или симпозиум. Значит – надо просить, унижаться, в иных случаях – выполнять несложные просьбы либо идти на заведомый скандал с органами, который неизвестно как еще обернется. Мне самой пришлось с этим столкнуться не далее как летом 1991 года, когда я собиралась на конференцию журналистов-исследователей в США с докладом “КГБ и перестройка”. Коротко история такая.

Паспорта с выездной визой мне не выдавали вплоть до самого последнего дня, хотя консульская служба американского посольства заверила меня, что все мои бумаги из консульства ушли: назвали и день и час, когда курьер отвез документы в консульскую службу МИДа.

Потом мне доверительно сообщили: “Тебя не выпускают наши...” Я не буду повторять всех тех слов, кои я не менее доверительно сообщила по своему телефону, который регулярно прослушивается комитетчиками, о том, какой скандал с привлечением западной прессы я устрою, если... Меня выпустили. Но мне терять было нечего: свою репутацию в КГБ я знала и на

любовь органов ни в прошлом, ни в будущем мне рассчитывать не приходится. Не говоря уже о том, что у меня за спиной стояла влиятельная газета, в кармане – удостоверение “Московских новостей”, да и комитетчики лишнего шума не любят. А у кого нет такого удостоверения?.. Это я все к тому, что зависимость советских граждан от КГБ имеет часто сугубо бытового характер, а вовсе не является только, как думают, результатом боязни перед возможными репрессиями или лагерями. Именно поэтому она, эта зависимость, и сегодня сильна. Хотя, безусловно, несравнима – и по степени, и по широте охвата – с прежними годами. Впрочем, я увлеклась.

Гораздо интереснее вопрос, насколько “монолитность чекистских рядов” подорвана идейными, политическими расхождениями среди сотрудников Комитета.

Действительно, в последние два года в Комитете появились люди, кого зарубежная пресса окрестила “диссидентами КГБ”.

Волну “отступников” начал полковник КГБ, бывший сотрудник идеологической контрразведки Ярослав Карпович, потом генерал-майор Олег Калугин. Первого Крючков лишил звания “Почетный чекист”, со вторым обошлись более сурово – по требованию КГБ Президент Горбачев своим указом лишил его всех званий и наград, а Премьер Рыжков – полагающейся ему пенсии*. Против Калугина было возбуждено уголовное дело по статье 74 УК РСФСР – “разглашение государственной тайны”.

Бывшие коллеги, как следует из рапорта В.В.Нечаева, начальника 12 отдела Второго Главного Управления КГБ СССР, буквально сели генералу на хвост:

“...С марта 1987 года в 12 отделе 2 Главного управления КГБ СССР с санкции бывшего председателя КГБ СССР Чебрикова В.М., а затем В.А.Крюčkова велось дело оперативного розыска “Петрова” (псевдоним Калугина в деле оперативного розыска – Е.А.), заведенного по признакам возможно действовавшего на территории СССР агента американских спецслужб. В личном производстве дело находилось с сентября 1987 г.

По делу проводились следующие мероприятия:
эпизодически “НН” (наружное наблюдение – Е.А.)

* После августовских событий 1991 года Горбачев издал указ, согласно которому, без объяснений причин и извинений, звание, награды и пенсия Калугину были возвращены.

периодически ОТМ “С” (оперативно–технические мероприятия (ОТМ) по слуховому контролю – то есть прослушка телефонов – Е.А.).

Агентура по делу не использовалась.

С июня по сентябрь 1990 года “Петрову” был закрыт выезд из СССР и доступ в инпредства, аккредитованные в Москве.

В связи с изменением в сентябре 1990 года общественно–политического статуса объекта с санкции В.А.Крючкова (№ 2/12 – 5702 от 12.09.1990 г. дело № 2, том 1, инв.№ 91, л.259) дело оперативного розыска было уничтожено, а с “Петрова” сняты ограничения на выезд из СССР и посещения инпредств.

Однако впоследствии по прямому указанию В.А.Крючкова (лично подписал задание) в отношении “Петрова” осуществлялись ОТМ “С” с целью выявления связей из числа иностранцев и дальнейшей их проверки с точки зрения возможной принадлежности к спецслужбам противника...”¹⁰

Потом на страницах прессы появились: полковник в отставке Михаил Любимов (как и Калугин – бывший разведчик, был нашим резидентом в Дании), уже упоминавшийся мной Королев, полковник Владимир Рубанов – аналитик из НИИ КГБ СССР, которого практически заставили уйти из Комитета за серию довольно резких статей в печати; подполковник идеологической контрразведки Александр Кичихин, майор Волгоградского управления КГБ Александр Маврин, еще двое–трое других. Летом, если я не ошибаюсь, 1990 года прозвучало на Западе письмо четырех офицеров Комитета, утверждавших, что КГБ торпедирует проведение реформ в стране. В ответ – письмо 300 сотрудников Центрального аппарата в адрес Верховного Совета СССР, протестующих против “обливания КГБ грязью”. Ноябрь того же года породил сенсацию: “Российская газета” опубликовала заявление 64 сотрудников Управления КГБ по Свердловской области, в коем они писали о “потенциальной опасности органов КГБ для проводимых в стране демократических преобразований” и, что Комитет, как и прежде, находится вне контроля парламента.¹¹ Бунт подавили легко, без особых карательных мер – пообещали, уговорили. Мягкость объяснялась просто: Свердловск – город, откуда пришел Ельцин, и власти не хотели лишнего шума, кой всегда лишь прибавлял популярности российскому лидеру.

Среди политических противников КГБ некоторые мои коллеги склонны видеть и тех разведчиков, кто ушел на Запад.

Вполне допускаю, что их идейные расхождения с родным государством сыграли в том большую роль. Но подобный политический протест, за которым потом следует разоблачение (а, значит, тюрьма или даже казнь) агентуры – живых людей, кои, вероятно, их выбор своим выбором не считали, с моей точки зрения, довольно плохо увязывается с обыкновенной моралью. Впрочем, о морали ли тут – при т а к о й работе?...*

Так что же, Комитет переполнен диссидентами, порожденными внутри самого главного репрессивного ведомства страны? Переполнен? Я перечислила практически всех, ну, может быть, упустила несколько фамилий. Напомню, что только в Москве, по самым минимальным оценкам, служит около 89.000 человек. Короче, погашу читательский оптимизм: это – капля в море.

Однако что-то мешает мне называть диссидентами и тех,

* Корреспондент “Рабочей трибуны” Михаил Бутков – он же сотрудник 3 отдела ПГУ КГБ СССР “ушел” на Запад в начале лета 1991 года. Западные газеты сразу же написали о том, что Бутков не журналист, а сотрудник разведки. КГБ опубликовал в советской прессе опровержение: не было такого чекиста. Опять соврали – был.

ПГУ КГБ СССР

“Пользуясь удобным случаем, представившись в связи с приездом в Лондон моего отца, хотел бы поставить Вас в известность о мотивах моего шага, то есть ходатайства о политическом убежище в Великобритании.

Мое обращение к британским властям за политическим убежищем в мае 1991 года было продиктовано политическими мотивами. Это был совершенно сознательный и самостоятельный шаг, никакому давлению я не подвергался. Я считал своим долгом противостоять попыткам реакционных сил в СССР и прежде всего КПСС и ее инструмента – КГБ, затормозить и задушить процесс демократических преобразований. Я считал, что задания, которые получали заграничные аппараты КГБ, попросту преступны и направлены на сохранение власти элиты в ущерб народу и государству. Твердое убеждение в том, что подлинного врага следует искать внутри страны, а не снаружи, и что интересы Запада совпадают с подлинными интересами народа (а отнюдь не верхушки, разумеется), и привело меня к решению: помочь политическим лидерам Запада верно оценить процессы, происходящие в СССР, вопреки активно распространявшейся КГБ дезинформации о демократическом движении и его лидерах. Считаю, что выполнил свой долг.

Хочу также отметить, что оперативный ущерб, нанесенный мною, ограничивается моими личными контактами с теми сотрудниками, которые, по моему мнению, уже были известны.

Будучи русским человеком и патриотом, я не могу отказаться от своей Родины и вернуться в Россию, как только буду полностью уверен, что законодательство этой страны полностью защитит меня от любого произвола и обеспечит необходимые, принятые в свободном мире свободы.

С уважением,

Михаил Бутков”.

2.09.1991 г.

кого в КГБ сегодня относят к радикалам и отступникам. Хотя мужество их безусловно вызывает уважение: вступать в конфликт с КГБ (или даже не с КГБ, а с его начальством), имея на плечах чекистские погоны, – занятие не для слабых духом. И все же, все же...

Может, коробит меня то, что они столько лет служили в этом ведомстве – и пришли туда сами, на аркане не затаскивали, служили, понимая, что КГБ вытворляет в стране и за ее пределами, и участвовали в этом?.. Или, может быть, дело в том, что в их критических статьях чувства личной, собственной вины я не увидела, слов личного покаяния – не нашла?.. В общем, лучше ложится у меня в строку – “критики КГБ”.

А диссиденты?.. Диссидентом, в моем представлении, за всю постсталинскую историю КГБ был лишь один человек – Виктор Орехов.

Орехов был капитаном КГБ. Работал в Московском управлении по “пятой линии” (идеологическая контрразведка) – боролся с инакомыслящими. В августе 1978 года он был арестован, судим военным трибуналом и приговорен к 8 годам лишения свободы по статье 260, пункт “а”, которые и отбыл от звонка до звонка в спецзоне для бывших работников правоохранительных органов в Марийских лагерях. Орехова обвинили в том, что, пользуясь служебной информацией, он помогал диссидентам: предупреждал о грядущих обысках и арестах.¹²

И это была правда.

Орехов пришел в органы сам. После срочной военной службы (отбывал в пограничных войсках) поступил в Высшую школу КГБ им.Дзержинского, на сленге – Вышка*. Учился на 2-ом, самом престижном факультете: разведка и контрразведка. Этот факультет готовит специалистов для работы как в стране, так и за рубежом, потому дает прекрасное знание языка. Орехов выучил турецкий. Грезил романтикой шпионских романов. Попал в Москворецкий райотдел КГБ в Москве: он был как раз из тех “безродных”, о которых говорил Королев. Начинать младшим оперуполномоченным, звание – лейтенант, о б с л у ж и в а л Институт текстильной промышленности – искал там шпионов среди иностранных студентов. Шпионов не было, но были студенты, которых, согласно доведенному до каждого опера плану по вербовке, п р и в л е к а л к с о т р у д н и ч е с т в у – так

* Игра слов: “вышка” – сокращенное от “высшей меры наказания” (расстрел).

это у них называлось. Потом перевели в Московское областное управление – тоже на “пятую линию”. Искренне считал, что с диссидентами надо бороться, поскольку они распространяют клеветнические слухи, порочащие нашу страну. Вербовал, вызывал на профилактические беседы, заказывал, когда надо, прослушку.

“Прослушка, то есть установка в квартире аппаратуры, позволяющей знать все – и видеть, и слышать, что в этой квартире происходит, – довольно дорогостоящее мероприятие, – объяснял мне Орехов. – Сначала ты должен выяснить, кто живет в квартирах рядом по лестничной клетке и этажами выше и ниже, а иногда и во всем подъезде. Потом надо найти возможность этих жильцов удалить. Идешь на предприятия, договариваешься с кадровиками, чтобы этим людям предоставили отпуск – соответственно находишь и путевки в приличный дом отдыха или санаторий. Кому-то просто объясняешь, что из соображений госбезопасности ему надо уехать на дачу или в командировку. Проблем не было. Потом приезжает специальная бригада из 12 отдела и устанавливает аппаратуру: микрокамера выводится через потолок верхней квартиры или устанавливается в неприглядном месте – где-нибудь за шкафом в одной из комнат квартиры. Установили, потом специальный художник из состава бригады подкрашивает поврежденные обои так, что вы никогда не догадаетесь, что с ними что-либо происходило. Все это, конечно, в случае, если наблюдаемого нет в городе. Если же человек, которым мы интересуемся, никуда не уехал и в командировку не отправлен, то технология другая. Одна бригада комитетчиков находит способ заблокировать его на работе, другая – блокирует место работы супруги, третья – проникает в квартиру и выполняет задание”.

Приходилось Орехову выезжать и на обыски. И на негласные – тоже. Это означало следующее: того или иного диссидента решили посадить, его квартиру обыскивают, когда владельца, естественно, нет дома. Определяют, где и что лежит, – чаще всего искали запрещенную литературу, – а потом приходили уже на обыск официальный, с ордером на руках.

Короче, Орехов работал хорошо, да и жилось ему неплохо: “Ты пойми, – растолковывал он мне, – я был элитой: зарплата 330 рублей – по тем временам неплохие деньги, в любой магазин входил с заднего хода (КГБ!) – очередей не знал, к любому министру дверь открывал ногой (КГБ!) – все же боялись. Звонил любому начальнику: “Я Орехов из КГБ...” – “Когда вам удобно?”...

Его поощряли: съездил с труппой Большого театра в Японию. Большой танцевал, Орехов – следил, чтобы кто-нибудь из балерунов там не остался или не вступил в контакт с иностранцем, а еще – тихо, про себя, обалдевал от загнивающего капитализма. Вернулся, снова принялся за диссидентов, читал литературу, кою у них изымыл – “тамиздат”, “самиздат”, книги Солженицына, Авторханова, Зиновьева. В общем, не буду долго пересказывать: в какой-то момент он понял: да ведь все правильно они пишут! Ну перегибают палку конечно – не без того, но в остальном – правда. Бардак у нас и грязь, и сажаем мы людей, которые хотят добра этой стране. Так он сам мне объяснял.

Однажды пригласил Орехов на беседу Марка Морозова – КГБ знал, что он распространяет антисоветскую литературу. Точнее, не пригласил, а задержал возле дома. В портфеле у Морозова – (это было известно, поскольку телефон его прослушивался) – лежал “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына. Короче, поговорили. Морозов стал снабжать капитана правозащитной литературой – в просветительских целях, а Орехов... Однажды Орехов сказал ему: предупреди такого-то – у него в одежде “жучок” – микропередатчик. Потом позвонил по телефону (звонил из автомата – труднее зафиксировать, откуда звонят): тогда-то должны арестовать Юрия Орлова, потом...

“Судьба весьма причудливым образом свела меня с Ореховым, – рассказывает известный правозащитник, главный редактор многие годы выходившей в подполье газеты “Экспресс-Хроника” Александр Подробинек. – 10 октября 1977 года он, в составе бригады работников УКГБ под руководством следователя Каталикова, проводил обыск у меня на квартире в Москве, а через два месяца он же (под псевдонимом) сообщил мне о подготовленных против меня материалах для возбуждения уголовного дела. 19 мая 1978 года работники его отдела арестовали меня, но о дне ареста я знал от Орехова еще за три дня до этого. Когда в декабре 1977 года КГБ принуждал меня покинуть СССР под угрозой возбуждения против меня и моего брата (Кирилла – Е.А.) уголовных дел, Орехов дал информацию, позволявшую судить о серьезности намерений КГБ. Количество обысков, о которых нас заранее предупреждал Орехов, исчисляется по меньшей мере двузначной цифрой”.¹³

Конечно, ни от обысков, ни от арестов Орехов диссидентов не спасал, да и не мог спасти при всем желании. Но было важно, что чекисты уже не заставляли их врасплох. Они успевали припрятать то, что надо было припрятать, успевали оповестить друзей и знакомых, предупредить тех, кого по цепочке могли

взять вслед за ними, дать знать и западным репортерам: значит, будет шум, а шума КГБ не любит.

“В январе 1977 года Орехов предупредил о предстоящем аресте Орлова (и Орлов на неделю исчез, хотя его квартира была под наружным наблюдением; потом его, конечно, арестовали, но неделю у жизни он все-таки взял: когда впереди тюрьма и годы лагеря – неделя – это совсем немало – Е.А.). В феврале 1977 года предупредил о проведении специальных оперативно-технических мероприятий в отношении Щаранского и о предстоящих обысках у Лавута и других граждан. Орехов, зная, что Морозов имеет отношение к изготовлению и распространению антисоветских листовок, разгласил данные о проведении оперативно-технических мероприятий в отношении Морозова, а также в отношении Гривниной и Сквирского. Получаемые от Орехова сведения Морозов передавал своим единомышленникам”¹⁴.

Это – уже из уголовного дела Виктора Орехова.

Из тюрьмы Орехов писал письма: Председателю КГБ Андропову, члену Политбюро, главному идеологу страны Сулову, Генсеку Брежневу. Наивно пытался убедить их, что действовал как раз в интересах государственной безопасности, ибо диссиденты – люди, заботящиеся о своем Отечестве, а борьба с ними – компрометация государства и разбазаривание народных средств. Ответа он, конечно, не получил.

На суде Марк Морозов подробно рассказал о взаимоотношениях Орехова с диссидентами – потом он повесился в Чистопольской тюрьме.

Я спрашивала Орехова: “Когда вы услышали приговор – 8 лет лагерей, вам не стало страшно?” Он ответил: “Да что вы, я песни пел! Я был уверен, что вот теперь-то разберутся: все-таки случай не рядовой – капитан КГБ. Узнают, разберутся и поймут, что помогал я не грабителям, а людям, которые хотят лучшего стране”.

Из тюрьмы Орехов вышел в 1986 году: из определенного трибуналом срока ему не скостили ни дня, ни часа. Вот кто действительно заплатил по всем счетам! Вышел куда менее наивным – иллюзий по поводу режима у него не осталось. И, естественно, с сильно порушенным здоровьем. Когда мы первый раз встретились у меня в редакции, на ногах у бывшего капитана были надеты тапочки – на большие ноги ботинки не налезали...

Я искала Орехова давно и долго – рассказала мне о нем известная правозащитница Лариса Богораз... Почему-то мне кажется, что у правозащитников тех лет осталось какое-то, мо-

жет быть неясное, чувство вины перед Ореховым. Если по поводу некоторых их товарищей на Западе часто поднимался шум, в их защиту писали письма президенты и парламенты, то об Орехове там не знал никто. Правда, в восьмидесятых был создан Комитет защиты Виктора Орехова, но ни его самого, ни его семьи правозащитникам найти не удалось... Так вот, и я искала Орехова. Но в этот раз ни киоск Мосгорсправки, ни даже запрос в адресный стол по специальным каналам городской прокуратуры не помогли. Орехов же, оказывается, писал из лагеря в "Литературную газету": в лагере он пытался бороться за справедливое обращение с заключенными, объявлял голодовки, и местные чекисты поражались, глядя на него: "Как ты мог? Капитан КГБ, работал в Москве, ездил за границу, рекомендовался в руководящий состав..." – "Мог, чтобы такие, как вы, не спрашивали", – отвечал Орехов. На лагерные письма Орехова газета тогда не среагировала. Когда он вышел, журналист "ЛГ" Игорь Гамаюнов был первым, кто взял у него интервью.

Вернувшись в Москву, Орехов создал свой кооператив и по сию пору шьет вместе с новыми коллегами осенние и зимние куртки. Хорошие куртки.

Такая вот история.

И снова повторю: я рассказала о капитане КГБ Викторе Орехове вовсе не в укор кому-либо (если и в укор – то всем нам, жившим в те годы). Просто чтобы сказать: был в КГБ и такой человек.

Один на сотни тысяч других.

И в этом смысле, говоря о "монолитности чекистских рядов", Крючков не лукавил.

Солидарен в том с Крючковым и его ярый оппонент генерал Калугин – только по другим исходным причинам. Калугин утверждает, что, несмотря на наличие в Комитете радикально мыслящих людей, кои появились там в годы перестройки, костяк Комитета, несмотря на всю безудержную гласность и наступающую нам на пятки демократию, остается крайне консервативным.¹⁵ Почему?

Объяснений тому можно найти несколько. Есть и простые, как то, что Комитет – это военизированная организация и если начальство велит вербовать агентов среди неформалов или уничтожать документы, связанные с темными делишками КГБ, то, будь любезен, возьми под козырек и выполняй. Отказаться? "Что значит отказаться? Мы люди военные. И приказ есть

приказ. За невыполнение приказа меня вообще могли отстранить от работы, и уничтожением моих документов занялся бы кто-то другой”. (Подполковник КГБ А.Кичихин.¹⁶) “Начальство всевластно. Осмелился критиковать – тут же ловко подставят ножку, напишут плохую аттестацию, не пренебрегут и доносами! Если сотрудник осмелится встать на дыбы, то не просто уволят, а так уволят, что ни одна приличная организация на работу не возьмет. И куда он пойдет жаловаться? В суд? В комиссию по обороне и госбезопасности (Верховного Совета СССР)? Кто сумеет его защитить? Да на запрос самой высокой инстанции КГБ всегда сможет ответить: увольнение товарища связано с некоторыми сугубо оперативными вопросами, разглашать которые мы не имеем права! Вот и молчат честные офицеры или повторяют хулу в адрес тех, кто осмелился сказать правду. Страх всегда был царем в КГБ, мерзкий страх, десятилетиями сковывающий организацию даже больше, чем всю страну”. (Полковник КГБ в запасе М.Любимов.¹⁷)

Есть и чуть более сложное объяснение. Оно касается положения человека из КГБ в обществе. Краем о том сказал Орехов: “я был элитой, в любой магазин с черного хода, к любому начальнику – дверь ногой.” Даже если он перебарщивает, даже если учесть, что “элитой” он был в брежневские времена, в сути – прав. Да, чекистов не очень любят. И тем не менее удостоверение сотрудника КГБ по-прежнему имеет магическую силу. Что, кстати, и с бытовой точки зрения имеет немалое значение. Потому даже сейчас за работу в Комитете держатся*, хотя в последние годы из КГБ уходят примерно 500 человек в год.

Уходят те, кто может найти работу – в кооперативах, в местных предприятиях, в мафиозных структурах – туда, где требуются квалифицированные юристы, экономисты, инженеры по специальной аппаратуре или – просто телохранители или люди со связями. Но таких мест немного, и в условиях грядущей безработицы их станет еще меньше.

М.Любимов как-то писал, что устроиться на работу бывшим чекистам нелегко: в гражданских организациях их побаиваются (а вдруг подослан или будет стучать) и предпочитают не брать.¹⁸ Значит, для сотен тысяч чекистов работа в Комитете – это не только удовлетворение своих властных амбиций (что тоже весьма немаловажно), но и кусок хлеба с тем самым маслом,

* До самого последнего времени (примерно до 1991 г.) зарплата в КГБ была выше средней по стране. Скажем, зам. начальника отдела получал 590 рублей плюс доплата за звание. С апреля 1992 года зарплата офицера МВР составляет от 2,5 до 5 тысяч.

коего в магазине нынче не достать. И вот за этот кусок хлеба – свой кусок хлеба – они и сажали новоявленных предпринимателей, разгоняли дубинками демократов и вербовали новых агентов. Ибо они понимали, что крушение режима будет и их личным крушением. Опыт стран Восточной Европы – роспуск штата в бывшей ГДР, ликвидация прежней госбезопасности в Чехословакии, сокращение ее штатов в Венгрии – тому лишь зримое подтверждение.

Однако, думаю, главная причина этой удивительной консервативной сплоченности Комитета лежит в сфере того, что нельзя пощупать руками: в эвфемизме, именуемом **ментальность** сотрудника КГБ.

Вот как объясняет это генерал Калугин: “Горбачев провозгласил приоритет общечеловеческих ценностей, отказался от старых стереотипов и идей. Но на эти старые стереотипы... работала масса сотрудников Комитета. Партия говорила: “международный империализм”. КГБ расшифровывал: иностранные разведслужбы, эмигрантские враждебные организации, центры идеологических диверсий, международный сионизм, Ватикан, радио “Свобода”. На разработку этих направлений были задействованы целые структуры Комитета. И было ясно, кто враг. Теперь – общечеловеческие ценности... А что делать с Ватиканом, со “Свободой”? Что делать людям, на глазах которых рушатся привычные стереотипы? В такой ситуации либо наступает деморализация, либо включается сопротивление. Последнее неминуемо перерастает в определенную политическую философию – консервативную... Не так давно на партактиве одного из подразделений КГБ под гром аплодисментов осуждали Рыбакова, Шатрова, Гранина (все трое – авторы бестселлеров, публикация которых до перестройки была немыслима – Е.А.) как отщепенцев, превозносящих предателей и ползучую контрреволюцию”.¹⁹

И еще пример. Однажды мой известный коллега был приглашен в Высшую школу КГБ на встречу со слушателями старших курсов – нового, молодого поколения чекистов эпохи перестройки. Вернулся он оттуда совершенно растерянный: “Ты не можешь даже себе представить меры ненависти аудиторрии к независимой прессе, новым предпринимателям, и демократам”.

...Страна, которая читает “Архипелаг ГУЛАГ” – будет уже другой страной, – так, кажется, писал Солженицын. Чекисты прочитали “Архипелаг” раньше, чем вся страна. Но и страна, в конце концов, в 89-ом году, удостоилась. И стоя в

бесконечных очередях за колбасой и сыром, ругала Горбачева за то, что “он собирается распродать Союз иностранцам”, прибалтов – за то, что они хотели независимости, и кляли демократов за то, что те предали социализм. Слово “вредители” – слово, повторяемое на страницах гениальной книги сотни, тысячи раз, слово, по которому в сталинские времена шли в лагеря и на плаху миллионы людей, – все чаще и чаще слышится в этих очередях...

И, наконец, в качестве третьего примера – мой диалог с подполковником КГБ, сотрудником идеологической контрразведки и весьма серьезным критиком КГБ Александром Кичихиным*:

Я: Когда же, наконец, будет ликвидировано ваше управление?

Кичихин: Его ни в коем случае нельзя ликвидировать.

Я: Вы серьезно? Вы действительно считаете, что Комитет по-прежнему должен знать и контролировать настроения, мнения, мысли сограждан?

Кичихин: Безусловно. Иначе...

Дальше подполковник практически повторил слова В.Семичастного – Председателя КГБ хрущевской поры, которые я приводила в начале этой главы.

А теперь некоторые цифры. По данным опроса, проведенного социологической лабораторией КГБ СССР(!) в мае-июне 1991 года, то есть на шестом году перестройки и гласности:

– 50 процентов слушателей Высшей школы КГБ СССР – чекистов завтрашнего дня – исповедуют биоморализм, полагают, что существует разная мораль для своих и для чужих; 35,5 процентов из них согласились с тем, что “цель оправдывает средства”; 33,3 процента считают, что нравственность чекиста отличается от нравственности обычного человека;

– 77,6 процентов убеждены, что причиной бедственного положения страны является саботаж, 19,3 процента – отнесли наши беды на счет действий западных спецслужб; 13,4 процента подозревают, что радикально настроенные неформалы содержатся также на средства мировых ЦРУ; 42,3 вняты эти же службы в обострении национальных отношений внутри страны.

Наконец, 62,6 процента кадровых, действующих чекистов оправдывают применение силы для разгона мирной демонстрации, даже если это повлечет за собой кровь, как было в Тбилиси в апреле 1989 года, когда погибло 9 человек. Чекисты полага-

* Май 1991 г. Ныне А.Кичихин на Лубянке уже не работает.

ют, что антисоветские, антигосударственные действия должны подавляться силой.²⁰

“Специфика мышления”, – объясняют социологи. Специфика.

Вот почему я убеждена, что никакой перестройке, никакому обновлению, никаким самым радикальным реформам КГБ не подлежит. И никакая демократия в этой стране невозможна, пока существует ведомство, которое под новыми лозунгами, но теми же методами, теми же руками, теми же мозгами и с той же ментальностью делает свою работу. Вот почему страны, которые действительно пытаются распрощаться с тоталитарным режимом, первым своим шагом ликвидировали прежние структуры госбезопасности. Когда Яна Румла – одного из нынешних руководителей министерства внутренних дел ЧСФР, в который входит и департамент безопасности, спросили, как же он собирается обходиться без старых кадровых офицеров госбезопасности – профессионалов своего дела, он ответил: “Такие профессионалы, которые работали при прежнем режиме, нам не нужны”.²¹ Жестоко? Конечно. Потому как касается живых людей. Но боюсь, что иного выхода нет.

Наша перестройка это доказала.

* * *

Так что же было в действительности, а не в тех сказках о гласности и перестройке в КГБ, которыми потчевал Крючков не только женщин-журналисток, но и всех нас на протяжении последних лет?

А было следующее. Провозглашенная Горбачевым “политика нового мышления”, которая должна была дать передых страдающему тяжелой экономической одышкой советскому ВПК в его безумном марафоне “догнать и перегнать Америку”, позволила Комитету сконцентрировать свои усилия прежде всего внутри страны, в полной мере заняться своим любимым и главным делом – политическим сыском.

Конечно, и раньше КГБ без этой работы не сидел. Но никогда прежде, за исключением разве что сталинских времен, у него не было такого обширного поля деятельности и таких полномочий. Ибо впервые за семьдесят с лишним лет существования режима страна подняла голову. И эту голову – сотни тысяч голов! – требовалось знать.

“Товарищ, верь, взойдет она,
Эпоха нашей гласности,
И в Комитете госбезопасности

Запишут наши имена”...

Сей перифраз известного стихотворения Александра Сергеевича Пушкина* стал особенно популярен в 1989 году, после Первого съезда народных депутатов СССР, когда сформировалась парламентская оппозиция – Межрегиональная группа депутатов, и мера политизации страны достигла своего апогея.

Как же распределялись роли?

Первый Главк (внешняя разведка), чьи способности в сфере поддержки международного терроризма и установления авторитарных режимов в Африке оказались теперь не востребованы, или востребованы мало, направил свои силы в область дезинформации. Конечно, работа эта для зарубежных резидентур была не новая, хорошо известная – на то и существует Служба “А”. Но если раньше их интеллектуальный потенциал был направлен на запускание “уток” за пределами любимой Родины – прежде всего в странах третьего мира, то теперь линия фронта пролегла в собственном Отечестве. Задача ставилась двоякая: с одной стороны, пугать Горбачева “нечестными играми” Запада, с другой – обрабатывать зарубежное общественное мнение, особенно по части его отношения к оппонентам Президента СССР.

Борису Ельцину в этом смысле досталось особенно крепко. И внутри страны, кстати, тоже. На закрытых совещаниях руководства КГБ, начиная с 1989 года давались прямые указания дискредитировать Ельцина и других членов Межрегиональной депутатской группы.²² Весной 1991, когда шла предвыборная кампания Ельцина, баллотировавшегося на пост Президента России, по каналам Комитета пошла шифровка начальства с требованием к сотрудникам голосовать против российского лидера.²³ Правая пресса в лице “Правды”, “Советской России” и других потеряла всякое представление о приличиях. Можно как угодно относиться к Ельцину – оснований для того достаточно, – но чего стоит только одна публикация в “Советской России”, повествующая о связях Ельцина... с итальянской мафией.

На Запад деза (или, как это называлось в документах, “доведение выгодной для нас информации”) тоже, естественно, запускалась. И запускалась самыми разными способами. В том числе, кстати, и с помощью д е я т е л ь церкви. Еще в начале восьмидесятых годов был разработан совместный план идеологической контрразведки и Службы “А” ПГУ: “для оказания

* А.С.Пушкин. “К Чаадаеву”: “Товарищ, верь: взойдет она, Звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья/ Напишут наши имена!”

выгодного для Советского Союза влияния на клерикальные (а, значит, и политические – Е.А.) круги Запада”.²⁴

Вот как это потом выглядело в отчетах: “Для участия в III-предсоборном всеправославном совещании в г. Женеву выехали агенты “Антонов”*, “Островский”, “Нестерович”, которыми отработано задание (выделено мною – Е.А.) по доведению до религиозных кругов Запада объективной информации о ходе переговоров в Рейкьявике и необходимости активных действий в поддержку мирных инициатив Советского государства”.²⁵ Или так: “Впервые в составе советской делегации принял участие в генеральной сессии ЮНЕСКО агент “Адамант”** из числа иерархов РПЦ. В результате удалось привлечь эту авторитетную международную организацию к “юбилейным” мероприятиям в противовес зарубежным подрывным центрам”.²⁶

Впрочем, судя по документам, ПГУ не только привлекало к своей работе агентов, завербованных коллегами из 4 отдела идеологической контрразведки, но и использовало “крыши” конфессий для профессиональных разведчиков за рубежом. Идея, конечно, замечательная: нет нужды трудиться над созданием легенды или вкладывать твердо конвертируемую валюту в образование некоей мифической фирмы – достаточно отправить для учебы в теологические учебные заведения агентов “Кирилла”, “Иванова”, “Бендареца”, “Руденко”, “Сергеева”, “Мефодия” и поставить перед ними задачу “выявления устремлений противника”.²⁷ Но это так, к слову.

Еще один путь запуска “дезы” на Запад (а, наверное, таких путей десятки, если – не сотни) состоит, в “грамотной работе с зарубежными корреспондентами аккредитованными в СССР”. Чему – то есть “грамотной работе” – весьма способствует конкуренция органов печати по части сенсационных материалов о Советском Союзе, трудности с добычей информации и весьма поверхностное знание реалий советской жизни и идущих внутри нее политических игр.

Правда, зарубежные журналисты, работающие в СССР, – это уже не столько компетенция ПГУ, сколько контрразведки. Точнее – 7 отдела Второго Главного Управления, под чьим неусыпным контролем находится МИД, ТАСС, АПН, Центральное телевидение, Институт США и Канады, а также – корреспондентские пункты западных средств информации. Как

* Сие имя уже обнародовано – агент “Антонов” – это Его Блаженство Митрополит Киевский и Украинский Филарет.

** И кто стоит за этой агентурной кличкой, тоже теперь общеизвестно – Его Блаженство Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

КГБ вовлекает их в свою игру? Ну, например, дает через отдел печати МИДа (что, собственно тоже КГБ) разрешение поехать в некую горячую точку страны, куда другим въезд закрыт. Дальше (“или”, “вместо”) – “под определенную версию подбираются материалы и подсовываются западному корреспонденту”, – объяснял чекистское “ноу-хау” мой весьма информированный собеседник. Не таким ли образом в конце сентября 1990 года за подписью Сары Даймонт в американском еженедельнике “Гардиан”, который, как утверждают заслуживающие доверия источники, издавна находится в контакте (в том числе и финансовом) с людьми из разведки, появляется заметка, повествующая о том, как Межрегиональная группа депутатов “подкармливается” лицами, тесно связанными с ЦРУ, кое подобным образом осуществляет свое вмешательство во внутренние дела Советского Союза? Спустя месяц эта сенсационная новость естественным образом возвращается домой – ее перепечатывает газета “Советская Россия”.²⁸ В феврале 1991 года и Президент Горбачев, не называя источников, повторяет ту же дезу – о том, что демократами руководят “чужие научные центры и чужие головы”. А в июне того же года и Председатель КГБ Владимир Крючков пугает народ “агентами влияния” ЦРУ... – ну просто замечательное единомыслие! А шокирующие Запад рассказы о “похождениях” Ельцина? Вынесенные на первый план статьи, они срабатывали беспроягршно: рейтинг российского лидера за рубежом неизменно был ниже рейтинга Горбачева.

Впрочем, я вовсе не хочу бросить тень на моих западных коллег. Читать David Remnik из Washington Post, Bill Keller из New York Times, Jeff Trimble из U.S. News and World Report, Hendrick Smith – автора лучшей, с моей точки зрения, книги о России и русских – “Russians”, многих других московских корреспондентов западных изданий – удовольствие. Они знают эту страну, прожили в СССР не один год, знают и то, что факт сам по себе здесь ничего не значит, как и цитата из, казалось бы, достоверного источника. Истинный смысл, заложенный в той или иной информации, причем нередко – прямо противоположный “правдивому” факту, как правило, лежит за ее пределами – в тех бэкграундах, контекстах, которые стороннему наблюдателю, возвращенному тем более в условиях свободы и права на информацию, чаще всего неизвестны или мало понятны. Отсюда – наивность многих публикаций о Советском Союзе в зарубежной прессе, отсюда – и возможность манипулировать западными корреспондентами, чем – и весьма успешно – уже не первый год пользуется КГБ. Задумывались ли мои коллеги из другого

мира, почему это ведомство, как и некоторые другие, так любит проводить пресс-конференции специально для иностранных корреспондентов? Именно. Потому, что сограждане их легко могут поймать за руку и публично сообщить: а вы ведь врете, дорогие товарищи.

Стоит ли говорить, что сами западные журналисты в годы нашей гласности были под самым пристальным, недремлющим оком КГБ?

Ц К КП С С

О техническом обеспечении спецслужбы Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (т. Болдырев В.А) сообщает, что постановлением ЦК КПСС № 177/77гс от 7 марта 1961 года на Главлите СССР возложено осуществление негласного контроля за информацией, передаваемой иностранными корреспондентами за границу для получения необходимых сведений и своевременной организации контрпропаганды. В этих целях спецслужба Главлита СССР параллельно подключена к линиям связей ряда иностранных корреспондентов.

В последнее время в связи с переходом все большего числа западных информационных агентств на передачу материалов с помощью быстродействующей компьютерной техники и других современных средств связи (например, "Телефакс") работа спецслужбы Главлита СССР, оснащенной устаревшей аппаратурой (телетайпами), значительно осложняется. Без соответствующего обновления технической базы эта спецслужба вскоре не сможет в полном объеме выполнять возложенные на нее функции.

В связи с этим предлагается поручить Министерству связи СССР совместно с Комитетом государственной безопасности СССР и Главлитом СССР проработать вопрос о техническом обеспечении спецслужбы Главлита СССР. Вопрос согласован с КГБ СССР (т. Бобков Ф.Д.), Минсвязи СССР (т. Шамшин В.А.).

Полагали бы целесообразным поддержать предложение Главлита СССР.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Идеологическим отделом
ЦК КПСС

(А.Капто)

"6" декабря 1988 года
к № 29920; 02-03

Что касается собственной печатной продукции (книг, статей) схожего свойства, то на то в рамках Первого Главка существует специальный отдел – Отдел политических публика-

ций. Его сотрудники раньше официально числились в штатах Агентства Печати Новости, но то, что начальство их сидело в Ясенево, где находится штаб-квартира ПГУ – секрет разве только для прохожих на улице. Забавно, что отдел этот (не знаю, правда, в каких штатах он числится сейчас: переименованного в РИА–ИТАР АПН или – ?) размещается в соседнем подъезде с редакцией, где я работаю, – с “Московскими новостями”.

Занималась внешняя разведка, конечно, и другой, тоже обычной для себя работой. Например, сотрудничала с зарубежными компартиями. И не только как курьер, передающий им деньги от своего партнера и коллеги (в том числе и по истинному месту службы целого ряда его сотрудников) – Международного отдела ЦК КПСС (по данным Прокуратуры России с 1981 по 1991 год нищий Советский Союз выплатил соратникам более 200 миллионов долларов), но и как заинтересованный собеседник влиятельных – на собственные парламентские и правительственные круги – друзей-коммунистов или симпатизирующих Советскому Союзу крупным бизнесменам, проходящим по документам как “компетентные источники КГБ”. Стоит ли говорить, что это потом тоже возвращалось к нам как “мнение влиятельных кругов Запада”?

Не оставляла разведка своим вниманием и страны третьего мира, оказывая помощь в финансировании избирательных кампаний и тем беззастенчиво влезая в дела суверенных государств.

“В результате состоявшихся в Шри-Ланке 15 февраля с.г. парламентских выборов ведущая оппозиционная партия страны – Партия свободы Шри-Ланки (ПСШЛ) во главе с С.Бандаранайке, которой была оказана финансовая помощь на проведение избирательной кампании ПСШЛ (Постановление ЦК КПСС № 216 К/ОВ от 3.02.89 г.), увеличила свое представительство в высшем законодательном органе с 8 до 67 депутатов. Кроме того, при нашем материальном содействии в парламент также продвинул ряд доверительных связей КГБ СССР как от ПСШЛ, так и от Объединенной национальной партии (ОНП).

Более чем 8-кратный рост депутатских мандатов ПСШЛ делает эту партию самой многочисленной и влиятельной оппозиционной силой в парламенте, в котором правящая ОНП располагает 125 местами.

С.Бандаранайке просила передать в Москву искреннюю благодарность за поддержку, которая, по ее словам, существенным образом способствовала успеху ПСШЛ в предвыборной

борьбе, проходившей в исключительно сложных условиях: когда против сторонников Партии свободы была развязана кампания угроз, преследований и террора. Председатель ПСШЛ заявила, что возросшее влияние партии в парламенте будет использовано для того, чтобы заблокировать прозападный внешний и антидемократический внутренний курс ОНП...

(...) Комитет госбезопасности продолжает поддерживать конфиденциальные контакты с С.Бандаранаике и будет использовать как ее личный политический авторитет, так и возросшее влияние возглавляемой ею партии в стране и в парламенте в интересах Советского Союза. В этих целях будут задействованы также наши доверительные связи в парламенте", – сообщил "в порядке информации" 2 марта 1989 года глава КГБ Владимир Крючков главе страны Михаилу Горбачеву.³⁰

Не знаю как вас, а меня более всего удивило в этом документе то, что КГБ "материально содействовал" продвижению в парламент Шри-Ланки представителей сразу обеих противоборствующих партий... Впрочем, может быть, у разведок так принято?

Оговорюсь. Я ничуть не сомневаюсь, что примерно то же самое делает и ЦРУ, и британская разведка, и израильская Моссад. Не сомневаюсь я, что и правительства демократических стран финансируют приглянувшиеся им политические партии, как КПСС финансировала коммунистов, и деньги на то, как и КПСС, берут из кармана налогоплательщиков. Иной вопрос – что и восторга это у меня не вызывает.

Принципиально другое: нередко СССР финансировал преступные режимы, а КГБ завязывал "доверительные контакты" с откровенными уголовниками. "Дорогие товарищи! Мы, конечно, стремимся получить своими силами финансовые средства, и в частности путем получения выкупа за счет представителей местной олигархии, если нам удастся их похитить. Однако развитие вооруженной борьбы способствовало тому, что почти все они покинули пределы страны и теперь проживают за границей", – с детской непосредственностью (ну некого стало похищать!) писали просители денег из одной латиноамериканской страны.³¹

Однако помимо этой, как я уже сказала, традиционной для себя деятельности, разведка – по мере продвижения страны к гласности и демократии – все более начинала увлекаться работой для нее менее привычной, нацеливая свой потенциал именно на эту самую гласность и демократию...

"ПГУ активно начал вмешиваться во внутривнутриполитические

процессы в стране, – свидетельствует начальник 1 направления 7 отдела ПГУ КГБ СССР подполковник В.Аксенов. – Из-за рубежа на территорию Союза в первую очередь в регионы наибольшей напряженности (Прибалтика, Азербайджан, Молдавия) стали выводиться разведчики и агенты – нелегалы с целью сбора информации и проведения активных мероприятий. Группа специального назначения, базирующаяся в Балашихе (начальник подразделения – контр-адмирал В.А.Хмелев) принимала участие в бакинских событиях, готовила ввод войск, занималась негласными арестами...»³²

Ай-яй-яй! Белая кость КГБ, всегда подчеркивавшая свою непричастность к “грязным делам Лубянки”, нелегалы, владеющие языками на уровне их носителей, разведчики, на чье обучение и внедрение “в страну пребывания” затрачивались фантастические суммы и... И этого мало: из Центра в резидентуры за рубеж шли шифровки с указаниями, превращавшими колесных разведчиков в банальных “топтунов”, подглядывающих и присматривающих за своими согражданами – народными депутатами, лидерами демократических движений и просто известными людьми.

Но и это не все. Целый ряд сотрудников ПГУ, как люди особо доверенные и приближенные к Крючкову, который, напомню, возглавлял разведку на протяжении 14 лет, занимались делом и вовсе деликатным – наблюдением за первыми лицами страны: например, за Александром Яковлевым, Эдуардом Шеварднадзе. И за Президентом СССР Михаилом Горбачевым – тоже.

Уже после августовских событий в сейфе неизвестного Болдина – руководителя аппарата Президента СССР были обнаружены – как свидетельствует официальная справка – “многочисленные оперативные материалы КГБ СССР с информацией за 1989–91 гг.* (аннотации агентурных сообщений, сводки звукового контроля, наружного наблюдения, справки с анализом материалов зарубежной прессы, различные аналитические и другие документы) (...) Так в сейфе обнаружены, поступившие

* Конечно, подобная работа велась и раньше. Например, в материалах Пятого управления за 1987 год содержится сообщение: “Информация ПГУ КГБ СССР о пребывании члена СП СССР поэта Е.Евтушенко в США, проводившего изучение по нашей ориентировке, направлена в инстанцию”(33). А 21.03.1991 года заместитель начальника ПГУ генерал Вячеслав Жижин направил – уже постфактум – письмо руководству идеологической контрразведки, в котором подробно знакомил своих коллег с организацией слежки за народными депутатами Союза и России за пределами любимой Родины. Так я понимаю, для большей координации усилий в этом направлении.

из ПГУ КГБ СССР, негативные материалы в отношении Яковлева А.Н., Шеварднадзе Э.А., Хасбулатова Р.И. и других народных депутатов в пору их нахождения за границей...". Есть в этой справке и имена Тельмана Гдяна, Татьяны Карягиной, естественно – Бориса Ельцина, Галины Старовойтовой. Упоминается, что наблюдение велось и за помощниками Президента СССР.³⁴ Имени самого Горбачева – как объекта наблюдения – нет. Но в Прокуратуре России лежит документ, свидетельствующий, что среди весьма приближенных к Горбачеву людей был и старый агент ПГУ, поставлявший по мере надобности Председателю КГБ ту информацию о Президенте страны, которая, как я понимаю, была недоступна Службе охраны Президента.

В общем – поработали. И тем лишний раз подтвердили: все без исключения управления КГБ, как бы они ни назывались, даже такое элитарное, как разведка, уже генетически, по рождению своему, настроены прежде всего на волну политического сыска.

Буквально не щадя себя трудился и Второй Главк (контрразведка). Равно, как и другие, отпочковавшиеся от него в разные годы подразделения. Помимо агентов ЦРУ, число которых, судя по сообщениям советской печати, росло просто-таки в геометрической прогрессии (и информация эта производила на обывателя должный эффект: "вот откуда наш бардак"), контрразведка собирала информацию о настроениях в умах в тех местах, куда эти умы приходили на работу. Каналы эти были давно апробированы и с гласностью никуда не исчезли.

Я имею в виду в данном случае не стукачей – это компетенция идеологической контрразведки, а сотрудников Комитета, откомандированных в различные советские учреждения, – так называемый "действующий резерв".

Есть свой "резерв" и в газете, где я работаю. Это милый, беззлобный парень, призванный наблюдать за иностранцами, кои работают стилистами и переводчиками в иноязычных изданиях "МН". Однако одновременно в его обязанности входит и информирование своего руководства о тех статьях, особенно критических и особенно негативно отражающих роль КГБ, которые готовятся к публикации в газете. Мне всегда было жаль этого майора, явно тяготящегося своей ролью. Помню, весной 1990 года после публикации моего очерка "Лубянка: будет ли этому конец?" (очерк выскочил на полосу вдруг, работа над ним держалась в секрете) над головой нашего Володи сгустились грозовые тучи. Он не успел (не захотел?) предупредить начальство, и оно пригрозило его за это уволить... Тогда его как-

то пронесло, но впоследствии, готовя очередной материал по Комитету, мы с Наташей Геворкян предупреждали: “Володя, возьми, пожалуйста, больничный”. Знаю, в других местах этот “действующий резерв” был отнюдь не столь мил и не столь расположен к “коллегам”.

Вообще, с журналистами в последние годы перестройки работы прибавилось. Причем вести ее надо было достаточно искусно. Ибо требовалось формировать общественное мнение, точнее – манипулировать им – руками самих выразителей этого мнения – то есть средств массовой информации. Что, особенно после принятия Закона о печати и отмены цензуры, стало непорочно. Как раньше? Один материал сняли, другой – поставили. Теперь приходилось вертеться.

Разброс вариантов был большим. От публикации статей “негласных помощников”: “Через агента “Родина” в ж-ле “Наш современник” № 5 (за 1989 год) опубликован материал о писателе-эмигранте Л.Копелеве (объект “Каналья”), разоблачающий его связи с антисоветскими центрами Запада”. До – издания под видом неофициальных своих газет и журналов: “С санкции КГБ СССР для противодействия религиозным экстремистам в околоцерковной среде с использованием агентов “Рязанского”, “Тропинина” и объекта ДОН (дело оперативного наблюдения – Е.А.) “Апостола”, находящегося на оперативном контакте, выпущен (июнь 1988 года – Е.А.) первый номер неофициального журнала “Слово”, который распространен в среде верующих...”³⁵ Причем, заметьте, делал это КГБ достаточно тонко, вовлекая в свою игру людей, имеющих – в определенных социальных кругах – авторитет противников режима, как, например, “Апостол”.

Придумывали и другие пути работы с прессой. “Надо, например, опубликовать материал по Литве – естественно, комитетской направленности. Но написать его не в лоб – так что “уши” сразу видны, а профессионально, чтобы читатель поверил, – делился со мной сотрудник идеологической контрразведки. – К нам в Управление приглашается известный журналист – назовем его “К”, из “Московской правды”. Опер готовит ему “болванку” – отбирает фактуру – хорошую фактуру, полученную по агентурным каналам. Выходит статья: хлесткая, не без уколов в адрес верховных властей. Короче – почти сенсация. А ведь такие задания каждый из нас получал персонально. Вызывает начальник: “У тебя в такой-то газете свой человек есть? – Есть. – Ну, действуй...” В результате в разных средствах массовой информации – от правых до левых – появляется серия пуб-

ликаций. Они, конечно, разные, но нужные КГБ акценты содержатся в каждой. И нигде, понятно, не стоит подпись: “КГБ СССР”, читатель видит: специальный корреспондент “А”, обозреватель газеты “Б”...

– А если главный редактор не захочет публиковать такую статью? – спросила я своего собеседника.

– Ну, бывают, конечно, проколы. Однако не забывайте, что работа эта началась не вчера, не с гласностью и перестройкой. Нередко мы замечали молодого перспективного журналиста, подкидывали ему сенсационный материал – и ничего, учтите, не просили взамен, помогали, например, в решении жилищной проблемы, способствовали его карьере... Он, наконец, занимает значимый пост, а мы – осуществляем через него свое влияние...

– Какое? С какой стати независимые издания будут вас слушать?

– Во-первых, иной раз нужна малость: чуть-чуть придержать ту или иную статью. Пройдет время, и резонанс от нее будет куда как меньше. А потом... Не забывайте: оформлением документов для поездок за границу по-прежнему ведаем мы...”*

Честно говоря, я с большой долей скепсиса слушала своего собеседника. Боюсь, что иной раз сотрудники КГБ весьма преувеличивают свои возможности. Это как-то поднимает их в собственных глазах.

Да, в средствах массовой информации всегда было и – есть немало стукачей, “доверенных лиц” и просто кадровых сотрудников КГБ. Газеты и журналы – часть общества, не хуже и не лучше других его институтов. Всегда было известно, что зарубежные корпункты на 70 процентов “заселялись” комитетчиками – главным образом сотрудниками разведки. Более того: среди чекистов-журналистов есть очень много талантливых людей. Как, например, Александр Васильев из “Комсомольской правды”, покинувший ряды Первого Главного Управления в декабре 1991 года. Правда, его принадлежность к ведомству иной раз вычислялась – особенно когда Васильев писал о тех комитетчиках, кто ушел на Запад. Но тут, кстати сказать, наши позиции часто совпадали. Другой вопрос – как еще КГБ мог оказывать на него свое влияние, за какие “ниточки” может дергать в будущем?..

И еще один штрих к деятельности идеологической кон-

* По-прежнему оформлением документов за рубеж ведает Министерство безопасности России.

тразведки. Помните, какой энтузиазм в июне 1990 года вызвало принятие Верховным Советом СССР Закона о свободе совести, означавшего прекращение борьбы государства с церковью? Так вот, замечательно то, что закон этот годом раньше проходил апробацию... в КГБ СССР – то есть там, где с этой “свободой совести” десятилетиями боролись. “Высказаны соответствующие замечания”, – написал в отчете после рассмотрения проекта Закона начальник 4 отдела, Пятого управления КГБ полковник В.Тимошевский...³⁶ Ну чем не театр абсурда Ионеску?

Однако, конечно, не мы, журналисты, были главным объектом внимания Комитета. Не второстепенным, но и не главным. “Серая масса”, “молчаливое быдло”, как принято было именовать моих сограждан, десятилетиями позволявшее властям над собою глумиться так, как они, власти, того хотели, вдруг стало выталкивать из своей среды новых лидеров, образовывать в бесчисленных количествах политические партии и общественные объединения.

На закрытых совещаниях руководства КГБ разрабатывались конкретные планы работы в этом направлении. Рядовым чекистам, главным образом из идеологической контрразведки, получавшим задание вербовать в среде оппозиционеров “негласных помощников”, доходчиво объясняли, что контроль за деятельностью сих организаций необходим, дабы они ненароком не замахнулись на государственный строй и конституционные права граждан.³⁷

Понятно, что ни один митинг, ни одна демонстрация, ни одна более или менее крупная “тусовка” демократической интеллигенции – как, например, заседания “Московской трибуны”^{*} – без присутствия чекистов не обходилась, кои “в целях сохранения общественного порядка” проводили скрытую видеосъемку наиболее активных ораторов. К той же работе на митингующих улицах и площадях были подключены и офицеры Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР.

Летом 1989 года, когда по стране прокатилась первая и мощная волна шахтерских стачек и забастовок, руководство Комитета определило для своих подчиненных еще один объект

^{*} “От агента “Андрея” получена магнитофонная запись выступлений лидеров т.н. “Московской трибуны”, имеющих антиобщественную направленность,” – запись в отчете “идеологов” 1989 года. Хотя зачем было эту информацию получать от агента “Андрея”, коли “Московская трибуна” допускала на свои заседания всех желающих?

неусыпного внимания – рабочее движение. “Гегемон”, как именовали пролетариат еще вчера, замордованный бытгом и зачумленный водкой, вдруг проснулся и начал организовываться в некую и весьма серьезную политическую силу. Вот тут, полагаю, гебэшникам стало малость не по себе. С интеллигентами они уже как-то научились справляться, рабочий протест был, во всяком случае для молодого поколения чекистов, новостью. Старики же, конечно, помнили расстрел вышедших на площадь после очередного повышения цен рабочих в Новочеркасске, в 1957 году, в самый разгар хрущевской оттепели. Но тогда можно было стрелять, теперь требовалось действовать более тонко. И действовали.

Комитет государственной
безопасности СССР

30 апреля – 2 мая 1990 года в г. Новокузнецке Кемеровской области проходил I Всесоюзный съезд независимых рабочих движений, в котором приняли участие представители стачечных комитетов Воркуты, Кузбасса, Донбасса, Караганды и др. регионов. Повышенный интерес к работе названного съезда проявили причастные к деятельности спецслужб противника аккредитованные в СССР инкоорреспонденты, представители польской “Солидарности”, открытые члены НТС, а также неформальные организации антиконституционной направленности “Саюдис”, “Рух” и др.

Для оказания практической помощи в организации проведения мероприятий в Новокузнецкий ГО УКГБ вместе с негласными источниками (то есть секретными агентами КГБ – Е.А.) командировались сотрудники 6-го Управления и Управления по защите советского конституционного строя КГБ СССР.

В результате принятых мер удалось локализовать подрывные устремления противника по сбору негативной информации об обстановке в рабочей среде. Совместные действия по руководству источниками, прибывшими на съезд в качестве делегатов, консультантов и гостей (выделено мною – Е.А.), позволили предотвратить принятие экстремистских решений и их действий со стороны отдельных рабочих делегатов и их лидеров, сорвать формирование централизованного руководства забастовочным движением в стране и его подчинение радикально настроенным политическим авантюристам и организациям антиконституционной направленности.

За проявленную личную инициативу и настойчивость, высокий профессионализм и политическую зрелость при реализации комплекса оперативных мероприятий в отношении иностранцев и отдельных советских граждан из числа представителей неформальных политизиро-

ванных организаций в период проведения т.н. I съезда независимых рабочих движений и достигнутые положительные результаты полагаем возможным поощрить приказом председателя КГБ СССР следующих сотрудников..

Начальник Управления по защите
советского конституционного
строя КГБ СССР генерал–майор Иванов Е.Ф.

Начальник 6–го Управления КГБ СССР
генерал–майор Савенков Н.А.

3 июня 1990 года”.³⁹

Полагаю, сей замечательный документ комментариев не требует. Лишь маленькое добавление. Подобные действия Комитета нашли желанный отклик в сердцах руководителей предприятий. Например, на Волгоградском заводе тракторных деталей и нормалей. Там образовался стачком. Администрация его запретила. Тогда на заводских стенах появились листовки протеста. Следом в Центральный райотдел УКГБ города Волгограда за подписью зам.директора Б.Атопова была направлена бумага с просьбой “оказать помощь в нормализации обстановки на предприятии”.⁴⁰

Наконец, у КГБ образовалась и еще одна весьма серьезная сфера приложения сил, в которой причем можно было особо не миндальничать. Это – республиканские Народные фронты, возглавившие национально–освободительные движения в колониях последней империи мира, Советской Империи. Скажу сразу, в этих фронтах и в этих движениях было и есть немало самого отвратительного, средневекового национализма и шовинизма, русофобства, ненависти к соседям другой крови и другой религии. Но именно на феодальном менталитете окраин империи и сыграл Комитет. Дело будущего – узнать, кто конкретно и как спровоцировал резню в Сумгаите, Оше, Узгене, Баку, Нагорном Карабахе. Но уже сегодня известно: без Комитета здесь не обошлось.

1986 год. Алма–Ата. По некоторым данным, незадолго до кровопролития сотрудники КГБ раздавали оружие рабочим (как правило, пролетариат в республиках представляют русские), науськивая их на “националистически настроенных” казахских студентов.⁴¹

1989 год. Тбилиси. Накануне страшного 9 апреля в столицу Грузии был переброшен из Центра полк КГБ, сотрудники КГБ вели и видеосъемку событий, когда танками, саперными лопат–

ками и “черемухой” спецназ разгонял мирную демонстрацию, преследуя свои жертвы на улицах и в подъездах домов.⁴²

1990 год. Армянские погромы в Баку. На следующий день, когда резня прекратилась и из города были вывезены практически все армяне, в Баку вводятся войска. Под танками и пулеметами гибнет более 120 человек. Комитет, устами своего тогдашнего первого зама Филиппа Бобкова, предельно откровенен: “Надо было вводить войска в Баку в ночь с 19 на 20 января?” – спрашивает журналист. – “Надо”, – отвечает Бобков. – “Но ведь почти всех армян уже вывезли”... – “Тут дело не в армянах. Если бы мы не ввели войска, в Азербайджане была бы совсем другая власть”.⁴³ “Другая” – это Народный фронт Азербайджана, который к середине января практически контролировал республику, а в городе Нахичивани и вовсе сместил коммунистов. После вторжения войск, после того как спецназ КГБ взорвал бакинский телецентр, Народный фронт был разогнан, его лидеры – отправлены в тюрьмы.

Появилась в прессе и еще более ошеломительная информация: по данным следственной группы, расследующей резню армян в том страшном январе, погромы были также спровоцированы чекистами, дабы иметь оправдание – и в глазах мирового общественного мнения, и – в меньшей степени – своего, отечественного, – оправдание вводу войск и убийству на улицах людей.⁴⁴

Продолжим наш счет. Лето 1990 года. Массовое убийство турок–месхетинцев в узбекской Фергане. Спустя год – феодалские по своей жестокости столкновения между киргизами и узбеками в Оше. “Комитет знал о том, что готовится там резня”, – говорит подполковник Кичихин, тогда – сотрудник отдела межнациональных отношений Управления “З”.⁴⁵ Знал и по каким–то своим соображениям положил информацию под сукно, – утверждает он.

Тот же Кичихин, занимавшийся проблемами переселения немцев в Саратовскую область (до войны – Республика Немцев Поволжья), рассказывает, что Комитет вместе с местными партийными властями откровенно подзуживал русское население в их неприятии немцев.⁴⁶

Ну и, наконец, Прибалтика. Еще в 88–ом году там, в противовес Народным фронтам, создаются организации защиты русскоязычного населения – “Интердвижение”, “Единство” и так далее. И снова скажу: проблема с русскими там была и есть. Но трудно было ее более обострить, чем действиями этих, созданных, по словам Олега Калугина, КГБ организаций. Логическим

завершением был январь 1991 года в Вильнюсе, когда спецназ 7 Управления КГБ – группа “А-7” смогла записать на свой счет еще несколько убийств – тех, кто погиб при защите вильнюсской телебашни в ночь с 12 на 13 января. По моим данным, эта операция, которая, в случае удачи в Вильнюсе, должна была быть продолжена в Латвии и Эстонии, разрабатывалась под руководством все того же, еще бериевской выгучки, чекиста – Филиппа Бобкова. Операция была проведена топорно, крови и трупов власти не ожидали. За это Филипп Бобков с должности был снят. На его место пришел начальник Второго Главка (контрразведка), весьма близкий к Крючкову человек, генерал Виктор Грушко.

От перемены мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Уже после литовской трагедии в Латвии и Эстонии, как и раньше в Литве, прозвучала серия таинственных взрывов в районах, где проживают русские. Террористов, как и следовало ожидать, не нашли. Сотрудники же Управления “З” выражали соболезнования своему коллеге, майору Сапунову, который вскоре после таинственных взрывов вернулся из Латвии с контузией. “В управлении объясняли, – рассказывает Кичихин, – что его сильно ударили во время драки на танцах. С трудом верю, чтобы сотрудник КГБ во время служебной командировки ходил на танцы, да еще вступал в драку с местным населением”.⁴⁷ Действительно, в подобное трудно поверить, особенно если учесть, что как-то не до танцев тогда было – в ожидании повторения Вильнюса в Риге строили баррикады и бесчинствовал ОМОН. В конце января в Риге в столкновениях с ОМОНОм погибло 4 человека.

Закономерен вопрос: если Комитет обладал всей полнотой власти в стране, то зачем ему надо было провоцировать, подогревать национальные конфликты в колониях, равно как поддерживать экстремистское крыло антисемитской “Памяти” в Центре?⁴⁸ Как минимум по трем причинам.

Во-первых, тем самым он обеспечивал поддержку тоталитарной власти со стороны русского населения республик, у которых были все основания опасаться притеснения от коренных жителей этих районов. Русскоязычное население было поставлено там в положение “пятой колонны” Центра – они были заложниками и могли надеяться только на помощь из Москвы.

Во-вторых, национальные конфликты компрометировали демократов в глазах русских в России, дескать – пораспустили народ, а теперь “наших эти инородцы бьют”.

“И правильно, что ввели войска в Вильнюс, иначе литовцы

вырезали бы там русских”, – это цитата из моего разговора с коллегой. Милым, интеллигентным человеком, весьма прогрессивным в прошлые, доперестроечные времена. Тогда, после кровавой январской ночи, “Московские новости” вышли с редакционной статьей, озаглавленной “Преступление режима, который не хочет сходить со сцены”. Это был гражданский подвиг нашего главного редактора Егора Яковлева. Но вся беда в том, что тогда же на редакцию обрушился шквал звонков и писем, подобных приведенной мною цитате.

Так народ готовили к оправданию возможной крови в России.

В третьих – и это, пожалуй, самое главное: национальные столкновения позволяли поддерживать состояние нестабильности в стране, убеждали народ: чтобы спасти государство от развала и гражданской войны, нужна сильная рука. С сильной рукой ассоциировался именно КГБ. Но об этом чуть позже.

В последние годы перестройки на передовую линию атаки выдвинулось и Шестое управление КГБ. Хотя, конечно, всякое деление тут условно – шестое, пятое, четвертое... Пути-дороги их бесконечно пересекались, действовали они вместе, да и противник у них был один: инакомыслие, охватившее всю страну и грозившее в случае успеха лишить комитетчиков лакомого куса хлеба с маслом. Тем же рабочим движением занимались и “экономисты” (Шестое управление) и “идеологи” (Пятое). В Риге вместе с майором Сапуновым из идеологической контрразведки бок о бок трудился начальник Отдела по борьбе с организованной преступностью Владимир Луценко.⁴⁹ А если и не вместе?

Военная контрразведка (Третий Главк), казалось бы, была призвана ловить шпионов в армии. А ловила членов или сочувствующих организации социальной защиты военнослужащих “Щит”.

“Да какие шпионы, – изумлялся моей наивности майор Сергей Петручик – старший оперуполномоченный особого отдела КГБ по мотострелковой дивизии из Владикавказа (Северная Осетия). – Я три года здесь работаю – ни одного не видел и ни об одном не слышал, не было их и за десятилетия до меня. Идет тотальный сыск, отслеживание обстановки в военных коллективах – среди солдат, офицеров. На весь Владикавказ в лучшем случае требуется два агента, то есть военных контрразведчика, а нас тут два отдела, десять человек... Чем остальным-то заниматься? Как зарплату отрабатывать? Понятное дело как: кто что сказал, да кто что подумал”...⁵⁰

Но вернемся к “шестерке”. Совершенно естественно, что в годы перестройки, когда появились первые частные собственники, претендующие на некую, хотя и весьма относительную, личную свободу – кооператоры, арендаторы, новые советские предприниматели, “экономисты” из КГБ проявили к ним пристальный интерес. Комитет и не скрывал, что совместные предприятия, то есть фирмы, кои советские граждане создавали на паях с иностранцами, находятся под контролем чекистов. “В КГБ имеются данные, что западные спецслужбы внимательно изучают процесс создания и практическую деятельность совместных предприятий”, – объяснял Крючков.⁵¹ Что ж, вполне допускаю, что это так. Но и Комитет своего не упустил: не малую толику этих СП сам КГБ и создал. Подобные конторы были и прекрасной “крышей” для контактов с иностранцами, и вполне респектабельным местом для внедрения в нарождающееся сословие советских предпринимателей, и, наконец, позволяли делать свой – как личный, так и комитетский – бизнес: еще осенью 1990 года Крючков издал приказ, санкционирующий собственную коммерческую деятельность КГБ.

Не случайно работа по совместным предприятиям стала считаться особенно престижной в КГБ. И вело эту работу, кстати сказать, не только Шестое Управление: совместными предприятиями занимались и разведка, и идеологическая контрразведка*.

Шестое управление КГБ опекало СП в промышленности. Но сим деятельность “экономистов” в погонах не ограничивалась. Деньги КГБ и КПСС, а точнее – деньги олигархии (разделить их невозможно), для которой кошельком была вся страна, по словам моих собеседников, легли в основу чуть ли не 80 процентов новых банков, бирж, концернов.

Понятно, что лидирующая роль в коммерческих проектах принадлежала КГБ. Не только потому, что Шестое управление в качестве экспертов консультировали лучшие экономисты страны, но и потому, что КГБ, и особенно разведкой, был накоплен практический опыт создания фирм и компаний как прикрытия для нелегалов, расположенных по всему миру, во всех типах рыночных экономик.

Вот конкретное тому подтверждение.

“В ноябре 1990 года по просьбе руководства ЦК КПСС (Ивашко и Кручина) решением руководства ведомства (Крючков и Бобков) я был переведен из ПГУ на работу в УД ЦК

* См. Главу “Государство в государстве”.

КПСС, – пишет в своем отчете полковник Веселовский. – Решением Секретариата ЦК КПСС я был назначен на должность зам. зав. сектором по координации экономической деятельности хозяйственных служб... Основанием для моего перевода в ЦК явилась срочная потребность руководства УД ЦК создать подразделение, способное координировать экономическую деятельность хозяйственных структур партии в изменившихся условиях... Выбор пал на меня, поскольку по своему образованию я являюсь экономистом–международником, имею опыт зарубежной работы (выделено мною – Е.А.) и был известен большинству руководящих работников ЦК по своей деятельности в ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Кроме того, Кручина считал, что такой серьезный вопрос, как организация экономической деятельности, можно было поручить только сотрудникам ведомства, в честности которых я никогда не сомневался. Я полагаю, что не последнее место в выборе моей кандидатуры сыграло то обстоятельство, что, будучи в длительной командировке по линии ведомства в стране со сложной обстановкой, мне было поручено осуществлять связь с компартией, которая в тот период находилась на полулегальном положении...

Была достигнута договоренность о периодическом информировании Бобкова о моей деятельности в УД ЦК КПСС..."⁵²

Одним из первых удачных предприятий КГБ в стране был известный концерн АНТ, созданный в 1986 году не без участия ПГУ (внешняя разведка) и того же Шестого управления.

Директором АНТа был вышедший в запас капитан КГБ, в прошлом – сотрудник 9 Управления Комитета В.Ряшенцев. Львиная доля аппарата управления концерна (по данным парламентского запроса Генеральному прокурору СССР – 30 из 37) состояла из людей, которые до этого работали в КГБ, Министерстве внутренних дел или служили на предприятиях Военно-промышленного комплекса.⁵³ АНТ был организацией засекреченной. Согласно некоторым источникам – занимался и тайным экспортом советского оружия в горячие точки планеты. И контролировался уже упоминавшимся мною в этой книге* Шестым сектором Совета Министров СССР – филиалом экономической контрразведки в главном правительственном органе страны. "Вы доверяли информации Шестого сектора?" – спрашивал корреспондент "Известий" Премьер–министра страны тех лет Николая Рыжкова. – "Да, доверял. Информация была надеж–

* См. Главу "Олигархия..."

ная”, – ответил экс-премьер.⁵⁴ Концерн АНТ “сгорел” в 1990 году: его схватил за руку все тот же Комитет за попытку якобы “незаконной продажи танков за границу”. На самом деле в истории с АНТом КГБ вынужден был предпочесть политическую конъюнктуру – коммерческим интересам и интересам разведки. Разгоревшийся скандал вокруг АНТа позволил, с одной стороны, скомпрометировать в глазах обывателя российское правительство Ельцина, чей вице-премьер Геннадий Филышин поставил свою подпись под одной из сделок АНТа. С другой – еще более дезавуировать в глазах народа находящиеся в эмбрионном состоянии рыночные структуры (“эти кооператоры распродают страну”), с третьей – того требовала ощущаемая Комитетом потребность восстанавливать фасад потерявшей всякий авторитет КПСС. В этой игре ключевую роль призван был сыграть сделавший на скандале с АНТом политическую карьеру будущий первый секретарь Российской компартии Иван Полозков.

Короче, АНТ отдала на заклятие, но свои коммерческие устремления КГБ, используя в том числе и богатство партии, ничуть не смущаясь, продолжал воплощать в жизнь.

Сегодня известно 600 коммерческих предприятий и банков, в которые олигархия вложила около 3 миллиардов рублей. Среди них: “Автобанк”, “Токобанк”, “Уникумбанк”, Международный коммерческий банк, фирма “Галактик”, “Джобрус”, “Холдинг ЛТД”, Московская муниципальная Ассоциация,⁵⁵ ассоциация “Азербайджан” (печать сообщает, что ее оборот составляет несколько миллионов долларов США),⁵⁶ Российский биржевый дом, Российский торговый дом, Научно-промышленный союз.⁵⁷ (Последний, как я уже писала, возглавляет Аркадий Вольский, в прошлом помощник Председателя КГБ, а потом Генерального секретаря Юрия Андропова.) А сколько фирм, созданных на деньги олигархии в стране и за рубежом, мы не знаем, и скорее всего не узнаем никогда?

Уже упомянутый полковник Веселовский разработывал идею создания акционерного концерна совместно со швейцарско-канадской фирмой “Сеабеко групп”.⁵⁸ Офис “Сеабеко” в Москве после августовских событий был закрыт. И... вскоре открыт вновь. Что касается самого Веселовского, то он выехал в Канаду, где... исчез.⁵⁹ Выплывет?*

Замечательно, что иностранных инвеститоров и партнеров перспектива иметь дело с КГБ вовсе не смущала и не смущает.

* Уже выплыл – в славно своими банками городе Цюрихе (Швейцария).

Причем не смущала даже в самые отвратительные, застойные, как принято выражаться, времена. Что уж теперь?

“В 1978 г. американский сенатор Эд. Кеннеди обратился к КГБ с просьбой оказать помощь в налаживании сотрудничества советских организаций с фирмой “Агритек” (Калифорния), возглавляемой бывшим сенатором Д.Танни. Эта фирма связана, в свою очередь, с франко–американской фирмой “Финатэк С.А.”, которую возглавляет компетентный источник КГБ, видный западный финансист Д.Карр, с помощью которого в течение последних нескольких лет осуществлялся конфиденциальный обмен мнениями между Генсеком ЦК КПСС и сенатором Эд.Кеннеди. Д.Карр представлял техническую информацию для КГБ о положении в США и других капиталистических странах, которая регулярно докладывалась в ЦК КПСС”.⁶⁰

Судя по всему, тот факт, что за тем или иным торговым делом стоит КГБ, с его связями и могуществом в борьбе с бюрократическими структурами, вселяет в иностранных бизнесменов уверенность, что партнеры не надуют, не растворятся на российских просторах, едва выручив первый миллион. В известной мере, если отбросить в сторону исторический опыт – например, нацистской Германии, а также соображения морально-го порядка, они правы: *эти* партнеры свое дело знают.

...Как там говорил Мартин Борман? Деньги партии еще пригодятся тем, кто продолжит дело национал–социалистической идеи в будущем. Кажется, так?..

Однако истинно звездный час Шестого управления КГБ пробил 23 ноября 1990 года, когда Верховный Совет СССР поручил органам КГБ вести “борьбу с экономическим саботажем”. Так было легитимизировано право Комитета (чьи сотрудники, замечу, уже охраняли банки), осуществлять контроль за хозяйственной деятельностью предприятий – как государственных, так и частных.

В экономической контрразведке был создан “штаб по борьбе с экономическим саботажем”. Газета “Правда” (орган ЦК КПСС) и газета “Советская Россия” (орган компартии России), даже не скрывая своих чекистских источников, равно как и своих чекистских симпатий, исправно печатали сообщения об обнаруженных органами КГБ вагонах с луком, о припрятанных на базах спичках, о махинациях кооперативов и продажи с молотка “российских богатств”.⁶¹ Эта “всесоюзная перепись тушенки”, как иронизировала по сему поводу левая пресса, была вовсе не столь глупа. Товаров в магазинах, конечно, не прибавилось – их с каждым месяцем становилось все меньше, жить

лучше не стало, однако в лексикон очередей уже плотно вошло слово из печальной памяти сталинских времен – “вредители”, а железная феликсова рука, обещавшая потрясти кооператоров и приструнить торговцев, набирала политические дивиденды. “Не смейте трогать КГБ – единственного защитника нашего Отечества”, – такие письма все чаще и чаще стали попадаться в моей почте. Так Комитет зарабатывал политический капитал в той среде, которая и представляет главную социальную силу в стране – в люмпенизированных слоях населения. Им перестройка не дала ничего кроме новых тягот и новых лишений.

На вопрос, заданный социологами, о том, какие чувства возобладали ныне у окружающих их людей, 42 процента опрошенных ответили – “усталость и безразличие”, “озлобленность и агрессивность”, 22 процента сказали коротко – “страх”.⁶² Что поделаешь: гласностью семью не накормишь. Собственности – земли, жилья, наличие коей могло бы хоть как-то снизить зависимость от государства, перестройка не дала тоже.

Обыватель все больше алкал твердой руки. По данным Всеобщего центра изучения общественного мнения, 69 процентов населения страны в январе 1991 года считали необходимым введение в стране “твердого порядка”.⁶³ Тогда же опросы зафиксировали: растет число тех, кто свои надежды на более или менее нормальную жизнь связывает с армией, которая должна взять под свой контроль страну. Если в сентябре 1990 года таких было 8 процентов, то в январе следующего года – уже 20 процентов.⁶⁴

КПСС была расколота и сходила со сцены. Социологи свидетельствовали: 62 процента населения России относятся к ее деятельности крайне негативно.⁶⁵

Демократы дробились на бесконечные партии и движения, публично грызлись в печати и не могли прийти к согласию. Они были едины лишь в одном – в лозунге – “Долой КПСС!”... И вот тут пришло время сказать еще об одной трагической реальности перестройки.

Помните встречу Председателя КГБ В. Крючкова с женщинами-журналистками, стенограмму которой я не раз цитировала в этой главе? Так вот, в ней мне было весьма любопытно прочитать, что гарантом “недопущения рецидивов прошлого является усиление партийного влияния и контроля за работой чекистов”. Любопытно потому, что в тот год – 1989, после Первого съезда народных депутатов, буквально не было ни одного митинга или демонстрации (а я была участницей многих из

них), на которых бы не клеймили КПСС. Это был год морального крушения партии, хотя знаменитая 6 статья Конституции СССР, объявившая КПСС “руководящей и направляющей силой общества”, еще жила. И Комитет государственной безопасности конечно же знал о сем прискорбном для коммунистов факте лучше, чем кто-либо еще. Вся сила митинговой волны, которая, убеждена, направлялась и организовывалась отнюдь не только демократами, была направлена именно на взятие этой Бастилии – КПСС.

Верхушка олигархии, понимая, что без потерь не обойтись, решила “сдать” именно партию. Ибо КПСС как “руководящая и направляющая сила общества” всегда была на авансцене власти и потому именно с ней в сознании народа связывались все преступления и самая сущность режима. Тем более, что коррумпированность партийной элиты была общеизвестна, ее страсть к благам и привилегиям – “кормушкам”, дачам, спецквартирам, спецбольницам и спецсанаториям – действовала на сознание людей как красная тряпка на быка. То, что теми же привилегиями и теми же благами пользуется и другая часть олигархии – верхушка ВПК и КГБ, оставалось как-то в тени.

Газеты тогда были полны разоблачениями партаппаратчиков: именно они стравливают армию с народом и заставляют людей в погонах стрелять в своих сограждан. Именно они принуждают покорный КГБ подслушивать и подглядывать за соседями и коллегами. Все так. Да не так. Ибо “паханы” от КПСС, ВПК, КГБ всегда действовали вместе, в полном согласии друг с другом. Но роль “барана”, который должен увести народное недовольство в сторону от олигархии, – эта роль была возложена на КПСС. Она приняла на себя те функции, которые в верхних этажах власти персонально выполнял (не по своей, конечно, воле) вплоть до осени 1990 года для Горбачева Егор Лигачев, – “забора”, в который летят камни. Короче, “Бастилия” зашаталась, готовая рухнуть. Но это была уже не та Бастилия. Удивительно, но ни разу ни на тех митингах, ни на других, проходивших в 1990, 1991 годах, призыва “Долой КГБ!” – мне слышать не приходилось.

Демократы проморгали, не сумели увидеть, что, пока они ниспровергали коммунистов, в стране формировалась самостоятельная политическая сила, которая в КПСС уже не нуждалась. Или – почти не нуждалась.

В 1989 году 12 сотрудников КГБ – главным образом председатели республиканских комитетов – избираются народными депутатами СССР, то есть получают статус народных избран-

ников и дополнительные полномочия.⁶⁶ Спустя еще год в республиканские и местные парламенты, по данным социолога Ольги Крыштановской, избирается 2.756 депутатов от КГБ, причем 86 процентов из них побеждает уже в первом туре выборов. Это означало, что люди безоговорочно отдавали им свои голоса, надеясь, что представители “сильной руки” наконец-то наведут порядок в измученной стране. Интересно, что в ходе этой предвыборной кампании Комитет по всей стране создает сеть своих специальных оперативных групп, цель которых – выработать верную тактику предвыборной борьбы. А еще раньше, в июле 1989 года, в КГБ создается комиссия “по партийно-политической поддержке оперативной и административной деятельности” Комитета. Главная ее задача – поиск “нестандартных методов пропаганды”.⁶⁷ Как всякий политик, КГБ заботился о своем имидже. И не без успеха. Были, конечно, и проколы, и досадные сбои – как без них. И история с тем же Сергеем Кузнецовым, и откровенная ложь в цифрах погибших в советском ГУЛАГе с 1934 по 1947: по словам Крючкова, тогда “убыло по причине смерти” около 3 миллионов человек. Сообщить такое стране, в которой буквально нет семьи, которая не оплакивала бы своих погибших в ленинских и сталинских застенках, – это, конечно, для политика было ошибкой. Ничего, простили. То есть, естественно, пошумели, поволновались – главным образом интеллигенты, однако взоры – главный враг – были обращены к КПСС. На том и успокоились.

В марте 1990 года Третий съезд народных депутатов СССР проголосовал за отмену 6 статьи Конституции СССР, в которой была узаконена особая, руководящая роль партии. Демократы праздновали победу. И чекисты – тоже. А в стране все больше и больше говорили о перспективе военной диктатуры. Пожертвовав “количеством”, олигархия сделала ставку на “качество”.

...Если и есть в этой трагической истории, именуемой перестройкой, парадокс, то он заключается в том, что, устраняя с политической сцены КПСС и не имея реальной власти в своих руках, демократы нарушили существовавший до того баланс сил в пользу той части олигархии, которая традиционно исповедовала идеологию насилия. Похоже, что коммунистическая партия в условиях отсутствия в стране каких-либо индивидуальных свобод, была единственной силой, способной – пусть и исключительно из чувства самосохранения – сдерживать агрессивность КГБ и поддерживающего его Военно-промышленного комплекса.

Хотя выход на политическую арену, на мой взгляд, был

грандиозной ошибкой Комитета госбезопасности. Действуя за сценой, как и положено подобной структуре, КГБ мог сделать гораздо больше. Но жажда власти – эта жажда отнимает и разум.

Зимой–весной 1991 года социологические опросы засвидетельствовали невиданный дотоле негативизм населения в отношении всех без исключения государственных структур. Каждый третий житель Союза не доверял Президенту Горбачеву и Верховному Совету СССР (парламенту). Почти каждый второй (48 процентов) – отрицательно высказался о деятельности правительства страны. Не избежал критики и КГБ. Но интересно, что если местным властям сказали “нет” 52 процента советских граждан, неформальным общественным организациям политической направленности в таких, например, политизированных городах, как Москва или Горький, – соответственно – 51 и 45 процентов населения, то доля отрицательных эмоций, выпавших на Комитет госбезопасности, составляла 40 процентов.⁶⁸

“Стоит разрухе и хаосу в стране достичь того предела, за которым начнется паника, и маятник социальной поддержки может качнуться вправо, к власти человека с ружьем”, – предупреждали социологи.⁶⁹

“Маятник” пристрастий самой власти к тому времени – к весне 1991 года – уже давно ушел в правую часть политического спектра. Борьбу в верхних эшелонах государства КГБ давно уже выиграл. И победу ему обеспечил не только тотальный политический сыск, не только паралич всех других полномочных структур и, уж конечно, не мифическая “борьба с экономическим саботажем”.

Концентрация властных полномочий, позволяющая КГБ контролировать все без исключения сферы жизни страны – политику, экономику, силовые структуры, личную жизнь, плюс – монополия на информацию, на основе которой принимаются государственные решения, – вот что определяет положение и могущество КГБ в обществе. И это же обеспечило ему успех в непростом деле захвата власти в стране.

* * *

Итак, монополия КГБ на информацию. Как она создавалась? Так же, как и всякая другая – отсутствием или практическим отсутствием альтернатив. В Соединенных Штатах Америки, например, информация поставляется правительству: ЦРУ, ФБР, РУМО (военная разведка), Бюро разведки Госдепарта-

мента, Агентством национальной безопасности, исследовательской службой Конгресса, общественными организациями и т.д. и т.п. Поставляется по независимым друг от друга каналам (что дает возможность эту информацию сравнить) и в условиях жесткой конкуренции одного разведывательного ведомства с другим.

Эта конкуренция, кстати сказать, является одним из самых надежных гарантов защиты демократии и личности от секретных служб, которые везде и во всех странах, конечно же, нарушают закон. Ибо никакая комиссия Конгресса, никакой парламент, убеждена, не способен проконтролировать разведывательную организацию лучше, нежели другая разведывательная организация, борющаяся за приоритеты финансирования из государственного бюджета.

Так вот, в нашем Отечестве вся основная информация, в том числе и та, что добывается Главным разведывательным управлением Министерства обороны СССР (во всяком случае, в наиболее важной своей части), стекается в КГБ СССР. Что происходит с информацией дальше? А дальше она отфильтровывается. Та, что приходит по каналам разведки из-за рубежа – в Информационном управлении Первого Главного Управления, та, что рассказывает о ситуации в стране – в Аналитическом управлении, куда поступают все наиболее серьезные документы и сведения, направляемые чекистами с мест. Следующий фильтр – руководители главных направлений – разведки и контрразведки. От них информация ложится на стол Председателя КГБ СССР, который, как объясняли мне мои собеседники, “может дать ее наверх, то есть Президенту, например, а может и не дать”. Как было, если вы помните, с информацией по поводу грядущей кровавой бойни в Сумгаите или Фергане.

Если Председатель сведения “давал”, то она приходила к руководству страны в виде записок, которые, как правило, подписывал Председатель КГБ СССР, или в виде телеграмм – это входит уже и в компетенцию заместителей и начальников управлений. Причем интересно, что информация может быть первого сорта – так называемая “первая разметка”, – которая расписывалась Горбачеву и его ближайшему окружению, и сорта второго – “вторая разметка” – руководству калибром поменьше, коему все знать не обязательно.

Кроме того, информация самым тщательным образом анализируется и изучается.

Только по моим, полагаю далеко не полным, сведениям,

этой работой занимаются: Управление информационного планирования и анализа, уже упоминавшееся Информационное управление, Информационно-исследовательский институт, в чье ведение входит углубленное исследование проблемы (все находится в ведении ПГУ), Информационно-аналитический отдел НИИ КГБ СССР Второго Главного Управления, Информационно-аналитическое управление, которому поручено готовить аналитические справки о всех процессах, идущих в стране.

Однако кроме той информации, что стекается с мест, есть еще и информация заказная. Как хорошо сказал уже упоминавшийся мной полковник КГБ Владимир Рубанов: “КГБ сам себе заказывает музыку”.

Готовится она следующим образом. В районные и городские управления КГБ рассылается, например, указание “О предоставлении информации об оперативной обстановке в рабочей среде”. В этом документе уже содержатся инструкции, какая информация руководству КГБ, которое скромно именуется “центром и инстанциями”, нужна. А именно:

“факторы и условия, способствующие негативному (здесь и далее выделено мною – Е.А.) воздействию на рабочую среду... средств массовой информации”;

“динамика развития независимого рабочего движения и его взаимодействие с международными организациями и профобъединениями” (читай – связь с Западом);

“дать оценку оперативными источниками... негативных последствий деструктивных явлений в рабочей среде”.

“В общем, программа задана, – резюмирует сотрудник Управления КГБ по Волгоградской области майор Александр Маврин. – Если действия, то обязательно “экстремистские”, деятельность – “деструктивная”, проявления – “негативные”. “...Подготовленная подобным образом информация, – осторожно предполагает майор, – может ввести в заблуждение руководство КГБ и политического заказчика. Есть опасность, что ответные шаги (властей) будут неадекватными происходящему – у страха глаза велики”.⁷⁰

Примерно о такой же “информационной кухне” рассказывал мне и сотрудник Управления КГБ по Ростовской области майор Михаил Шевцов. Правда, его “кухня” включала в себя еще и подготовку возмущенных, либо – благожелательных “откликов” народа на те или иные действия властей.

На стол же Президента ложились вот такие, например, информационные послания руководства КГБ:

По оперативным каналам* нами получены подготовленные представителями межрегиональной группы депутатов (МГД) документы (прилагаются). Среди них “Обращение к гражданам, демократическим организациям и движениям”, призывающие к митингам и демонстрациям оппозиционных сил по всей стране, а также “Декларация движения “Гражданское действие”, о создании которого нами докладывалось ранее (№ 56–К/ОВ от 12 января 1990 года)...

Об этих документах, легализовавших планы политической провокации, которую готовит в ближайшие дни МГД, шла речь на сегодняшнем совещании у тов. Медведева В.А. Представляется важным поддержать высказанные на этом совещании предложения по подготовке мероприятий, разоблачающих подстрекательский характер этих “бумаг”. По нашему мнению, подобные выпады не должны оставаться без достойного ответа. В противном случае они могут стать источником серьезных политических осложнений в будущем.

В.Крючков

“

21.2.1990

“ 71

Каков тон! Не сразу и разберешь, кто кому пишет: Председатель КГБ – Президенту или – наоборот...

Ну, а что же в результате? А в результате последние два года мы слышали гневные речи Президента СССР Михаила Горбачева, не считавшего даже нужным скрывать свои источники: “экстремистские элементы”, “антиобщественные силы”, “деструктивные действия”. А также констатации типа “мы знаем, откуда эти сведения”, “не надо думать, что мы не понимаем, откуда это идет” (и в том и в другом случае – нечто, не устраивающее Президента, шло, естественно, от демократов), “народ этого не допустит”, “надо еще выяснить, кто стоит за требованиями шахтеров”...Выяснят, конечно же, выяснят – на Севере не мало пустующих, ожидающих новых зеков лагерей...

Есть ли каналы, по которым информация к высшему руководству страны, в том числе и к Горбачеву, могла бы идти, минуя КГБ? Логически рассуждая – конечно есть. Например – ТАСС, партийные и советские органы. Однако доверия к ин-

* Здесь и далее выделено мною – Е.А.

формации из этих источников у первых лиц страны не было: привыкли, что с мест идут подчищенные и облагороженные сведения. Не случайно же в Совмине СССР был создан филиал Шестого управления КГБ – сектор № 6, проверявший данные, полученные различными министерствами и ведомствами.

Ну, а кроме того – в традициях властей прежде всего верить той информации, которую поставляет КГБ.

Замечательное подтверждение этому я нашла в воспоминаниях бывшего члена Политбюро ЦК КПСС и второго человека в стране Егора Лигачева*.

“...Мне на стол положили информацию Комитета государственной безопасности о дестабилизации (выделено мною – Е.А.) обстановки в Литве. Она сразу привлекла к себе внимание и требовала получше разобраться в сути происходящего в этой прибалтийской республике. А буквально через пару дней вернулся из Литвы член Политбюро Александр Яковлев... Я поинтересовался, какая обстановка в Литве. Александр Николаевич ответил: “Ничего особенного нет. Так, обычные перестроечные процессы”. Признаться, столь резкое расхождение между мнением члена Политбюро и информацией Комитета госбезопасности меня поразило. Позвонил Чебрикову, работавшему тогда Председателем КГБ, и попросил его не нагнетать обстановку. “Как ничего особенного? – изумился Чебриков. – Обстановка тревожная, беспокойная, началась консолидация националистических сил...” Было ясно: надо тщательно изучить суть дела”.⁷²

Но были же каналы Министерства иностранных дел, личная переписка Горбачева, собственные глаза и уши Президента, газеты и журналы?

Да, были. Правда, напомним, что все шифровальные службы страны, включая службы МИДа, правительства и Президента (в том числе и его переписка), контролируются КГБ, даже если сотрудники числятся в штате других организаций и ведомств. Не говоря уже о том, что до половины сотрудников советских посольств за рубежом – чекисты**. Точнее цифры таковы: из

* Речь идет о событиях сентября 1988 года, когда М.Горбачев был в отпуске в Крыму, “на хозяйстве” оставался Лигачев.

** Борис Панкин – в прошлом посол СССР в Чехословакии, после путча – министр иностранных дел СССР, с конца ноября 1991 г. – посол в Великобритании – рассказывает по этому поводу следующее: “В посольствах до половины “этих ребят” работало. Они контролировали коллектив, держали даже послов порой в своих руках...В Чехословакии до чего доходило? Такая была создана конъюнктура, и это до меня было, что даже подлинные наши дипломаты, дабы повысить свой рейтинг, пускали слухок: дескать, я не просто так, я по заданию (КГБ)”. И еще одна цитата из того же источника: “Приглашаю одного замести-

3.900 служащих МИДа СССР, 2.200 – сотрудники КГБ или Главного разведывательного управления.⁷³

Пресса? Отношение Горбачева к печати, к провозглашенной им гласности с начала 1991 года было весьма негативно и определялось мотивами субъективными, личными. Тем более – что читает Президент не сами газеты, а те вырезки, которые предлагают ему помощники. Борис Ельцин в своей книге “Исповедь на заданную тему” к тому же сообщает, что подготовкой своеобразных “пресс-релизов” для охраняемых ими верховных лиц страны занимается и Служба охраны – то есть 9 Управление КГБ.⁷⁵ Эта же служба берет в кольцо Президента и во время его встреч с народом.

Наконец, должны же быть у Президента страны собственные источники информации – люди, которым он доверяет? Должны. Но вот незадача, с января 1991 года такие люди из его окружения постепенно вытеснялись: сначала подал в отставку Эдуард Шеварднадзе, потом ушел Александр Яковлев, потом – экономический советник Горбачева Николай Петраков (ему Горбачев не простил подписи под заявлением “Московских новостей” в связи с событиями в Вильнюсе), позже – другой экономический советник Станислав Шаталин. Все это люди, которые имели и имеют приличную репутацию. На их место пришли: Геннадий Янаев, многие годы возглавлявший Комитет молодежных организаций СССР и Союз советских обществ дружбы – организаций, традиционно используемых как “крыши” для КГБ. Борис Пуго – новый министр внутренних дел, до того послуживший председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (своего рода “Особая инспекция” в КПСС), а до этого немало лет отдавший креслу председателя КГБ Латвии. Наконец, одним из наиболее приближенных к Горбачеву людей стал Анатолий Лукьянов, также имевший самый тесный контакт с Комитетом...*

Впрочем, все это – я говорю о смене первых лиц – уже

теля министра (иностранных дел): ну что, действительно, что ли, посольства существуют, как крыши для разведки? Он смотрит на меня изумленно, не понимая: а для чего же, Борис Дмитриевич?!⁷⁴ Это, к слову, и ответ моим оппонентам, которые обрушились на меня печатно и устно в апреле 1991 года, после публикации моего очерка “Мина замедленного действия”, в котором я писала о монополии КГБ на информацию. “О чем вы говорите, – возмущались они. – Каналы МИДа независимы от каналов КГБ”. Независимы... Надо было пережить августовский путч, чтобы расстаться и с этими милыми иллюзиями...

* См. глава “Олигархия...”

следствие. Главное: Горбачев этот выбор сделал. Сделал в пользу ведомства, в советах и информации которого нуждался более, чем в рекомендациях того же Яковлева.

И это тоже в традициях нашей власти: не только КГБ поставлял ей данные политического сыска – подслушивания, подглядывания и т.д., но и сами первые лица государства требовали именно такого рода информацию, которую, понятно, никто другой им дать не мог. Только за один 1990 год Горбачев получил от ПГУ КГБ СССР 67 записок⁷⁶ с рассказом о том, что говорили, делали, с кем, простите, спали его оппоненты, сотоварищи в стране и за рубежом.

“Несколько дней NN (конкретная фамилия – Е.А.) провел на Гавайских островах с советской гражданкой ММ (конкретная фамилия – Е.А.), с которой он находился в интимных отношениях”, – сообщалось в совершенно секретном письме руководства КГБ № 359–К от 21.02.90 на имя товарища Горбачева М.С. Внизу письма приписка: “Тов. Горбачеву доложено. Тов. Лукьянов проинформирован”.⁷⁷

“Это все равно как сесть на “иглу”: стоит один раз политику прочитать данные, скажем, прослушивания телефонных разговоров своего оппонента, и он от таких “записок” отказаться уже не сможет...” – говорил мне один из высокопоставленных комитетчиков.

И последнее об информации и монополии на нее. В 1987 году генерал КГБ Олег Калугин направил Горбачеву письмо, в котором предупреждал: программа реформ в стране закончится крахом, если не изменится положение КГБ в обществе. Реакции не последовало. В 1990 году Президент Михаил Горбачев своим указом лишил Калугина генеральских погон.

“Кто владеет информацией, тот и правит бал”, – сказал мне как-то полковник КГБ Владимир Рубанов.

КГБ – владел. И – правил.

* * *

Осень 1990 года вошла в историю мировой политологии как “правый поворот Горбачева”. Между тем, на мой взгляд, все было гораздо трагичнее, нежели просто хаотические передвижения Президента СССР в одной и той же системе координат.

В конце лета того года на свет появилась программа экономических реформ “500 дней” Станислава Шаталина и Григория Явлинского, которая, предлагая передать полномочия Центра, Москвы – республикам, посягала уже не на какую-то там ста-

тью Конституции или политический имидж власти – на ответственность олигархии. Коей – собственностью – была вся страна, в случае если СССР оставался империей, и каковую верхушка олигархии теряла, если управление экономикой переходило в ведение республик. Вот это было уже серьезной угрозой олигархии.

Началась откровенная демонстрация силы.

6 сентября газета “Правда” публикует манифест Военно-промышленного комплекса “Статус – оборонке”, который подписали 46 генералов – от директора завода, выпускающего сукно для солдатских шинелей, до генеральных конструкторов крупнейших космических и военных фирм страны. Манифест явился публичным предупреждением: дескать, ВПК ни пяди своей власти и собственности не отдаст.

11 сентября Борис Ельцин на Сессии Верховного Совета России сообщает: к Москве движутся войска и боевая техника. Информация пришла от союза социальной защиты военнослужащих “Щит”, а точнее – от полковника Сергея Кудинова, начальника политотдела (ныне – бывшего) Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Он сообщил: к столице направляется Рязанский парашотно-десантный полк, части Тульской дивизии и Псковской военно-десантной дивизии. Им выданы боеприпасы, предоставлена техника.⁷⁸ Министерство обороны СССР весьма нервно парировало: войска перебрасываются к Москве... для уборки картофеля и подготовки к ноябрьскому параду на Красной площади. А полный боекомплект, выданный воинским частям, – это что, тоже для картофеля? – поинтересовался “Щит”.

В тот же день на заседании Верховного Совета СССР Михаил Горбачев сказал парламентариям, что склонен поддержать программу Шаталина – Явлинского.⁷⁹ Спустя неделю – он практически от нее отказывается.

Начало октября: На заседании правительства страны – Совета Министров СССР – тогда еще под руководством Николая Рыжкова обсуждается вопрос о неотложных мерах по борьбе с преступностью, буквально захлестнувшей, как следовало из доклада, страну. Председатель КГБ СССР Владимир Крючков сообщает, что практически все подразделения вверенного ему ведомства на эту борьбу уже задействованы, и... требует увеличения бюджета КГБ.⁸⁰ Министр внутренних дел – тогда им был еще Вадим Бакатин, – правда, говорит, что темпы роста преступности на самом деле сократились в 2,5 раза по сравнению с

годом предыдущим.⁸¹ Однако эффекта это не возымело. В конце месяца появляется соответствующее постановление Совета Министров СССР, а в руки журналистов попадает документ “Предложения о чрезвычайных мерах по борьбе с нарушениями правопорядка”, которым КГБ отводится столь же чрезвычайная роль.⁸² Вадим Бакатин со своим постом вскоре внезапно расстанется, его заменит бывший чекист Борис Пуго.

Ноябрь. На политической сцене неожиданно возникает мало кому доколе известный “Центристский блок политических партий”. Его лидеров принимают Премьер-министр Рыжков и Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, которые готовы оказать блоку всяческую поддержку. В числе тех, кто вошел в этот блок, – председатель Либерально-демократической партии Владимир Жириновский, месяцем раньше исключенный из рядов своей же партии “за сотрудничество с КГБ”.⁸³ Левая пресса утверждает – это блок марионеток, политических двойников, призванных, используя лозунги перестройки и гласности, вытеснить с арены демократов.

В этом же месяце председателем Гостелерадио СССР, мощнейшей пропагандистской машины режима, назначается Леонид Кравченко – известный борец с демократами, заявивший при вступлении в новую должность: “Я пришел, чтобы выполнить волю Президента”. До этого Кравченко возглавлял Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС) – общепризнанную “крышу” КГБ за рубежом.

14 ноября Горбачеву звонит по телефону Лукьянов. Предупреждает: депутаты программой Шаталина – Явлинского недовольны.⁸⁴

17 ноября. Ночь. Заседает Политбюро ЦК КПСС, на которое вызывается Горбачев.⁸⁵ Утром на сессии парламента он требует возложения на себя чрезвычайных полномочий. Получает. О программе “500 дней” уже даже не вспоминают.

Декабрь. По Центральному телевидению выступает Председатель КГБ СССР Владимир Крючков, который недвусмысленно дает понять, в чьих руках власть в стране*.⁸⁶

Декабрь. Четвертый съезд народных депутатов СССР. Демократы на нем в очевидном меньшинстве. Тон задают лидеры депутатской группы “Союз” – полковники Петрушенко и Алкснис. “Союз” выступает за сохранение империи и защиту рус-

* См. главу “Версия”.

скоязычного населения в республиках. Уже известно: Председатель ВС Анатолий Лукьянов является горячим приверженцем, если не создателем группы. Не скрывает этого и Председатель КГБ Владимир Крючков. Он заявляет: “Звучат опасения, что если сегодня пойти на решительные действия по наведению порядка, то надо заведомо согласиться с тем, что прольется кровь... А разве кровь уже не льется?.. Никого не хочу запугать, но Комитет госбезопасности убежден, что, если развитие ситуации в нашей стране пойдет и далее в таком же ключе, нам не избежать более серьезных и тяжелых по своим последствиям социально-политических потрясений. Речь идет о том, чтобы уйти от жертв, предупредить новые”.⁸⁷ Эдуард Шеварднадзе на съезде подает в отставку. Горбачев отставку без видимых усилий принимает. Группа “Союз” ликует – это и ее победа. Шеварднадзе предупреждает: “Наступает диктатура”...

Январь. Льется кровь в Вильнюсе. Конец января – трупы в Риге. В Прибалтийских республиках возникают некие мифические Комитеты национального спасения, и состав которых, и местопребывание – покрыто туманом. Чуть позже журналистам становится известно, что по всей стране в провинции создаются тайные структуры власти – так называемые СЗ (суженные заседания). Задача СЗ – подготовить страну на случай введения “особого периода управления”. СЗ принимает решения, кои готовятся местными военкоматами, управлениями КГБ и вторыми (правовыми) отделами исполкомов. Все действия и документы этих структур – строго секретны.⁸⁸

26 января Президент Горбачев принимает пакет указов, в числе которых и Указ о борьбе с экономическим саботажем, исполнение которого, как я уже писала, возложено на КГБ, а также Указ о введении двойного патрулирования, силами милиции и армии, на улицах советских городов. Таким образом, создаются условия для административного контроля КГБ за хозяйственной деятельностью предприятий и отрабатываются действия силовых структур на случай введения в стране чрезвычайного положения.

Февраль. На стол Горбачеву ложится аналитическая записка КГБ СССР “О политической обстановке в стране”, в которой Крючков ему разъясняет:

“Интересы защиты советского конституционного строя настоятельно диктуют поддержание необходимого государственного контроля над средствами массовой информации, недопущения их кадрового размывания и тем более превращения в ру-

пор антисоциалистических сил. Анализ сложившейся ситуации требует серьезного критического осмысления того, насколько адекватны сформированные почти шесть лет назад понятия демократизации и гласности их нынешнему практическому воплощению. Нельзя не видеть, что на определенном этапе антисоциалистические круги осуществили подмену их содержания, навязывают обществу видение перестройки не как обновление социализма, а как неизбежное возвращение в “русло мировой цивилизации” – капитализм”.

Крючков пугает, традиционно представляя интеллигенцию в качестве главного врага:

“...наблюдается сужение социальной базы поддержки внутривнутриполитического курса Президента и Кабинета министров СССР. Этот кризис усугубляется демонстративным отказом части научной и гуманитарной интеллигенции (в основном элитарной) от поддержки политики Президента под влиянием последних событий в Прибалтике”.

Крючков указывает:

“...учитывая глубину кризиса и вероятность резкого осложнения обстановки, нельзя исключить возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР. Такой шаг потребовал бы мощной пропагандистской поддержки, прямого обращения к народу с призывом объединиться для сохранения Союза ССР, защиты общественного строя”.⁸⁹

Президент СССР Горбачев публично порывает с демократами.

Март. Начальник Аналитического управления КГБ СССР генерал-лейтенант Николай Леонов (управление, которое, напомним, готовит анализ ситуации в стране для Президента СССР) выступает на I Съезде уже всесоюзного объединения (а не группы, как раньше) “Союз”. Леонов откровенен: “Подавляющее большинство моих коллег и я вместе с ними – под вашими знаменами”.⁹⁰ Позже, в июне, делегация “Союза” будет с почестями принята в Багдаде. Саддам Хусейн от них в восторге – единомышленники.

Всесоюзный центр по изучению общественного мнения проводит опрос во всех 15 республиках СССР. На вопрос: “Что такое перестройка?” – 18 процентов отвечают: “Попытка правящей верхушки ценой некоторой демократизации общества сохранить власть”. 17 процентов полагают, что этим словом “при-

крявется борьба за власть в верхах". 14 процентов говорят, что это "устаревший, исчерпавший себя лозунг". Лишь 7 процентов продолжают считать перестройку "революционным преобразованием общества".⁹¹

ЦРУ и Defense Intelligence Agency в своем докладе утверждают: Председатель КГБ СССР Крючков и министр обороны СССР Язов имеют большее влияние на каждодневные политические решения в СССР, нежели Президент Горбачев. Аналитики ДИА предсказывают: до конца года Горбачев вынужден будет покинуть свое кресло.⁹²

На Лубянке создается Оперативный штаб КГБ СССР, о чем, кстати, Крючков информирует своего Президента.

Апрель. Приказом Председателя КГБ СССР № 0266 в Комитете организуется Управление по руководству специальными частями войск КГБ СССР.⁹³

Май. Верховный Совет СССР, давно уже приобретший славу "карманного парламента", практически единогласно – одним голосом против – принимает Закон о КГБ, коим узаконивается статус КГБ в стране. В том числе – и контроль почтовых отправок, и прослушивание телефонов... Статья 14 пункт 9 этого закона гласит, что чекисты "входят беспрепятственно в любое время суток в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения..." в случае, если у КГБ возникают некие неясные подозрения, что там совершаются преступления, угрожающие государственной безопасности. Ни санкции суда, ни санкции прокурора для этого не требуется. В истории послесталинского СССР подобного закона, легитимизировавшего нарушения элементарных прав человека, равно как и все беззакония главного репрессивного ведомства страны, еще не было. Автором закона вместе с КГБ был Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности СССР, призванный осуществлять депутатский контроль за КГБ. В этот Комитет, насчитывающий 38 членов, входило: 26 представителей армии и Военно-промышленного комплекса, двое чекистов, пять – секретарей обкомов КПСС. До 6 сентября секретарем Комитета был и молодой депутат Сергей Цыпляев. В сентябре он провинился: на заседании Комитета по делам молодежи, где говорилось о том, что КГБ продолжает работать теми же методами, что и раньше, и в частности, собирает компромат на народных депутатов, Цыпляев согласился с тем, что представляемый им Комитет особого доверия не вызывает и основания на то есть. Ровно через сутки Сергей Цыпляев от должности секретаря Комитета по вопро-

сам обороны и безопасности отстраняется.⁹⁴ Это было, повтoрю, в сентябре. В мае Председатель КГБ похвалил депутатов, столь единодушно одобривших Закон о КГБ: “Вы прошли славный путь”...

Июнь. На Сессии Верховного Совета СССР Премьер-министр Валентин Павлов требует предоставить ему чрезвычайные полномочия. На закрытом заседании парламента выступают министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, Председатель КГБ СССР Владимир Крючков. Все трое пугают депутатов развалом и хаосом в стране. Крючков заявляет, что в стране успешно действуют “агенты влияния ЦРУ”, осуществляющие давление на верховных лиц страны.⁹⁵ Горбачев всем четверым публично дает отповедь. Печать называет эту ситуацию “парламентским путчем”. Депутаты – не члены парламента – требуют отставки “путчистов”. Ходят слухи, что Председатель КГБ свое место таки потеряет. Не потерял. Стороны пришли к примирению.

Июль. В загородной резиденции Президента СССР в Ново-Огареве разрабатывается Союзный договор, который собираются подписать 9 республик плюс Президент страны. Это своего рода политический вариант программы “500 дней” – больше прав у республик, координирующие – у Москвы.

17 августа. В газетах публикуется заявление бывшего члена Политбюро и бывшего члена Президентского совета Александра Яковлева в связи с исключением его из рядов КПСС: “В руководящем ядре партии сложилась влиятельная сталинская группировка... Партийное руководство, вопреки своим же декларациям, освобождается от демократического крыла в партии, ведет подготовку к социальному реваншу, к партийному и государственному перевороту”...⁹⁶

Подполковник КГБ Валентин Королев еще раньше предупреждал: “5 Управление КГБ (идеологическая контрразведка) работает в режиме фиксации”.⁹⁷ Что это значит – хорошо известно из польского опыта декабря 1981 года, когда по заранее составленным спискам в течение двух недель после введения военного положения были арестованы (многие в первую же ночь) 746 человек, а интернированы – 5 тысяч человек.⁹⁸

* * *

19 августа 1991 года в 4 часа утра я закончила эту главу именно теми абзацами, которые вы только что прочитали. Никакого наития и никакого “голоса свыше”: просто так сошлось,

что именно в 4 часа утра 19 августа в стране было введено чрезвычайное положение и совершен государственный переворот, а накануне 18 августа в подмосковный поселок, где я живу, как всегда с опозданием на сутки, принесли ежедневные газеты с заявлением Александра Яковлева. О том, что в 4 утра произошло нечто страшное, я тогда не знала и совершенно спокойно отправилась спать. Вновь за эту книгу мне удалось сесть лишь в ноябре 1991 года.

Глава VII.

ПЕРЕВОРОТ

Из дневника:

“19 августа. Итак, это все-таки произошло... Муж утром разбудил меня словами: “Вставай, Кассандра, переворот...” Некий Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) объявил, что Горбачев болен и потому не может исполнять своих президентских обязанностей. Недоумки! Даже не сумели придумать чего-нибудь более свежего, нежели “Президент болен, а потому не может”. Это же точное повторение осени 1964 года, когда свергали Хрущева! Функции главы государства возложены на Янаева. Кроме него в ГКЧП входят Крючков, Пуго, Язов – вся святая троица. Премьер Павлов, Тизяков – президент Ассоциации государственных предприятий, Бакланов – первый зампред Совета обороны СССР, Стародубцев – председатель Крестьянского союза. Так вот, оказывается, какую “плеяду талантливых людей” обещал нам в июне Крючков!

Ну, троица – это понятно: КГБ, МВД, армия. Янаев при них в качестве “шестерки” – для конституционности: вице-президент подменяет неожиданно-негаданно занемогшего Президента. Причем – занемогшего именно за день до подписания Союзного договора!* С Павловым – тоже проблем нет: зря он, что ли, требовал в июне чрезвычайных полномочий? Бакланов и Тизяков – “оборонка”, ВПК. Стародубцев? Старая совковая ментальность – нужен представитель народа, да тем более из села, да тем более радатель сохранения колхозов... Интересно, почему с ними нет Лукьянова: верен Горбачеву? Или руководит по старой привычке из-за кулис?

Объясняют: в стране хаос, надо наводить порядок: на 6 ме-

* Подписание нового Союзного договора республик должно было состояться 20 августа 1991 года.

сяцев объявлено чрезвычайное положение, приостановлена деятельность политических партий и движений, обещан контроль за печатью. “Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза...”¹ Ах, как же они испугались, что потеряют собственность!

Но – Бог с ними. Две вещи меня сейчас заботят более всего: во-первых, что будет с домашними, особенно с Лелькой, если... Про “если” думать не хочется. Во-вторых – куда спрятать рукопись? Это надо же: столько лет пишу о Комитете, знаю, чего от них ждать, а тайника так и не завела! Кабинет завален материалами, документами, черновиками, “тамиздатом”... Кинула папку в сумку, сумку – с собой: удастся – отдам машинисткам перепечатать и как-то потом переправлю на Запад. Не удастся... Ну, значит, не удастся.

Второй раз за этот год начинаю писать дневник. Первый – семь месяцев назад, когда чекисты вместе с военными убивали людей в Вильнюсе. Но то было далеко, теперь – рядом, под окнами. Только что мимо редакции промчалась колонна танков на бешеной скорости: люди выскакивали на проезжую часть, что-то кричали солдатам, грозили кулаками. Один танк специально вильнул вправо, на мужика, – тот еле успел отскочить, иначе – быть ему под гусеницами.

В редакции полно людей. Своих, чужих, авторов. Егора* нет – он в “Белом доме”. Уже ясно – газета не выйдет: в типографии автоматчики. CNN показывает: по Кутузовскому проспекту, по Садовой – везде идут колонны танков. Напротив нас, через площадь, возле “Известий”, – тоже танки (или бронетранспортеры – я в них не разбираюсь). Это части элитной Таманской мотострелковой дивизии. Солдаты говорят, что их подняли по тревоге в 5 утра, сказали: направляют в Москву усмирять студентов, кои отказываются идти служить в армию**.

Вести из “Белого дома”***: Ельцин издал указ, объявляющий ГКЧП антиконституционным изобретением и призывающий ему не подчиняться. Ельцин дозволился в Форос – в резиденцию Горбачева. Ему ответили: Горбачев отдыхает, подой-

* Егор Яковлев – главный редактор “МН”, с 13 сентября 1991 года – председатель Всесоюзной телерадиокомпании.

** В Москву 19 августа были введены: Кантемировская танковая дивизия, Таманская мотострелковая дивизия, Тульская воздушно-десантная дивизия.

*** Здание парламента России.

ти не может. Звонил Янаеву: тот тоже к телефону не подошел: “отдыхает после тяжелой ночи, просил не беспокоить”. У Ельцина отключены все правительственные телефоны. Арестован депутат Уражцев – лидер “Щита”, Тельман Гдлян*, еще кто-то. Уражцева чекисты арестовали прямо на улице возле “Белого дома” и на глазах у обалдевших людей затолкали в машину. Загадка: как случилось, что ГКЧП не арестовал Ельцина? Не сумели? Сомневаюсь. Боятся? Руцкой** появился в “Белом доме” в 9 утра, тут же приказал раздать милиционерам автоматы, взять под охрану Дом российского правительства. Руцкой – летчик, прошел Афганистан, там получил Героя Советского Союза.

14.00. Приехал Главный. Сказал: Ельцин настроен решительно. Положение очень серьезное. Газета? Выходить мы не сможем – будем на ксероксах выпускать листовки. Сказал: каждый из нас должен решить, оставаться в редакции или нет: не исключено, что автоматчики придут и сюда. И вообще... Все поулыбались, но, по-моему, никто не ушел. Впрочем, кое-кого в редакции нет.

16.30. Ну, слава Богу, гекачеписты наконец-то разродились: пришла “тассовка” – независимые демократические газеты закрыты. “МН” в том числе. Правые – “Правда”, “Советская Россия”, “Красная звезда” – будут выходить. Остальным предстоит “перерегистрация” в созданном ГКЧП органе контроля за средствами информации. Ребята из “Коммерсанта” быстро выяснили, что ни им, ни нам регистрации не видать, как своих ушей.

Егору кто-то позвонил по вертушке (не назвал): “Ты меня, сука, душил, теперь слушай радио”... По радио в сотый раз – указы ГКЧП. Егор спокоен: экстрем – его стихия.

...Только что пришли ребята из “Известий” (их, к стыду большинства журналистов, не закрыли): в типографии потасовка. Наборщики отказались набирать газету без заявления Ельцина. Главный редактор “Известий” Ефимов срочно вернулся из отпуска, прибежал в цех, сорвался на крик. Чем все кончится – пока неизвестно. Вставила эту информацию в листовку. Листовка начинается нашими извинениями перед читателями за то,

* Тельман Гдлян – народный депутат СССР, бывший следователь, борец с коррупцией в высших эшелонах власти. Популист.

** Александр Руцкой – вице-президент РСФСР, в недавнем прошлом лидер парламентской фракции “Коммунисты за демократию”.

что они не получают очередной номер, поскольку в стране – переворот.

...Звоню в Центр общественных связей КГБ СССР: надо же выяснить, что они там себе думают? От перестроечной вежливости не осталось и следа: разговаривают нагло, по-хамски. Интервью? Напишите вопросы, опустите в ящик приемной КГБ, мы их рассмотрим. В тоне – ухмылка.

Стало известно: московская ГБ закрыла независимую радиостанцию “Эхо Москвы”, прекращен выход в эфир “Радио России”, на ЦТ возле каждого лифта и каждой студии – чекисты, вокруг здания – танки, журналистов перед входом обыскивают. Ребята из “Вестей”* из окна по веревкам спускают аппаратуру и тем же макаром вылезают сами. Но кто может объяснить мне, почему у нас продолжают работать телефоны, действует междугородняя связь – нам звонят со всей страны, передают информацию? Шерри Джонс** дозвонилась к нам даже из Вашингтона. Правда, не напрямую, через Хельсинки, но дозвонилась! Они там тоже сидят и смотрят CNN и, по – моему, переживают за нас больше, чем мы сами...

19.00. Пришел М.Г. Ему позвонил знакомый из КГБ, сообщил: в Москве будет арестовано 7.000 человек, из них 11 – журналисты “МН”. Мы с Наташкой*** в списке. Это – как орден на грудь! Спасибо, ребята, не забыли наших трудов!

Ночь. Поехала ночевать к приятельнице. Домой мне не добраться – Кутузовский проспект, Минское шоссе – все забито танками и бронетранспортерами. У моих все спокойно.

20 августа. С утра снова пишем листовки. У дверей “МН” выстроилась очередь, как в магазин за дефицитом. Наши курьеры – ребяташки-школьники – не успевают выносить листовки, их рвут из рук. Информации в городе никакой. ЦТ показывает балет “Лебединое озеро”, CNN рядовым советским гражданам недоступно. Листовки расхватывают в минуту, сердятся, что мало, требуют: больше чем по одной в руки не давать! Наши ксероксы уже дымятся. Хотя из фонда Сороса**** привезли еще два. Но теперь кончается бумага.

Позвонили: почти весь личный состав Московского КГБ отправлен на улицы – отслеживать ситуацию, предотвращать

* Информационная программа Российского телевидения.

** Sherry Jones – кинодокументалист, руководитель фирмы “Washington Media Association”.

*** Обозреватель “МН” Наталья Геворкян.

**** Фонд “Советско-американская инициатива”, организатором и сопредседателем которого является американский бизнесмен Сорос.

митинги. Их очень много в толпе возле “Белого дома”, которая собралась защищать российское правительство. Могут быть любые провокации.

У Главного собрались редакторы 11 закрытых газет – будем выпускать общую подпольную газету. Уже договорились с типографией в Таллинне. Факсами отправляем информацию в Париж, Нью-Йорк, Берлин, Рим. Там под шапками “МН” она выходит в “Либерасьон”, в “Нью-Йорк Таймс”, в “Республика”... Но почему работают факсы? Почему аэропорты принимают самолеты из-за рубежа, а вокзалы исправно отправляют поезда во все концы страны и за границу? Почему позволяют нам выпускать листовки, которые наши мальчишки наклеивают даже на танки. (“Танки – лучшее место для рекламы “МН” – редакционный фольклор.) Переворот это или – ?

Ельцин издал указ, согласно которому он объявляется Верховным Главнокомандующим армии. Сам Ельцин долго не соглашался этот указ подписать – боялся, и справедливо, расколоть армию.

15.00. Проехалась по городу. Пробки, но терпимо. Возле Главпочтамта – 2 бронетранспортера, у входа в ЦТ – десантники, по Садовой мимо меня прошлепало 8 танков и 2 БТРа. Больше всего техники на Кутузовском, неподалеку от “Белого дома”.

16.00. Площадь возле “Белого дома” забита людьми. Объявляют в мегафон: “Седьмая цепочка построиться, пятая цепочка – собраться у 8 подъезда...” – готовятся к штурму, которого ждут в ближайший час. Оцепление пытается нас не пустить: “Женщинам сюда нельзя”. Идущий за нами Андрей Макаров*: “Это не женщины, это журналистки”. Обижаться нет времени и сил. Наши листовки здесь разбирают вмиг. Впрочем, не только наши.

21.00. Программа “Время”, сменив танцующих лебедей, объявила о введении комендантского часа в Москве с 22.00. Главный распорядился всем из редакции уходить. Саша Шалганов** с машинистками и выпускающими уехал набирать подпольный выпуск “МН”, который обещали отпечатать в Ленинграде. В “Коммерсанте” верстают общую газету закрытых изданий. Володя Орлов*** сидит в “Белом доме”. Мы – Наташка,

* Андрей Макаров – известный советский адвокат.

** Александр Шалганов – ответственный секретарь “МН” до ноября 1991г. Ныне главный редактор футурологического журнала “Если...”

*** Владимир Орлов – парламентский корреспондент “МН”.

Татьяна*, я и Володя Губарев** – решили оставаться на ночь в газете: надо гнать информацию по факсам и в подпольный номер.

00.30. 21 августа. Связались с “Белым домом”. Вокруг них примерно 40.000 человек. Идет дождь. Людям раздали японские зонтики. Стреляют где-то рядом, понять – холостыми или нет – трудно. Что-то жуткое происходит в тоннеле прямо перед американским посольством: там выстроили баррикады из троллейбусов и пытаются не пропустить танки. Звоню в пресс-службу посольства, отвечают: “Звоните в Госдепартамент, в Вашингтон, мы информации не даем”. Я: “По нашим сведениям, прямо перед вашими окнами гибнут сейчас люди”. Они: “Звоните в Вашингтон”...

1.40. Снова на телефоне “Белый дом”. У них затишье, стрельба прекратилась. Военные говорят, что в подобных операциях есть своя периодичность. Следующей атаки надо ждать в районе 4 утра.

2.10. Татьяна набирает по вертушке Бурбулиса***. Он: “Девочки, звоните во все колокола, сообщайте куда только можно: путчисты пошли внаглую. Вокруг нас танки и БТР. В здании около 200 депутатов, не считая журналистов – журналистов много. Всем раздали автоматы. “Где Ельцин?” – “Ельцин здесь”.

Состояние дикое: это конец. Открываем бутылку коньяка, пьем за все хорошее, что было. В том числе и за “МН”. Дурная мысль: больше всего мне жалко наших редакционных факсов и компьютеров. Ведь придут омоновцы, все разнесут, что не разнесут – унесут. Посылаю факс друзьям в Штаты: “Если что, позаботьтесь о моей девочке”. Факс не проходит. Внутренние факсы по-прежнему работают: каждые 15 минут Игорь Королев**** передает нашу информацию в “Коммерсант”. Один международный факс отключили, но второй функционирует. Абсурд!

2.47. Звоним снова Бурбулису: “Я связался с Язовым и Янаевым. Они ответили, что ни за что не отвечают и вообще Россияне сами во всем виноваты... В эту минуту ко мне в кабинет входит Шеварднадзе...”

* Татьяна Меньшикова – руководитель редакции политической реформы “МН”. Ныне – Директор студии “Политика” 1-го канала телевидения (“Останкино”).

** Владимир Губарев – корреспондент отдела расследований “МН”.

*** Геннадий Бурбулис – в то время Госсекретарь РСФСР, ныне – первый вице-премьер России.

**** Инженер по телекоммуникационным системам “МН”.

Набираю по вертушке приемную Язова.

Я: “У нас есть информация, что маршал подал в отставку”.
Дежурный по приемной, майор (фамилию назвал неразборчиво): “Впервые от вас это слышу”. Я: “Говорят, Язов болен”.
Майор: “Впервые от вас это слышу”.

Днем, когда Наташка позвонила в Министерство обороны, ей ответили: “С такой газетой, как “Московские новости”, говорить не желаем”. В приемной Пуго телефон не ответил. Крючкова решили не набирать. Не то чтобы страшно... Татьяна: “Газета закрыта, комендантский час – мало ли чего придет им в голову...”

3.45. Опять связались с Бурбулисом: “Поступила информация: к Москве движется Витебская воздушно-десантная дивизия КГБ. Я позвонил Крючкову. Он сначала все отрицал, потом ответил: “Я разберусь”.

Где Ельцин? – “Ельцин по-прежнему здесь”.

4.30. По сведениям Бурбулиса, к Москве так движется дивизия КГБ. От “Белого дома” отводятся войска. Бурбулис: “Какая-то техника уходит, на ее место приходит новая”.

5.25. Бурбулис: “Продвижений войск нет. Кажется, произошел перелом. Мы их будем судить”.

Утро. Приехали ребята, которые делали подпольный номер. Мы дописываем листовку: “Хроника кровавой ночи”. В том столкновении возле американского посольства погибло три человека. Саша Махов*, который был там, диктует: “Шли три БТР. Им дорогу перегородила баррикада из 6 троллейбусов и толпа в 2,5 тысячи человек. Люди развернули плакат “Братание”. Два БТР остановились. Один – № 536 – останавливаться не хотел. Его окружила толпа. Тогда БТР стал разгоняться и своей мощью крушить троллейбусы. На него залезает несколько человек. Видим: БТР снова разгоняется, и два человека оказываются под гусеницами. Кровавое месиво. Я стою в метрах десяти. Народ озверел, стал просить у жителей домов пустые бутылки, сливать в них из машин бензин. БТР подожгли. Из него выскочил экипаж и начал стрелять: какому-то парню пулей снесло полчерепа...”

Вечер. Ну вот и все. Путчисты арестованы. Горбачева привезли из Фороса** в Москву. Выглядит он жутко: под глазами – черные круги.

* Александр Махов – обозреватель международного отдела “МН”.

** Днем 21 августа в Крым, в Форос, вылетел специальный самолет. Александр Рудкой с командой из 40 вооруженных подполковников и полковников вывез Президента М.Горбачева и его семью (жену, дочь, зятя, внучек) в Москву.

В редакции все друг друга целуют и поздравляют. Эйфория. Надолго ли?

...Оказывается, утром, когда наша машинистка Аня Орешечкина и техред Наташа Сенина клеили листовки вблизи Лубянки, их арестовала милиция: в 9 часов утра ГКЧП издал свой последний приказ, запрещающий распространение “провокационных листовок”. Наташу и Аню, попросив одну листовку на память, милиция отпустила. Хотя указ предусматривал арест на срок до 30 суток либо штраф 1.000 рублей.

...Днем захала домой на пару часов поспать. Моя трехлетняя Лелька встретила меня словами: “Мама, ты уже победила хунту?” Я чуть не расплакалась: ну что это за страна, где трехлетние дети столь легко вводят в свой лексикон слово “хунта”?

...Владимир Дудник – генерал-майор в запасе, военный консультант комиссии по чрезвычайной ситуации Моссовета, не слишком оптимистичен: “Да, Таманская и Кантемировская дивизии направились в места дислокации. Но утром к Москве подошла воздушно-десантная дивизия из Молдовы под командованием генерал-майора Востротина (известный афганец). Она высадилась позавчера в Кубинке. Генерал-майор Грачев остановил ее на Минском шоссе. Сейчас она сосредоточена в районе Одинцово. И пока остается серьезной угрозой. Это 10 тысяч человек на маневренной современной технике. Большинство старших офицеров имеют за плечами опыт Афганистана, Тбилиси... Достаточно ее одной, чтобы разнести Москву вдребезги”, – утверждает Дудник. Востротин заявил, что будет выполнять приказы своего командования, а не Президента России, которого он главнокомандующим не признает. Дивизия контролируется группой депутатов РСФСР и Моссовета. Правда, когда Дудник попытался вручить командующему головного полка подполковнику Прудченко указ Ельцина, он заявил: “Я не остановлюсь перед тем, чтобы давить и стрелять таких, как вы...”

В распоряжении КГБ, говорит Дудник, по-прежнему несколько десантно-штурмовых бригад плюс спецназ Главного разведывательного управления, численность которого неизвестна. Это люди, – обреченные на верность системе в силу своего служебного положения. Они могут быть задействованы в любой момент.

“Не стоит также забывать, – предупреждает Дудник, – что вокруг Москвы много войск, в том числе специальных. В Голицыно ракетные войска, но у них есть подразделения, которые

способны решать задачи как линейные части. В Одицово и Голицыно – военные училища МВД и КГБ СССР. Все еще не объявила о своей позиции дивизия имени Дзержинского. Пока все они формально не присягнут на верность Президенту России – они представляют опасность. На сегодняшний день приказ командира – это больше чем присяга...” Неужели Дудник в своем пессимизме окажется прав?

22.00. Первая пресс-конференция Горбачева после форосского ареста. Он произносит явно неосторожные слова: “Всей правды я вам все равно никогда не скажу”. И ведь не скажет. Но сейчас мне его жаль. Просто по-бабьи жаль. Такое пережить – врагу не пожелаешь. Хотя весь этот трехдневный кошмар породил он, Горбачев. И три трупа, три погибших мальчика, – на его совести тоже...

Между прочим, сегодня, 21 августа, – 23-я годовщина вторжения советских войск в Прагу. Режим отметил ее в лучших своих традициях – трупами и кровью...

* * *

...Эти строки я пишу уже в конце ноября 1991 года. Горбачев оказался прав: всей правды об августовских событиях мы, кажется, действительно никогда не узнаем. Во всяком случае – в ближайшем обозримом будущем.

Однако информация обладает свойством утекать. Имеющий уши – ее слышит. Имеющий глаза – видит.²

Итак, моя версия подтвердилась. Подтвердилась даже в деталях. Именно Комитет государственной безопасности и его Председатель генерал армии Владимир Крючков были главной движущей силой и главной пружиной (по выражению Горбачева) августовского переворота.³

И все началось, как я и писала в главе “Версия”, в декабре 1990 года.

Конкретно – 9 декабря, за три дня до нашумевшего заявления Председателя КГБ Крючкова по Центральному телевидению.

В тот день Крючков вызвал к себе генерал-майора КГБ Вячеслава Жижина – заместителя начальника Первого Главного Управления (разведка), в прошлом – начальника секретариата Председателя (и, следовательно, особо доверенного человека), и полковника КГБ Алексея Егорова.

Крючков дал задание Жижину и Егорову (со ссылкой, между прочим, на поручение М.С.Горбачева)⁴ подготовить записку

о первоочередных мерах “по стабилизации” обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения.⁵

Такая записка ему была представлена. А вместе с ней – проект указа Президента М.С.Горбачева и постановления Верховного Совета СССР о введении в стране чрезвычайного положения. По словам Егорова, одновременно с этим по поручению Горбачева некими другими товарищами готовились и документы о введении прямого президентского правления в Литве. Напомню, это было в декабре, 12 января в Вильнюсе провели первую “пробу пера”.

В марте, перед началом съезда народных депутатов России, ввели войска в Москву – на улицы города тогда вышло несколько сот тысяч москвичей. Тогда же, в марте, – Центральному аппарату Комитета тайным приказом Крючкова за номером 0036 от 19 марта 1991 года переподчинили Управление КГБ по Москве и Московской области, кое раньше находилось в ведении столичных властей*; а в Управлении по защите советского конституционного строя (идеологическая контрразведка) созданы три специальные оперативные группы, задачи коих коллегам были пока не ясны.⁶

Следующие четыре месяца шла интенсивная обработка Горбачева, для чего, кстати, Крючков использовал и ту декабрьскую записку, подготовленную Егоровым и Жижиным. Обсуждалась она и на заседании Политбюро ЦК КПСС.⁷

Горбачев, как всегда, искал компромиссного для себя решения: с одной стороны, надо было приструнить страну, с другой – сделать это так, чтобы не потерять лицо на Западе, равно как – и обещанные кредиты.

Впрочем, сказанное вовсе не означает, что КГБ выжидал, бездействовал. Ничуть.

В трудное зимне-весеннее время, когда, как мы помним, Президент Горбачев и Премьер-министр Павлов вдруг заговорили языком публичных заявлений Председателя КГБ, чекисты в буквальном смысле слова взяли страну “под колпак”.

Были поставлены на контроль телефоны почти всех членов парламентской оппозиции – Межрегиональной депутатской группы. А это как-никак более 200 человек. Сотни, тысячи телефонных переговоров депутатов всех уровней – от союзного до местного – с той или иной степенью постоянства записывались на медленно движущуюся стальную проволоку (а не на магнитную пленку, как принято думать) по всей стране.

* В Москве у власти были демократы.

Я работаю в 18 (01) группе с 1988 г. 18 группа временно была переведена для работы на 011–012 столы в связи с тем, что предполагалось открывать 4 отделение, и техники проводили монтаж аппаратуры. На 011–012 участках группа работала примерно год. Кроме объектов, установленных по заданию управлений, группа осуществляла контроль разговоров объектов, установленных по устному распоряжению Л.А.Зуйковой. В 1991 г. без заданий контролировали Корягину Т.И., Фейзуллаева, Липицкого В.С, Кузнецова В.А., Айрапетова Э.Е., Пархаева Е.А., ассоциацию Полещука В.А., Кузнецова Б.А.(...)

9 августа 1991г.

Старший оперативный контролер
3 отделения 6 отдела
12 отдела КГБ СССР
прапорщик Ланина Татьяна Алексеевна⁸.

Слушали телефоны в офисах, квартирах, на дачах. Не говоря уже о том, что в КГБ существовала специальная система, реагирующая на определенные слова и автоматический фиксирующая номер абонента, по телефону которого они произносятся. В прежние времена это было, например – “Долой КПСС”, в августовские дни – “переворот”, “танки”, “КГБ”.⁹

За некоторыми наиболее известными политическими деятелями, такими, как Юрий Афанасьев или Галина Старовойтова, кроме постоянного “слухового контроля” время от времени устанавливалось и наружное наблюдение. На комитетском сленге это называется “взять в глубокую разработку”. Причем информационные документы на политических деятелей изготавливались в двух экземплярах – один оставался в оперативных архивах КГБ, другой ложился в специальные фонды секретарей ЦК КПСС, кои нередко выступали в качестве заказчиков такой информации. Эти фонды Секретариата ЦК так и именовались – “Документы КГБ СССР” и были обнаружены в конце августа, когда здание на Старой площади было опечатано новой властью.¹⁰

Однако не только оппоненты интересовали КГБ.

“Слушали” парикмахершу Раисы Максимовны Горбачевой. Слушали тренера по теннису Бориса Николаевича Ельцина. Ельцина вообще обложили со всех сторон: записывались телефонные переговоры его дочерей, “прозрачной” стала сауна, где российский лидер любил париться.

Вот как это делалось.

От заместителя начальника 1 отдела 12 Отдела* КГБ СССР
полковника Веденина М.И.

Объяснительная

В сентябре м—це 1989 г. меня вызвал начальник 12 Отдела т. Калгин Е.И. и сказал, что мне необходимо определить условия внедрения технических средств в помещение сауны спорткомплекса “Дружба”. Объект мне назван не был. В течение сентября—октября я изучал возможности внедрения технических средств в помещения 2-х саун. Ввиду того, что помещения саун располагались в подвальных помещениях, а из-за тяжелых конструкций стен и потолков проводной вариант оборудования выполнить не представлялось возможным, я остановился на радионном варианте. Затем я связался с работниками УКГБ по г. Москве, которые оперативно обслуживали комплекс, и попросил для окончательного варианта организовать заход под видом посещения бани. Нам были куплены билеты, и мы провели техническую разведку. Оба помещения бани были нами оборудованы в 10—20-х числах декабря с установкой двух радиозакладок с управлением. Во время ближайшего времени контроля я увидел на подходе Ельцина Б.Н. со спутниками, далее они зашли в одну из бань. Я начал запись на магнитофон. Контрольный пункт был организован в автомашине и полностью контроль материала не получился из-за конспирации проведения. Далее выяснилось, что объекты посещают только одну из бань, другую мы разоборудовали.

Затем выяснилось, что объекты после игры и бани посещают рабочий кабинет С.А.Мурановой (тренер Ельцина по теннису — Е.А.), после установки отношений с доверенным лицом Марциссовым И.В. (монтер—радиот) из его помещения такой закладкой с управлением был оборудован кабинет Мурановой. Контроль продолжался в течение января, февраля, марта, апреля 1990, в апреле объекты были разоборудованы.

Всего ориентировочно было 16—18 сеансов контроля. Записанные кассеты передавались лично Е.И.Калгину. Впоследствии кассеты возвращались размагниченные. Как использовалась информация — я не знаю. Я был предупрежден т. Калгиным о конспирации проводимого мероприятия и о не посвящении других сотрудников подразделения.

11.09.91

М.Веденин”.

Есть в этом документе и весьма интересная — во всяком случае для моих коллег — приписка:

* Отдел прослушивания телефонов КГБ СССР.

“В дополнение: для зашифровки сути мероприятия имелось задание на Итальянского корреспондента Бананни, который был знаком с Мурановой.

11.09.91

М.Веденин.

Задание № 140620 ВГУ* КГБ СССР, задание подписал Нач. ВГУ Грушко В.Ф. 26 октября 1989г. Шифр (1 отдел 12 Отдела) 45-12095-89
635

В отношении итальянского корреспондента Бананни Андреа, 1952 г.р., прож. Кутузовский пр., д. 13, кв. 68, отдел оперразборки 24507. 7 Отдел ВГУ. В СССР с 1988 г., характеризуется как циничный западный корреспондент. Владеет итальянским, французским, английским языками, русским очень слабо. Играет в теннис в спорткомплексе “Дружба” в “Лужниках”. Оперативно обслуживается службой “З” УКГБ по г. Москве и М.О.

Переписано с задания.

М.Веденин

12.9.91 г.¹¹.

Любопытно, что имелось в виду под цинизмом итальянского корреспондента? То, что он играл в теннис в том же спорткомплексе, что и Ельцин? Любопытно и то, что нелояльности властям (видимо, так можно перевести сие определение) вполне было достаточно, чтобы взять западного журналиста в оперативное обслуживание. Но это так, к слову.

Слушали, понятное дело, и других верховных лиц государства. Для этого в Управлении правительственной связи существовала (существует и сейчас?) специальная комната, которая позволяет операторам все того же 12 отдела (отдел прослушивания) подключаться к абонентам правительственной связи. Причем никаких письменных распоряжений на то не требовалось – достаточно было устного распоряжения Крючкова, о чем операторы 12 отдела и поведали Госкомиссии по расследованию деятельности КГБ.

Так кого же еще слушали?

Вице-президента России Александра Руцкого. Премьер-министра России Ивана Силаева. Председателя Верховного Совета России Руслана Хасбулатова. Госсекретаря России Геннадия Бурбулиса. Председателя правительства Москвы Юрия Лужкова. Мэра Москвы Гавриила Попова. Министра печати

* Второе Главное управление (контрразведка).

России Михаила Полторанина. Бывшего министра внутренних дел, члена Президентского совета Вадима Бакатина. Председателя одной из палат Верховного Совета СССР Ивана Лаптева. Министра иностранных дел (до декабря 1991 года) Эдуарда Шеварднадзе. “Отца перестройки” Александра Яковлева... Яковлева взяли к тому же и “в глубокую разработку”. Когда 8 августа 1991 года Александру Николаевичу потребовалось переговорить с Олегом Калугиным и для этой цели они выбрали одну из шумных московских улиц в районе Миусской площади Москвы, их разговор записывали – и записали – 72 сотрудника 7 Управления КГБ (наружное наблюдение – “топтуны”), с невидимыми микрофонами прогуливавшиеся рядом.

Список этот, конечно, весьма неполон: я ограничиваюсь лишь теми фамилиями, работа с которыми источника “Сергея” – так на комитетском сленге называется слуховой контроль телефонов, или источника “Татьяны” – прослушивание квартиры, слежка – подтверждена документами.

Понятно, что особенно внимательно прослушивали телефоны в период до и во время путча.

“ В Комитет государственной безопасности СССР от начальника 6 отдела 12 Отдела КГБ СССР полковника Зуйковой Л.А.

По контролю объектов на 01 участке в период с 15 по 22 августа могу сообщить следующее:

15–16 августа сотрудники 01 участка работали в обычном режиме.

С 17 по 21 августа по распоряжению т. Калгина на контроль подавались:

Два номера 224. Один почти сразу был снят. На втором номере предположительно должен был быть Дзасохов (секретарь ЦК КПСС – Е.А.), но он не проявлялся.

Коржаков А.В. – домашний телефон

Иванов Н.В. – домашний телефон

Полторанин М.Н. – домашний и служебный телефоны

Силаев И.С. – домашний телефон

Лужков Ю.М. – приемная и домашний телефон

Янаев Г.И. – домашний телефон

Шеварднадзе Э.А. – домашний и служебный телефоны

Яковлев А.Н. – служебный номер, другой служебный номер и домашний телефон были на контроле с 9 августа

Афанасьев Ю.Н. – домашний телефон

“Петров” – домашний телефон

Информация в основном докладывалась устно. Лишь незначительная часть ее оформлялась сводками, которые впоследствии были уничтожены путем сожжения.

10.09.91

Зуйкова¹².

Не гнушались ничем. Один из моих весьма компетентных информаторов поведал мне – не без гримасы отвращения, что в сейфе начальника аппарата Президента СССР – ныне всем известного Валерия Болдина – была обнаружена пленка (сейчас она находится в Прокуратуре России), на которой оказались записаны разговоры, которые подслушиваемые вели в самые пикантные, интимные моменты своей жизни.

Забавно, что Крючков не доверял никому, в том числе и своим единомышленникам. А потому – во всяком случае в дни переворота – КГБ прослушивал телефоны, как вы могли убедиться из вышеприведенной докладной, и вице-президента СССР Геннадия Янаева. И Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова. И секретаря ЦК КПСС Дзасохова... Это, к слову, еще одно опровержение тех баек, будто чекисты не имели права собирать материал на партийную номенклатуру, о чем я писала в главе “Олигархия”. Имели право, еще как имели!

Есть в этой истории со слезкой один не очень ясный – назовем это так – момент. Я имею в виду взаимоотношения Председателя КГБ СССР и Президента страны.

В материалах расследования имеется документ, в котором генерал Крючков пишет: “В связи с продолжающейся враждебной деятельностью бывшего генерала КГБ Олега Калугина, наносящей ущерб государственной безопасности, а также наносящей ущерб отношениям СССР с другими странами”, необходимо взять вышепоименованного опального генерала, которого, как я уже писала, его бывшие коллеги, не слишком обременяя свою фантазию, наградили псевдонимом “Петров”, под самое пристальное наблюдение КГБ. И далее самое интересное в рапорте начальника 12 отдела Второго Главного Управления КГБ СССР полковника В.В.Нечаева: “В апреле 1991 года по указанию В.А.Крюčkова на имя Президента СССР подготовлено и направлено письмо с просьбой санкционировать глубокую раз-

работку “Петрова”. В июне с.г. санкция Президента была получена”.¹³ Мне любопытно: когда устанавливали контроль за Александром Яковлевым или Эдуардом Шеварднадзе, тоже спрашивали разрешения Горбачева или действовали по собственному усмотрению?

В конце ноября 1991 года журналист Юрий Щекочихин брал интервью у Михаила Горбачева. Разговор шел и о событиях, предшествовавших перевороту. Щекочихин назвал Президенту некоторые фамилии тех, чьи телефоны были под контролем КГБ – Яковлева, Шеварднадзе, Лукьянова. Горбачев был, казалось, несказанно поражен: “И его подслушивали?” Между тем за две недели до этого интервью Президенту был представлен полный, еще не купированный отчет Государственной комиссии по расследованию деятельности КГБ во время путча. Все эти фамилии в отчете указаны. Не успел прочитать? Успел. Более того: попросил фамилии из отчета Госкомиссии убрать...

Прослушивал ли КГБ телефоны Горбачева? Убедена – прослушивал, хотя мои собеседники предпочитают его фамилию не упоминать.

Впрочем, и без всяких телефонных записей Крючков, конечно же, знал все, что ему необходимо было знать о Президенте СССР, равно как располагал немалыми возможностями по части давления и влияния на Горбачева. Но сейчас я хочу сказать о другом – о физическом наблюдении за Президентом.

На то у КГБ прежде всего существует Служба охраны, которая поставляла немало информации о жизни Горбачева.

По словам моих информированных источников, только в одном 1 отделе Службы охраны (бывшее 9 Управление КГБ СССР) трудятся 1,5 тысячи человек, которые осуществляют агентурное наблюдение как за семьей Президента и других верховных лиц страны, так и за их окружением, людьми, которые оказывались в поле притяжения Горбачева. В штате 1 отдела и уборщицы, и горничные, и повара, и шоферы, и садовники и т.д. и т.п.

Понятно, что уборщица вряд ли способна серьезно повлиять на взгляды Президента страны. На то имелись люди из рабочего окружения Горбачева. Например, начальник аппарата Президента СССР Валерий Болдин, без которого на стол Президента не ложилась ни одна бумага. Или, скажем, сотрудник того же аппарата Юрий Кобяков, в прошлом – начальник 2 отдела (межнациональные отношения) V управления (идеологическая контрразведка) КГБ. Или – уже упоминавшиеся мною агенты Первого Главного Управления, оказавшиеся волею карьерного

успеха вблизи Президента. Вероятно, именно эти факты, ставшие известными, не сомневаюсь, Горбачеву, и были истинной причиной отставки начальника Первого Главка Леонида Шенбаршина. Наверное, здесь нелишне сказать, что подобная информация, равно как имена некоторых людей, после августовских событий выпавших из ближайшего окружения Президента, но занявших видные служебные кресла (дабы держать их “на крючке”?), мне стали доступны из источников более чем компетентных. Возможно, эти имена назовет следствие и суд? Впрочем, у меня на это надежд мало. Именно: “Всей правды я никогда не скажу”, – предупреждал, как вы помните, Горбачев.

Ну и, наконец, август. Горбачев отбыл, как пишут в официальных сообщениях, на отдых в Крым, в Форос. 5 августа состоялось первая встреча Крючкова с будущими членами Государственного комитета по чрезвычайному положению в гостиничном доме КГБ СССР, обычно использовавшимся для встреч с руководителями госбезопасностей “друзей”. Дом этот находится на территории разведки и именуется “объектом А, Б, Ц”.¹⁴

В тот же день, 5 августа, Крючков снова позвал к себе своего зама Грушко и уже знакомых нам Егорова и Жижина. Там же, в кабинете Крючкова, неожиданно-негаданно оказался и посланец министра обороны СССР Дмитрия Язова – гвардии генерал-майор, командующий воздушно-десантными войсками, герой Афганистана Павел Грачев. Да, да: тот самый Грачев, который потом вдруг станет чуть ли не героем трех августовских дней... Генерал, как утверждают, отвечал за разработку всей военной стратегии путча.

Так вот, на том совещании Крючков поручил подготовить еще одну, но уже более подробную аналитическую записку на предмет введения в стране чрезвычайного положения. Работу, – объяснил Председатель КГБ, – следует вести конспиративно. А посему Грачев, Егоров и Жижин отправились писать документ на оперативную дачу Второго Главного Управления (контрразведка), расположенную неподалеку от деревни Машкино, по дороге на Ленинград.

Написали. И предупредили Крючкова, как говорил в ходе слепопутчевого расследования полковник Егоров, что введение чрезвычайного положения может вызвать негативную реакцию среди некоторой части населения, поскольку – процитирую один из аргументов – “значительная часть советских людей еще не испытала на себе трудности в снабжении продуктами и товарами первой необходимости в такой степени, чтобы поддержать

жесткие меры рационарирования и принудительного восстановления хозяйственных связей".¹⁵

Судя по последующим событиям, Крючкова и его коллег подобное резюме ничуть не беспокоило.

15 августа начальник 12 отдела КГБ СССР Е.И.Калгин и начальник Управления правительственной связи А.Г.Беда получили устное указание Крючкова постоянно контролировать все переговоры абонентов правительственной связи. Первый заместитель Крючкова генерал Г.Е.Агеев провел специальный инструктаж по организации "слухового контроля". А совершенно уже измученные писаниной Егоров и Жижин, получив соответствующую надиктовку от Председателя КГБ, сели составлять "развернутую программу наиболее насущных мер чрезвычайного характера".¹⁶ Эта программа потом и легла в основу Постановления № 1 ГКЧП СССР, обнародованного по всем радиостанциям Советского Союза в 6 часов утра 19 августа. Но не будем торопить события.

В субботу, 17 августа, Председатель КГБ СССР собрал своих заместителей и начальников управлений: рассказал о готовящемся введении чрезвычайного положения в стране.¹⁷ Возражений не услышал. Коллеги оправдали его ожидания – поддержали.

17 августа в состоянии повышенной боевой готовности были приведены спецназ 7 управления КГБ – "А-7" и спецназы ПГУ – группа "Каскад" и отдельный учебный полк (иногда его называют "группа Б"), находящийся в ведении управления "С" (нелегаль) разведки: с подмосковных баз их перебросили в Москву и поселили в клубе имени Дзержинского. Группа "А-7" должна была арестовать Ельцина.

Вечером, на объекте "А, Б, Ц", в беседе, отослав охрану и официантов, собрались заговорщики: Премьер-министр Валентин Павлов, заместитель Председателя Совета обороны Олег Бакланов, член Политбюро ЦК КПСС Олег Шенин, руководитель аппарата Президента СССР, один из самых влиятельных людей в окружении Горбачева (десять лет его помощник!), Валерий Болдин, министр обороны СССР Дмитрий Язов, его заместители – Варенников и Ачалов, ну и, естественно, Крючков со свитой – Грушко и Егоровым.¹⁸

Поговорили. Павлов рассказал, что с уборкой урожая плохо, что реально нависла угроза зимнего голода, что, если 20 августа подпишут Союзный договор, наступит полный обвал, республики разбегутся... Короче, объявлять "чрезвычайку" надо немедленно. Язов его поддержал: пора наводить порядок и дисципли-

ну. Крючков предложил: следует ехать в Крым, к Горбачеву, и попытаться посоветовать ему передать на 1 месяц власть в стране Комитету по чрезвычайному положению, а затем сказал, что когда положение стабилизируется, Горбачев мог бы свои президентские занятия и продолжить.¹⁹ Под контролем ГКЧП или нет – этого Крючков не конкретизировал. Собравшиеся товарищи Председателя КГБ не поддержали, решили прежде отправить посланцев в Крым: уговорить Горбачева либо подписать указ о введении чрезвычайного положения, либо передать свои полномочия вице-президенту Янаеву.

18 августа в Форос, на дачу к Горбачеву, вылетела делегация от ГКЧП. В группу, еще там, в беседе, выбрали Бакланова, главнокомандующего сухопутными войсками генерала армии Валентина Варенникова, начальника Службы охраны КГБ СССР генерал-лейтенанта Юрия Плеханова (кроме самого Горбачева только Плеханов мог дать разрешение пропустить на территорию дачи посторонних), Шенина и Болдина.* Кстати, кандидатуру Болдина предложил Язов, объяснив соратникам, что появление Болдина произведет на Горбачева сильное воздействие. Знаток человеческих душ и литературы, Язов в качестве аргумента продекламировал слова Юлия Цезаря – “...И ты, дитя Брут, с ними”...²⁰

В 17 часов 50 минут 18 августа начальник Управления правительственной связи генерал-лейтенант Александр Беда дал указание отключить все телефоны Горбачева, в том числе стратегическую и космическую связь. Конкретно приказ звучал так: “Каналы связи Москвы, Киева, Севастополя, Симферополя на Ялту и Форос перевести на ручное обслуживание”. “Ручное” – это значит только через телефонисток.²¹ Потом, уже 19 августа, другим приказом будет отключена вся спецсвязь у Ельцина и премьера России Ивана Силаева. Полк Севастопольского управления КГБ блокировал дачу Горбачева с суши, группа пограничных сторожевых кораблей, переданных в прямое подчинение Плеханова и его заместителя Генералова**, – блокировала с моря...²² Впрочем, Президент был и под пристальным вниманием своей охраны, которая то ли защищала его (от кого?), то ли держала под домашним арестом. Личный охранник Горбачева генерал Владимир Медведев – “дядя Володя” – как ласково называли его коллеги – своего Президента оставил: улетел в Москву...

* Все арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

** Арестован и привлечен к уголовной ответственности.

В этот же день 15 управление КГБ (“бункерное”) было приведено в состояние повышенной боевой готовности: его подземные офисы, спальные комнаты, филиалы ТАСС и т.д. обеспечены автономным водоснабжением, питанием, воздухом.²³

В Управлении по защите советского конституционного строя были созданы оперативные группы, в обязанности коих вменены были аресты и интернирование тех, кто, как написано было в шифровке, “способны поднять людей”.²⁴ Эта же задача была поставлена и перед Московским управлением КГБ: ордера на арест, в которые оставалось лишь вписать фамилию, были отпечатаны заранее в количестве 300.000 экземпляров.²⁵ Их подписал командующий Московским военным округом после введения чрезвычайного положения – комендант Москвы генерал-полковник Николай Калинин.²⁶ Кроме того, столичные чекисты должны были взять под охрану вместе с армией важнейшие объекты – Госбанк, Гознак, Гохран, телевидение, объекты телефонной и телеграфной связи.²⁷

В телеграмме за № 14555 начальник Московского КГБ генерал Прилуков распорядился создать оперативный штаб, “усилить работу по противодействию диверсионно-подрывной деятельности противника в отношении объектов промышленности, транспорта и связи, предприятий жизнеобеспечения населения, предупреждению чрезвычайных происшествий, саботажа, вредительства, антиобщественных проявлений”. Его же приказом нештатные оперативно-следственные группы повышенной боевой готовности “Волна” были переведены на усиленный вариант работы “до особого распоряжения центра”. Тысячи чекистов сидели по домам, ежеминутно ожидая по телефону сигнала экстренного сбора “Пламя”.²⁸

Столичные комитетчики потом будут трудиться на улицах, площадях, среди защитников “Белого дома”. Впрочем, существенную помощь в том окажут и офицеры Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР, и сотрудники Дипломатической академии Генерального штаба: 19 августа они получают команду – переодевшись в гражданскую одежду, собирать информацию о “бунтарях” и “зачинщиках” на митингах и баррикадах.²⁹ ГРУ к тому же будет отдан приказ пресечь работу независимых радиостанций.

Спецгруппы были организованы и в Третьем главном управлении – (военная контрразведка). Им выдали оружие и командировочные удостоверения без указания места командировки – часть из них потом “оказалась” в Вильнюсе и Риге.³⁰

В ночь с 18 на 19 августа члены ГКЧП подписали известный документ о внезапной болезни Горбачева и введении чрезвычайного положения. По сему поводу крепко выпили – то есть очень крепко. Только Крючков был трезв.

Дальнейшее известно*.

Группа “А-7” должна была арестовать Ельцина. Не арестовала. Должна была взять штурмом “Белый дом”. Не взяла. Их коллеги должны были выдворить из Москвы в места весьма отдаленные 7 тысяч человек. Не выдворили...

Мир рукоплескал победе демократии. Страна, пережив недолгую эйфорию, вновь впадала в депрессию. И, кажется, теперь уже только журналистов волнует вопрос: кто был режиссером того августовского спектакля, искренними участниками которого все мы, не ведая того, стали? Или то была еще не сама премьера, а лишь генеральная репетиция ее?

* * *

Так что же все-таки произошло? Почему переворот, столь солидно готовившийся КГБ на протяжении всего девяносто первого года, стремительно – в течение одних суток (20-го путчисты уже проиграли!) – выдохся, усох, сжался в жалкий бессильный комочек сломленных и напуганных – еще вчера таких властных – людей?

Ведь прослушивали полстраны. Держали под контролем всех верховных лиц государства. Отслеживали каждый шаг демократов. Имели в числе своих открытых сторонников Военно-промышленный комплекс, армию, наконец, – тысячи собственников, чекистских, “штыков”, обреченных, как справедливо говорил генерал Дудник, на верность системе уже в силу своего служебного положения. Почему же тогда переворот провалился? Понять это необходимо именно сейчас, до того, как случится переворот следующий.

Недоучли популярности Ельцина? Возможно. Хотя последние два-три года он упорно в том их убеждал.

Забыли, что страна августа 1991 года – это уже другая страна, не та, что была в восемьдесят пятом? Тоже похоже на правду. Хотя социологические опросы, проведенные в первой половине 20 августа, показали: 52 процента населения России под-

* Я сознательно здесь ограничиваю свой рассказ деятельностью только КГБ. Хотя, конечно, 18, 19 и 20 августа действия КГБ и армии координировались. Например, 19 августа состоялось совещание у Председателя КГБ, в котором принял участие заместитель министра обороны СССР генерал-полковник В.Ачалов.

держали Ельцина, причем подавляющее большинство – именно российского лидера, а не некую абстрактную идею свободы, как это было в более развитых странах Восточной Европы. 28 процентов – выступили на стороне ГКЧП. 20 процентов – отнеслись к событиям вполне равнодушно. В большинстве маленьких городков и в сельских поселках России, занятых поисками соли и спичек, переворот просто не заметили: “что–то там происходит в Москве, нас это не касается”³¹. Не касается! Уже одного этого было достаточно, чтобы установить в государстве любую власть.

Ведь гекачеписты, при всей невысокой оценке их интеллектуальных способностей, все рассчитали – то правильно.

Рейтинг Горбачева давно уже колебался где–то у нулевой отметки. Страна, объевшаяся его бесконечными компромиссами и маневрами (интеллигенция) и тотально за годы перестройки обнищавшая (все слои населения), защищать Горбачева не пошла бы. Плюс к тому ГКЧП сразу же, в первом своем постановлении, пообещал начать борьбу “с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра”, заморозить цены, повысить зарплату, выдать всем желающим горожанам по 15 соток земли под огороды. Мало ли – для обывателя? Эти 15 соток запомнили. Вспоминают и сейчас.

Еще один аргумент – мужество москвичей. И – как следствие – неспособность чекистов действовать в ситуациях сопротивления им. Аргумент? Отчасти.

В ту самую страшную ночь с 20 на 21 августа 9–миллионная Москва спала. “Белый дом” собирались защищать сорок – по некоторым оценкам – семьдесят тысяч в основном молодых людей, смести которых с площади группе “Альфа” труда не составляло. “Наши агенты постоянно находились среди оборонявшихся и внутри (! – Е.А.) Российского парламента. Ночью мы объехали все баррикады... Они были “игрушечные”, взять их можно было малыми силами... Мои ребята практически неуязвимы. Все это длилось бы минут пятнадцать”, – откровенничал потом начальник “А–7” генерал–майор Виктор Карпухин.³² Была бы кровь, много трупов? В Вильнюсе, когда брали здание телецентра и телебашню, “Альфа” прошла через пяти–тысячную толпу, не сделав ни одного выстрела. И именно она выполнила приказ. Те, кто погиб в Литве, погибли от неумелых и бессмысленных действий солдат, как это было и в Москве. Хотя та литовская кровь и на совести “Альфы”, конечно. Но более того: брать штурмом здание Российского парламента не надо было вовсе. Чтобы убить Ельцина и его команду, хватило

бы уже тех спецназовцев, которые сидели в самом “Белом доме”, – и тех чекистов, кто был в его охране.

Наконец, среди причин, объясняющих провал путча, называлась и такая глобальная, как общее разложение системы, и разложение КГБ в частности. И снова скажу: это лишь часть правды. Часть, но не вся.

Конечно, КГБ неизлечимо болен, как болен весь организм тоталитарного режима. Тому примеров немало. Вот лишь короткие выдержки из материалов спецпроверки и писем сотрудников Ростовского областного управления КГБ вышестоящему начальству в Москве. “Из кабинета следотдела (следственного отдела – Е.А.) УКГБ иностранец похитил секретные документы, в том числе шифротелеграммы... В здание УКГБ проник посторонний и, вскрыв сейфы, получил доступ к сводным документам УКГБ. “Установлен” какой-то пьяница... Спецгруппой МВД СССР задержан начальник Азовского ГО (горотдела – Е.А.) УКГБ, отдыхавший на юге с особо опасным преступником–убийцей... Сотрудник отдела Мошкаренко имел несанкционированный контакт с иностранцем, получал и реализовывал по спекулятивным ценам импортную радиоаппаратуру, расшифровывал а/м (агентурные материалы – Е.А.) и свою принадлежность к КГБ... Сотрудник отдела Васильцов выдал объекту оперразработки (мафиози – Е.А.), что тот изучается органами КГБ... Начальник отдела правительственной связи УКГБ Кравченко продал по спекулятивным ценам более тонны бензина и других горючесмазочных материалов. Деньги, как пояснил, требовались для встреч комиссий из центрального аппарата КГБ...”³³ Ну и так далее и тому подобное. О том, что доносительство давно стало нормальной формой взаимоотношений между сотрудниками КГБ, что там, так же как и в миру, подношения начальству было обычным делом (кстати, Крючков, по слухам, подобных подарков не брал и систему подношений пытался подавить), – об этом и говорить не приходится. Слава Богу, не в замкнутом мире жили и живут. Так что КГБ болен – тут нет вопроса. Кроме одного: известно, что раковые больные могут жить годами, если сердце качает кровь. А Комитет – это сердце системы, и, разнося токсины, истерически хватаясь за жизнь, – не убьет ли он всех нас?..

Но не следует забывать и другого. То, что “нежные” и “бархатные революции” в Восточной Европе безумно напугали чекистов. Взятие толпой здания штази в ГДР, разгон службы безопасности – STB – в Чехословакии, массовые увольнения в Венгрии – о, это действовало на психику...

Кстати, о бывших соцстранах. Не новость, что тайные полиции государств Восточного блока – суть были подразделения КГБ СССР, управляемые его 11 отделом*. Известно, что все начальники управлений этих “подразделений” обязаны были пройти стажировку в Высшей школе КГБ. Немало оперсотрудников вышли из тех же стен, закончив обычные пяти- или трехлетние курсы.³⁵

Не открою Америки, если скажу, что “перестройки” и там не обошлись без Комитета.

“Москва еще в 1988 году наметила проект замены коммунистами-реформаторами тогдашних руководящих групп в Чехословакии, Болгарии и Румынии”, – свидетельствует нынешний заместитель министра внутренних дел, бывший член движения “Хартия-77”, известный чешский диссидент Ян Румл.³⁶

Есть свидетельства, что не обошлось без КГБ и в Румынии, когда свергали режим Чаушеску.³⁷ Убеждена, что и низложение Хонеккера в ГДР, который, как известно, был в активной оппозиции к советской перестройке, тоже произошло не без участия Комитета**. Ибо понятно, что устойчивость военно-экономического Варшавского блока требовала более или менее ровной политической ситуации во всех соцстранах. Именно в Берлине, в районе Карлсхорст располагался европейский центр КГБ, откуда, согласно годовому отчету ведомства по охране конституции ФРГ, 350 офицеров и многочисленный вспомогательный персонал руководили советской разведывательной сетью в Западной Европе.³⁸

Электронные архивы госбезопасности ГДР за два дня до штурма здания штази разгоряченной толпой были удачно переправлены в Союз. Сотрудники берлинского центра вместе со специально прибывшими из Москвы специалистами из Оперативно-технического управления КГБ СССР могут отнести эту удачную операцию на свой счет.³⁹ Не хочу более останавли-

* 11 отдел славно трудится и сейчас, координируя деятельность служб безопасности Китая, Северной Кореи, Вьетнама. Что касается бывших соцстран... В декабре 1990 года чехословацкие газеты обнародовали сенсационный документ – текст секретного договора между КГБ СССР и министерством внутренних дел ЧСФР (в него входит управление безопасности), заключенный сроком на 5 лет. Документ был подписан Председателем КГБ В.Крючковым и министром МВД ЧСФР Р.Сахером... 26 февраля 1990 года. В марте 1991 года появилось сообщение, что этот договор в одностороннем порядке был расторгнут чехословацкой стороной.³⁴

** Кстати, именно Хонеккер запретил распространять в ГДР газету “Московские новости” и дайджест АПН “Спутник”.

ваться на этой теме, поскольку сознательно ограничила себя в этой книге рассказом о деятельности КГБ лишь в Советском Союзе.

Важно: развитие событий в Восточной Европе убедило чекистов, что они неспособны контролировать лавину, именуемую тягой народа к нормальной жизни и хотя бы минимальной личной свободе. Но самое главное: на примере Чехословакии и ГДР они поняли, что при смене режима (а не косметическом ремонте его, как мечталось интеллектуалам от КГБ) им места нет. Новой, действительно демократической власти они могут оказаться не нужны вовсе. Таким образом, КГБ терял не только свою власть – обыкновенные, рядовые чекисты теряли личный, персональный кусок хлеба с маслом. И именно это превращало их борьбу с демократами в борьбу за выживание. Потому переворот, возвращение страны в тоталитарное русло, им был необходим. И не поддерживать его они не могли.

Вот почему во все разговоры о том, что комитетчики, равно как армейская верхушка и ВПК, вдруг все, скопом, стали демократами, антикоммунистами и именно поэтому переворот провалился (подобными “откровениями” были заполнены советские и западные газеты всю осень 1991 года), с самого начала верилось с трудом*. Материалы Государственной комиссии по расследованию деятельности КГБ во время путча этот мой скептицизм подтвердили.

Расследование показало: 19 августа, в первый день переворота лишь единицы среди чекистов выступили против ГКЧП, абсолютное большинство – либо участвовало в перевороте, либо выжидало.

Что касается спецназа “А-7”, то приказа взять штурмом здание российского правительства боевики просто-напросто не получали. Не было такого приказа.

Случилось другое.

В переворот не вступил второй эшелон власти – теневые кабинеты КГБ, ВПК, армии, партийная и советская номенклатура на местах. Другими словами – переворот не поддержал тот важнейший передаточный механизм, та, образно говоря, “шестеренка”, которая в тоталитарном государстве соединяет верхушку с ее “руками” и “ногами” – силовыми структурами. Без этой “шестеренки” приказы перестают быть приказами, их просто саботируют. 19 августа второй эшелон власти выжидал.

* См. Евгения Альбац, Наталия Геворкян, “КГБ СССР: что будет с ним завтра?” “Московские новости”, 25 августа 1991 г.

Но уже к исходу дня понял: у “восьмерки” ничего не получится. А поняв это – он начал свою игру, в которой члены ГКЧП были не только не нужны – мешали.

Повторю: в принципе гекачеписты все рассчитали правильно.

Не додумались они до другого – самолобие не позволило: в ГКЧП вошли люди, во-первых, из прежней властной когорты – уже по одному этому им не поверили. Во-вторых – до крайности лично непопулярные в стране. В третьих (что, может быть, самое главное) – непопулярные в своих собственных ведомствах.

Премьер Павлов скомпрометировал себя в глазах населения тем, что поднял цены на товары первой необходимости и провел бессмысленную кампанию по обмену 50-рублевых денежных билетов. При этом пострадали прежде всего неимущие. В возглавляемом им Совете Министров над Премьером почти открыто смеялись.

Вице-президент Янаев давно имел репутацию клоуна, пристяжного при Горбачеве. Трясущиеся с похмелья руки вице-президента на пресс-конференции 19 августа стали анекдотом года.

Главный колхозник страны Стародубцев потерял вес среди активного крестьянства благодаря своей борьбе с новыми фермерами и выступлениями против передачи земли в частную собственность.

Маршала Язова тысячи российских матерей обвиняли в том, что он посылает на смерть их детей в Закавказье. Не говоря уже о том, что “старик” безумно раздражал и мешал молодой поросли генералов. “Отношение к нему в армии было скорее отрицательным”, – говорил мне офицер Главного разведывательного управления Министерства обороны.

Тизяков и Бакланов для рядовых сограждан были “темными лошадками”. Но важнее, что против Тизякова выступал Научно-промышленный союз Аркадия Вольского, а против Бакланова – целый ряд влиятельных людей из ВПК, которые “объелись бессмысленными указаниями Бакланова еще в то время, когда тот был председателем военно-промышленной комиссии Совета Министров, а потом секретарем ЦК КПСС, ведавшим вопросами обороны.⁴⁰

Пуго сменил на посту министра внутренних дел пользовавшегося известностью Вадима Бакатина. Коррупционность милиции была притчей во языцех повсеместно в стране. Не лю-

били Пуго и в самом Центральном аппарате МВД. Не говоря уже о том, что Пуго был латыш, в ментальности обывателя – инородец, чужак.

Наконец, Крючков как выходец из партаппарата имел сильную клановую оппозицию профессионалов в КГБ. Хотя его уму, собранности, умению организовать работу многие отдавали должное. Однако смещения Крючкова с поста Председателя КГБ его же коллеги добивались давно и лишь поддержка (или – зависимость?) Горбачева позволила Крючкову сохранить кресло летом 1991 года.

Короче, окажись, не дай, конечно, Бог, во главе путчистов фигура (фигуры) менее известная и, уж во всяком случае, не так скомпрометированная, августовские события могли повернуться совсем по-другому. И совсем по-другому – не сомневаясь – повел бы себя и второй эшелон власти.

Но произошло то, что произошло.

А теперь факты.

В первый день путча начальник Первого Главного Управления Леонид Шебаршин отправил в 130 резидентур шифровку, приказывающую распространять документы ГКЧП.⁴¹ Еще раньше подчиненный ПГУ особый учебный центр был приведен в боевую готовность и передислоцирован в Москву. Во второй половине 20 августа Шебаршин отдал приказ, запрещающий спецназу вступать в какие-либо мероприятия ГКЧП без его личного на то указания.⁴²

Указания не было.

19 августа оперативная группа Управления “Z” (идеологическая контрразведка) сидела с оружием наготове. Другая группа, которую возглавил заместитель начальника управления Геннадий Добровольский, печатывала типографии и радиостанции⁴³. К исходу 20 августа оружие было отправлено обратно в сейфы, сотрудникам приказали ждать дальнейших указаний.

Не дождались.

“На первом этапе путча генерал Грачев (тот самый Грачев, который разрабатывал военную стратегию переворота и по приказу которого в Москву вошли дивизии воздушно-десантных войск – Е.А.) действовал в соответствии с указаниями Язова. Но не терял и контакта с российским руководством: со второй половины 20 августа, вместе с нынешним министром обороны Е.Шапошниковым, стремился предотвратить штурм “Белого дома” и трагическое развитие событий в Москве”, – свидетельствуют эксперты Российской гуманитарной ассоци-

Вечером 21 августа генерал-майор КГБ Александр Стерлигов* вместе с сотрудниками Прокуратуры России арестовал генерала армии Владимира Крючкова... На одном из первых допросов Крючков потом скажет: "Я не жалею ни о чем содеянном. И если бы я мог начать сначала, то сделал бы это энергичнее, чтобы быстрее обезглавить руководство России".⁴⁷

В тот же день были арестованы и другие заговорщики. Бориса Пуго нашли мертвым дома. По официальной версии, он застрелился. Застрелилась и его жена.

Генерал-майор Александр Стерлигов тут же стал начальником аппарата Вице-президента Руцкого.

Так второй эшелон власти, не вступив в переворот, сумел убрать с политической сцены страны тех, кто играл в ней роль первых скрипок. Боюсь, что именно сейчас, в обстановке хаоса и полного безвластия, именно этот второй эшелон власти, оказавшийся не замазанным в путче, будет приходиться к рычагам управления страной.

Если – уже не пришел.

...А тогда, вечером 21 августа, все мы праздновали победу. В полночь с Лубянской площади многотонный грузовик, провожаемый ликующей толпой и невидимыми глазами тех, кто стоял за темными, ошарашенными окнами зданий КГБ, вывез поверженную, лежащую лицом вниз статую основателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Феликса Дзержинского. Железного Феликса.

Видит Бог, в этот день с Лубянки вывезли не самого худшего чекиста.

* См. о Стерлигове в гл. "Олигархия".

КГБ В ГОСУДАРСТВЕ, КОТОРОГО НЕТ, ИЛИ ЧТО ЖДЕТ НАС ЗАВТРА?

Говорят, история повторяется дважды. Один раз в виде трагедии, другой – в виде фарса. Знать бы последовательность: чем был августовский переворот?

Но история действительно повторяется. То, что происходило с КГБ осенью 1991 года, поразительно напоминает события середины 50-х годов, когда за смертью Сталина и расстрелом Берии последовали грозные разоблачения, обещания – “это никогда больше не повторится” и кадровая “чистка” Комитета.

А потом был ренессанс. Закончившийся августом девяносто первого года.

Осень выдалась для сотрудников КГБ действительно тяжкая. Пережив снос “железного Феликса” с постаменты, они готовились к худшему, резонно полагая, что “ягодки” еще впереди. Понимая под “ягодками” обвальное сокращение КГБ, его расформирование и создание некоей другой секретной службы.

Орган новой власти “Российская газета” вышла с аншлагом: “КГБ СССР должен быть ликвидирован”.¹

Это вызвало шок.

“Впервые за многие годы своей работы в Комитете, – рассказывал в те дни один подполковник, – я увидел, как в кабинетах КГБ сотрудники пьют водку...”

“Комитет сейчас толком не работает, – говорил мне в сентябрьском интервью новый Председатель КГБ уже не существующего Союза 54-летний генерал-лейтенант Вадим Бакатин. – Все сидят и ждут, как-то решится их судьба”...

Ждали – это правда. Но и совсем без дела тоже не сидели.

В КГБ шло уничтожение документов.

Бумагорезательные машины заработали на полную мощность еще 21 августа, когда разгоряченная толпа готовилась штурмом брать здания на Лубянке. Господь спас – толпу от зда-

ния увели. Ибо улов, который бы она собрала, взяв коридоры Лубянки, был бы ничтожен в сравнении с обилием жертв. В подвалах архивного управления в тот день выстроили баррикады.² На скорую руку паковали папки в крафтовые мешки и, по слухам, прятали в подземных тоннелях и бункерах.³

22 августа в 16.00 сотрудники КГБ получили команду собрать все документы в мешки и подготовить к уничтожению. Был ли то приказ Леонида Шебаршина – бывшего начальника разведки, который в течение первых послепутчевых суток распоряжением Горбачева выполнял обязанности Председателя Комитета, или кого-то рангом пониже – тайна. Но спустя час команду отменили. На следующий день такое же распоряжение получили сотрудники Аналитического управления, но через пару часов и им дали отбой.⁴

Одним из первых приказов Вадима Бакатина был приказ об опечатывании архивов. Но то – приказ. А есть реальность. И есть столы и личные сейфы сотрудников, на которые сургуч не навесишь.

“Те, кто придет в наши кабинеты после нас, найдут лишь пустые ящики”, – откровенно говорили комитетчики. “В четвертом отделе (церковь – Е.А.) уже уничтожили все, что касается высших церковных иерархов,” – добавил он.

Когда новый начальник Аналитического управления КГБ полковник Владимир Рубанов пришел взглянуть на свой кабинет, он там обнаружил голые стены: шкафы и сейфы были пусты. Его предшественник, генерал-лейтенант Леонов, на память оставил лишь небольшой серый недавно начатый блокнот: по иронии судьбы, в нем Рубанов нашел и свою фамилию...⁵

22 августа предавали огню и бумагорезательным машинам и документы 7 Управления (наружное наблюдение): “По 8 актам было уничтожено 164 документа. В их числе Сборники 7 Управления, информационные бюллетени, некоторые оперативные документы, изготовленные в период до государственного переворота, спецтетради,” – свидетельствуют материалы служебного расследования КГБ.⁶ А сколько всего уничтожалось и без всяких актов? Например, на стрельбище Службы охраны КГБ СССР неподалеку от поселка Купавна, куда мешки с наспех засунутыми туда документами сопровождали офицеры спецназа “Альфа”?..

Продолжается уничтожение оперативных архивов и сейчас*: по сведениям, идущим из Комитета, изымаются досье, агентур-

* Декабрь 1991 года.

ные списки, результаты “глубоких разработок” известных всей стране людей. Так ли это, нет ли – проверить, конечно, нельзя. Тем более что еще в первую неделю после путча большая часть архивных материалов была вывезена на территорию ряда воинских частей, подчиненных КГБ.

Знаю, не досчитаются многих архивных папок и республики, ныне объявившие себя суверенными государствами...

Признаюсь: дважды после переворота я обращалась к руководителем КГБ – сначала к Виктору Иваненко, главе российского комитета, потом к Вадиму Бакатину – просила дать мое “дело”. Оба раза не нашли. “Скорее всего уже уничтожили”, – сказал Иваненко. Человек, чью фамилию я не могу назвать, но занимающий не малую должность в сегодняшних правоохранительных структурах, выслушав этот мой рассказ, улыбнулся: “Да нет, не уничтожили – просто не хотят давать”...

Короче, остается только гадать, сколь много (много ли?) документов, способных рассказать о подготовке переворота, равно как о связях страны с КГБ, навсегда погребено в бумагорезательных машинах. А сколько компрометирующих бумаг унесли в своих карманах и кейсах чекисты? Когда, в какой момент они выплывут? И чем за эти документы будут платить: постами? твердой валютой?

Но вернемся в осень девяносто первого, когда чуть ли не в каждом кабинете Комитета можно было услышать, как чекисты поносят своего прежнего Председателя – Крючкова. “Он нас всех подставил” – так обычно квалифицировался неудавшийся августовский путч...

Сначала стало известно, что в отставку подала вся коллегия КГБ. Потом часть из “отставников” переехала в “казенный дом” – в следственный изолятор Матросская тишина, где ожидают суда члены ГКЧП и их сподвижники. Следом – еще известие: начальником Московского КГБ назначен горный геофизик, старший лейтенант запаса, недавний помощник мэра Москвы и один из организаторов движения “Демократическая Россия” Евгений Савостьянов*.

* Ирония судьбы: когда три года назад я занималась Владимиром Боярским (главу “Отрицательная селекция”), Савостьянов работал в Институте проблем комплексного освоения недр АН СССР и помог мне в организации собрания, на котором был подвергнут общественному ostrакизму подполковник КГБ Боярский. Став начальником Московского КГБ, Савостьянов однажды был приглашен на собрание ветеранов-чекистов. Там он встретился и с Боярским. “Смотрю, идет ко мне Владимир Ананьевич и метров за десять тянет руку, – рассказывал мне Савостьянов. – Я ему говорю: Владимир Ананьевич, простите, но руки я вам не подам. Боярский ничуть не смутился.”

Московские чекисты тогда схватились за голову: к руководителям из партаппарата они уже привыкли, горный геофизик, к тому же первым своим шагом отказавшийся от генерал-лейтенантских погон – это было для них внове. “Я пришел в КГБ как политик”, – сказал на встрече с личным составом Савостьянов, стремясь, вероятно, успокоить профессионалов: дескать, в ваши дела лезть не буду. Однако тем и немало обеспокоил прессу: “политики” в КГБ традиционно занимались иначе.

Целый ряд республик, включая Украину, объявили о национализации имущества КГБ на своих территориях и о преобразовании бывших республиканских Комитетов в национальные службы безопасности. Ждали, что вот-вот сменится вывеска и на здании Центрального аппарата КГБ – его передадут под юрисдикцию России.⁷

Наконец, сентябрь, апогей: Вадим Бакатин, Председатель КГБ, заявил о ликвидации Управления по защите советского конституционного строя – идеологической контрразведки.⁸

Империя рушилась. “Государство в государстве”, казалось, разваливалось на глазах. В конце ноября “New York Times Magazine” вышел с сенсационным анонсом: КГБ СССР закрывается*.⁹ Следом сенсацию повторила и лондонская “Observer”: КГБ ликвидирован... Ликвидирован? Закрывается? Разрушен?.. Ой ли?

Действительно, 24 октября Президент (чего?) Михаил Горбачев подписал Указ об упразднении КГБ.¹⁰ Правда, в прессе официальные лица предпочитали употреблять словосочетание “дезинтеграция КГБ”, то есть разделение его на ряд независимых друг от друга ведомств. Именно это выражение предпочитал в своих интервью и Вадим Бакатин.

Надо отдать должное Председателю Межреспубликанской службы безопасности (так Бакатин теперь именовался): он был честен. Ибо ни о каком роспуске Комитета государственной безопасности речь, конечно, не шла.

Производился нормальный (хотя и не плановый) косметический ремонт. Рассчитанный даже не столько на собственное общественное мнение – оно было занято поиском хлеба, – сколько на благожелательную реакцию Запада. Удалось. Ключули. Или – помогли “клюнуть”?

В чем же заключался этот “ремонт”?

* И снова любопытное совпадение. Одним из главных собеседников автора этой статьи, стал заместитель начальника внешней разведки генерал Гургунов, с которого начинается эта книга.

А в том, что был большой семейный дом, в котором жил огромный клан, именуемый Комитет государственной безопасности СССР. Жили, иногда ссорились, но неизменно, связанные кровными узами, приходили к согласию. Тем более что обедать собирались на одной кухне, где кашеварила одна хозяйка. Потом случился путч, и хозяйку (или, точнее, хозяйню) отправили есть казенные харчи в Матросскую Тишину. В доме же на каждой из комнат повесили новые таблички.

На одной написали – “Центральная Служба разведки”, прежде – Первое Главное Управление КГБ СССР.

ЦСР возглавил 62-летний академик Евгений Примаков, до того – советник Президента Горбачева, еще раньше – директор Института востоковедения, и следом, – Института международной экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Правда, международную известность Примакову принесли не столько его статьи и книги по теории “третьего пути”*, сколько частые контакты с иракским диктатором Саддамом Хусейном и репутация “друга Багдада”.¹¹

В ПГУ академика встретили довольно прохладно и полагают фигурой временной. Хотя для разведки он человек не совсем чужой: “Максим”, как утверждают его коллеги, начал сотрудничать с КГБ еще в 1965 году в бытность свою корреспондентом “Правды” на Ближнем Востоке. Сам Примаков от принадлежности к семейству на первой пресс-конференции в качестве главы советской внешней разведки публично отрекся, хотя и намекнул, что “приходит туда не совсем новичком”.¹² Поговаривают, что с бывшим Председателем КГБ Крючковым нынешний шеф ЦСР рассорился где-то в конце семидесятых годов. Но почему и как – неизвестно, а Ясенево** и Матросская Тишина – не те места, где на подобные вопросы отвечают***.

* Согласно теории “третьего пути”, страны так называемого “третьего мира” развиваются по своей собственной модели, промежуточной между “капитализмом” и “социализмом”.

** В Ясенево находится комплекс зданий ПГУ.

*** Впрочем, иной раз на публикации прессы в Ясенево и откликаются. В начале декабря мы с моей коллегой Натальей Геворкян опубликовали ряд секретных документов, рассказывающих о передаче денег олигархии зарубежным компартиям по каналам КГБ. В одном из документов – оригинале расписки в получении денег для коммунистической партии (Единство) Финляндии – главным “героем” выступал офицер 3 Отдела (Англия и страны Скандинавии) ПГУ Владимир Сильвестров.¹³ Спустя неделю мы узнали: заместитель советского резидента в Финляндии Сильвестров из страны пребывания в срочном порядке отозван.

Другую “комнату” этого “дома” назвали МСБ – Межреспубликанская служба безопасности, которая как бы является правопреемницей КГБ СССР и должна координировать деятельность госбезопасностей суверенных республик. В МСБ сконцентрировали все контрразведывательные главки и управления, включая военную контрразведку, управления по борьбе с организованной преступностью, огромное Оперативно-техническое управление, где, как я уже писала, трудятся чуть ли не лучшие научные и инженерные кадры страны, “бункерное” управление, отдел координации спецслужб соцстран. Правда, число сотрудников, находившихся под началом Бакатина, с каждым днем уменьшалось. Кусочки, и, надо сказать, лакомые, такие как отдел прослушивания телефонов (отдел № 12) или управление наружного наблюдения (№ 7), у МСБ “откусывал” КГБ России, который тоже поменял вызывающее аллергию у советских граждан название: стал Агентством федеральной безопасности.

Еще две “комнаты” в “доме” занимают Комитет по охране государственных границ – пограничники, и Комитет правительственной связи, в который кроме одноименного управления вошли: 8 Главное управление (шрифты и защита важнейших каналов информации, а значит, и контроль их), а также 16 управление (электронные станции слежения и перехват связи). Оба этих комитета оказались в прямом подчинении Президента Горбачева.¹⁴

Так что же изменилось, кроме того, что в “доме” развесили новые вывески? Да ничего. Детали. Ну, скажем, три дивизии специального назначения, кои Крючков прибрал к рукам, вроде бы переданы Министерству обороны СССР. Что, конечно, тоже неплохо. А так – чем занимались, тем и занимаются, хотя в сегодняшнем хаосе и с существенно меньшим энтузиазмом, чем раньше. Где сидели – там и сидят. Разве только прежние заместители заняли кресла своих бывших начальников. Так, генерал Булгаков, заместитель начальника военной контрразведки, стал ее начальником, сменив вышедшего в отставку генерала Жардецкого. Генерал Александр Старовойтов выполняет обязанности своего провинившегося во время путча начальника – генерала Беды, возглавлявшего Управление правительственной связи, генерал Владимир Клишин – глава контрразведки, занял кресло Геннадия Титова. Та же картина – и в других подразделениях. А, скажем, генерал Савенков, начальник экономической контрразведки, который, если вы помните, поставил свою подпись на приказе о поощрении чекистов, удачно внедривших

своих агентов в рабочее движение*, трудится в том же кабинете, где и трудился. “В вопросе смены руководства я был консервативен”, – признался Бакатин...¹⁵

О чекистах среднего звена – полковниках и подполковниках (те, кто и делает, в сущности, погоду в КГБ) – я и не говорю: те же самые люди на тех же должностях. Правда, в последние месяцы, как грибы после дождя, стали появляться частные сыскные бюро, агентства по защите коммерческой тайны и информации, службы персональной охраны, созданные бывшими чекистами.¹⁶ Стоит надеяться, что, вложив в свой бизнес пусть и не всегда свой капитал, они диктатуре его постараются не отдавать. Но это – пока малая капля в огромном море.

Впрочем, не буду брать на себя констатации. Приведу две цитаты. Одна объясняет, зачем понадобилась смена “табличек” на дверях, другая – каковы результаты этого маскарада... “...Для успокоения народных волнений, предотвращения угрозы самосуда над сотрудниками КГБ, разгрома зданий и разграбления архивных документов было принято решение *объявить* (выделено мною – Е.А.) о том, что Комитет будет спешно расформирован, разделен на какие-то самостоятельные ведомства”. Это слова бывшего начальника Центра общественных связей российского КГБ (простите – АФБ) Андрея Олигова, которые отражали тогда точку зрения руководства российской госбезопасности.¹⁷

А вот другая: “Все говорят, что Бакатин развалил систему КГБ. Ей-Богу, это не так. Если вы приедете в Казахстан, то в Казахстане ни один волос с головы ни одного работника не упал. Или в Киргизию – я только что оттуда вернулся: там как было, так все и осталось. И в Московском управлении – то же самое, и в Кемеровском. То есть все эти капилляры внизу, все эти структуры остались те же самые...” Вадим Бакатин. Интервью автору 13 декабря 1991 года. Замечу: эти слова были сказаны через две недели после того, как David Wise напечатал в “New York Times Magazine” свою сенсационную статью “Closing down the KGB”...

Требуются ли комментарии?..

Требуются. Ибо изменения – другого рода – осенью 1991 года все-таки произошли. Они заключались в том, что впервые в послесталинской истории СССР реальным руководителем Комитета государственной безопасности стал... глава государства. Президент Михаил Горбачев.

* См. главу “Реалии эпохи гласности”.

В его руках осенью оказались: Комитет правительственной связи*, работавший в том числе и в режиме жесткого контроля за оппонентами – российскими властями, 220 тысяч пограничников, войска связи – еще более 20 тысяч солдат и офицеров, Служба охраны, насчитывающая несколько тысяч человек, спецназ КГБ “А–7”, наконец, – в его подчинении были и Межреспубликанская служба безопасности, и Центральная служба разведки. И Бакатин, и Примаков – люди из команды Горбачева – выполняли здесь функции его заместителей.

“Насколько Вы контролируете КГБ?” – спросила я в том декабрьском интервью Вадима Бакатина. – “Весьма слабо, – как всегда искренне ответил он. – Я совершенно убежден: то, что они (комитетчики) не хотят, чтобы я знал, я знать не буду”...

У меня была возможность проверить эти слова Вадима Бакатина: его оценки были даже слишком оптимистичны.

Контролировал ли КГБ Горбачев? В первые месяцы после путча – да, контролировал. Хотя, конечно, в несравнимо меньшей степени, чем его предшественник – генерал армии Крючков.

Но дни Горбачева были сочтены. После “беловежского соглашения” трех славянских государств – России, Украины, Белоруссии – он уже не был Президентом. История и Господь его рассудят. Видит Бог: я не хочу быть среди тех, кто бросит ему камень вслед. Империю, именуемую Советский Союз, не желая того, Горбачев все-таки разрушил. И за то – спасибо, как говорим мы спасибо Хрущеву, который открыл двери сталинских лагерей. Дай только Господь, чтобы под обломками империи не погибли все мы...

Кто же сейчас, в эти декабрьские, предрождественские дни 1991 года, управляет КГБ? Когда я допишу эту свою последнюю главу, Вадим Бакатин уже уйдет в отставку. (Так бывает: книга превращается в газетный репортаж.) Последней каплей, переполнившей чашу терпения его коллег, стал факт передачи Председателем МСБ американскому послу в СССР схемы подслушивающей аппаратуры, установленной Комитетом в новом здании американского посольства.¹⁸ Шаг беспрецедентный, равно как и бессмысленный: я сомневаюсь, чтобы американские спецслужбы могли довериться этой схеме. Однако в КГБ этот шаг Бакатина воспринят как предательство. Га-

* 12 декабря 1991 года указом Президента России Бориса Ельцина этот комитет перешел в юрисдикцию России.

зеты сообщают: Горбачев о сей инициативе Председателя ничего не знал. Сомневаюсь. Ну, да это уже ничего не меняет.

“Кто контролирует КГБ? – переспросил меня мой собеседник из близкого окружения Бориса Ельцина. – Никто. Во всяком случае, Центральный аппарат КГБ подчиняется только своим начальникам... Сейчас на Лубянке идет опись документации, охрана зданий удвоена...”

Ренессанс?

И вот теперь пора сказать о российском КГБ.

Он был создан в марте 1991 года и вплоть до сентября был мирражом, имеющим начальника в лице генерал-майора Виктора Иваненко, пару заместителей и 20 человек сотрудников.¹⁹ Но к декабрю 1991 года в подчинении директора Агентства федеральной безопасности уже генерал-лейтенанта Иваненко оказалось 20 тысяч офицеров территориальных управлений КГБ, расположенных в границах России, плюс 22 тысячи кадровых сотрудников в Москве.²⁰

Всю осень, пока Горбачев был еще реальным Президентом страны, существовала уникальная ситуация, неизвестная дотолем СССР: два ведомства одной госбезопасности – МСБ и АФБ – работали в условиях жесткой конфронтации друг с другом. Это помогало доставать информацию журналистам и являлось гарантом того, что чекисты вновь не попытаются прибрать к рукам страну. Им было не до того. Можно ли себе представить лучший контроль за секретной службой, нежели контроль за ней другой секретной службы?

Но все проходит. Прошло и это.

26 ноября 1991 года Президент России Борис Ельцин подписал указ № 233 “О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности”, а с ним – и структуру нового ведомства.

За небольшим исключением и некоторой сменой названий, она в точности повторила структуру прежнего КГБ.²¹ Столь же широки, как и раньше, функции и обязанности федеральной безопасности: все – от защиты личной жизни граждан до информирования органов государственной власти и управления. Может быть, я сгущаю краски? Будущее покажет. Однако в перечне законодательных актов, которые планирует принять Российский парламент, я вновь не нашла ни Закона о неприкосновенности личности, ни Закона о праве на информацию – тех основополагающих законов, которые хотя бы на судебном уровне способны защитить граждан от произвола секретной службы. Но их в перечне, повторю, нет. Зато во Временном положении

об АФБ, тоже утвержденном Президентом Ельциным, в пункте б записано: “Агентство федеральной безопасности РСФСР и подчиненные ему органы пользуются правом проведения оперативно-розыскных мероприятий (то есть – правом перлюстрации почты, прослушивания телефонов, наружного наблюдения – Е.А.) в целях предупреждения, обнаружения, пресечения и раскрытия преступлений, расследование которых отнесено к ведению органов государственной безопасности. Должностные лица, имеющие право санкционировать проведение оперативных и оперативно-технических мероприятий, несут ответственность за их законность и обоснованность в соответствии с действующим законодательством”.²² И снова, как и прежде, вопрос, прослушивать мой телефон или нет, решает не суд – чекисты. И 6 тысяч внутриведомственных положений и инструкций, правивших бал в крючковском КГБ, никто пока так и не отменил...

Ну а политический сыск? Это – то с ликвидацией КПСС – в прошлом?

В прошлом? “Политический сыск будет всегда”, – заявил в интервью одной из газет тогда еще пресс-секретарь директора российского КГБ (АФБ) Андрей Олигов. И разъяснил: “Высшее государственное руководство, какое бы оно демократическое ни было, все равно заставит спецслужбы заниматься вопросами отслеживания политической ситуации в стране”.²³ Доходчивее не скажешь.

А как же, – спросит меня читатель, – приказ Председателя КГБ Вадима Бакатина о ликвидации идеологической контрразведки?

А так.

Это управление действительно было расформировано в Центральном аппарате Комитета: часть его сотрудников перешла в контрразведку, часть – в Управление по борьбе с организованной преступностью, немало – в коридоры и кабинеты российского “Белого дома”... Что касается региональных подразделений КГБ, то там, как сказал уже Бакатин, все осталось по-прежнему. “Уверю вас, все офицеры отдела “Z” (идеологическая контрразведка – Е.А.) работают. По конкретным делам. Таких, кто приходит на службу отмечаться, у нас нет. Нет у нас бездельников”, – объяснял корреспонденту начальник Службы национальной безопасности Украины генерал-майор Станислав Малик. Он же, до августовского переворота, – председатель Украинского КГБ генерал-майор С.Малик.²⁴

“Пятая служба* в Московском управлении КГБ по численности превосходила все остальные”, – рассказывал мне Евгений Савостьянов – новый начальник столичных чекистов, в прошлом – один из организаторов движения “Демократическая Россия”. Заступив на должность, Савостьянов попросил подчиненных принести ему годовые отчеты подразделений, в том числе – и идеологической контрразведки. Как всякого нормального советского человека, его интересовало, нет ли в них его фамилии. Не нашел. Все, что касалось демократов, в отчетах старательно было замазано белой краской. “А что с пятой службой сейчас?” – спросила я Савостьянова. “Работают, – ответил он. – Так ведь идеологическая контрразведка ликвидирована”, – изумилась я. Савостьянов замлялся. – “Значит, она сохранится?” – “Это зависит от того, какие задачи перед управлением поставят власти”, – ответил бывший горный геофизик.²⁵

Власти задачу поставили: следить за коммунистами... И те же люди, кто вчера боролся с диссидентами и антикоммунистами, с энтузиазмом стали брать в “глубокую разработку” своих бывших товарищей по партии. Таковы нравы.

Впрочем – стоп. Я настолько наивна, чтобы не понимать: коммунистическая партия, насчитывавшая в своих рядах миллионы людей, покинув райкомы, горкомы и обкомы, не исчезла, не растворилась, ее бывшие функционеры продолжают жить там же, где и жили раньше – в той же стране. Понимаю я и то, что КПСС, запрещенная Указом Бориса Ельцина 6 ноября 1991 года, еще попытается взять реванш, вернуть в свои руки власть. Уже возвращает. Используя для этого территориальные органы исполнительной власти и бесчисленное множество частных фирм, отмывающих партийные деньги.²⁶

Но мне, принципиально беспартийному человеку, никогда в КПСС не состоявшему, – кто даст мне гарантию, что, следя за коммунистами, подозревая их в посягательстве на государственный конституционный строй, в том же не захотят заподозрить и меня? И у меня не начнут просматривать корреспонденцию, прослушивать телефоны и устанавливать за мной наружное наблюдение? Впрочем, к чему будущее время?..

По сведениям из хорошо информированных источников, телефоны у явных или возможных оппонентов российских влас-

* В территориальных управлениях КГБ, в Москва здесь не исключение, в отличие от Центрального аппарата КГБ, соответствующие подразделения называются “службами” или “линиями”. Пятая служба – это все та же идеологическая контрразведка.

тей, недавних их сподвижников и отнюдь не фанатиков–коммунистов, сегодня прослушиваются не менее дотошно... Более того: не лишены внимательного уха и некоторые телефонные аппараты в российском “Белом доме”...

Бывшее V Управление КГБ, бывшее Управление по защите советского конституционного строя, в Агентстве федеральной безопасности России приобрело новое имя – Управление по борьбе с терроризмом. Дай–то Бог, чтобы в условиях нынешнего беспредела в потенциальные террористы, кои требуют несусыпного чекистского присмотра, не оказались записаны все мы. Журналисты, критикующие поступки новых властей – в том числе.

Итак, слово вылетело, не поймашь: “Политический сыск будет”.

“Теперь они (сотрудники КГБ – Е.А.) говорят, что они все были против путча, против марксизма–ленинизма, все они – за рынок, за плюрализм и демократию”, – говорил мне Бакатин. – “А в действительности?” – спросила я. – “Понимаете, необходимо, чтобы изменилась идеология людей, которые работают в органах. Госбезопасность жизненно важно деидеологизировать, а то будут у власти социалисты, так они начнут гоняться, к примеру, за христианскими демократами... Но таких изменений так быстро ни Петров, ни Сидоров, ни Бакатин не сделают... Должны измениться сами люди...”

Оптимизма в словах Бакатина я не услышала.

Что же будет с КГБ завтра – на следующей неделе или через две, когда Советский Союз официально прекратит свое существование? Боюсь, что будущее предопределено: в “доме” вновь произведут косметический ремонт, одни таблички снимут, другие повесят.

“Как быстро дезинтегрированный КГБ может собраться в единый кулак?” – спросила я офицера Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР, убеждавшего меня, что старый чекистский клан дал трещину.

“Мгновенно”, – ответил он.

...19 декабря 1991 года Борис Ельцин подписал Указ об образовании Министерства безопасности и внутренних дел, в которое вошли МСБ, АФБ, Министерство внутренних дел России и бывшего Союза... Известно, что и министр юстиции России Федоров, и прокурор Степанков, и вице–премьер Шахрай, курирующий правоохранительные органы, указу не обрадовались.

Кто же тогда был столь удачен, выгребывая у Президента России подпись, которую, по слухам, он поставил чуть ли не у трапа самолета, отбывающего в Италию? Кто и почему столь торопился? Напомню, что последний раз сие объединение произвел Берия – в течение 24 часов после смерти Сталина. Хрущев структуры вновь разделил. Разделил именно потому, что понимал, сколь опасно сосредоточивать в одних руках такую армию вооруженных и достаточно искушенных в конспирации людей. “История показывает, что, когда службы госбезопасности и милиции объединялись, всегда начинались репрессии, – так откомментировал в интервью “Независимой газете” начальник Московского уголовного розыска Юрий Федосеев. – Не исключено, что то же произойдет и сейчас...”²⁷

История ничему не учит?

* * *

Что ждет нас дальше? Читатель в лучшем положении, чем я: взяв в руки эту книгу, он уже будет знать, пережила ли Россия, бывший Советский Союз, зиму–весну 1992 года или – нет?*

Сейчас, в декабре тысяча девятьсот девяносто первого года, все мы, граждане несчастной страны, живем предощущением грядущей катастрофы: голодных бунтов, гражданской войны, многих Чернобылей и несанкционированных пусков ракет... Что же ждет нас?

Еще пару месяцев назад большинство политологов полагали датой нового (военного?) переворота позднюю весну 1992 года. Но сейчас уже ясно: прогноз этот равно и слишком оптимистичен, и слишком пессимистичен. Сегодня никто из нас не знает: при каком режиме проснемся мы завтра.

Я же думаю, что следующий переворот не будет иметь ни точной даты, ни четко очерченных границ. Это будет ползучий переворот, в который страна будет входить долго: инфляция – гиперинфляция, безработица, дикий рост цен, обнищание населения, дефицит продуктовых и топливных запасов... Никакая гуманитарная помощь, никакая Америка страну с 300-миллионным населением и бешеным уровнем коррупции властей не накормит.

Ленинская характеристика революционной ситуации – “верхи не могут” разрешить накопившиеся экономические проблемы, а “низы не хотят” терпеть более эту кошмарную жизнь –

* Я пишу эту последнюю главу в режиме репортажа, когда уже недостаточно указывать месяц, приходится обозначать и дни: 20, 21, 22 декабря.

может стать реальностью. Собственно, уже сейчас ситуация в стране напоминает приснопамятное лето 1917 года, когда старые управленческие структуры царского правительства оказались уже разрушены, а новые – правительства Временного – еще не созданы. В результате осенью 1917 года власть взяли большевики, пообещавшие мира, хлеба и равноправия.

Управленческие структуры страны, которая называлась СССР, были окончательно разрушены закрытием обкомов и горкомов КПСС. Последняя, как известно, не была партией в цивилизованном значении этого слова, но была формой существования тоталитарного государства и контролировала все хозяйственные связи внутри страны*. Прямо скажем, большего подарка коммунистам сделать было нельзя: они наконец-то ушли от ответственности за происходящий в стране хаос и со временем, как принято в России, всегда любившей сирых да убогих, народное сознание окружит их ореолом мучеников. Если – не возведет на престол. Уже звучат призывы освободить находящихся под арестом членов ГКЧП, а возле следственного изолятора Матросская Тишина, где они содержатся, проходят митинги в их поддержку.

Что – объяснимо. Шумно отпраздновав августовский успех, демократы занялись дележкой победного пирога в виде зданий и имущества КПСС – до такой прозы, как экономика, руки долго не доходили. Каждый день я просыпаюсь в изумлении от того, что по-прежнему ходят троллейбусы и поезда, что в доме есть свет и газ, – вероятно, лишь инерция “большого тела”, каковым является бывший Союз и Россия, тому причиной.

Старики все чаще вспоминают голод военной поры.

Боюсь, как бы Россия не вспомнила и традицию хлебных бунтов.

Это и будет началом вползания страны в действительный, ничуть не напоминающий комический августовский, переворот.

Кто станет движущей силой возможного катаклизма? Все та же олигархия: КПСС, Военно-промышленный комплекс, КГБ (оставим здесь прежнее имя, поскольку от очередной смены “вывески” ничего не изменилось).

Армия. В большинстве регионов страны она сейчас практически брошена на произвол судьбы. И вынуждена добывать себе пропитание самостоятельно, отправляя грузовики с солдатами

* Аппараты КПСС были закрыты и опечатаны в первые дни после августовского путча. 6 ноября Борис Ельцин подписал Указ о прекращении деятельности КПСС на территории России.

на колхозные поля – воровать картошку. Республики, чье положение и так плачевно, вовсе не жаждут кормить многотысячный вооруженный народ, который к тому же в целом ряде районов воспринимается как армия оккупантов. Короче, на содержание армии у страны просто нет денег. Солдаты и офицеры зарабатывают их сами: в стране идет ничем не прикрытая торговля оружием – достать сегодня автомат Калашникова или пистолет Макарова по вполне доступным ценам не труднее, чем купить, к примеру, водку.

Аховая ситуация и с жильем для военных: 173 тысячи семей офицеров и прапорщиков не имеют квартир – ютятся по коммуналкам и баракам. В ближайшие месяцы к бездомным в форме добавится еще более 100 тысяч офицеров, которые уходят из Восточной Европы. Положение этих людей действительно трагично. И они легко могут стать той “спичкой”, от которой запылывает вся страна. Не говоря уже о том, что необходимость сокращения военного бюджета страны заставит уволить из армии десятки тысяч человек, которые пополнят число неустroенных и безработных. Эти люди будут уже бороться за существование своих детей, и бороться будут отчаянно.

По оценкам военно-политического отдела Института США и Канады, армия уже сейчас плохо управляема, она, очевидно, выходит из-под гражданского контроля.

В конце ноября 1991 года офицеры одного из подразделений Генерального штаба Вооруженных Сил СССР выступили с заявлением протеста “против развала государства и армии”, вызвавшим недоверие и Горбачеву, и Ельцину. “Нужны новые лидеры, – чеканил в интервью генерал-майор Генштаба Леонид Кожендаев. – Думаю, их выдвинет народ, который уже устал давиться в очередях за хлебом и бояться будущего. Хотят или не хотят этого власти предрержащие, Вооруженные Силы сегодня политизируются. Армия устала терпеть унижения...”²⁸

Командующий Прибалтийским военным округом генерал Миронов (эти войска должны быть выведены на территорию России) публично заявил, что, если не будет обеспечена социальная база его подчиненным, он “оставляет за собой право не исполнять приказ Главнокомандующего”.

19 декабря журналисты спросили министра обороны СССР Шапошников: “Кому сейчас подчиняется армия?” Маршал засмеялся: “Кому, кому... Народу!” – ответил он. Напомню, что в дни августовского переворота именно Шапошников, тогда еще возглавлявший Военно-Воздушные Силы страны, пригрозил гекачепистам, что отдаст приказ своим бомбардировщикам

бомбить Кремль в случае, если они попытаются штурмовать “Белый дом”. Тогда решимость маршала оказалась благом, но эксперты позже ужаснулись: а что, если политические пристрастия министра обороны изменятся и уже в принципиально другой ситуации он тоже возьмет подобные решения на себя?

Не лучше положение и в других сферах Военно-промышленного комплекса. Уже упоминавшийся мной полковник КГБ Владимир Рубанов считает, что в структурах ВПК складывается взрывоопасная ситуация. “ВПК, который был одной из главных движущих сил августовского переворота, мало затронут кадровыми изменениями. Развивается дезорганизация производственных процессов, создается мощный детонатор социального взрыва, который из-за разветвленности и тесной взаимосвязи отраслей ВПК может охватывать сразу группу регионов, республик”, – писал Рубанов в своей аналитической записке, представленной руководству страны.²⁹ И там же: “Есть признаки ослабления контроля над ядерным комплексом страны. Не укомплектованы персоналом многие из военных объектов. Развал центральных структур управления может привести к ослаблению контроля в сфере ядерной энергетики...”

Недолгий глава российского КГБ Виктор Иваненко еще летом 1991 года в своем закрытом докладе писал: “На повестку дня встает вопрос предупреждения возможных акций ядерного терроризма. Имеются уже не единичные факты ядерного шантажа или распространения слухов о взрывах Курской, Ростовской и Белоярской АЭС”.³⁰ А ведь есть еще и огромные химические комплексы, магистральные нефтегазопроводы, продуктопроводы, транспортирующие, например, хлор и аммиак, газовые заводы, которые охраняются куда как меньше, нежели ядерные объекты. Специалистами выделено 236 объектов повышенной опасности, которые должны находиться в зоне пристального оперативного внимания. Из них 189 находятся на территории России, в том числе 9 из 15 действующих АЭС.³¹ Впрочем, не буду нагнетать страстей – для апокалипсиса и реалий достаточно.

КПСС. Партийная номенклатура без работы не осталась. Покинув райкомы и горкомы, она переместилась в кресла исполнительных органов власти. Немалая ее часть занялась бизнесом, причем бизнесом с солидным стартовым капиталом, в том числе и в твердоконвертируемой валюте. Наконец, большое число представителей старой олигархии вернулось в систему административно-хозяйственного управления.³² Достаточно для примера вспомнить, что руководителем администрации

Президента России (должность ключевая, на манер той, что была при Горбачеве у одного из главных геккачепистов Валерия Болдина)* стал бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС Юрий Петров. Впрочем, чего придирается к “шестеркам”: из одиннадцати глав республик, 21 декабря 1991 года подписавших соглашение об образовании Содружества Независимых Государств, девять в прошлом принадлежали к высшей партийной элите своих регионов...

Ну и, наконец, КГБ... Демократам трудно было сделать больше, чтобы восстановить против себя чекистов. Новые власти умудрились никак не воспользоваться тем шоком, который переживала Лубянка после августовского провала, ареста Крючкова и отставки всей коллегии КГБ.

Да, чекистов опасно загонять в угол. Да, роспуск Комитета мог вынудить многих из них уйти в мафиозные структуры, в организованную преступность – уже уходят: с их знанием конспиративной работы и техники это ой как чревато. Но хуже, чем та смена “вывесок”, которая произошла, придумать было нельзя. Вместо того чтобы выработать реальную концепцию защиты государственной безопасности, максимально быстро очертить правовое поле, в котором должен действовать КГБ, сообразно этой концепции и этим законам создать более или менее автономные ведомства (например, Агентство по защите экономики, Комитет по защите информации и так далее) – вместо всего этого к госбезопасности присоединили еще милицию. “Ждем, когда выдадут нам милицейские свистки”, – мрачно шутили чекисты.

Руководители воссозданного монстра заявили, что собираются сократить Министерство безопасности и внутренних дел на 45–70 процентов. Благое желание. Но сильно подозреваю, что сие снова так и останется благим желанием. А может произойти и худшее: научный, инженерный потенциал, который сосредоточен в Комитете – математики и компьютерщики 8 Главка, электронщики из 16 управления, химики, физики Оперативно-технического управления, – вот этот потенциал может оказаться за бортом, слаженные коллективы – распылены... В лучшем случае – уйдут в бизнес. Но такой аппаратуры, таких компьютеров, какие были в том же 8 Главке, быстро в бизнесе не создашь: нет ни средств, ни материалов, ни технологий.

Послушайте, – воскликнет читатель, – вы оплакиваете че-

* См. главу “Переворот”.

кистов? Вы, которая написала книгу, в которой утверждаете, что КГБ ни реорганизации, ни обновлению не подлежит?

Нет, я оплакиваю свою страну.

Да, я знаю, для каких целей в КГБ был создан весь этот научно-технический потенциал. Да, чтобы бороться с врагами, которых видели во всем окружающем мире, включая собственный народ. Да, тем, что выколдовывали химики, убивали людей. Да, то, над чем трудились электронщики и математики, использовалось для того, чтобы подслушивать и подглядывать. А компьютеры и ЭВМ появились в Москве благодаря работе нелегалов из научно-технической разведки и ГРУ, успешно создававших за рубежами различные фирмы, потом столь же удачно делавшие их банкротами и таким образом, продавая и покупая технику через третьи страны, обходя все КОКОМы и все эмбарго, доставляли их в Союз. Все так.

Но беда-то в том, что КГБ эта власть не ликвидирует. Боюсь, что сокращениями в Комитете вновь займутся политики и вновь окажутся востребованы специалисты по борьбе с инакомыслием, ибо, как показала прошедшая осень, э т и политики с э т и м и специалистами из КГБ прекрасно находят общий язык.

Но и этого мало. Госбезопасность и милиция всегда были в состоянии конфронтации друг с другом. Назначив руководить комитетчиками милиционера, власти больно ударили по самолюбию сотрудников КГБ. Потому так же, как Вадим Бакатин не контролировал Комитет, так не будет его контролировать и Виктор Баранников. А это страшно.

В недрах КГБ уже создан Общественный комитет обеспечения государственной безопасности.³³ Есть сведения, что существует там и подпольный аналитический центр, представляющий высшее и среднее звено чекистов – они анализируют положение в стране, внутри Комитета, влияют – и, судя по всему, не без успеха, – на своих коллег.³⁴

Итак, в подчинении генерала милиции Баранникова, который возглавил МБВД, оказались 1 миллион сотрудников внутренних дел плюс – как минимум 150 тысяч кадровых офицеров КГБ, не говоря уже о пограничниках, инженерных войсках и спецназах. Зачем? Чтобы стрелять в тот самый народ, который в августе защищал “Белый дом”, а ныне может прийти к тем же стенам, но уже требовать хлеба?..

А народ может прийти. Куда ему деваться?

И как судить этих людей? Они выросли при социализме – ничего другого не видели и не знали. Они были воспитаны в идеологии тоталитарного режима. А теперь им вдруг, в одно-

часье, сказали, что вся их жизнь, все их идеалы, все, во имя чего они мучились и страдали, вся их религиозная вера в некое светлое послезавтра – коммунизм, – все это “коту под хвост”. Легко ли такое перенести? И ради чего? Ради некой столь же абстрактной для них идеи свободы и демократии, которая пока не обещает ничего, кроме крайней бедности и нищеты? Но у этих людей только одна жизнь. Только одна. И за жалкие остатки ее они и выйдут на улицу.

Сначала – на демонстрации с лозунгами “Дайте хлеба!” – так было в семнадцатом, но потом процесс быстро, если не мгновенно, может эволюционировать к погромам кооперативных лавок, захвату баз госторговли и полной анархии.

Не выйдут сами? Нет традиций социальной борьбы? Неправда, есть: перестройка кое-чему научила. Ну, а кроме того – помогут выйти.

И теперь мы вновь вернемся к теневому штату КГБ.

По словам Александра Кичихина, он и его коллеги в последние годы и месяцы борьбы за демократию прилагали особые усилия на поиск осведомителей среди – цитирую – “социально активных личностей”. “Перед нами была поставлена задача вербовать агентуру прежде всего в демократической фракции Российского парламента.” – “А среди коммунистов?” – поинтересовалась я. – “А зачем?” – ответил Кичихин. – Все, что мы хотели у них узнать, мы узнавали без всяких агентов”³⁵.

“Иной раз смотрю на парламентариев, – как-то разоткровенничался один большой комитетский начальник, – и столько среди них вижу наших...”³⁶

Я понимаю восторг чекистов, когда они видят в бескомпромиссных ораторах парламентских схваток своих агентов и осведомителей. Но разделить их восторг, увы, не могу.

Опыт Чехословакии или бывшей ГДР показывает, сколь удачно умеют даже уволенные, даже потерявшие свои служебные кресла штази или сотрудники STB использовать оказавшиеся в их руках досье на агентов – парламентариев, министров, лидеров партий – для дестабилизации обстановки в стране.

Подобное, кажется, начинается и в новом Содружестве Независимых Государств.

Первый – из мощных – скандал разразился в Литве. Там вдруг всплыло и было обнародовано досье на агента “Юозаса”, которым оказался литератор и переводчик, бывший ответственный секретарь совета сейма “Саюдиса”, председатель Комиссии по правам граждан и межнациональным делам парла-

мента Литвы, друг и ближайший советник главы республики, второй человек в Литве Вергилиус Чепайтис.

Чепайтис был агентом КГБ более десяти лет и, по данным литовской печати, предоставил Комитету информацию на сорок человек, в том числе – и на своих соратников в борьбе за независимость Литвы. После долгих отнекиваний Чепайтис публично признал факт своего сотрудничества с КГБ. Однако остается тайной, как эти секретные документы госбезопасности оказались в руках журналистов. Ведь прощаясь с Литвой, Комитет государственной безопасности СССР однозначно заявил, что все дела увез с собой. В Москву.³⁷

Второй скандал, хотя и несколько потише, случился в столице России. 15 ноября 1991 года в КГБ РСФСР поступило заявление от члена парламента России Евгения Кима:

“Прошу считать меня освобожденным от сотрудничества с органами КГБ РСФСР и УКГБ по Ульяновской области, и ранее данную мной в 1972 году подписку о добровольном сотрудничестве (рабочее имя “Акимов”) и мои обязательства перед данной организацией считать утратившими силу”.³⁸

И снова вопрос: почему Ким решил открыться именно сейчас? Сам депутат на этот счет пока молчит.

Архивы КГБ, его досье на агентов, убеждена, необходимо открывать, сколь бы болезнен ни был этот процесс. В противном случае досье будут попадать на “черный рынок”, станут тем коротким поводком на шее политиков, с помощью которого ими смогут манипулировать, если не сказать – управлять.

Говорят, немало “личных дел” было в последние месяцы уничтожено. Говорят. Но остались так называемые “рабочие тетради”, в которых сотрудники идеологической контрразведки записывали фамилии и клички своих агентов. Не говоря уже о том, что непосредственные начальники оперативников или руководители подразделений имели список всех “негласных помощников”, находившихся на связи у подчиненных, многих знали и в лицо: встречались с ними на так называемых “контрольных явках” в целях, – цитирую моего собеседника, – “контроля за оперативником, дабы он не допустил использования агента во внеслужебных целях”. Так вот эти тетради, унесенные в кейсах сотрудников КГБ, тоже могут начать “работать”. Более того: агенты, на которых уничтожены личные дела, станут, по словам одного контрразведчика, “агентами двойной конспирации”, известными лишь конкретным чекистам. Ведь агент не знает, сохранилось на него досье или нет. И по этой причине тоже архивы необходимо, приняв соответствующий закон, открывать.

Каждый житель Германии, например, ныне имеет право ознакомиться с имевшимся на него досье. В цивилизованных странах это называется “правом на информацию”, и секретная служ-ба обязана ее предоставить.

Что касается Советского Союза... Не успел отгребать августовский путч, как новые власти публично, по телевидению призвали сограждан сообщать соответствующим комиссиям фамилии тех, кто поддержал ГКЧП, сообщили и контактные телефоны: дескать, звоните, друзья, доносите, любимые... Ах, не идет у меня из головы фраза Рубанова о том, что понятие “агент КГБ” отражает не столько отношения госбезопасности с обществом, сколько менталитет этого общества.

Но думаю я и о другом: что эти люди – доверенные лица, агенты, стукачи, осведомители и резиденты – сегодняшняя, быть может, главная сила КГБ. Его социальная база, его руки, его голос, который может повести за собой толпу.

“Когда я понял, что влип, – рассказывал мне журналист NN, – я попытался с комитетчиками порвать. Они пригрозили: обнародуют, что я их агент. Я даже уйти из своего журнала теперь не могу: боюсь подвести людей...”

Вот в этом страхе – страхе быть раскрытым, публично опозоренным – сегодняшняя сила КГБ.

Потому мне думается, что те, кто замазан стукачеством – пусть и по принуждению, пусть и по слабости своей, – должны, не дожидаясь позора и если нет сил самим о своем несчастье сказать, покинуть государственные учреждения, под разными предлогами сдать депутатские мандаты, уйти из редакций газет и журналов.

Должны уже ради того, чтобы не стать послушным орудием в руках товарищей с Лубянки.

Пойти на такой шаг трудно. Это – выбор. Но всегда лучше этот выбор делать самому. Когда Чапайтиса спросили, что он чувствует сейчас, когда вся Литва знает, что он был агентом КГБ, “Юозас” ответил: “Я первый свободный человек в Литве...”

И был прав.

...А методы работы с толпой отработаны. Вот, например, один из них: “Инструктор ЦК связался с одной из групп “Памяти”, чтобы передать ей специальное взрывное устройство, начиненное фосфором, для запуска его в толпе, чтобы вызвать панику (во время многотысячного митинга 28 марта 1991 года). Провокация была предотвращена”. Это рассказ известного со-

ветского следователя, специалиста по организованной преступности Александра Гурова.³⁹

Теперь ЦК нет. А национал-социалистическая “Память” – есть. Недавно Российское телевидение сообщило: “Память” обрела свою радиостанцию. И слушателей у нее немало... Не она ли пойдет впереди толпы?

Впрочем, а почему не Жириновский – лидер Либерально-демократической партии, два года назад, напомино, исключенный своими единомышленниками из партии за “сотрудничество с КГБ”? Почему не вождь Объединенного фронта трудящихся Пыжков, призывающий к расправе над евреями? “Власть в стране, – заявил недавно он, – принадлежит мировому еврейскому нацизму. Надо обратиться к армии!” – призвал борец за чистоту русской нации.⁴⁰ Почему не Баркашов, лидер “Русского национального единства”, убежденный, что “только мы сможем навести порядок в стране”? “Программа ГКЧП, – говорит он, – была хорошая. Она, кстати, почти дословно повторяет ту, что была разработана нами за полгода до так называемого путча” ...⁴¹

Отвлекусь. В день, когда Москва хоронила тех мальчиков – двух русских и одного еврея, которые погибли в страшную августовскую ночь, – в двух шагах от редакции (не в глубинке нищей России – в самом центре Москвы) довелось услышать: “Надо еще выяснить, как этот жид оказался под танком”... Я не выдержала, сказала что-то резкое: православные, окститесь, ведь душа его еще не отлетела... А в ответ – как комок грязи в лицо: “Это вы, евреи, пытались убить Ельцина, вы совершили переворот и теперь будете за это отвечать”...

Треблянки – мало? Освенцимом – не наелись? Бухенвальд – забыт?..

Политологи тем временем предсказывают: усилятся тенденции к суверенизации национальных автономий, входящих в состав России. Там “углями” процесса тоже станет национальная идея. Это неизбежно повлечет за собой ухудшение положения русских в автономиях, равно как и в республиках. В результате на политическую арену России и могут выползти национал-социалистические лозунги и партии самого правого толка, кои сделают свой политический капитал на защите русских в диаспорах и высоких ценах... Это будет, как сказал кто-то из моих коллег, “союз голодных с коричневыми”. Дальше может расколоться армия: часть ее встанет на защиту русских в республиках, другая – присоединится к национальным гвардиям ныне суверенных государств. Так может начаться гражданская война.

Есть ли альтернатива? Есть. Например, диктатура, замещенная на национальной идее. Но диктатуре тоже обязательно понадобится враг, который должен будет ответить за голод, холод и нищету.

Боюсь, что фигура типа упомянутого не к ночи Жириновского окажется наиболее привлекательной среди тех, кто будет рваться к власти в стране. Боюсь, что российские лидеры могут оказаться перед страшной дилеммой: либо стрелять во взбунтовавшийся народ, либо – поддержать национал-социалистическую идею. Дай Бог, чтобы они нашли третий выход.

В противном случае все вернется на круги своя: у власти вновь встанет олигархия, только слово КПСС в триаде КГБ-ВПК может заменить любая из партий, в том числе и имеющая в названии слово “демократия”. Легитимность этой олигархии будет бесспорна, ибо ее призовет сам измученный, издерганный, доведенный до отчаянья, спровоцированный на то народ.

Известно: республику объявить недолго, – говорили во времена французской революции, – где взять республиканцев?

... Читатель вправе спросить меня: если мой прогноз столь ужасен, почему я не бегу сломя голову из этой страны?

Во-первых, потому, что я – журналист и жить в другой стране мне неинтересно. Во-вторых, потому, что это – моя страна. В-третьих... В-третьих, я не верю в интеллектуальные способности ни КГБ, ни ВПК, ни КПСС или ее заместителей – национал-шовинистов. Не сомневаюсь, что олигархия предпримет попытку, чтобы вернуть себе статус-кво: все к тому идет. К несчастью, боюсь, не обойдется и без крови. Но глобальный апокалипсис?..

Нет, чудо должно, просто обязано произойти. Я не хочу, чтобы последняя глава этой книги стала пророческой. Пусть она будет предостережением: мы были у края пропасти.

* * *

Автору всегда трудно поставить точку. Точку поставила жизнь. Рика Берг-Разгон, которой посвящена эта книга, в декабре 1991 года умерла.

Рика, если Вы меня слышите: я все-таки написала эту книгу.

апрель – 23 декабря 1991 года, Москва.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Кажется, кому-то из наших сатириков принадлежит эта чудесная фраза: “Информации много, событий – нет”.

С того времени, как я закончила эту книгу, информации, связанной с КГБ, была масса:

– Конституционный суд признал Указ Президента России о слиянии госбезопасности с милицией неправомерным и указ отменил. Но, пожалуй, никогда раньше эти две силовые структуры не были так тесно связаны, как сейчас: новый шеф ГБ – Виктор Баранников до того был министром внутренних дел, “внутренние дела” возглавил его первый зам Виктор Ерин, первым замом самого Баранникова стал Анатолий Олейников, в прежние годы трудившийся в управлении “В”, курировавшем милицию.

– КГБ вновь – уже в который раз – поменял свое название, став Министерством безопасности России, и тут же прекратились все разговоры о “дезинтеграции КГБ”, о расчленении его на разные ведомства: структура снова заработала, как и прежде, хотя, конечно, эффективность пока и не та.

– Агентство федеральной безопасности вместе со своим отцом-основателем генералом Виктором Иваненко в одночасье кануло в небытие, и сладкая надежда, что одно чекистское ведомство будет следить за другим и тем меньше будет заниматься нами, – эта надежда растворилась, как сахар в горячей воде.

– Министерство безопасности России в духе времени продекларировало об отказе от функций политического сыска и какого-либо вмешательства в политическую жизнь страны. Но его глава Виктор Баранников тут же заявил, что оно, это министерство, вкупе с милицией и армией – “единственные реальные силы, которые могут защитить реформы в Российской Федерации”.

– Верховный Совет России заявил, что берет деятельность МБР под свой контроль. Но председателем парламентского Комитета по обороне и безопасности, который призван надзирать за тайной полицией, оставил генерал-майора Сергея Степашина – ...нынешнего заместителя министра безопасности России.

– Парламент принял Закон о безопасности и Закон об опе-

ративно-розыскной деятельности, запрещающий подглядывание и подслушивание частных лиц. Но когда государственный советник Президента Галина Старовойтова спросила шефа МБР Виктора Баранникова, не прослушиваются ли ее телефоны, тот развел руками: "Не знаю..."

— В Министерстве безопасности провели перестановку первых лиц и переименование управлений: в результате вместо 16 управлений стало 20. Но никто — ни парламентарии, ни правительство, ни Государственно-правовое управление, по-детски наивно обозначившее себя печальной памяти аббревиатурой ГПУ, — никто так и не задался вопросом, что это государство собирается защищать и какими средствами оно для того располагает. (Еще в январе Баранников заявил, что только на зарплату сотрудникам министерства требуется 8,5 миллиардов рублей, — это в старых ценах.) Телегу опять пустили впереди лошади. В результате из КГБ уходят специалисты. Уходят те, кого принуждали к тому в крючковские времена, кто вернулся в ГБ после августа, поверив, что с памятником Дзержинскому с Лубянки собираются вынести и всю остальную грязь и будет создана цивилизованная секретная служба. Уходят те, кому есть куда уйти — создают собственные консультационные фирмы, частные разведки, агентства по защите коммерческих тайн и так далее.

Но тысячам и тысячам других уйти некуда. Ибо их специальность — политический сыск. Ничего другого они делать не умеют. Не научили. И вот теперь их задача доказать, что они нужны, что деньги им платят не зря. И — доказывают. Верю — доказывают. Знаю — доказывают.

Тем более что политический сыск — особенно в виде подглядывания и подсматривания за своими политическими оппонентами — новыми властями уже оказался востребован...

"Функция рождает орган", — говорил великий физиолог Семенов...

Короче, с о б ы т и я — ликвидации политической полиции — так и не произошло. Лубянка, чуть потрепанная в послеавгустовских событиях, выжила. Ну, а свои способности к регенерации, к возрождению система многожды уже доказала. Дождемся?

А тем временем почти каждый день в моем кабинете раздается звонок: помогите, меня преследует КГБ. Почти каждый день ко мне с тем же приходят незнакомые мне люди. Почти каждую неделю я получаю подобного рода письма.

В абсолютном большинстве случаев эти люди преследуемы не КГБ — страхом перед политической полицией, возвращенным в них годами, десятилетиями, переданным по наследству.

Кто-то убеждает меня, что КГБ облучает их с помощью СВЧ-облучения. И мне приходится объяснять, что хотя работы в этой области ведутся (правда, по линии Министерства обороны), но успехов, которые позволили бы применять токи высокой частоты против отдельных граждан, – таких успехов пока нет.

Кого-то соседка назвала "агентом ЦРУ", и теперь ему кажется, что чекисты ходят за ним по улицам.

Кто-то просто боится всего на свете – ну, например, отправить письмо в благотворительный фонд на Запад – и пришел узнать, не прицепится ли за то к нему (к ней) Лубянка.

Обилие этих людей сегодня, когда, казалось бы, бояться нечего, – одно из самых сильных моих впечатлений последних месяцев. Я пытаюсь сказать этим людям, что политическая полиция как раз и питает свои жизненные соки их страхом. Что она умеет хорошо функционировать только тогда, когда ей не сопротивляются. Что сама идеология ведомства – труслива, хотя там немало лично мужественных людей. Бояться чекистов нельзя, опасно – это придает им силы...

Я пытаюсь все это сказать, но меня не слышат. Вижу по глазам – не слышат. Боже мой, думаю я, что же это ведомство и это государство сделали со своими согражданами! Кто ответит – и ответит ли когда-нибудь – за изломанную психику десятков тысяч людей?

"КГБ не организация, которую можно улучшить или ухудшить, – писал в январе 1992 года известный правозащитник и сиделец Лев Тимофеев. – КГБ – это состояние общества, болезнь общественной совести. Общество выздоровеет только тогда, когда КГБ будет уничтожен". Не услышали. Не слышат.

И я спрашиваю вновь, как спрашивала два года назад: Лубянка – будет ли этому когда-нибудь конец?

26 апреля 1992 года

P.S. Уже была готова верстка этой книги, когда стало известно: в МБР возвращен Комитет по пограничным войскам, то есть более 200 тысяч вооруженных людей, чей устав позволяет использовать их не только на границе, но и для подавления волнений внутри страны. В августе в лоно Лубянки должно вернуться и Федеральное агентство правительственной связи и информации – в прошлом Восьмой главк, 16 управление и Управление правительственной связи КГБ СССР. Ну а там – где-нибудь в сентябре-октябре – дотянутся руки и до разведки... Так "государство в государстве" воссоздается вновь. Что ждет нас дальше?..

Работая над этой книгой, автор пользовался самыми разными источниками информации: как открытыми, так и конфиденциальными, основанными на личных возможностях и контактах автора. В тех случаях, когда автору удавалось найти подтверждение информации в открытой печати, автор дает соответствующую ссылку. Но в целом ряде случаев это невозможно, как невозможно и назвать имя и фамилию источника, точное место работы. Читателю придется поверить автору на слово.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1. Журнал “Столица” № 16, 1991. Сс.3, 43.
2. “Литературная газета” № 27, 10.07.1991.
3. Лев Разгон. “Непридуманное”. М., “Книга”. 1989.

Глава I. ВЕРСИЯ

1. Здесь и далее заявление В.Крючкова цитируется по: “Советская Россия”, 12.12.1990.
2. О событиях в Прибалтике см. “Московские новости” №№ 3–6, 1991.
3. “Московские новости” № 10, 10.03.1991. С.3.
4. “Труд”, 12.02.1991.
5. Сходной точки зрения придерживается и Jeff Trimble – бывший корреспондент журнала “U.S.News & World Report” в Советском Союзе. См.: “U.S.News & World Report”, March 25, 1991.

Глава II. ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

1. Christopher Andrew & Oleg Gordievsky. “KGB The Inside Story. Of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev”. Harper Collins, New York, 1990.

- Emi Night. "KGB: Police & Politics in the Soviet Union". 1988.
2. Интервью Вадима Бахатина автору, октябрь 1991 года.
 3. Олег Гордиевский в интервью обозревателю "Московских новостей" Натальи Геворкян. См.: "Московские новости" № 9, 3.03.1991. С.15.
 4. Евгения Альбац, Наталия Геворкян. "Неизвестный нам КГБ". "Московские новости" № 9, 3.03.1991. С.15.
 5. Подполковник КГБ Валентин Королев. "Секреты секретных служб". "Огонек" № 43, 1990. С.29.
 6. Генерал-майор КГБ Олег Калугин. "Взгляд с Лубянки". "Независимая Балтийская газета", март 1991. С.16.
 7. Справка об использовании СН КГБ СССР N 21/1217 за подписью старшего инспектора Инспекторского управления КГБ СССР полковника В.В.Матвеева. Документы служебного расследования КГБ СССР.
 8. Генерал армии Филипп Бобков в интервью Андрею Караулову. "Куранты", 1.03.1991. С.6.
 9. "Московские новости" № 29, 21.07.1991. С.15.
 10. "Литературная газета" № 27, 10.07.1991. С.3.
 11. U.S.News & World Report, March 25, 1991, p.35
 12. "Московские новости" № 29, 21.07.1991.
 13. Альбац, Геворкян. "Неизвестный нам КГБ".
 14. Валентин Королев. "Секреты секретных служб".
 15. Генерал-майор КГБ Олег Калугин в интервью Натальи Геворкян. "Московские новости" № 17, 28.04.1991.
 16. Олег Калугин. "Не переходить на личности". "Комсомольская правда", 03.07.1990.
 17. Стенограмма встречи Председателя КГБ Владимира Крючкова с международным пресс-клубом женщин-журналисток. Декабрь 1990. Архив автора.
 18. Валентин Королев. "Израильская линия". "Столица" № 9, 1991. С.24.
 19. Полковник КГБ Михаил Любимов. "Признание нерасстрелянного шпиона". "Комсомольская правда", 12.10.1990.
 20. "Московские новости" № 6, 10.02.1991. С.6.
 21. Подполковник КГБ Александр Кичихин. "КГБ сегодня защищает конституционный строй и уничтожение архивов". "Столица" № 1, 1991.

22. Интервью А.Кичихина автору, октябрь 1991 года.
23. В.Кисилев. "Как они работали с нами". "Россия" № 4, 22–28.01.1992. С.5.
24. Там же.
25. Вячеслав Полосин. "Вечный РАБ ЧК". "Известия" № 18, 23.01.1992. С.3.
26. Там же.
27. Архив КГБ СССР, Фонд 6, опись 10, пор. № 277, дело Ц–175, т.2, л.д. 111.
28. Там же, Фонд 6, опись 6/16, пор. № 28, дело С–175, т.6, л.д. 67.
29. Там же, Фонд 6, опись 6/16, пор. № 24, дело Т–175, т.1, л.д. 291.
30. Там же, Фонд 5, опись 27/16, пор. № 11, дело П–175, т.2, л.д. 75.
31. Там же, Фонд 6, опись 11, пор. № 150, дело Ч–175, т.3, л.д. 217.
32. Там же, Фонд 5, опись 27/16, пор. № 10, дело П–175, т.1, л.д. 214.
33. Там же, Фонд 6, опись 11, пор. № 148, дело Ч–175, т.1, л.д. 209.
34. Интервью автора с отцом Глебом Якуниным, декабрь 1991.
35. См., например: Архив КГБ СССР, Фонд 6, опись 11, пор. № 148, д.Ч–175, т.1, л.д. 163.
36. Интервью автора с отцом Георгием Эдельштейном, ноябрь 1992.
37. Архив КГБ СССР, Фонд 6, опись 7/16, пор. № 25, дело У–175, т.5, л.д. 285. См. также: "Известия" № 18, 23.01.1992. С.3.
38. Там же, Фонд 6, опись 8/16, пор. № 21, дело Ф–175, т.3, л.д. 284.
39. Там же, Фонд 6, опись 9, пор. № 431, дело Х–175, т.3, л.д. 165.
40. Там же, Фонд 6, опись 6/16, пор. № 28, дело С–175, т.6, л.д. 75.
41. "Московские новости" № 23, 10.06.1990.
42. "Московские новости" № 9, 03.03.1991. С.15.
43. "Столица" № 1, 1991. С.26.
44. "Московские новости" № 9, 03.03.1991. С.15.
45. Александр Шальнев. "Один день в Академии ФБР". "Известия", 24.05.1990.
46. U.S.News & World Report, March, 1991.
47. "Россия" № 4, 22–28.01.1992. С.5.

48. Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП (б) № 50 от 2.09.1920, Архив КГБ СССР, Фонд 1, опись 4, пор. № 82.

49. Архив КГБ СССР, Фонд 1, опись 5, пор. № 651, дело “Шифр-бюро при СО ВЧК”. Документ передан автору В.П.Киселевым.

50. Там же, дело “Шифрбюро при оперотделе ВЧК”, пор. № 654, л.д. 74–74а.

51. Интервью генерал-лейтенанта КГБ СССР Виктора Иваненко автору, октябрь 1991.

52. Интервью капитана КГБ СССР Виктора Орехова автору, апрель 1991.

53. Юрий Щекочихин. “Я – стукач, моя фамилия Корчагин”. “Литературная газета” № 7, 22.02.1991.

54. Виктор Орехов.

55. “Россия” № 4, 1992.

56. Архив КГБ СССР, Фонд 1, опись 2, дело № 2. Документ передан автору В.П.Киселевым.

57. Е.Черных. “Все лучшее мы шлем на экспорт”. “Комсомольская правда”, 30.04.1991.

58. Интервью полковника КГБ СССР в запасе Ярослава Карповича автору, март 1991.

59. Интервью подполковника КГБ СССР А.Кичихина автору, декабрь 1991.

60. Интервью генерал-лейтенанта КГБ СССР В.Иваненко автору, октябрь 1991.

61. Архив автора.

62. Интервью полковника Владимира Рубанова автору, декабрь 1990.

Глава III. ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

1. Рукописные воспоминания Елизаветы Штуцер. Архив Всесоюзного института растениеводства.

2. Главными биографами академика Николая Вавилова являются Марк Поповский и Семен Резник, которые в конце 70-х годов вынуждены были эмигрировать из страны.

3. Армен Тактаджян. “Ненадетая мантия”. В кн.: “Возвращенные имена”, М., АПН, 1989. Сс.101–102.

4. Евгения Альбац. “Прощению не подлежат”. “Московские новости” № 19, 08.05.1988. С.13.

5. Там же.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.39. С.62.
7. В 1928 году прошел знаменитый “шахтинский процесс” над “вредителями” в угольной промышленности: судилище над представителями старой интеллигенции. Город Шахты находится в богатом углем Донбассе. См.: Борис Виктор. “Без грифа “секретно”. Записки военного прокурора”. М., “Юридическая литература”, 1990. Сс.148–152.
8. “Вопросы ленинизма”. Издание 2. С.217.
9. Цт. по: “Советское государство и право” № 3, 1965. С.24.
10. Цт. по: “Известия” № 160, 08.07.1991.
11. Надзорное производство № 6628–37. Архив Главной военной прокуратуры.
12. Из доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС, 25.02. 1956. Цт.по: “Известия ЦК КПСС” № 3, 1989. С.145.
13. “Ленинградская правда”, 21–23.12.1954.
14. Сб. постановлений, разъяснений и директив Верховного Суда СССР. М., 1935. С.100.
15. Постановление ЦИК и СНК СССР от 05.11.1934.
16. Генерал–лейтенант Борис Виктор, заместитель Главного военного прокурора в 1955–1967 гг. “Без грифа “секретно”. Записки военного прокурора”. М., “Юридическая литература”, 1990. Сс.192–193.
17. Цт. по: “Известия” № 160, 08.07.1991.
18. Борис Виктор. “Без грифа “секретно”. Сс.192–193.
19. Там же.
20. Архивно–уголовное дело № 06–58, том 18, С.15. Архив Главной военной прокуратуры СССР.
21. Дина Каминская. “Записки адвоката”. Khronica Press, Benson, Vermont 05731, 1984.
22. Борис Виктор. “Без грифа “секретно”. С.234.
23. Борис Виктор. “Актуальные вопросы теории и практики применения советского уголовного законодательства об особо опасных государственных (контрреволюционных) преступлениях”. Закрытая диссертация на соискание степени кандидата юридических наук. М., 1966. Архив Б.Викторова.
24. Красная Книга ВЧК. М., Изд–во политической литературы, 1989. Т.1. С.5.
25. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.35. С.286.

26. Ленинский сборник. XVIII. С.189.
27. А.Латьшев. "Генезис тоталитарной системы в СССР". Документы Комиссии ВС России по расследованию причин и обстоятельств переворота. А также: Ленинский сборник. XXXIV. С.65.
28. Цт. по: Сергей Мельник. "Первоисточник". "Столица" № 20, 1991. С.44.
29. Еженедельник ВЧК № 2. Там же.
30. Сергей Мельгунов. "Красный террор в России". 1-е издание – Берлин, "Ватага", 1923. Цт. по: 4 издание, Нью-Йорк, "Телекс", 1989. С.21.
31. Там же. С.24.
32. Там же.
33. "Кремль за решеткой", Берлин, 1922. Цт. по: "Столица" № 20. С.46.
34. С. Мельгунов. "Красный террор в России". С.43.
35. Там же. С.6.
36. Архив КГБ СССР, Фонд 1, опись 2, дело № 4, л.д. 64–65.
37. С.Мельгунов. С.6.
38. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.44. С.261.
39. Документы хранятся в Комиссии ВС России.
40. Там же.
41. С.Мельгунов. "Красный террор". С.87.
42. Там же. С.35.
43. "Столица" № 20. С.46.
44. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.44. С.328.
45. Василий Гроссман. "Жизнь и судьба". М., изд-во "Книжная палата", 1989. С.304.
46. Оттомар Харбауэр. "Страшная находка в лесу". Берлинер Цайтунг. Цт. по: "За рубежом" № 17, 1990. С.16.
47. "Комсомольская правда", 28.10.1990.
48. А.Латьшев. "Генезис тоталитарной системы в СССР".
49. Цт.по: "Известия" № 160, 08.07.1991.
50. Цт. по: С.Мельгунов. "Красный террор...". Сноска к сс.187–188.
51. "Московские новости" № 44, 04.11.1990.
52. Николай Миронов. "Укрепление законности и правопорядка – программная задача партии". М., "Юриздат", 1964. С.12.

53. Книга рекордов Гиннеса. М., "Советская Россия", 1989. Цт. по: "Литературная газета" № 29, 24.07.1991. С.10.

54. Б.Викторов. "Без грифа "секретно". С.326.

55. Там же. С.268.

56. Там же. С.269.

57. В.Артемов. "Орден меченосцев?" "Московские новости" № 25, 23.06.1991. С.15.

58. Б.Викторов. "Без грифа "секретно". С.270.

59. Архивно-следственное дело Ушакова-Ушмимирского З.М., том 2. Сс.185-187. Архив Главной военной прокуратуры СССР.

Глава IV. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ

1. "Ленинградская правда", 21-23.12.1954.

2. Личная беседа с генерал-майором Борисом Викторовым.

3. Викторов.

4. Надзорное производство № 6628-37. Архив Главной военной прокуратуры СССР.

5. Викторов.

6. "Известия ЦК КПСС" № 3, 1989. Сс.128-166.

7. Телефонный разговор автора с Владимиром Семичастным, 06.07.1991.

8. "КГБ: на кого нацелены буквы?" Интервью Председателя КГБ Владимира Крючкова Олегу Морозу. "Литературная газета" № 3, 23.01.1991. С.7.

9. Беседа автора с Б.Викторовым.

10. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 27.03.1953.

11. Статья 14 УК РСФСР в редакции 1941 года.

12. Архив Б.Викторова. Копия передана автору. Публикуется впервые.

13. Лев Разгон. "Нет, не раскаялись!" "Московские новости" № 31, 05.08.1990.

14 "Литературная газета" № 3, 1991.

15. Евгения Альбац. "Лубянка: будет ли этому конец?" "Московские новости" № 10, 11.03.1990. С.15.

16. Постановление Главной военной прокуратуры, 24.02.1959.

17. Постановление Главной военной прокуратуры, 03.08.1989.

18. В.Билик. "Правда осталась правдой". М., Политиздат, 1972. Сс.73–74.
19. Личное дело Боярского В.А. Особой инспекции (ОИ) НКВД–МГБ № 4630. Также: Архивно–следственное дело на Боярского В.А. № 06–58, том 3. Сс.247–248.
20. ОИ – № 4630, с.60.
21. Там же. Сс.6–9.
22. Интервью с генерал–майором юстиции В.Провоторовым Т.Меньшиковой и Ю.Соломонова. "Советская культура", 25.02. 1989. С.8.
23. Архивно–уголовное дело № 06–58, том 1, с.68.
24. Там же. Сс.6–7.
25. Там же. Т.14. С.11.
26. Там же. С.65.
27. Личное дело Боярского В.А.
28. Там же. Архивно–уголовное дело № 06–58, том 3. Сс.404–406, 407–421.
29. Там же. Т.8. С.11.
30. Там же. Т.3. С.262.
31. Справка из дела № 3612. "Компрометирующие материалы на Боярского Владимира Ананьевича".
32. Архивно–уголовное дело на Боярского В.А. № 06–58, т.13. Сс.204–206.
33. Там же. С.11.
34. Личная беседа с Б.Викторовым.
35. Интервью автора с подполковником юстиции Дмитрием Кашириным, 09.03.1988.
36. Там же.
37. Архивно–уголовное дело № 06–58, том 8, с.69.
38. Там же. Сс.191–209.
39. Там же. Т.3. Сс.161–166.
40. Диссертационное дело Боярского В.А. № 108562, с.73. Архив Высшей аттестационной комиссии (ВАК) СССР.
41. Интервью автора с майором юстиции в отставке Зормой Вольским, сентябрь 1988.

42. Показания сотрудника НКВД–МГБ киносценариста Маклярского. ОИ – № 4630.
43. Решение ЦК ВКП(б), 14.07.1950.
44. ОИ – № 4630, Заключение на Боярского В.А. комиссии МГБ СССР.
45. Там же.
46. Карел Каплан. “Советские эксперты в Чехословакии в 1949–1956 гг. Глава 1, Советские эксперты в Министерстве госбезопасности и разведке”. Здесь и далее цитирую по выборочному переводу, сделанному специально для автора.
47. ОИ – № 4630.
48. Там же.
49. Зорма Вольинский.
50. ОИ – № 4630.
51. Карел Каплан. “Советские эксперты в Чехословакии...”.
52. ОИ – № 4630.
53. Карел Каплан. “Бескровная революция”. Канада, 1985. Глава “Антигосударственный центр заговорщиков”. Цт. по частному переводу.
54. Там же.
55. Там же.
56. Роберт Конквест. “Большой террор”. Перевод с английского. Рига, “Ракстниекс”, 1991. Т.2. С.204.
57. Карел Каплан. “Советские эксперты в Чехословакии...”.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же.
61. См. например: Meir Cotic, *The Prague Trial*, New York, Herzl, Press/Cornwall Books, 1987, p.97. Так же в кн. Карела Каплана “Советские эксперты в Чехословакии...”.
62. Andrew & Gordievsky, p.415.
63. ОИ – № 4630.
64. Там же.
65. Там же. Т.3.
66. Стенограмма заседания специализированного совета К–003, 11.03 при Институте истории естествознания и техники, 1.03.1979.

67. Личное дело Боярского В.А. в Московской организации Союза журналистов СССР.

68. Архивно-уголовное дело № 06-58.

69. Там же.

70. Там же. Из показаний заключенного Бугакова Л.М. Т.14. С.136.

71. "Советская культура", 29.03.1988.

72. АУ – № 06-59, том 2, с. 302-303

73. ОИ – № 4630. Т.3.

74. Из справки на офицера запаса Боярского В.А. Там же.

75. Там же.

76. В начале 60-х годов ВАК СССР получил запрос из Научно-исследовательского института при Совмине Северо-Осетинской АССР. Директор института Х.Черджиев просил установить тему кандидатской диссертации Боярского, дату и место защиты. "Весьма возможно, – пишет Черджиев, – эта защита была закрытой. Указанные сведения нам крайне необходимы в работе. В Библиотеке имени В.И.Ленина нет ни интересующей нас диссертации, ни каких-либо других сведений о ней." Дело Боярского В.А. № 108562, с.23. Архив ВАК СССР.

77. Там же. С.95.

78. Там же. Сс.38-41.

79. Там же. С.32.

80. Там же. Сс.19-20.

81. Архивно-уголовное дело № 06-58, том 14. С.5.

82. Там же. Т.3. С.370.

83. Там же.

84. Интервью автора со следователем по особо важным делам Главной военной прокуратуры СССР, полковником юстиции Виктором Шеином, март 1990.

85. Дело № 108562, с.55.

86. Архивно-уголовное дело № 06-58, том 3. Сс.246-247.

87. Уголовное дело по обвинению Боярского В.А. № 11-88. Главная военная прокуратура СССР.

88. См. например: удостоверение Боярского В.А. о том, что он "подвергался кандидатским испытаниям по специальности История СССР" в Московском областном педагогическом институте. Первую подпись – "директор МОП" – разобрать вообще нельзя. Вторая – "за Ученого секретаря Совета – М.Овсянников". Дело № Д 0379-0428/12

о присуждении Боярскому В.А. степени доктора технических наук, с.81. Архив ВАК СССР.

89. ОИ – № 4630.

89. Архив ВАК СССР.

90. Здесь и далее: интервью автора с М.Г. Малковой, 15.09.1988.

91. ОИ – № 4630.

92. Из стенограммы обсуждения на заседании спецсовета 1.03.1979. Архив ВАК СССР.

93. Там же. С.81.

94. Там же. С.90.

95. Беседы автора с коллегами Боярского.

96. Стенограмма обсуждения... Страница не выделена.

97. Там же.

98. Постановление Президиума ВАК СССР № 5–л 21.04.1989: “Признать недействительным диплом доктора технических наук ТН – № 001842 и диплом кандидата исторических наук МИТ № 001516”. Архив автора.

99. Решение коллегии Государственного комитета по науке и технике СССР № 2–л 4.11.1989. Решение Президиума АН СССР на основании письма ВАК СССР № 3543/2 22.06.1989. Информация автора из Союза журналистов СССР. Постановление Главной военной прокуратуры СССР о привлечении Боярского В.А. в качестве обвиняемого, 3.08.1989. Уголовное дело № 11–88. Архив автора.

100. ОИ – №4630

101. Архивно–уголовное дело №06–58, т.9, л.д. 196–197

Глава V. ОЛИГАРХИЯ У ВЛАСТИ, ИЛИ КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ПЕРЕСТРОЙКИ?

1. Andrew & Gordievsky, p.608.

2. Генерал–майор КГБ Олег Калугин. “КГБ пока не меняет принципов”. “Комсомольская правда”, 20.04.1990.

3. Anatoli Golitsyn. “New Lies for Old”. New York, Dodd, Mead, 1984.

4. Сергей Георгиев. “Перестройка – кульминация стратегической дезинформации Кремля?” “Час пик” № 32, 12.08.1991.

5. См. например: Федор Бурлацкий. “Вожди и советники”. М., Изд-во политической литературы, 1990. С.275.

6. Geoffrey Hosking. "A History of the Soviet Union". London, Fontana, 1985, pp.423–424. Цт. по: Andrew & Gordievsky, pp.480–481.

7. Олег Калугин, "Комсомольская правда" 20.06.1990.

8. Материалы Комиссии ВС России по расследованию причин и обстоятельств переворота. См. также: И.Сичка. "Тайны Лубянского двора". "Комсомольская правда", 11.01.1992.

9. Копия с оригинала. Архив автора.

10. "Известия ЦК КПСС" № 1, 1989. С.24.

11. "Труд", 28.12.1990.

12. "Комсомольская правда", 20.06.1990.

13. "Московские новости" № 25, 24.06.1990.

14. Федор Бурлацкий. "Вожди и советники". С.363.

15. Данные военно-политического отдела Института США и Канады АН СССР на декабрь 1991 г.

16. "Красная Звезда", 08.04.1989; "Правда", 16.12.1989.

17. "Комсомольская правда", 19.01.1991.

18. Интервью автора с доктором исторических наук, заведующим военно-политического отдела Института США и Канады АН СССР Сергеем Роговым.

19. "Известия", 12.01.1991.

20. "Комсомольская правда", 19.01.1991.

21. Сергей Рогов.

22. Тот же источник.

23. Тот же источник.

24. Интервью автора с полковником КГБ СССР Владимиром Рубановым, сентябрь 1991.

25. Данные съезда Совета трудовых коллективов СССР, который состоялся в Москве в октябре 1991.

26. "Известия", 06.02.1991.

27. Олег Мороз. "Железная маска". "Литературная газета" № 42, 17.10.1990.

28. "Комсомольская правда", 26.12.1990.

29. "Московские новости" № 9, 03.03 1991. С.15.

30. "Новое время" № 35, 1991.

31. "Независимая газета" № 55, 12.05 1991.

32. Передача Центрального телевидения "На службе Отечества", 14.04.1991.

33. "Комсомольская правда", 20.07.1991. С.4.
34. "Комсомольская правда", 17.08 1991. С.4.
35. Интервью полковника В.Рубанова И.Сичке. "Гостайна выше закона?" "Комсомольская правда", 30.08.1990.
36. "Московские новости" № 9, 03.03.1991. Сс.8–9.
37. "Московские новости" № 16, 21.04.1991.
38. Беседа автора с доктором экономических наук Татьяной Корягиной, август 1991.
39. "Независимая газета", 28.12.1990.
40. "Литературная газета" № 3, 23.01.1991.
41. Копия с оригинала. Архив автора.
42. "Знамя" № 10, 1990. С.210.
43. Академик Николай Петраков. "Лицом к лицу". "Литературная газета", 31.07.1985.
44. Михаил Горбачев. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1985. С.12.
45. Вадим Печенев. "Горбачев: к вершинам власти". М., "Господин Народ", 1991. Сс.90–91,94.
46. Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986. С.241.
47. Константин Симонов. "Глазами человека моего поколения". М., АПН, 1988. С.134.
48. "Неделя" № 36, 1990. Сс.6–7.
49. Andrew & Gordievsky, pp.606–608.
50. "Известия", 29.03.1990. А также: Andrew & Gordievsky, pp.534–536.

Глава VI. РЕАЛИИ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ

1. Николай Попков. "Петля". "Литературная газета" № 52, 27.12.1989.
2. Интервью В.Семичастного А.Караулову. "Театральная жизнь" № 10, май 1989. С.32.
3. "Комсомольская правда", 26.06.1990.
4. Здесь и далее цг. по: Стенограмма встречи Председателя КГБ Владимира Крючкова с членами Международного пресс-клуба женщин-журналисток, декабрь 1989. Архив автора.

5. Архив Секретариата КГБ СССР, Фонд 6, опись 10, пор. № 45, дело 132, л.д. 104–106.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР о принятии Закона о порядке организации и проведении собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР. 28.07.1988.
7. Интервью автора с сотрудником КГБ на условиях анонимности.
8. Валентин Королев. “Секреты секретных служб”.
9. Там же.
10. Материалы Комиссии ВС СССР по расследованию обстоятельств августовского переворота, дело № 4, т.5, л.д. 331.
11. “Российская газета”, 29.11.1991.
12. Здесь и далее интервью автора с Виктором Ореховым. В случае использования других источников они отмечены особо.
13. “Экспресс–хроника” № 14, 02.04.1991.
14. Игорь Гамаюнов. “Как изменяют КГБ”. “Юность” № 6, 1991. С.90.
15. “Московские новости” № 24, 24.06.1990. С.11.
16. Александр Кичихин. “Столица” № 1, 1991. С.25.
17. Полковник КГБ СССР в запасе Михаил Любимов. “Разжалован без доказательств”. “Московские новости” № 27, 08.07.1990. С.4.
18. Там же.
19. “Московские новости” № 24, 1990.
20. “Московские новости” № 44, 3.11.1991.
21. Интервью Яна Румла Наталии Геворкян в Праге, июль 1990. Не публиковалось.
22. “Комсомольская правда”, 20.06.1990.
23. Интервью Бориса Ельцина Р.Лыневу. “Известия”, 23.05.1991.
24. Отчет Пятого управления КГБ СССР “Об итогах организационной и агентурно–оперативной деятельности за 1982 год”. Архив КГБ СССР, Фонд 6, опись 6/16, пор. № 28, дело С–175, т.6, л.д. 68.
25. Там же. Отчет за 1986 год, Фонд 6, опись 9, пор. № 433, дело Х–175, т.5, л.д. 40–41.
26. Там же. Отчет за 1987 год, Фонд 6, опись 11, пор. № 148, дело Ч–175, т.1, л.д. 35.
27. Там же. Отчет за 1988 год, Фонд 6, опись 11, пор. № 151, дело Ч–175, т.4, л.д. 65.
28. “Советская Россия”, 04.11.1990.

29. Стенограмма парламентских слушаний по расследованию финансовой деятельности КПСС, 10.02.1992. С.7.
30. Архив КГБ СССР. Информационная записка В.Крючкова М.Горбачеву № 405–К/ОВ, Фонд 6, опись 12, дело 13, т.1, л.д. 304–305. Документ передан автору В.Киселевым.
31. Стенограмма парламентских слушаний по расследованию финансовой деятельности КПСС. С.8.
32. Материалы Комиссии ВС СССР по расследованию обстоятельств августовского переворота в СССР, дело № 4, т.5, л.д. 60.
33. “Россия” № 4, 1992.
34. “Справка по материалам, обнаруженным в сейфе Болдина В.И.” за подписью старшего инспектора Инспекторского управления КГБ СССР, подполковника А.П.Пронина. Копия с оригинала. Архив автора.
35. “Россия” № 4, 1992.
36. Архив КГБ СССР, Фонд 6, опись 12, пор. № 110, д.Ш–175, т.1, л.д. 115.
37. “Столица” № 1, 1991. С.26.
38. “Россия” № 4, 1992.
39. Документ впервые опубликован Юрием Щекочиным в “Литературной газете” № 15, 17.04.1991. С.2.
40. Майор КГБ Александр Маврин. “Явка в курилке”. “Комсомольская правда”, 20.03.1991. С.2.
41. U.S.News & World Report, 25.03, 1991, p.39.
42. Доклад А.Собчака на IV Съезде народных депутатов, декабрь 1990.
43. Интервью генерала армии Филиппа Бобкова А.Караулову. “Независимая газета”, 28.12.1990. С.5.
44. В.Сергеев. “Убийство по заказу КГБ”. “Независимая газета”, 05.10.1991.
45. “Столица” № 1, 1991. С.24.
46. Беседа автора с подполковником КГБ А.Кичихиным, март 1991.
47. Александр Кичихин. “КГБ все знал и действовал”. “Новое время” № 35, 1991. С.16.
48. Валентин Королев. “Секреты секретных служб...”
49. А.Кичихин. “КГБ все знал и действовал...”.
50. Интервью автора с майором особого отдела Третьего главного управления КГБ СССР по мотострелковой дивизии г.Владикавказом Сергеем Петручиком, октябрь 1991.

51. Стенограмма встречи В.Крючкова с пресс-клубом женщин-журналисток.
52. С.Соколов, С.Плужников. "Как КГБ сводил счеты с КПСС". "Комсомольская правда", 22.01.1992.
53. "Мегалополис-экспресс" № 40, октябрь 1991.
54. Николай Андреев. "Дело АНТа". "Известия" № 261, 263, 264, 268, 272, 277, ноябрь 1991. Цт. по: № 263, 04.11.1991.
55. Интервью заместителя Генерального прокурора России Евгения Лисова автору, 10.02.1992.
56. "Независимая газета", 05.10.1991.
57. Интервью начальника Управления МБР по Москве и Московской области Евгения Савостьянова автору, ноябрь 1991.
58. "Комсомольская правда", 22.01.1992.
59. Информация из Службы разведки России на условиях анонимности.
60. Архив КГБ СССР, Фонд 6-ОС, опись 1, пор. № 3, дело ОВ-1, сс.159-160.
61. См., например: "Надежна ли защита?" Интервью с начальником Шестого управления КГБ генерал-лейтенантом Н.Савенковым. "Правда", 12.03.1991; "Три рубля за коробок спячек". "Советская Россия", 05.12.1990.
62. Социологический анализ профессора Юрия Левады. "Московские новости" № 1, 06.01.1991.
63. С.Шпилько. "Порядок, но не режим". "Известия" № 15, 17.01.1990.
64. Ю.Левада, "Московские новости" № 1, 06.01.1991.
65. Данные социологического опроса "Общественное мнение о рейтинге государственных структур, общественных и политических организаций". Социологическая служба Верховного Совета РСФСР, март 1991. Архив автора.
66. Ольга Кръштановская. "Смена всех или смена стиля". "Московские новости" № 16, 21.04.1991.
67. Там же.
68. Опрос социологической службы ВС РСФСР (см.65).
69. "Известия" № 15, 17.01.1990.
70. Александр Маврин. "Явка в курилке".
71. Копия с оригинала. Архив автора.

72. Егор Лигачев. "Знак беды". "Советская Россия", 11.04.1991. С.4.

73. Данные МИД РСФСР.

74. Интервью министра иностранных дел СССР с сентября по ноябрь 1991 года Бориса Панкина А.Афанасьеву. "Комсомольская правда", 23.11.1991. С.4.

75. Борис Ельцин. "Исповедь на заданную тему". Набережные Челны, центр "Спектр", 1990. Сс.147-148.

76. "Собеседник" № 4, 1992.

77. Рукописная копия автора с оригинала.

78. "Комсомольская правда", 26.09.1990.

79. "Правда", 12.09.1990.

80. Борис Пинскер. "Каждый двадцатый – враг?" "Московские новости" № 42, 21.10.1990.

81. Там же.

82. Архив автора.

83. "Московские новости" № 41, 11.11.1990.

84. По информации академика Николая Петракова – в то время советника М.Горбачева по экономическим вопросам.

85. Тот же источник.

86. "Советская Россия", 13.12.1990.

87. "Правда", 23.12.1990.

88. Дмитрий Пушкарь. "Суженное заседание объявляется открытым". "Московские новости" № 27, 07.07.1991.

89. Копия с оригинала. Архив автора.

90. "Куранты", 23.04.1991; "Известия", 22.04.1991.

91. "Московские новости", 24.03.1991.

92. U.S.News & World Report, March 25, 1991.

93. 103-я дивизия ВДВ и 75-я мотострелковая дивизия были переданы КГБ СССР решением Совета безопасности СССР № 314/3/01 от 3.01.1990. 48-я мотострелковая дивизия и 27-я отдельная мотострелковая дивизия вошли в состав КГБ в результате специального постановления СМ СССР № 587-82 от 16.06.1990.

94. "Будет ли назначено расследование деятельности КГБ?" "Комсомольская правда", 09.09.1990.

95. И.Кадулин, В.Прокопенко. "Кто более американской разведке ценен?" "Комсомольская правда", 05.07.1991.

96. "Комсомольская правда", 17.08.1991.
97. Валентин Королев. "Секреты секретных служб..."
98. Евгения Альбац. "Мина замедленного действия". "Московские новости" № 16, 21.04.1991.

Глава VII. ПЕРЕВОРОТ

1. Из Обращения ГКЧП к народу. 19.08.1991. Архив автора.
2. Основные источники информации: Отчет Государственной Комиссии по расследованию деятельности КГБ СССР во время путча; полковник Сергей Степашин – председатель комиссии, председатель Комитета по безопасности ВС РСФСР, с ноября 1991 – председатель Управления МБР по Ленинграду и Ленинградской области; Материалы служебного расследования КГБ СССР; документы Комиссии ВС СССР по расследованию обстоятельств государственного переворота в СССР под руководством А.Оболенского; генерал–лейтенант Вадим Бакатин – Председатель КГБ СССР, потом – Межреспубликанской службы безопасности; генерал–майор КГБ Виктор Иваненко – в пору моих интервью с ним – директор Агентства федеральной безопасности России (КГБ РСФСР); источники, которых я не могу назвать.
3. "Разговор с Президентом СССР за чашкой чая". "Известия" № 225, 20.09.1991.
4. Объяснительная записка В.И.Жижина. Материалы Комиссии ВС СССР, дело № 4, т.1, л.д. 287.
5. Объяснительная записка А.И. Егорова. Там же, л.д. 37–48. Копия с оригинала находится в архиве автора.
6. А.Кичихин. "КГБ все знал и действовал...".
7. Объяснительная записка А.И.Егорова.
8. Копия с оригинала документа. Архив автора.
9. "Алло, мы вас подслушиваем!" "Аргументы и факты" № 38, 1991.
10. Отчет Государственной комиссии по расследованию деятельности КГБ.
11. Копия с оригинала. Архив автора.
12. Копия с оригинала. Архив автора.
13. Рапорт В.В.Нечаева. Материалы Комиссии ВС СССР, дело № 4, т.1, л.д. 331.
14. Здесь и далее объяснительная А.И.Егорова.
15. Там же, л.д. 39.
16. Там же, л.д. 40.

17. Из показаний бывшего начальника Московского управления КГБ, генерал-лейтенанта Прилукова Госкомиссии по расследованию деятельности КГБ во время путча.

18. Объяснительная записка А.И.Егорова.

19. Там же, л.д. 42.

20. Там же, л.д. 43.

21. "Правда", 06.11.1991.

22. "Известия", 20.09.1991.

23. "Комсомольская правда", 05.09.1991.

24. А.Кичихин. "КГБ все знал и действовал...".

25. "Известия", 27.08.1991.

26. "Известия" № 202, 26.08.1991.

27. Показания Прилукова.

28. Материалы Комиссии ВС СССР.

29. "Комсомольская правда", 29.08.1991.

30. А.Кичихин. "КГБ все знал и действовал...".

31. См., например: Наталия Краминова. "Кологрив не заметил переворота". "Московские новости" № 37, 15.09.1991.

32. Интервью генерал-майора КГБ Виктора Карпухина Д.Беловедскому и С.Богуславскому. Информационный бюллетень "Зеркало", 12.10.1991.

33. Архив автора.

34. Е.Черных. "Все лучшее мы шлем на экспорт". "Комсомольская правда", 30.04.1991.

35. Ян Румл. "Еще раз о "Пражском варианте". "Московские новости" № 49, 1990.

36. "Мегаполис-экспресс" № 1, 1991.

37. Интервью с директором румынской госбезопасности В.Мэгу-ряну. "Комсомольская правда", 28.11.1990.

38. Юрий Шпаков. "Неуловимый Джо из Карловки". "Московские новости" № 39, 29.09.1991.

39. Собственная информация автора из анонимного источника, подтвержденная Вадимом Бакатияным в то время, когда он был еще Председателем КГБ.

40. Интервью Петра Короткевича Ю.Щекочихину. "Литературная газета", 02.10.1991.

41. Документы Комиссии ВС СССР.

42. Интервью автора с Леонидом Шебаршиным, 15.10.1991.
43. А.Кичихин. "КГБ все знал и действовал...".
44. "Литературная газета", 11.09.1991.
45. "Российская газета", 28.08.1991.
46. "Литературная газета", 11.09.1991.
47. "Российская газета", 27.08.1991.

Глава VIII. КГБ В ГОСУДАРСТВЕ, КОТОРОГО НЕТ, ИЛИ ЧТО ЖДЕТ НАС ЗАВТРА?

1. "Российская газета" № 177, 27.08.1991.
2. Интервью автора с генерал-лейтенантом Виктором Иваненко, сентябрь 1991.
3. Интервью автора с Олегом Калугиным, 27.08.1991.
4. А.Кичихин. "КГБ все знал и действовал...".
5. Интервью автора с полковником КГБ В.Рубановым, сентябрь 1991.
6. Архив автора.
7. Евгения Альбац. "Лубянка в шоке". "Московские новости" № 38, 22.09.1991.
7. Там же.
8. Там же.
9. David Wise. "Closing Down the KGB". "The New York Times Magazine", Nov.24, 1991, p.30.
10. "Независимая газета", 30.11.1991.
11. "Русский монитор" Vol.1, No 2, Nov. 10, 1991.
12. "Коммерсант", 07.10.1991.
13. Евгения Альбац, Наталья Геворкян. "Деньги для фантома". "Московские новости" № 49, 08.12.1991.
14. "Независимая газета", 30.11.1991.
15. Интервью Вадима Бакатина автору, 13.12.1991.
16. См., например: Николай Ульянов. "Секреты и тайны следует выгодно продавать". "Независимая газета", 10.12.1991.
17. Андрей Олигов. "Политический сыск будет всегда". "Советский спорт", 13.11.1991.
18. "Известия", 17.12.1991.

19. Евгения Альбац. "Российский КГБ: ясности нет". "Московские новости" № 1, 06.01.1991.
20. Интервью В.Иваненко автору, 28.11.1991.
21. Указ № 233, 26.11.1991. Архив автора.
22. Там же.
23. А.Олигов. "Политический сыск будет всегда".
24. Георгий Рожнов. "Чекисты остаются оптимистами". Интервью с генерал-майором С.Маликом. "Огонек" № 51, 1991. Сс.25-27.
25. Интервью автора с Евгением Савостьяновым. "Московские новости" № 47, 24.11.1991.
26. Интервью Госсекретаря России Геннадия Бурбулиса Олегу Морозу. "Литературная газета" № 45, 13.11.1991.
27. Интервью Юрия Федосеева А.Барину. "Независимая газета", 21.12.1991.
28. "Комсомольская правда", 30.11.1991.
29. Аналитическая записка начальника Аналитического управления КГБ СССР полковника В.Рубанова руководству страны. Архив автора.
30. Доклад генерал-лейтенанта В.Иваненко на совещании российских управлений КГБ в г.Ленинграде, июнь 1991. Архив автора.
31. Там же.
32. Геннадий Бурбулис, "Литературная газета", 13.11.1991.
33. "Известия", 19.12.1991.
34. "Аргументы и факты" № 39, 1991; № 45, 1991.
35. Интервью А.Кичихина автору, октябрь 1991.
36. Интервью В.Иваненко автору, октябрь 1991.
37. В.Заровский. "Агент "Юозас" не выйдет на связь". "Комсомольская правда", 19.11.1991.
38. "Аргументы и факты" № 47, 1991.
39. "Щит и меч" № 49, 5.12.1991.
40. "Мегалполис-экспресс" № 51, 1991. С.21.
41. Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

20

Прил. В. Е. № 57 п. 449

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Экв. № 1

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОВЕТА С.С.С.Р.

№ 00447

об операции по репрессированию бывших кулаков,
уголовников и др. антисоветских элементов.

30 июля 1937 года.

Гор. Москва.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

30-го июля 1937 г. № 00447. гор. М о с к в а.

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кудачов, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузинцев, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, денатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в город, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников - скотоконократов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие

их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача - самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных прожектов и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим П Р И К А З Ы В А Ю - С 5 А ВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ И ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ и УГОЛОВНИКОВ.

В УЗБЕКСКОЙ, ТУРКМЕНСКОЙ, ТАДЖИКСКОЙ и КИРГИЗСКОЙ ССР ОПЕРАЦИЮ НАЧАТЬ С 10 АВГУСТА с.г., а в ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ и КРАСНОЯРСКОМ КРАЯХ и ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ - С 15-го АВГУСТА с.г.

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

1. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут

антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых посадках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, вору-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скопотонокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с пре-

ступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессия подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне - в колхозах, совхозах, сельско-хозяйственных предприятиях и в городе - на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВЕ ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИЙ.

1. Все репрессированные кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках - РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее влиятельные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным Наркома республиканских НКВД и начальниками краевых и областных

управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	Первая кате- го- рия	Вторая кате- го- рия	В С Е Г О
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250
2. Армянская ССР	500	1000	1500
3. Белорусская ССР	2000	10000	12000
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000
5. Каргавская ССР	250	500	750
6. Таджикская ССР	500	1300	1800
7. Туркменская ССР	500	1500	2000
8. Узбекская ССР	750	4000	4750
9. Башкирская АССР	500	1500	2000
10. Бурято-Монгольская АССР	350	1500	1850
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000
12. Карельская АССР	300	700	1000
13. Кабардино-Балкарская АССР	300	700	1000
14. Крымская АССР	300	1200	1500
15. Коми АССР	100	300	400
16. Калмыцкая АССР	100	300	400
17. Марийская АССР	300	1500	1800
18. Мордовская АССР	300	1500	1800
19. Немцев Поволжья АССР	200	700	900
20. Северо-Осетинская АССР	200	500	700
21. Татарская АССР	500	1500	2000
22. Удмурдская АССР	200	500	700
23. Чечено-Ингушская АССР	500	1500	2000
24. Чувашская АССР	300	1500	1800

25. Азово-Черноморский край	5000	8000	13000
26. Дальне-Восточный край	2000	4000	6000
27. Западно-Сибирский край	5000	12000	17000
28. Красноярский край	750	2500	3250
29. Орджоникидзевский край	1000	4000	5000
30. Восточно-Сибирский край	1000	4000	5000
31. Воронежская область	1000	3500	4500
32. Горьковская область	1000	3500	4500
33. Западная область	1000	5000	6000
34. Ивановская область	750	2000	2750
35. Калининская область	1000	3000	4000
36. Курская область	1000	3000	4000
37. Куйбышевская область	1000	4000	5000
38. Кировская область	500	1500	2000
39. Ленинградская область	4000	10000	14000
40. Московская область	5000	30000	35000
41. Омская область	1000	2500	3500
42. Оренбургская область	1500	3000	4500
43. Саратовская область	1000	2000	3000
44. Сталинградская область	1000	3000	4000
45. Свердловская область	4000	6000	10000
46. Северная область	750	2000	2750
47. Челябинская область	1500	4500	6000
48. Ярославская область	750	1250	2000

УКРАИНСКАЯ ССР

1. Харьковская область	1500	4000	5500
2. Киевская область	2000	3500	5500
3. Винницкая область	1000	3000	4000

4. Донецкая область	1000	3000	4000
5. Одесская область	1000	3500	4500
6. Днепропетровская область	1000	2000	3000
7. Черниговская область	300	1300	1600
8. Молдавская АССР	200	500	700

КАЗАХСКАЯ ССР

1. Северо-Казахст. область	650	300	950
2. Южно-Казахст. область	350	600	950
3. Западно-Казахст. область	100	200	300
4. Кустанайская область	150	450	600
5. Восточно-Казахст. область	300	1050	1350
6. Актыбинская область	350	1000	1350
7. Карагандинская область	400	600	1000
8. Алма-Атинская область	200	800	1000
Лагеря НКВД	10000	-	10000

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории - во вторую категорию и, наоборот - разрешается.

4. Семьи кривоверных по первой и второй категории как правило не репрессировываются.

Исключение составляют:

а) Семья, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Член такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагерь или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

в) Семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове на Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, брать на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ.

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

В Туркменской, Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР операцию начать 10 августа с.г., а в Восточно-Сибирской области, Красноярском и Дальневосточном краях - с 15-го августа с.г.

2. В первую очередь подвергаются репрессии контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до освобождения репрессии не подвергаются.

В том случае, если нарком республиканского НКВД, начальник управления или областного отдела НКВД, закончив операцию по контингентам первой категории, сочтет возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй категории, он обязан, прежде чем к этой операции фактически приступить - запросить мою санкцию и только после получения ее, начать операцию.

В отношении всех тех арестованных, которые будут осуждены к заключению в лагеря или тюрьмы на равные сроки, по мере вынесения приговоров доносить мне сколько человек, на какие сроки тюрьмы или лагеря осуждено. По получении этих сведений я дам указания о том, каким порядком и в какие лагеря осужденных направить.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации и проведения операции по каждому сектору формируется оперативная группа, возглавляемая ответственным работником НКВД республики, краевого или областного Управления НКВД, могущим успешно справиться с возлагаемыми на него серьезными оперативными задачами.

В некоторых случаях начальниками оперативных групп могут быть назначены наиболее опытные и способные начальники районных и городских отделений.

Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства связи.

В соответствии с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение.

Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

Нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц.

7. На основании утвержденного списка начальники оперативной группы производят арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск. Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятые записываются в протокол обыска.

8. Арестованные сосредотачиваются в пунктах по указанию Наркома внутренних дел, начальников управлений или област-

ных отделов НКВД. В пунктах сосредоточения арестованных должны иметься помещения, пригодные для размещения арестованных.

9. Арестованные строго охраняются. Организируются все мероприятия, гарантирующие от побегов или каких-либо эксцессов.

10. ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ.

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение /.../

/.../ У1. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ.

1. Приговора приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т.е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговора в исполнение являются - заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в то же время и места приведения приговора в исполнение.

Документы об исполнении приговора приобщаются в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГ"ом НКВД СССР.

УП. ОРГАНИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВА ОПЕРАЦИЙ И ОТЧЕТНОСТЬ.

1. Общее руководство проведением операций возлагаю на моего заместителя - Начальника главного управления государственной безопасности - Комкора тов.ФРИНОВСКОГО.

Для проведения работы, связанной с руководством операций, сформировать при нем специальную группу.

2. Протоколы троек по исполнению приговоров немедленно направлять начальнику 8-го Отдела ГУГБ НКВД СССР с приложением учетных карточек по форме № 1.

На осужденных по 1 категории одновременно с протоколом и учетными карточками направлять также и следственные дела : 3. О ходе и результатах операции доносить пятидневыми сводками к 1,5,10,15,20 и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробно почтой.

4. О всех вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях, возникновении эксцессов, побегах за кордон, образовании бандитских и грабительских групп и других чрезвычайных происшествиях доносить по телеграфу - немедленно.

х

х

х

При организации и проведении операции принять исчерпывающие меры к тому, чтобы не допустить: перехода репресси-

руемых на нелегальное положение; бегства с мест жительства и особенно за кордон; образования бандитских и грабительских групп, возникновения каких-либо эксцессов.

Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

(Н.ЕЖОВ)

Верно
М. Кушнер

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1944-225000.

X1

Вопрос Наркомвнудела СССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. — Отпустить Наркомвнуделу СССР из резервного фонда СНК СССР на оперативные расходы, связанные с проведением операции, 75 миллионов рублей, из которых 25 миллионов — на оплату железнодорожного тарифа.

2. — Поручить Гвсплану СССР, ГУЛАГ*у НКВД СССР и Наркомлесу СССР в 20-дневный срок:

а) разработать и представить на утверждение СНК СССР планы организации лесозаготовительных работ, потребной для этой цели рабочей силы, необходимых материальных ресурсов, денежных средств и кадров специалистов;

б) определить программу лесозаготовительных работ этих лагерей на 1938 год.

3. — Отпустить ГУЛАГ*у НКВД СССР из резервного фонда СНК СССР авансом 10 миллионов рублей на организацию лагерей и на проведение подготовительных работ. Учсть, что в III и IV кварталах 1937 года осужденные будут использованы для производства подготовительных работ к освоению программы 1938 года.

Председатель СНК
Союза ССР —

В. Молотов.

Управляющий делами
СНК Союза ССР —

И. Петруничев.

Верно:

Уд.
Дого № _____
24 мп.
В/аф-1. УЛ. 1937г.

Категорически воспрещается:

а) снятие копий и выписок (документы рассылаются только Управ. Делами СНК СССР);
б) ознакомление лиц, не допущенных к секретной переписке.

Прот. П. Б. № 54 п. 46 10м
26.1X.37.

Копия

СТРОГО СЕКРЕТНО

Снятие копий воспрещается

Ш И Ф Р О В К А

Из Махач-Калы отправлена в О-05 26.1X-1937г. поступила
в ЦК ВКП на расшифрование 26.1X-1937 г. в 9 ч.20м.

Вх.№ 2068/м

МОСКВА, ЦК ВКП(б) т.СТАЛИНУ.

Следствие органов НКВД показывает, что лимит для беглых
кулаков и антисоветских элементов недостаточен, что выдвигает
необходимость увеличения лимита по обеим категориям. Дагобком
просит увеличить лимит первой категории вместо установленного
ЦК ВКП(б) 10 июля с.г. 600 до 1200 и второй категории вместо
2478 до 3300.

Секретарь Дагобкома Самурский

Верно:

Самурский

до
ХП.59г.

Оптический шифровки восстановлен в

Из Омска

15 августа 1937 года.

НАРКОМУ ВИНДЕД - тов. Т М О В У .-

*М. В. Мухомов
За истребление
до 8 тысяч
М. Горбач*

До состояния на 13 августа по Омской области первой категории арестовано 5.444 человека, изъято оружия 1.000 экземпляров.

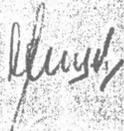
Прошу дать указания по моему письму №-365 относительно увеличения лимита первой категории до 8 тысяч человек.

13.VIII №-1962:

ГОРБАЧ.

Верно:

*И-я 1 Отд. С-ми 1-й д.
Лейтенант гос. безопасности
(АЛЕНЦЕВ)*

Дато гонду
 Куркубу Крас
 подпенуу Краро
 6000 ред. мунду
 но Т-он наперо
руи

 D. M. S.

К главе IV. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ

1972 - 1973/1974 *225*
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

И Ст-132/11с

Выписка из протокола № 132 § 11с заседания Секретариата ЦК
от 5.1.1966 г.

Записка т.т. Семгачастного и Руденко от 23.XI.1965 г. № 2843а

~~Сопоставляя с предложением Промфиндта СССР и ЦК Комсомола Министров СССР о предоставлении Семгачастного судебного процесса по делу Линянского А. П. и Даниэля Ю. М.~~

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т.т. Руденко, Семгачастному.
Силиной - 20.I.66г.

Зав

P 3625. 024, 0118, 0354, 1126-84

Поделитесь копией в ЦК КПСС (Общая часть, II серия) через 7 дней
со дня поступления (Пост. ЦК от 28.XII.1959, стр. 4 МБС)

Смирнов
Смирнов
Смирнов
Смирнов
Смирнов
 ПСС

Открытый судебный процесс по делу Смяловского и Даниэля состоится в период с 10 по 12 февраля 1966 года в зале судебных заседаний Московского областного суда (зал вмещает 100 человек). Дело принято к производству Верховным судом РСФСР и будет рассмотрено под председательством т.Смирнова Л.Н. Государственное обвинение поддерживает т.Темужкин - зам.начальника отдела Прокуратуры СССР; защиту обвиняемых осуществляют адвокаты т.т. Коган и Клевинский. Намечается выступление общественного обвинителя от Союза советских писателей.

Имеет в виду, что судебные заседания будут проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов гор.Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МКГ КПСС.

В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложения об освещении этого процесса в печати и по радио:

1. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газета "Известия" и "Литературная газета". Редколлегии газет "Правда", "Комсомольская правда", "Советская культура" и "Советская Россия" по своему усмотрению могут публиковать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал суда (без фотоаппаратов) по служебным пропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Киностранные корреспонденты на судебный процесс не допускаются.

3468с
 4.11.66.
 Отражено в 5.11.66.

ОСОБАЯ ПАПКА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О записке т.т. Андропова Д.В. и Руденко Р.А. от 20 января 1977 года
№ 123-А

(т.т. Кириленко, Андропов, Пономарев, Соломенцев, Катушев,
Долгих, Зиминин, Рябов)

Согласиться с предложениями, изложенными в записке
т.т. Андропова Д.В. и Руденко Р.А. от 20 января 1977 года
№ 123-А (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Результаты голосования:

Голосовали за записку

23	Выписки тт. <i>Кириленко, Руденко</i>
25.1.1977г.	

ф.4, оп.25, д.40, лл.1-6

Разослано: 26.1.1977г. *Холмогорова*

212

Секретно

Протокол
к н. 15 с, 47-47

ЦК КПСС
0158
21 ЯНВ 1977
1 сектор

ЦК КПСС

О мерах по пресечению преступной деятельности СЕЛОВА, ГИДЗЕГТА, КУДЕНКО и ВЕНДИКОВА

Специальные службы и идеологические центры противника прилагают серьезные усилия к тому, чтобы оживить и расширить на территории Советского Союза враждебную деятельность антисоветских элементов. Особенно заметно стремление западных спецслужб к организационному объединению лиц, выступающих против существующего в нашей стране государственного и общественного строя. В распоряжении Комитета госбезопасности имеются достоверные сведения о том, что этой проблемой в нашей стране специально занимаются даже официальные лица в посольстве США в Москве. Отдавая на данном этапе приоритет в осуществлении антисоветских целей нелегальным методам подрывной работы, противник вместе с тем пытается активизировать враждебные действия в легальных или полуполегалных формах.

По имеющимся данным, аккредитованные в Москве корреспонденты США, ФРГ, Англии, Франции, Италии настойчиво убеждают главарей антисоветчиков использовать в подрывных целях такие формы, как "обращения" к правительствам различных стран, содержание злостную клевету на советскую действительность, "пресс-конференции", открытые протесты против мероприятий Советского правительства. В последнее время в действиях противника все четче просматривается тенденция использовать предстоящую Белградскую встречу в интересах легализации открытых выступлений антисоветчиков против основ советского строя.

Подогреваемые Западом антисоветские элементы стремятся в той или иной форме вовлечь в свою преступную деятельность как лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, так и новых людей, которые часто бывает обмануты. Сюда вовлекаются

1137011, 5 u 1
V V

националисты, сионисты, крымские татары, турки-месхетинцы, сектанты и церковники.

Так, например, в Москве развернул активную антисоветскую деятельность ГИНЗБУРГ А.И., 1936 года рождения, который еще в 1961 году был судим за мошенничество, а в 1968 году - за попытку создания группы НТС в Москве. В последние годы, нигде не работая, он взял на себя функции распорядителя так называемым "фондом СОЛЖЕНИЦЫНА", фактически являющимся формой финансирования Западом антисоветских акций и материальной поддержки лиц, судимых за уголовные преступления.

В Литве подвизаются на этой стезе литовский националист ВЕНИЦОВА и трижды судимый за враждебную деятельность ПЯТКУС. На Украине - бывший участник нелегальной националистической организации КАНДЫБА и другие.

В Москве стал на путь антиобщественной деятельности ОРЛОВ Ю.Ф., 1924 года рождения, длительное время нигде не работавший. Еще в 1956 году, будучи членом КПСС и младшим научным сотрудником Института теоретической и экспериментальной физики, он открыто выступил с антипартийными заявлениями, за что был исключен из партии и подвергся критике на страницах газеты "Правда". Несмотря на это, ОРЛОВ был избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. В последние годы он устранился от научной работы и целиком посвятил себя антиобщественной деятельности. ОРЛОВ является автором ряда провокационных заявлений, интервью иностранным корреспондентам, постоянным участником открытых противозаконных действий.

В мае 1976 года, вступив в преступную связь с представителями американского посольства, ОРЛОВ возглавил так называемую "группу содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР" и в настоящее время под этим прикрытием пытается легализовать организованную антисоветскую деятельность. Под прямым воздействием ОРЛОВА аналогичные "группы" созданы в Киеве и Вильнюсе.

Участники их не скрывают своих истинных целей: легально заниматься политической демагогией вокруг хельсинкских соглашений, в нелегальных условиях — пропагандировать махрово антисоветские идеи. В частности, руководитель украинской "группы содействия выполнению хельсинкских соглашений" РУДЕНКО Н.Д., 1920 года рождения, среди своих сторонников прямо заявляет, что его целью является борьба за отделение Украины от Советского Союза.

Характерна оценка, данная этим "группам" западногерманским корреспондентом ШМИДТОМ-ХОЙЕРОМ. По его мнению, указанные "группы представляют собой попытку выйти после Хельсинки, если можно так сказать, из полуполигального положения подпольных журналов и создать группы, которые в прямом контакте с Западом, в диалоге с Западом смогли бы обратить внимание на нарушения по выполнению хельсинкского соглашения в Советском Союзе".

Органы государственной безопасности и Прокуратуры СССР использовали меры профилактического воздействия в отношении участников этих "групп". С ними неоднократно проводились соответствующие беседы в административных органах. Многие из них обсуждались общественностью. Партийными и советскими органами им оказывалось содействие в устройстве на работу. Такие меры имели значение, ибо в разное время от антиобщественной деятельности отошли многие заблуждавшиеся граждане.

Однако наиболее враждебно настроенные главари так называемых "диссидентов" не прекратили своей деятельности. Более того, игнорируя официальные предостережения, они активизировались и стали настойчивее в попытках легализовать преступную работу.

Нужно прямо сказать, что такое их поведение объясняется наличием у них уверенности в своей безнаказанности и в защитных мерах, которые может предпринять Запад в их поддержку. Немалую роль в формировании таких взглядов играет академик САХАРОВ, который всем своим поведением дает понять, что "власти"

о ним ничего сделать не могут и поэтому другим также бояться нечего. Об этом так называемые "диссиденты" постоянно и открыто заявляют на своих собраниях.

В подобных условиях меры только профилактического характера в отношении указанных лиц не могут дать должного эффекта и не приведут к ограничению их антиобщественной деятельности.

В связи с этим возникает необходимость осуществить меры по решительному пресечению действий ОРЛОВА, ГИНЗБУРГА и других на основе действующего законодательства.

С учетом политической и оперативной обстановки пресечение преступной деятельности наиболее активных антисоветчиков представляется целесообразным осуществить разнообразными путями.

Имеется в виду в отношении ОРЛОВА Ю.Ф. провести расследование по ранее возбужденному Прокуратурой г.Москвы уголовному делу с тем расчетом, чтобы в последующем привлечь его к уголовной ответственности по ст.190¹ УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). В ходе следствия ОРЛОВА не арестовывать, если он своими действиями не вынудит к этому.

ГИНЗБУРГА А.И. представляется необходимым арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР, следствие по делу провести по месту его жительства в Калужской области.

Проживающего в Киеве ГУЛЕНКО Н.Д. арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст.62 УК УССР (соответствует ст.70 УК РСФСР), но следствие провести не в Киеве, а в Донецке, для чего имеются процессуальные основания.

В связи с тем, что ВЕНЦЛОВА Т.А., 1937 года рождения, бывший научный сотрудник Института истории Академии наук Литовской ССР, ходатайствует о временном выезде по частному приглашению в США, разрешить ему такую поездку. Вопрос о дальнейшей судьбе ВЕНЦЛОВА будет решаться в зависимости от его поведения за рубежом.

В отношении других лиц Комитетом госбезопасности будут осуществлены мероприятия по предупреждению и пресечению их враждебной деятельности в обычном порядке.

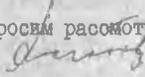
Внося указанные предложения, мы исходим из того, что они (особенно в части, касающейся ОРЛОВА и РУДЕНКО) могут вызвать очередную шум на Западе и негативную реакцию в некоторых коммунистических партиях. Как указывалось выше, главари так называемых "диссидентов" именно на это и рассчитывают. Однако представляется, что даже в предвидении указанного у нас нет другого выхода, так как, не опасаясь репрессий, ОРЛОВ, ГИНЗБУРГ, РУДЕНКО и другие (не говоря уже о САХАРОВЕ) все более наглеют, представляя собой крайне отрицательный и опасный пример для других.

Вместе с тем предлагаемые меры должны показать правящим кругам западных стран бесперспективность проведения в отношении Советского Союза политики шантажа и давления, еще раз подчеркнуть, что, последовательно проводя линию на рязрядку международной напряженности, мы будем решительно пресекать любые попытки вмешательства в наши внутренние дела и посязания на социалистические завоевания трудящихся.

Политическое значение этих мер будет состоять и в том, что они окажут свое влияние на положение в ЧССР, ПНР и других социалистических странах, которые сейчас подвергаются массированному нажиму со стороны внутренних враждебных элементов и международной империалистической реакции.

В связи с необходимостью пропагандистского обеспечения предлагаемых мер Комитетом госбезопасности будут подготовлены и представлены в ЦК КПСС соответствующие предложения.

Просим рассмотреть.

Д. АНДРОПОВ

20 " января 1977 г.

№ 123. А

Р. РУДЕНКО

" " января 1977 г.

К главе V. ОЛИГАРХИЯ У ВЛАСТИ ИЛИ КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ПЕРЕСТРОЙКИ

кв. 4

Секретно
Без. А 1

Ц К КПСС
33887
24.08.1982
I-6 СЕКТОР
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ц К КПСС

Докладываем, что 20 августа с.г. в гор.Новочеркасске, Ростовской области закончился открытый судебный процесс по делу организаторов и наиболее активных участников массовых беспорядков, имевших место 1-3 июня 1982 года.

На судебных заседаниях в дни процесса присутствовало около 5000 представителей общественности, в основном рабочих промышленных предприятий г.Новочеркасска. Процесс прошел организованно, вызвал большой интерес как со стороны присутствовавших в зале суда, так и среди населения города.

Все подсудимые, за исключением одного, виновными себя признали и рассказали в совершенных преступлениях.

В суде было допрошено около 70 свидетелей, которые полностью подтвердили данные има на предварительном следствии показания и разоблачили преступную деятельность подсудимых.

Семь преступников: ЗАЙЦЕВ, МОКРОУСОВ, КУЗНЕЦОВ, ЧЕРЕПАНОВ, КОРКАЧ, ССТНИКОВ и ШУБАЕВ приговорены к расстрелу, остальные - к длительным срокам лишения свободы, от 10 до 15 лет.

Приговор суда был встречен продолжительными аплодисментами переполненного зала и нашел широкий отклик и одобрение трудящихся города.

Так, плавильщик чугунолитейного цеха электровозостроительного завода КАШИН после объявления приговора о расстреле 7 подсудимых заявил: "Собакам собачья смерть!". Разливщик сталелитейного цеха КОШЫЛОВ, одобряя приговор, сказал: "Уму не постижимо, чего они хотели и что натворили. Все они получили по заслугам". Рабочий завода постоянных магнитов КОЧЕТОВ, обобщая

Копия Кривос К С Завод

28.8.82..

ГРЗ-14

В. Смирнов
Смирнов

2554

с товарищами результаты судебного процесса, заявил: "Суд шел правильно, разобрался объективно, приговор обоснованный и справедливый". Рабочий строительного управления № 6 КНЯЗЕВ по поводу приговора сказал: "Хорошо дали гадам, чтобы другим не повадно было". Кадровый рабочий - железнодорожник КАЗЮКАЛО, выслушав приговор, заявил: "Подлые преступники! Шли против своих братьев и отцов. Правильно, что их расстреляют". Рабочие завода имени Никольского ВАГАН, БУЦЕВ, ЛАПКО и АНДРЕЕВ, узнав о вынесенном приговоре, одобрили его, при этом АНДРЕЕВ сказал: "Приговор вынесен правильный, таких и надо расстреливать".

Одобряют приговор также работники учреждений города, научные сотрудники и преподаватели учебных заведений. Так, например, научный сотрудник политехнического института ЗАБЛУДИН говорил в отношении осужденных: "Это - подонки общества, они совершили тяжкие преступления и их надо расстреливать".

Открытый судебный процесс оказал большое воспитательное влияние на население города.

По просьбе рабочих в сборочном цехе Электровозостроительного завода состоялось обсуждение хода процесса. Маляр ВИЛЬЕВА при этом заявила: "Правильно сделали, что устроили показательный процесс, пусть люди знают, кто был заповодами в массовых беспорядках. Такие люди совершенно не вызывают сочувствия. Это отбросы рода человеческого".

Если ранее часть людей не понимала происшедших событий, то теперь жители гор.Новочеркасска разобрались в их существе, поняли, что беспорядки были спровоцированы уголовно-хулиганствующими элементами и с возмущением осуждают преступные действия бандитов и хулиганов.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

П. Ивашутин
П. ИВАШУТИН

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР
СОЮЗА ССР

Р. Руденко
Р. РУДЕНКО

№ 2170-и

23 августа 1962 года.

2554

12-3

ОСОБАЯ ПАПКА

129

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ИЗДАНИЕ ВОЗВРАТ
2551
28 АВГ 1969
I сектор
Министерство иностранных дел

28 августа 1969 г.

Ц К К П С С

№ 2169-А
гор. Москва

Handwritten notes and signatures on the left margin.

Поджог израильянами мусульманской мечети Аль-Акса в Иерусалиме вызвал острый реакцию индийской общественности. 26 августа с.г. этот вопрос обсуждался в парламенте Индии и министр иностранных дел ДИНЕШ СИНГХ выступил с заявлением, в котором отметил, что "правительство и народ Индии глубоко потрясены этим событием".

Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходи на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение мероприятий в Индии в 1969-1971 годах.

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Signature of Andropov
АНДРОПОВ

*Сергей Андропов, 10.05.
Содержание 11/165*

2477

он

СССР

КОМИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

23. *Апрель* 1974

№ 021-7/05

гор. Москва

У 27
Совершенно секретно
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ
ОСОБАЯ ПАПКА
Учитывать
С.А. Сидорову и А. Коваленкову
на договорной основе
Григорьев
(Курьков)

Товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И.

Безопасности
Министерства
Внешних дел
№ 2

Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с гленом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОР), руководителем отдела внешних операций НФОР Вади Хаддадом.

На встрече с резидентом КГБ в Ливане состоявшаяся в апреле с.г. Вади Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОР, которая в основном сводится к следующему.

Основной целью специальных акций НФОР является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма. Исходя из этого, главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются:

- продолжение особыми средствами "нефтяной войны" арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль;
- осуществление акций против американского и израильского персонала в третьих странах с целью получения достоверной информации о планах и намерениях США и Израиля;
- проведение диверсионно-террористической деятельности на территории Израиля;
- организация диверсионных акций против алмазного треста, основные капиталы которого принадлежат израильским, английским, бельгийским и западногерманским компаниям.

Уд. Фон (24)

В соответствии с этим в настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

В. Хаггад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.

Сотрудничая с нами и обращаясь за помощью, В. Хаггад четко представляет себе наше отрицательное отношение в принципе к террору и не ставит перед нами вопросов, связанных с этим направлением деятельности НФОП.

Характер отношений с В. Хаггадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагаем бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вагиа Хаггада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах. Что касается конкретных вопросов предоставления помощи, то имеется в виду, что они будут решаться в каждом случае отдельно с учетом интересов Советского Союза и предупреждения возможности нанесения ущерба безопасности нашей страны.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

О согласии сообщено
КГБ СССР (т. Лаштеву П. П.)

26.10.74

Итого: 26.10.74, 10.11.1974, 20.11.74 - в подл. 11.11.74.

2477

СССР

КОМИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Особой важности
ОСОБАЯ ПАПКА

Товарищу БРЕЖНЕВУ И.И.

16 мая 1975 г.

№ 1912-А/68

гор. Москва

В соответствии с решением ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности 14 мая 1975 года передана доверенному лицу разведки КГБ В.ХАДЛАДУ - руководителю службы внешних операций Народного Фронта Освобождения Палестины партия иностранного оружия и боеприпасов к нему (автоматов - 58, пистолетов - 50, в том числе 10 - с приборами для бесшумной стрельбы, патронов - 34.000).

Незаконная передача оружия осуществлена в нейтральных водах Аденского залива в ночное время, бесконтактным способом, при строгом соблюдении конспирации с использованием разведывательного корабля ВМФ СССР.

Из иностранцев только ХАДЛАДУ известно, что указанное оружие передано нами.

Андропов
С.С. Андропов
(И.И. Андропов)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

53604(14)

2477

Приложение
ОСОБАЯ ПАПКА

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

1. Выделить в 1976 году Итальянской компартии 1.000.000 долларов.
2. Поручить Правлению Госбанка СССР (т. Свешникову) выдать Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР 1.000.000 долларов на специальные цели.
3. Передать средств поручить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Секретно

г.г. Андреева
Павлова
т. Свешников
Секретно
13. V. 76
13. V. 76

телеграмм 13-16 региональным центрам ИКП, а также шифродоку-
ментов для перешифровки в сети двухсторонней радиосвязи.

4. Удовлетворить просьбу Руководства ИКП и изготовить 500 чистых и 50 именных (для руководящих работников ИКП) бланков итальянских заграничных и внутренних документов, 50 резервных комплектов тех же документов швейцарского и французского образца, а также парики и средства изменения внешности. Изготовление бланков и средств изменения внешности поручить Международному отделу ЦК КПСС и Комитету госбезопасности при Совмине СССР.

5. Утвердить текст телеграммы резиденту ИТБ в Италии.

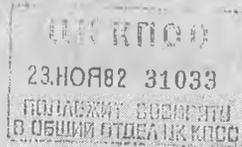
СЕКРЕТАРЬ ЦК

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

22. II. 82. № 2278-Д

Москва

Секретно

Ц К К П С С

О браках деятелей советской культуры с иностранцами из капиталистических государств

Краткое содержание. В брак с иностранцами вступили некоторые известные деятели советской культуры или члены их семей. Отдельные из них, покинув Родину, встали на путь враждебной деятельности. По вопросам, связанным со смешанными браками, буржуазная пропаганда выступает с клеветническими измышлениями. Некоторые советские фильмы вызывают некритическое отношение к заключению браков с иностранцами.

В последнее время на фоне некоторого возрастания количества смешанных браков с иностранцами (в г. Москве браков с иностранцами из капиталистических и развивающихся стран зарегистрировано: 1979 год - 258, 1980 год - 264, 1981 год - 337) все чаще отмечаются факты регистрации браков деятелей советской культуры с иностранцами из капиталистических государств.

Зарегистрировали браки с гражданами западных стран поэт Е. Евтушенко, кинодраматург А. Шлепянов, актриса театра им. Е. Вахтангова Л. Максакова, кинорежиссер А. Михалков-Кончаловский, киноактрисы М. Булгакова и Е. Коренева, пианист А. Гаврилов, экс-чемпион

6146 с

23.10.1982

мира по шахматам Б.Спасский, композитор А.Зацепин, солист балета ГАБТ В.Деревянко и другие. Отдельные из них фактически проживают постоянно за границей.

Покинувшие Родину вследствие заключения браков некоторые представители интеллигенции встали на путь совершения враждебных по отношению к СССР действий.

Бывшая киноактриса студии "Мосфильм" В.Федорова (дочь ныне покойной известной киноактрисы З.Федоровой), выехавшая несколько лет назад в США, выпустила от своего имени книгу антисоветского содержания под названием "Дочь адмирала", а затем исполнила главную роль в фильме "Дневник Юлии" резко враждебной направленности.

Выехавшая на жительство к мужу в Швецию бывший кинорежиссер студии "Таллифильм" и эстонского телевидения В.Аруоя ныне активно сотрудничает в зарубежной антисоветской организации.

Буржуазные средства массовой информации нередко используют факты заключения смешанных браков и выездов наших творческих работников за рубеж для распространения разного рода инсинуаций, доминирующим мотивом которых являются утверждения, будто бы браки советских граждан с иностранцами и выезд на Запад служат целям "расцвета творческого потенциала в условиях свободного самовыражения".

В отдельных случаях отказов в разрешении на выезд за границу советским гражданам, заключившим браки с иностранцами, по соображениям охраны секретов и иным веским основаниям на Западе, как правило, развязывается очередная клеветническая истерия "в знак протеста против насильственного разъединения семей", а лица, ко-

торым отказано в выезде, стремятся инспирировать разного рода антиобщественные акции.

Обращает на себя внимание то, что зарегистрировали браки с иностранцами из капиталистических государств дети ряда деятелей советской культуры: сыновья писателя В. Катаева, концертмейстера Д. Лшкенази, дочери поэтов М. Алигер и А. Кешокова, кинокритика Е. Суркова, заместителя директора киностудии "Мосфильм" Н. Иванова, композиторов А. Николаева, М. Фраднина и Я. Френкеля, кинооператора телеобъединения "Экран" А. Егидовича, руководящего работника телерадиофонда И. Покжевницкой и других.

По распространенным в среде творческой интеллигенции мнениям, наличие семейных связей с иностранцами нередко используется для получения за рубежом всяческих "благ", совершения сделок, не минуемо приводит к пропаганде западного образа жизни и, с другой стороны, потенциально опасно возможностью утечки негативной информации за границу. Отмечается, что некоторые кинофильмы ("Необычайные приключения итальянцев в России", "Подсолнухи", "Москва - любовь моя", "Мелодии белых ночей") вызывают у зрителя не критическое отношение к вопросам заключения браков с иностранцами из капиталистических и развивающихся стран.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

И. И. Федорчук

В. Федорчук

В. А. Шеня
09 x 17 P Шеня

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

19.07.82. № 1479-Ф

Москва

ЦК КПСС

20.ИЮЛ82 19407

ПОДЛИНИК ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

3704

84

Секретно

Ц К К П С С

товарищу Андропову Ю.В.

О негативных проявлениях в поведении отдельных категорий зрителей в ходе выступлений зарубежных артистов и просмотров произведений западного киноискусства

По поступающим в Комитет госбезопасности СССР данным, в последнее время нередко наблюдаются элементы негативного поведения отдельных категорий зрителей из числа советских граждан, присутствующих на различных международных мероприятиях в области культуры и искусства.

9 июля этого года в Большом зале Московской государственной консерватории состоялось торжественное закрытие УП Международного конкурса имени П.И.Чайковского, в ходе которого были официально подведены его итоги, а также дан заключительный концерт лауреатов. В процессе награждения победителей со стороны большинства зрителей открыто проявилась демонстративная тенденция к явно завышенной оценке некоторых зарубежных исполнителей и прежде всего представителей США и Великобритании, встреча которых сопровождалась продолжительными аплодисментами, доходившими порой до вызывающей нарочитости. Наиболее отчетливо это проявилось при награждении англичанина Донохоу П. (II премия), американцев Заяц Д. (III премия) и Барбагалло Д. (УП премия). В то же время вручение наград советским исполнителям, занявшим более высокие места, про-

3891

21.ИЮЛ1982

ходило в обстановке не более чем обычных приветствий. Этот контраст усилился во время выступлений лауреатов на концерте. Так, пианист из Великобритании Донохоу П. после своего номера неоднократно вызывался на сцену и был буквально усыпан цветами. По мнению ряда присутствовавших, такая реакция на его выступление не в полной мере соответствовала объективности, а была создана искусственно. Это подтверждается также и тем, что после оваций, устроенных англичанину, многие зрители покинули концерт, и выступления советских лауреатов Овчинникова В. и Забиялы Л. проходили при полупустом зале.

Нездоровый ажиотаж вокруг мероприятий в рамках культурного обмена проявлялся и во многих других случаях, в частности, на предыдущем конкурсе имени П.И.Чайковского, конкурсе артистов балета, во время внеконкурсного показа фильмов западного производства на Международных кинофестивалях, а также в ходе кинонедель ФРГ, Франции, Италии, Швеции, Канады и других стран.

Гипертрофированный интерес вызывают и гастроль в СССР некоторых зарубежных эстрадных "звезд". У входа в зрительные залы устраиваются столпотворения, обстановка на конкурсе бывает накалена до предела, допускаются выкрики, попытки массовых танцев.

Среди любителей эстрадной музыки постоянно распространяются всевозможные слухи о предстоящих гастролях зарубежных артистов, что будоражит общественное мнение и в значительной степени предопределяет указанные негативные моменты. В 1981 году такого рода слухи распространялись относительно шведского ансамбля "АББА", сейчас активно муссируется сообщение одной из московских газет

о выступлениях итальянского певца Челентано, хотя Госконцертом СССР этот вопрос окончательно не решен.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

И.И. Федорчук

В архив
Лисин
26.11.82

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ Ст-101/62гс

Выписка из протокола № 101 заседания Секретариата ЦК КПСС
от 29 марта 1983 года

О создании Антисионистского комитета советской общественности

1. Согласиться с предложением Отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ СССР о создании Антисионистского комитета советской общественности.

2. Утвердить штаты и должностные оклады работников Антисионистского комитета советской общественности (приложение № 1).

3. Одобрить проект постановления Совета Министров СССР о материально-техническом обеспечении Антисионистского комитета советской общественности (приложение № 2).

4. Поручить Советскому фонду мира осуществлять финансирование, Объединенному управлению делами общественных комитетов - материально-техническое обеспечение работы Антисионистского комитета советской общественности.

5. Утвердить номенклатуру должностей ЦК КПСС по Антисионистскому комитету советской общественности (приложение № 3).

6. Утвердить председателем Антисионистского комитета советской общественности т. Драгунского Д.А. (на общественных началах), первым заместителем председателя - т. Зивса С.Л., заместителем - т. Крупкина И.Б. (освобожденными).

7. Опубликовать обращение инициативной группы к советской общественности в газетах "Правда", "Известия", "Советская Россия", "Литературная газета", журналах "Новое время",

Проект постановления ЦК КПСС. Общедоступный текст. 11 страниц. Формат 16/22 см. 1 экз. посылать (Испол. Секретариат ЦК КПСС, от. 17) по-русски. Итого 1 экз. по 1 экз.

"Советы Геймланд", в газетах союзных республик и Еврейской автономной области (приложение № 4).

8. Поручить Отделу пропаганды ЦК КПСС рассматривать совместно с КГБ СССР планы работы комитета и оказывать необходимую помощь в их осуществлении.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано:

ЦК КПСС
 Вопрос Антисионистского комитета советской
 общественности

В соответствии с поручением Отдел пропаганды ЦК КПСС, Международный отдел ЦК КПСС и Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран доработали проект плана связей Антисионистского комитета советской общественности с организациями капиталистических, развивающихся и социалистических стран на 1984-1985 годы (прилагается).

В плане предусмотрено установление контактов, расширение имеющихся связей Антисионистского комитета советской общественности с зарубежными прогрессивными еврейскими и нееврейскими организациями, а также общественными деятелями, ведущими борьбу против международного сионизма.

Общее количество выезжающих за рубеж представителей Антисионистского комитета советской общественности составит 82 человека, принимаемых - 80 человек.

Что касается расходов на планируемые зарубежные связи, то они могут производиться в советской валюте Советским фондом мира и Министерством финансов СССР - в иностранной валюте. С Министерством финансов СССР (т. Деменцев В.В., Борисов С.М.) согласовано.

Проект плана согласован с заместителем председателя КГБ СССР т. Бобковым Ф.Д.

Считали бы возможным поддержать предложения Антисионистского комитета советской общественности.

Просим согласия.

Зав. отделом пропаганды ЦК КПСС

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС

Зам. зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран

(В. Стукалин)

(В. Загладин)

(Г. Киселев)

" 3 " мая 1984 года

142

от 1984
Секретарь ЦК
С. С. Смирнов

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

Вопрос Антисионистского комитета советской общественности

1. Согласиться с планом связей Антисионистского комитета советской общественности с организациями капиталистических, развивающихся и социалистических стран на 1984-1985 годы (прилагается).
2. Предоставить возможность Антисионистскому комитету советской общественности по мере необходимости вносить в план коррективы по согласованию с соответствующими отделами ЦК КПСС и КГБ СССР.
3. Принять к сведению, что все расходы на зарубежные связи по смете Антисионистского комитета советской общественности обеспечены Советским фондом мира в советской валюте, Министерством финансов СССР - в иностранной валюте.

Вася
Маймин

Результаты голосования:

В духе
Кол 00492 от 5.84

1889	Выписки гг.
06. АПР 1984	<p><i>Смирнов</i></p> <p><i>22.84</i></p>

Разослано:

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П65/12

Т.т. Горбачеву, Громыко, Рыжкову, Лигачеву, Чебрикову,
Шеварднадзе, Яковлеву, Добрынину, Лукьянову,
Медведеву, Ментешавили, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 65 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 11 мая 1987 года

О лишении гражданства СССР Ратушинской И.Б. и Герасименко И.Ф.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР
по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату в 7-дневный срок в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)

19-гр
эк

Проект

Подлежит опубликованию
в "Ведомостях"

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР Ратушинской И.Б. и
Герашенко И.О.

Учитывая, что Ратушинская И.Б. и Герашенко И.О. занимаются деятельностью, несовместимой с принадлежностью к гражданству СССР Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 18 Закона СССР от 1 декабря 1978 г. "О гражданстве СССР" за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу Советского Союза, лишить гражданства СССР Ратушинскую Ирину Борисовну, 1954 года рождения, уроженку г.Одессы, и Герашенко Игоря Олеговича, 1953 года рождения, уроженца г.Киева, проживающих в Великобритании.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

А.Громыко

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

Т.Ментешавили

Москва, Кремль

Секретно

Ц К К П С С

О лишении гражданства СССР
Ратушинской И.Б. и Геращенко И.О.

4 октября 1986 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР была досрочно освобождена от дальнейшего отбытия наказания Ратушинская И.Б., 1954 года рождения, судимая в 1983 г. по статье 62 УК УССР за проведение антисоветской деятельности. После освобождения Ратушинская и ее муж Геращенко И.О., 1953 года рождения, возбудили ходатайство о временном выезде за рубеж "для лечения" и 17 декабря 1986 г. выехали в Великобританию сроком на три месяца.

После выезда из Советского Союза Ратушинская и Геращенко приняли активное участие в развернутой за рубежом антисоветской кампании "в защиту прав человека в СССР". С этой целью реакционные политические круги на Западе организовали им турне по Австрии, Голландии, ФРГ, США, где они выступают на многочисленных пресс-конференциях, дают интервью для печати, радио, телевидения, встречаются с функционерами антисоветских центров и организаций.

На пресс-конференции в Лондоне в декабре прошлого года Ратушинская и Геращенко объявили, что не намерены возвращаться в СССР "до тех пор, пока советские власти нарушают права человека". В публичных выступлениях Ратушинская и ее муж извращают происходя

в нашей стране перемены, клевету на советскую действительность. Заявляя об отсутствии в СССР демократии, они настойчиво призывают западные страны к созданию "международного трибунала для оказания давления на Советский Союз и другие страны социалистического содружества в области прав человека", "свидетельствуют" о наличии в СССР многих тысяч "политических заключенных", об их "истязаниях и пытках" в местах лишения свободы. Именно по их инициативе в западных средствах массовой информации была поднята шумиха о пятнадцати тысячах якобы погибших во время аварии на Чернобыльской АЭС.

Стремясь заработать "политический" капитал, Ратушинская и Герашенко подключились к антисоветским акциям экстремистской организации "Народно-трудовой союз".

С учетом изложенного Комитет госбезопасности считает целесообразным лишить Ратушинскую И.В. и Герашенко И.О. гражданства Советского Союза.

С ЦК КП Украины (т.Щербицким В.В.) согласовано.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета
госбезопасности СССР

В.Чебриков

7 мая 1987 г.

№ 907-Ч

80-дм
В.У.87г.

1746/15 of 10.2.89

2 600 000
2 800 000
1 800 000
1 000 000
900 000
800 000
700 000
500 000
500 000
500 000
450 000

Семьдесят МКВ
Автомобили КО
КП Кингстон (списаны)
Посылки КО
КП Грессан
КП Испания
КП Тулуз
КП Индианас КО
КП Луизиана
КП Индианас

2 000 000 - 3/12
2 000 000 - 1/12
500 000 - 7/12, 500 000 - 8/12, 300 000 - 12/12
300 000 - 2/12, 100 000 - 4/12, 100 000 - 4/12, 300 000 - 4/12
500 000 - 12/12, 500 000 - 3/12
400 000 - 20/12, 300 000 - 3/12, 400 000 - 4/12
800 000 - 14/12, 500 000 - 20/12, 300 000 - 21/12
600 000 - 22/12, 100 000 - 8/12, 100 000 - 4/12, 100 000 - 4/12
100 000 - 2/12, 100 000 - 3/12, 8/12, 100 000 - 22/12
250 000 - 20/12, 25.12. - 250 000
300 000 - 25/12, 200 000 - 1/12
300 000 - 25/12, 200 000 - 25/12
300 000 - 25/12, 150 000 - 16/12

БЦ
БЦ

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П138/ХУП

Т.т.Горбачеву, Рыжкову, Медведеву, Чебрикову,
Лукиянову, Разумовскому, Кричкову, Ментешавили.

Выписка из протокола № 138 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 20 октября 1988 года

К вопросу о восстановлении Сахарова А.Д. в правах на выезд.

Во изменение постановления ЦК КПСС от 13 октября 1988 г.
по данному вопросу соответствующий Указ Президиума Верховного
Совета СССР принять после дополнительного изучения. (Записка
т.т.Чебрикова В.М. и Медведева В.А. прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату в 7-дневный срок в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)

16-лз
ВВ

2417

Ц К К П С С

В связи с поступлением обращений и писем о возвращении академику Сахарову А.Д. государственных наград, которых он был лишен Президиумом Верховного Совета СССР в январе 1980 г., главный ученый секретарь Академии т.Макаров И.М. по поручению Президиума Академии наук СССР имел с академиком Сахаровым А.Д. соответствующую беседу.

В ходе этой беседы т.Сахаров А.Д. заявил, что он считает возвращение ему государственных наград несвоевременным и ему, по его словам, неудобно идти на этот шаг, когда его жена, Боннар Е.Г., и многие другие люди, поддерживавшие его взгляды, до сих пор не реабилитированы.

В связи с этим, не меняя принципиального решения о возвращении Сахарову А.Д. государственных наград, полагали бы целесообразным принять соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР после дополнительного изучения этого вопроса.

В.Чебриков

В.Медведев

19 октября 1988 г.

и ми - лист

2477

ЦК КПСС

ЦК КПСС

№ 2319
ОТДЕК 1988

8 сектор

О техническом обеспечении спецслужбы Главного управления
по охране государственных тайн в печати при Совете Минис-
тров СССР

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (т.Болдырев В.А.) сообщает, что постановлением ЦК КПСС № 177/77гс от 7 марта 1961 года на Главлит СССР возложено осуществление негласного контроля за информацией, передаваемой иностранными корреспондентами за границу для получения необходимых сведений и своевременной организации контрпропаганды. В этих целях спецслужба Главлита СССР параллельно подключена к линиям связей ряда иностранных корреспондентов.

В последнее время в связи с переходом все большего числа западных информационных агентств на передачу материалов с помощью быстродействующей компьютерной техники и других современных средств связи (например, "Телефакс") работа спецслужбы Главлита СССР, оснащенной устаревшей аппаратурой (телетайпами), значительно осложняется. Без соответствующего обновления технической базы эта спецслужба вскоре не сможет в полном объеме выполнять возложенные на нее функции.

В связи с этим предлагается поручить Министерству связи СССР совместно с Комитетом государственной безопасности СССР и Главлитом СССР проработать вопрос о техническом обеспечении спецслужбы Главлита СССР. Вопрос согласован с КГБ СССР (т.Бобков Ф.Д.), Минсвязи СССР (т.Шамшин В.А.).

Полагали бы целесообразным поддержать предложение Главлита СССР. Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав.Идеологическим отделом
ЦК КПСС

А.Капто
(А.Капто)

" 6 " декабря 1988 года
к №29920,02-03

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

№ П148/16

Т.т.Горбачеву, Рыжкову, Шеварднадзе, Яковлеву, Язову,
Бахланову, Белоусову И., Катусеву, Кржичкову,
Белякову, Фалину - прил.соотв.;
Смиртюкову - все.

Выписка из протокола № 148 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 22 февраля 1989 года

Вопрос Министерства иностранных дел СССР, Министерства обороны
СССР, Государственной комиссии Совета Министров СССР по военно-
промышленным вопросам и Министерства внешних экономических
связей СССР.

1. Согласиться с предложениями т.т.Шеварднадзе Э.А.,
Язова Д.Т., Белоусова И.С. и Катусева К.Ф., изложенными в записке
от 18 февраля 1989 г. (прилагается).
2. Одобрить проект распоряжения Совета Министров СССР (при-
лагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

18-св
нд

2405

К. С. П. Д. С. И. П. А. В.
Текстовый документ, содержащий сведения, относящиеся к деятельности ЦК КПСС, подлежит возврату в ЦК КПСС в течение 3-х дней со дня получения. Запрещается копирование, распространение, а также вынос за пределы ЦК КПСС. Уточнить, кому именно и как необходимо возвращать документ, необходимо обратиться к руководителю отдела, в котором документ находится, или к секретарю ЦК КПСС.

Сов.секретно

ОСБВАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

О военно-техническом сотрудничестве с Исламской
Республикой Иран

Правительство Исламской Республики Иран обратилось с просьбой рассмотреть возможность поставки Советским Союзом Ирану современных боевых самолетов и вертолетов, танков, зенитных ракетных комплексов и автоматизированных систем управления для противовоздушной обороны страны, береговых ракетных комплексов "земля-корабль", ракетных катеров с ракетами на твердом топливе, подводных лодок и ракетных комплексов "земля-земля" с дальностью действия более 300 км, а также оказания технического содействия в организации производства указанного спецмущества в Иране.

Учитывая военно-стратегическое положение Ирана, заинтересованность СССР в нейтрализации планов влиятельных иранских кругов восстановить военно-техническое сотрудничество прежде всего с США и западноевропейскими странами, а также возможность дополнительного получения свободно конвертируемой валюты, Государственная комиссия Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, Министерство иностранных дел СССР, Министерство обороны СССР и Министерство внешних экономических связей СССР вносят предложение дать согласие на поставку Ирану в 1990 году спецмущества в основном оборонительного назначения, в том числе 12 вертолетов Ми-35П, 105 боевых машин

пехоты БМП-2, 500 переносных зенитных ракетных комплексов "Игла-1М", 16 боевых машин зенитных ракетных комплексов "Стрела-10М", 4 подвижных береговых ракетных комплексов "Рубеж-Э", всего на сумму около 400 млн. рублей. Оплату стоимости специмущества предложить Иранской Стороне осуществлять свободно конвертируемой валютой в год поставки.

Поставки специмущества Ирану осуществлять с учетом складывающейся обстановки в регионе.

Ракетные катера с ракетами на твердом топливе и ракетные комплексы "земля-земля" с дальностью действия более 300 км развивающимся странам не поставляются, а подводные лодки поставить не представляется возможным в связи с ограниченным производством.

Что касается организации в Иране производства специмущества по советским лицензиям, то предлагается в ходе переговоров с Иранской Стороной о поставке специмущества уточнить намерение Иранской Стороны по этому вопросу.

В дальнейшем по получении конкретных просьб Иранской Стороны на поставку специмущества в 1991-1995 годах и организацию его производства по советским лицензиям представить предложения в установленном порядке.

Э.Шеварднадзе

Д.Язов

И.Белюсов

К.Катушев

18 февраля 1989 г.

№ 01/2-3/2937

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

1-3-61

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЛИЧНО

ОСОБАЯ ПАПКА

№ П150/16

Т.т. Горбачеву, Рыжкову, Чебрикову, Язову,
Крычкову, Лизичеву, Павлову А., Смирткову.

Выписка из протокола № 150 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 15 марта 1989 года

Вопрос Министерства обороны СССР и Комитета государственной
безопасности СССР.

(О введении в политических органах Советской Армии и
Военно-Морского Флота дополнительных должностей инструк-
торов по организационно-партийной работе и замещении
их офицерами КГБ СССР)

1. Принять предложение Главного политического управления
Советской Армии и Военно-Морского Флота и Комитета государ-
ственной безопасности СССР о введении в политических органах
Советской Армии и Военно-Морского Флота за счет штатной чис-
ленности КГБ СССР 32 должностей инструкторов по организацион-
но-партийной работе.

2. Установить, что должности, вводимые в соответствии с
пунктом 1 настоящего постановления, замещаются офицерами
органов государственной безопасности с зачислением их в дей-
ствующий резерв КГБ СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

СЕКРЕТНО
Товарищ, инструкторы государственной безопасности ЦК КПСС, в течение 3-х дней
не возвращать в адрес кого бы то ни было. После переезда в Центральный аппарат ЦК
Товарищ, инструкторы государственной безопасности ЦК КПСС, в течение 3-х дней
не возвращать в адрес кого бы то ни было. После переезда в Центральный аппарат ЦК
не возвращать в адрес кого бы то ни было. После переезда в Центральный аппарат ЦК

876

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О просьбе руководства Компартии Турции

1. Удовлетворить просьбу руководства Компартии Турции (КПТ) и принять 12 активистов КПТ группами по 3-4 человека сроком до трех месяцев каждая, начиная с апреля 1988 года, для изучения проблем стратегии и тактики коммунистов в современную эпоху, а также проблем сочетания секретной и легальной работы партии в процессе ее легализации.

2. Прием и обслуживание указанных товарищей, включая размещение на спецквартире, возложить на Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, изучение проблем стратегии и тактики коммунистов в современную эпоху, а также проблем сочетания секретной и легальной работы в процессе легализации - на Институт

(см. продолжение)

Результаты голосования:

За: А. Дав
В. Мухомов
А. Александров
А. Индикевич
А. Овчинников
В. Зайцев
И. Мухомов

На оформлении
02.03.88г. Минин

020	Выписки тт. Чибрикову, Добрянину, Гостеву, Крайнову, Кривичеву
24. ФЕВ 1988	

общественных наук при ЦК КПСС, консультации по мерам обеспечения безопасности партии в случае перехода на легальное положение - на Комитет государственной безопасности СССР.

3. Расходы по проезду 12 турецких товарищей от одного из городов Европы до г.Москвы и от г.Москвы до г.Стамбула, по оплате их проживания в Западной Европе в течение месяца после выезда из СССР, исходя из расчета до 80 американских долларов в день на человека (до 28.800 американских долларов на 12 человек в течение месяца), а также по их проживанию в СССР, включая экипировку и расходы на личные нужды до 150 рублей одновременно на человека, отнести за счет резерва в партбюджете.

4. Министерству финансов СССР выделить Управлению делами ЦК КПСС инвалюту для покрытия валютной части расходов по оплате проезда 12 товарищей от одного из городов Европы до г.Москвы и от г.Москвы до г.Стамбула и для оплаты их проживания в течение месяца в Западной Европе.

Т.В.Шинин
Шинин

ЦК КПСС

1279

2 СЕНТОС

О просьбе Председателя Коммунистической партии Аргентиныт. А. Фава

Председатель Коммунистической партии Аргентины т. А. Фава обратился в ЦК КПСС с просьбой о содействии в изготовлении авиационных листов, промывочной машины и контейнеров для их транспортировки и хранения. Потребность в указанных документах и контейнерах объясняется необходимостью проведения нелегальной работы в условиях активизации деятельности спецслужб, а также оказания помощи действующей в подполье Парагвайской коммунистической партии.

Считали бы возможным удовлетворить просьбу т. А. Фава, поручив изготовление документов и контейнеров по заданию Международного отдела ЦК КПСС Комитету государственной безопасности СССР и Министерству обороны СССР.

С заместителем председателя Комитета государственной безопасности СССР Шобаринским А. В. и заместителем министра обороны СССР г. Волосевым И. А. согласовано.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Международным отделом
ЦК КПСС

Валин
В. Фалин

" 13 " сентября 1989 года

№ 18-С-1083

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О просьбе Председателя Коммунистической партии Аргентины
т.А.Фавы

1. Удовлетворить просьбу Председателя Коммунистической партии Аргентины (КПА) т.А.Фавы и оказать руководству КПА содействие в изготовлении адресованных карточек, удостоверяющих личность и принадлежность, как к членам, так и к кандидатам в члены

2. Поручить Международному отделу ЦК КПСС рассматривать просьбы руководства КПА об изготовлении адресованных карточек, удостоверяющих личность и принадлежность, как к членам, так и к кандидатам в члены, а Комитету государственной безопасности СССР и Министерству обороны СССР об изготовлении по заявкам КПА Международного отдела ЦК КПСС.

Томич

Результаты голосования:

*За А. Гинкель
Минин
Завучев
Смирнов
Степанов
Завучев*

№ оформления
23.09.89 *Минин*

068	Выпущен тт. <i>Гинкель, Минин, Завучев</i>
15. СЕН 1989	

ЛТ. А 4

Подлежит возврату в течение 3-х дней
в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-й сектор)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

№ П184/10

Т.т. Горбачеву, Рыжкову, Зайкову, Крючкову, Маслюкову,
Шеварднадзе, Яковлеву, Язову, Байланову, Белоусову И.,
Бакатину, Катусеву, Белякову, Фалину - прил. соств.;
Шкабардне - всё.

Выписка из протокола № 184 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 30 марта 1990 года

Вопрос Министерства иностранных дел СССР, Госплана СССР, Мини-
стерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности
СССР, Министерства внутренних дел СССР, Министерства внешних
экономических связей СССР и Государственной комиссии Совета
Министров СССР по военно-промышленным вопросам.

1. Согласиться с предложениями, изложенными в записке
т.т. Зайкова Л.Н., Крючкова В.А., Маслюкова Ю.Д., Шеварднад-
зе Э.А., Язова Д.Т., Байланова О.Д., Белоусова И.С., Бака-
тина В.В. и Катусева К.Ф. от 16 марта 1990 г. (прилагается).
2. Одобрить проект распоряжения Совета Министров СССР
(прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К СВЕДЕНИЮ
Текст, содержащий сведения, составляющие государственную тайну, не подлежит передаче за пределы СССР, а также не подлежит опубликованию, распространению, копированию, фотографированию, записыванию, выписыванию, а также передаче информации с помощью технических средств и иным способом, обеспечивающим сохранение государственной тайны.

22-тв
зп

Распоряжение СМ СССР
№ 4804 от 30.03.1990 г.

2477

2. 5002

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

О поставке Республике Афганистан специмущества

Правительство Республики Афганистан обратилось с просьбами:

о поставке в 1990 году специмущества, в том числе 150 ракет к ракетному комплексу Р-17Э, 2 пусковых установок ракетного комплекса "Луна-М", 380 танков, 1925 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 2382 орудий и минометов, 700 зенитных пушек и установок, 12,8 тыс. реактивных огнеметов, 109 тыс. единиц стрелкового вооружения, 2 полковых комплектов зенитного ракетного комплекса С-125М1А, 3 дивизионов зенитного ракетного комплекса С-75, 109 самолетов, 48 вертолетов, боеприпасов, инженерной техники, средств транспорта и связи, имущества тыла, медицинского имущества и имущества общегражданского назначения, всего на сумму около 6,4 млрд. рублей;

о предоставлении кредита на сумму 80 млн. рублей для оплаты стоимости ремонта в СССР специмущества, ранее поставленного из Советского Союза.

Государственная комиссия Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, Министерство иностранных дел СССР, Госплан СССР, Министерство обороны СССР, Комитет государственной безопасности СССР, Министерство внутренних дел СССР и Министерство внешних экономических связей СССР вносят предложения:

№ 182-28

№ ЦК - 0285м

дать согласие на поставку Афганистану в 1990 году 150 ракет к ракетному комплексу Р-17В, 2 пусковых установок ракетного комплекса "Луна-М", 380 танков, 865 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 195 орудий и минометов, 680 зенитных пушек и установок, 1000 реактивных огнеметов, около 96 тыс. единиц стрелкового вооружения, 54 самолетов, 6 вертолетов, боеприпасов, инженерной техники, средств транспорта и связи, более 1500 парашютно-грузовых систем многоразового использования, имущества тыла и другого имущества, а также на ремонт в СССР в 1990 году специмущества, ранее поставленного Афганистану из Советского Союза, всего на сумму около 1,8 млрд. рублей;

поставку и ремонт специмущества осуществить на традиционных условиях расчетов, то есть в кредит на 10 лет из 2 процентов годовых с оплатой 25 процентов стоимости поставляемого специмущества и 50 процентов стоимости за ремонт, в счет источников, определенных постановлением ЦК КПСС от 7 марта 1990 г. (П181/22).

При этом специмущество на сумму около 0,5 млрд. рублей может быть поставлено из наличия Минобороны СССР без возмещения со стороны МВЭСа СССР - в счет стоимости танков, орудий, самолетов и другого специмущества, высвобождающихся при сокращении в одностороннем порядке Вооруженных Сил СССР.

Распределение указанного специмущества между Министерством обороны, Министерством государственной безопасности и Министерством внутренних дел Республики Афганистан будет проведено Афганской Стороной.

Выделить к поставке Афганистану запрашиваемые зенитные ракетные комплексы С-125М1А и С-75 не представляется возможным в связи с прекращением их производства и отсутствием в свободном наличии Минобороны СССР.

2477

Что касается просьбы о поставке боевых и учебных самолетов МиГ-29, то эти самолеты можно было бы поставить в 1991 году, по завершении подготовки в СССР афганского летно-технического состава.

Удовлетворить просьбу Афганской Стороны о поставке транспортных средств в полном объеме не представляется возможным из-за отсутствия экспортных фондов в 1990 году.

В отношении выделения Афганистану в 1990 году медицинского имущества и медикаментов и предоставления оборудования и имущества, необходимых для капитального ремонта больницы Академии военно-медицинских наук Министерства обороны Афганистана, предложения будут представлены в установленном порядке дополнительно.

С заинтересованными министерствами и ведомствами согласовано.

Л.Зайков В.Крмчков Ю.Маслюков Э.Шеварднадзе Д.Язов

О.Бакланов И.Белюсов В.Бакатин К.Катушев

16 марта 1990 г.
№ 01/2-3/2991

КАБУЛ

СОВПОСОЛ

Совместно с т.т.Гареевым М.А., Ревиным В.А. и Алексеевым Г.А. посетите Президента Республики Афганистан т.Наджибуллу и, сославшись на поручение, сообщите ему, что просьбы афганского руководства о дополнительной поставке специмущества для афганских вооруженных сил в 1990 году внимательно рассмотрены.

Советское правительство изыскало возможность в 1990 году поставить Афганистану 150 ракет к ракетному комплексу Р-17Э, 2 пусковые установки ракетного комплекса "Луна-М", 380 танков, 865 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 195 орудий и минометов, 680 зенитных пушек и установок, 1000 реактивных огнеметов, около 96 тыс.единиц стрелкового вооружения, 54 самолета, 6 вертолетов, боеприпасы, инженерную технику, средства транспорта и связи, более 1500 парашютно-грузовых систем многообразного использования, имущество тыла и другое имущество и производить ремонт ранее поставленного из СССР специмущества, всего на сумму около 1,8 млрд.рублей.

Поставку и ремонт специмущества предусматривается осуществить на прежних условиях расчетов, то есть с оплатой 25 процентов стоимости за поставку и 50 процентов стоимости за ремонт, в кредит на 10 лет из 2 процентов годовых.

При этом имеется в виду, что распределение указанного имущества между министерствами и ведомствами, исходя из практической

целесообразности и стоящих перед ними задач, будет проведено Афганской Стороной.

Предложить к поставке зенитные ракетные комплексы С-125М1А и С-75, дополнительное количество ракет к ракетному комплексу Р-17Э, сверх выделенных 150 единиц, а также в более полном объеме удовлетворить просьбу Афганской Стороны о поставке транспортных средств не представляется возможным.

Проведение переговоров и подписание соглашений можно было бы осуществить в Москве или Кабуле в сроки по согласованию Сторон.

С Советской Стороны переговоры поручено провести Министерству внешних экономических связей СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР и Министерству внутренних дел СССР. Подписание соглашений поручено МВЭСу СССР.

Исполнение телеграфируйте.

О ЗАДОЛЖЕННОСТИ

советских организаций фирмам друзей

1. С конца 1989 года фирмы друзей (Франция, Португалия, Греция, Кипр, Австрия, Швеция, Уругвай) сталкиваются с нарастающими трудностями из-за неуплаты советскими контрагентами денег за поставленные в нашу страну товары. Несколько раз по этой причине фирмы оказывались на грани банкротства и только вмешательство М.С.Горбачева в ответ на прямое обращение в ЦК КПСС гг.А.Куньяла, Г.Плиссонье, Г.Христофиаса, Д.Вильбермайера, Х.Переса, руководства Компартии Греции и Рабочей партии - коммунисты Швеции позволяло на время разрядить критическую обстановку.

В последние недели особенно острый кризис с погашением нашего долга сложился у фирм друзей во Франции, Австрии и Швеции. В ЦК КПСС поступили прямые обращения руководства компартий этих стран (спец. № 635 от 2 сентября 1990 г. из Вены, спец. № 2328 и 2329 от 18 сентября и 2596 от 10 октября 1990 г. из Парижа, спец. № 1394 от 12 октября 1990 г. из Стокгольма), в которых подчеркивается, что дальнейшая затяжка с погашением задолженности приведет в ближайшее время к банкротству компаний "Интерагра" (Франция), "Краус и Ко" (Швеция) и "Виг Трюк продукт АБ" (Швеция), являющихся важными источниками финансирования партийных бюджетов.

2. На 10 октября 1990 года положение с нашей задолженностью фирмам друзей следующее.

Компартия Франции - компания "Интерагра" (поставляет в СССР ^{зерно, масло} мясо и мясопродукты). К оплате ею предъявлены счета на 138 млн.долл., из которых 60-70 млн.долл. представляют собой просроченную задолженность. Вопрос докладывался 8 октября с.г. М.С.Горбачеву. "Внешэкономбанку" было дано указание принять срочные меры. По данным банка (Д.С.Московский), 9 млн.долл. были переведены в Париж 11 октября с.г. и еще 1,5 млн.долл. будут переведены сегодня. Остальное имеется в виду погасить из французского кредита, переговоры по которому еще не начинались.

Рабочая партия - коммунисты Швеции - партийная типография "Виг Трж продукт АБ" не может получить с "Внешторгиздата" платежи в размере около 3 млн.шв.крон (0,5 млн.долл.). Совпосол сообщает, что в случае дальнейшей задержки с погашением нашего долга банкротство типографии может наступить через 7-10 дней (т.е. 19-22 октября с.г.). В этом случае под угрозу будет поставлено издание печатного органа партии "Норшенофламман".

Компартия Австрии - компания "Краус и Ко" (поставляет товары широкого потребления). Просроченная задолженность превысила 30 млн.долл. и 31 млн. австр.шиллингов (примерно 1 млн.долл.). По данным Торгпредства СССР в Австрии, оплата счетов "Краус и Ко" была нами прекращена практически с начала текущего года.

Компартия Португалии - компании "Коммерсио интернационал", "Эспор"/"Эхосуа" (Испания), "Металкиме"/"Тагол" (поставки растительных масел, обуви, полиэтиленовых мешков, стальной ленты и перчаток). Задолженность частично была погашена и в настоящее время оценивается в 11 млн.долл.

Компартия Греции - фирма "БЕК" (поставка обуви экспорте-
рами "Агапиу" и "Рекоп"). Задолженность частично (до 3 млн.долл.
была погашена в июле с.г. и в настоящее время оценивается в
8 млн.долл.

АКЭЛ - Компартия Кипра - фирмы друзей "Дельта" и "ЛОЭЛ"
(поставляют виноградный сок, джемы и обувь). Задолженность
частично была погашена в июле с.г. (4,2 млн.долл.) и в настоящее
время оценивается в 8 млн.долл.

3. Специфика этого аспекта нашей задолженности состоит
в том, что речь, как правило, идет о незначительных по государ-
ственным масштабам суммах, которые имеют, однако, жизненно
важное значение для фирм друзей. А без отчислений от их прибылей
в партийную кассу финансовое положение партий будет самым
серьезным образом подорвано. "Внешэкономбанку" в августе с.г.
С.А.Ситаряном было дано указание "пропускать вне очереди" пла-
тежи по задолженности малым фирмам, учитывая слабость их финан-
совой базы, однако, судя по всему, оно выполняется только час-
тично. Желательно, чтобы "Внешэкономбанк" согласился на постоян-
ной основе погашать долги фирмам друзей во внеочередном порядке.
Нельзя же каждый раз обращаться к М.С.Горбачеву с просьбой о
вмешательстве в решение этих вопросов.

06/1-636с

В.Фалин

12.00.80

Сов.секретно

1-й СЕКТОР
29.ОКТ90 17582

ПОДЛИННОСТЬ ЗАБЕРАЕТСЯ
В ОБЩЕСТВЕННОМ ЦЕНТРЕ КПСС

М. Раковский
В. Янаев
Ю. Сосновский
Уважаемый Михаил Сергеевич,

В декабре 1989 года Первый секретарь ЦК ПОРП М.Раковский обратился к руководству КПСС с просьбой оказать финансовую помощь для проведения XI съезда ПОРП и учредительного конгресса новой партии польских левых сил, а также для выплаты выходного пособия сокращаемым работникам аппарата ПОРП. С Вашего согласия в январе с.г. друзьям был предоставлен кредит в размере 500 млн. польских злотых и 1 млн.232 тыс. долларов США.

12 января 1991 г. срок погашения кредита истекает. Во время моего рабочего визита в Польшу (17-20 октября с.г.) М.Раковский и Генеральный секретарь ЦИК СДРП Л.Миллер (в прошлом член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП) доверительно проинформировали, что Социал-демократия Республики Польша из-за дискриминационных действий нынешних властей, лишивших партию практически всего имущества и источников доходов, оказалась в исключительно трудном материальном положении. Из полученного от нас кредита осталось около 700 тыс. долларов, 300 тыс. израсходованы на организацию издания новой партийной газеты "Трибуна", 200 тыс. - на выплату выходных пособий. Руководство СДРП готово уже сейчас вернуть КПСС 500 тыс. долларов, а оставшиеся 200 тыс. пустить в оборот, чтобы за счет полученных доходов выплатить по частям долг.

М. Раковский
Полагали бы целесообразным пойти навстречу польским друзьям.

В случае Вашего согласия необходимые действия по получению от СДРП 500 тыс. долларов и переформированию кредитного соглашения на оставшуюся сумму мог бы осуществить Международный отдел ЦК КПСС совместно с Внешэкономбанком СССР.

"24" октября 1990 г.

Г. Янаев
Г. Янаев

ф.4, оп.43, д.8, л. 109, 109об.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О завершении практики нелегального перехода на советскую территорию активистов Иракской компартии, следующих в третьи страны.

1. Прекратить прием на территории СССР активистов ИКП, нелегально переходящих совграницу для следования в третьи страны.
2. Утвердить текст телеграммы резиденту ИГВ СССР в Сирии (прилагается).

А. Чупаев

Результаты голосования:

✓ За: В. Шамш
29.10.90

Шамш
В. Шамш
В. Шамш
В. Шамш

На оформ. листе
от 11.00. *В. Шамш*

037	Выписки тт.	<i>В. Шамш</i>	<i>В. Шамш</i>	<i>В. Шамш</i>
		<i>В. Шамш</i>		<i>В. Шамш</i>
26 СТ 1990				<i>В. Шамш</i>
				<i>В. Шамш</i>

Разослано: _____

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(«Особая папка»)

№ Ст-10/Зг

Выписка из протокола Секретариата ЦК КПСС
от 6 ноября 1990 года

О завершении практики нелегального перехода на советскую территорию активистов Иракской компартии, следующих в третьи страны

1. Прекратить прием на территории СССР активистов ИКП, нелегально переходящих со границу для следования в третьи страны.
2. Утвердить текст телеграммы резиденту КГБ СССР в Сирии (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т. т. Янаеву, Фалину, Кривцову.

История, повествование событий, документы ЦК КПСС, не имеют ни юридической, ни документальной силы. Они не являются официальными документами ЦК КПСС. Их содержание не подлежит распространению и не может использоваться в печати, в документах, в выступлениях и т.д.

Сов. секретно

Ц К К П С С

ЦК КПСС
2 сентор
26.ОКТ90 0704 ОП
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

О завершении практики нелегального перехода на советскую
территорию активистов Иракской компартии
для следования в третьи страны

В соответствии с согласием ЦК КПСС от 5 октября 1990 года руководству Иракской компартии (ИКП) было сообщено, что мы исчерпали свои возможности по выводу активистов ИКП из Ирака через Иран и далее через территорию СССР в третьи страны. В ответ Генсекретарь ЦК ИКП А. Мухаммед заверил, что с 11 октября 1990 года руководство партии запретило ее членам переход советской государственной границы (ш/т-ма КГБ из г. Дамаска, спец. № 1962 от 10 октября 1990 года). Однако уже после этой даты на нашу территорию по состоянию на 25 октября перешло 17 человек. В настоящее время на территории СССР находится свыше 150 активистов ИКП и членов их семей.

Полагали бы целесообразным в этой связи прекратить нелегальный переход на территорию СССР активистов ИКП, следующих в третьи страны, и информировать об этом руководство Иракской компартии.

С Комитетом государственной безопасности СССР (т. Шебаршин Л. В.) согласовано.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС

А. Урнов

"26" октября 1990 года
06/1-678с

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС

тов. ИВАШКО В. А.

Уважаемый Владимир Антонович!

В соответствии с поручением секретаря ЦК КПСС т. Фалина В. М. докладываю:

I. Во время пребывания в служебной командировке в ФРГ с 7 по 12 марта с.г. встретился с Председателем ЦДС т. Г. Гизи, который конфиденциально просил передать руководству КПСС следующее.

Федеральное правительство в ближайшее время собирается внести в бундестаг законопроект о конфискации у ЦДС и передаче в собственность государства архива бывшей СЕПГ. В ожидании решения бундестага, который, безусловно, одобрит упомянутый законопроект, на архив уже наложен арест.

Архив содержит большое количество секретных документов, опубликование которых привело бы к крайне нежелательным последствиям не только для ЦДС, но и для КПСС. Речь идет, в частности, о подробных протокольных записях практически всех встреч и бесед руководителей СЕПГ с руководителями коммунистических и рабочих партий начиная с КПСС; документах, связанных с деятельностью нелегальных компартий, которым СЕПГ оказывала (по согласованию с нами) материальную поддержку, об отчетности по финансовой помощи СЕПГ прогрессивным организациям в ФРГ до объединения Германии и т.д.

По словам Гизи, обнародование документов из архива было бы "настоящей катастрофой". Председатель ЦДС настоятельно просит советское руководство "пока еще есть время" оказать влияние на канцлера Коля, добиваясь от него либо снятия ареста с архива СЕПГ, т.е. возвращения его законному владельцу - ЦДС, либо, если канцлер не сочтет это возможным - уничтожения архива.

Г. Гизи этот вопрос ставит повторно: в начале этого года по личному указанию М.С. Горбачева совпосольство в ФРГ доверительно обращалось в ведомство федерального канцлера, но безрезультатно. Гизи полагает, что единственный путь к решению — включение этой темы в ближайший телефонный разговор на высшем уровне между Москвой и Бонном. (Быть может, имело бы смысл затронуть этот вопрос и в ходе предстоящего 18 марта с.г. приезда в Москву министра иностранных дел ФРГ Х.-Д. Геншера в ходе его беседы с М.С. Горбачевым).

2. В начале марта с.г. Отдел посетил бывший начальник разведслужбы ГДР (бывшего Первого Главного управления МГБ ГДР) т. Маркус Вольф. В беседе с т. Фалиным Вольф сообщил, что "над его головой сгущаются тучи": германское руководство под давлением правого крыла правящей коалиции не оставляет своего намерения возбудить против него уголовное дело. Это противоправно, поскольку, признав в 1973 г. суверенитет бывшей ГДР, руководство ФРГ тем самым признало за ней и все государственные функции, включая, разумеется, и разведывательную деятельность. Поэтому кадровые сотрудники бывшей разведслужбы ГДР не подлежат судебному преследованию, если они не совершили уголовных преступлений, что в случае с Вольфом бесспорно. Какие бы обвинения ни выдвигались в адрес бывшего МГБ ГДР, на кадровый состав разведслужбы, действовавшей в его рамках, они распространяться не могут. С таким же успехом, по мнению Вольфа, можно было бы предъявить обвинения и кадровым сотрудникам германской разведки БНД за ее деятельность на территории бывшей ГДР.

Понимая шаткость своих правовых позиций, германское руководство готовит на территории земли Бавария, где у власти находится

реакционная партия ХСС, "показательный процесс", в ходе которого перед судом предстанут несколько раскрытых агентов разведки ГДР с группой бывших офицеров и генералов ПГУ МГБ ГДР, непосредственно руководивших их работой. Расчет прост - баварский суд наверняка вынесет обвинительный приговор не только агентам, но и офицерам МГБ ГДР за "соучастие в шпионаже". Федеральное правительство делает все от него зависящее, чтобы провести этот процесс возможно скорее, ибо у немецкой общественности ширятся настроения в пользу генеральной амнистии бывших кадровых сотрудников ПГУ МГБ ГДР.

В настоящее время М. Вольф находится в Москве и занимается литературной деятельностью. Возвратиться в Германию он не может - там его немедленно арестуют. Вольф просит советское руководство повлиять на канцлера ФРГ Коля, тем более, что даже в непосредственном окружении последнего есть люди высказывающиеся в пользу амнистии (например - министр внутренних дел Шойбле).

Вольф и возглавлявшая им служба в течении десятилетий оказали неоценимые услуги Советскому Союзу. Следует учесть и то, что Вольф с самого начала поддерживал курс на перестройку в Советском Союзе и в 1986 г. вышел в отставку из-за разногласий с Хонеккер по этому вопросу.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным помочь одному из самых верных наших друзей, включив и эту тему в ближайший телефонный разговор между М.С. Горбачевым и Г. Кодем.

С тов. Фалиным В.М. согласовано.

Консультант
Международного отдела ЦК КПСС *Н. Португалов* (Н. Португалов)

"13" марта 1991 года

№ 06-С-249

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Президенту СССР
т. Горбачеву М.С.

№ 219-К

Москва

политической обстановке в стране

В.И. К...
12.02.91
С.И. К...
23.02.91
В.И. К...
4.02.91
В.И. К...
17/5/91
В.И. К...
11.02.91

Острый политический кризис, охвативший страну, поставил под угрозу судьбу перестройки, процессов демократизации, обновления общества. Стали явственными возможности развала единства Союза СССР, демонтажа общественно-политической и экономической системы. Спровоцированная решениями ряда союзных республик "война суверенитетов" практически свела на нет усилия по стабилизации экономического, резко осложнила условия для подписания нового Союзного договора. Под влиянием известных решений Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР конфронтация между Центром и союзными республиками получила мощный импульс. Глава Российского парламента вкупе с определенными силами, круги из теневого бизнеса явственно заявили свои претензии на создание "второго центра" в противовес государственному политическому руководству СССР. Этим не преминули воспользоваться для закрепления своих позиций практически все оппозиционные партии и течения. Усилились национал-шовинистические и сепаратистские тенденции во многих регионах страны.

Подтвердились наши оценки, что политика умиротворения агрессивного крыла "демократических движений" не в состоянии предотвратить возрастание деструктивных процессов, позволит псевдодемократам беспрепятственно реализовывать свои замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя.

Опасность этой тенденции усугубляется ростом числа и увеличением мощи незаконных военизированных формирований. Сегодня они

№ 176-04(81)

24.7

располагают самыми современными видами оружия - автоматами, пулеметами, вплоть до реактивных снарядов. С учетом этого фактора социальные и национальные конфликты могут приобрести новое качество, превратиться в многочисленные очаги гражданской войны.

Результаты политического противоборства в ближайшие месяцы будут зависеть от того, за кем пойдет основная часть трудящихся. Действенная поддержка руководства страны, как представляется, будет в решающей степени зависеть от того, насколько удастся предотвратить резкое падение жизненного уровня населения. Нельзя не считаться с тем, что большие социальные группы защищены слабо, зачастую бедствуют. Реальной возможности поднять сегодня их благосостояние нет.

С учетом особенностей структуры экономики СССР, невосприимчивости значительной частью граждан даже примитивных форм рыночных отношений требует большой осмотрительности, осторожности и виверенности каждый последующий шаг при решении проблемы перехода к рынку. Расчет на форсированное внедрение рыночных отношений может обойтись стране непомерно дорого.

В этих условиях особое значение приобретает борьба с экономическим саботажем. Понятно, что сама она не увеличит производство продукции, но может способствовать более справедливому распределению товаров, нанести удар по "теневикам", реально смягчить достаточно тяжелую ситуацию, в которой оказались наименее обеспеченные слои.

Общественное мнение болезненно реагирует на то, как "теневики" используют складывающуюся ситуацию. Углубляясь и муляжированное расслоение вызывает рост социальной напряженности. Процесс обогащения по своей внутренней логике вовлекает "теневой бизнес" в борьбу за политическое влияние с тем, чтобы в рамках приватизации еще более

расширить масштабы приращений собственности. Это с неизбежностью ведет к созданию категории "новых буржуа" со всеми вытекающими последствиями.

Пока же вследствие обострения социально-экономического кризиса в обществе наблюдается сужение социальной базы поддержки внутриполитического курса Президента и Кабинета Министров СССР. Этот процесс усугубляется демонстративным отказом части научной и гуманитарной интеллигенции (в основном элитарной) от поддержки политики Президента под влиянием последних событий в Прибалтике. В нынешних условиях такая позиция представителей интеллигенции опасна и потому, что может существенно стимулировать "утечку умов" за границу.

Устойчивость политической ситуации в стране зависит сегодня в значительной степени и от международного положения СССР.

Реальность такова, что сегодня США действуют в направлении развала СССР как великой державы. В политических кругах США доминирует мнение, что американским национальным интересам отвечает линия на ослабление Советского Союза вплоть до выхода из состава СССР ряда республик, прежде всего прибалтийских. Выход же Литвы, например, сделает весьма реальным потерю Калининградской области.

С учетом ситуации вряд ли можно надежно рассчитывать на значительную финансовую и экономическую помощь со стороны Соединенных Штатов. По достоверным данным, США оказывают давление на Японию и Западную Европу, с тем чтобы они ограничили возможные масштабы экономического сотрудничества с СССР. Следует также отдавать себе отчет в том, что даже широкая помощь Запада сама по себе не в состоянии вывести страну из экономического кризиса.

Исходя из этого, во внешнеполитическом плане важно сделать всё, чтобы уже в ближайшее время смягчить остроту ситуации, которая складывается вокруг СССР. Интересам страны отвечала бы линия, проводимая таким образом, чтобы в то же время не давать ему повода для ужесточения своей позиции в отношении Советского Союза.

Антиконституционные силы, действуя по разработанному с участием западных экспертов сценарию, рассматривают текущий момент как благоприятный для организации фронтальной атаки против существующих государственных и общественных структур Советского государства. Ведущая роль при этом принадлежит организационно оформившемуся блоку оппозиционных сил "Демократическая Россия" (ДР), политические установки которого пытается реализовать руководство Верховного Совета РСФСР.

С формированием руководящих органов ДР в практическую плоскость поставлено решение задачи "превращения Советов всех уровней в инструмент проведения политики оппозиции", скорейшего завоевания на свою сторону подавляющего большинства населения страны. Принимаются меры по созданию ячеек ДР на промышленных предприятиях, в государственных учреждениях и вузах. Возрастает внимание "демократов" к инженерно-техническим работникам и рабочему классу, поскольку их расчеты на "верхушечный переворот" силами гуманитарной интеллигенции не оправдываются. Оппозиционеры приступили к формированию на базе ДР партии, которая была бы способна вытеснить КПСС с политической арены. Предполагается, что её возглавят виднейшие лидеры "демократов", и она станет де-факто правящей в России в силу

расстановки политических сил в Верховном Совете РСФСР, Советах
ряда крупнейших центров республики.

Шаг в сторону консолидации большинства оппозиционных антисоциалистических сил в масштабах Союза знаменует учредительная конференция т.н. "Демократического конгресса" (Харьков, 26-27 января).

В последние недели тактика правых радикалов претерпела трансформацию от "конструктивной оппозиции" до тотального неприятия действий и инициатив Президента, отказа от компромиссов с центральными органами власти. Пропагандистскую линию оппозиции характеризует торпедирование любых шагов по реализации программы экономической реформы, принятой Верховным Советом СССР. Чтобы придать весомость таким действиям, планируется осуществить серию "ненасильственных акций", а в случае необходимости провести всеобщую политическую стачку. Оппозиция, учитывая большую вероятность проведения трудящимися забастовок экономического характера, изыскивает возможность возглавить забастовочное движение и направить его в русло разрушения нынешних государственных структур.

Вместе с тем правые круги, осознавая, что ситуация в стране в любой момент может сложиться не в их пользу, предусматривают и вариант длительной бескомпромиссной борьбы, в том числе с использованием нелегальных структур.

Сторонники "демократов" предпринимают настойчивые усилия по расширению своего влияния в армии, добиваясь её нейтрализации как одного из гарантов единства СССР и незыблемости конституционного строя. С другой стороны, последние события в Прибалтике весьма негативно отразились на настроениях военнослужащих, усилили в их

среде, особенно у офицерского состава, сомнение в способность руководства страны контролировать ситуацию.

Разрушительными для единства Союза ССР и общества являются эскалация развязанной антикоммунистами пропагандистской войны против собственного народа и расширившиеся материальные возможности для её ведения, в том числе с привлечением теневого капитала. Происходит завоевание одного пропагандистского органа за другим, а когда это не удается - создаются новые. Только за последний месяц в России, и в частности в Москве, начали выходить четыре новых крупных издания и приступили к веданию две радиостанции. К их деятельности привлекаются западные специалисты в области психологической войны (радио "Свобода", издательство НТС "Посев" и т.д.).

Официальная советская пропаганда неоправданно тянет с развертыванием мощного пропагандистского наступления. Наиболее наглядно дисбаланс в противоборстве в пропагандистской сфере проявляется в вопросе о подготовке всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР. В то время как "демократическая пресса" принялась шельмовать референдум уже с момента его объявления, со стороны центральных и партийных средств массовой информации серьезные выступления в его пользу практически отсутствуют.

Интересы защиты советского конституционного строя настоятельно диктуют поддержание необходимого государственного контроля над средствами массовой информации, недопущение их кадрового размывания и тем более превращения в рупор антисоциалистических сил.

Анализ сложившейся ситуации требует серьезного критического осмысления того, насколько адекватны сформулированные почти шесть лет назад понятия демократизации и гласности их нынешнему практическому воплощению. Нельзя не видеть, что на определенном этапе

антисоциалистические круги осуществили подмену их содержания, навязывают обществу видение перестройки не как обновление социализма, а как неизбежное возвращение в "русло мировой цивилизации" - капитализм. Гальванизируется тезис о "незаконности Октябрьской революции". Демократизация и гласность трактуется как устранение любых преград для политических инсинуаций и разнузданной клеветы под флагом "свободы слова". Циничное манипулирование общественным мнением особенно ярко проявляется в утвердившемся "двойном стандарте", согласно которому безоговорочно оправдываются или замалчиваются любые, даже преступные деяния "демократических руководителей" (вплоть до применения с их стороны кровавого насилия в Литве, Латвии, Грузии), а действия властей по восстановлению правопорядка и конституционных норм огульно объявляются противозаконными и диктаторскими.

По поступающим данным, в обществе укрепляются ростки понимания того, какие тяжелые последствия для страны имеет затлнувшийся кризис в КПСС. Ясно, что ослабление идеологической работы по защите социалистического идеала не может быть восполнено никакой другой политической силой. В то время как оппозиция умело играет на близких каждому простому человеку интересах, партийная пропаганда по-прежнему лишь нащупывает подходы к массовой агитационной работе.

Провалы ряда недавних провокационных акций оппозиции, в первую очередь т.н. всесоюзной политической стачки, демонстрируют, что она еще не располагает достаточно надежной опорой среди широких слоев населения. Политическая сдержанность "молчаливого большинства" сохраняет для партии возможность использовать её бесспорные преимущества перед оппозицией в виде разветвленной организационной структуры, пропагандистского аппарата, высокого интеллектуального потенциала.

При всем драматизме ситуации сегодня она еще может быть переломлена, учитывая невостребованный арсенал конституционных мер. Пространство для маневра невелико, но оно есть. Нельзя не считаться с тем, что, как повсеместно отмечают, народ устал от трудностей быта, стрессов, социальных коллизий, теряет веру в способность руководства навести порядок. Возникает опасность, что люди пойдут за теми, кто возьмет на себя инициативу по наведению порядка.

Существенную роль в поисках выхода из сложившегося кризиса могут и должны сыграть Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР как наиболее конструктивные политические структуры. Это требует оберегать от нападков, активизировать деятельность, усилить созидательный потенциал этих органов народовластия.

Вместе с тем, учитывая глубину кризиса и вероятность быстрого осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР.

Такой шаг потребовал бы мощной пропагандистской поддержки, прямого обращения к народу с призывом объединиться для сохранения Союза ССР, защиты общественного строя.

Председатель Комитета

Крючков

В. Крючков

К главе VII. ПЕРЕВОРОТ

КГБ СССР

Я работаю в 18 (01) группе с 1988 г. 18 группа временно была переведена для работы на О11-О12 столах в связи с тем, что предполагалось открывать 4 отделение, и техники проводили монтаж аппаратуры. На О11-О12 участках группа работала примерно год. Кроме объектов, установленных по заданию управлений, группа осуществляла контроль разговоров объектов, установленных по устному распоряжению Л.А.Зуйковой. В 1991 г. без заданий контролировали Корягина ТИ, Фейзуллаева; Лицицкого В.С.; Кузнецова В.А., Айраплетова Э.Е., Пархачева Е.А.; ассоциацию Полещука В.А.; Кузнецова Б.А.

После работы в вечернюю смену 17 августа Л.А.Зуйкова попросила меня остаться в ночную смену: принять для контроля объектов на 181-182 рабочих участках. Объектов подавали ночью. Я проверила, что объекты подключены. Распоряжения слушать объектов у меня не было. Конкретного задания не было. Ночную смену 17-18 августа (22.00 - 9.00) я работала на объектах О11-О12 рабочих участков.

17 августа приступила к работе в 15.00. На контроле стояли объекты: Яковлев А.Н., Полторанин М.Н., Силаев И.С., Шеварднадзе Э.А. Кузнецов Б.А. (без заданий). Вечером были поданы два номера 224... с указанием: "установить, кто позвонит в номере". Объекты не проявлялись.

19 августа я работала с 15.00 до 22.00 на О11-О12 столах. Контролировала указанных выше объектов.

20 и 21 августа у меня по расписанию были выходные. Меня вызвали для работы в ночь с 21-го на 22-ое августа (21.30 - 8.00). Контролировала объектов 181-182 и 183-184 рабочих участков: аппараты Руцкого, Янаева, Хасбулатова, Силаева, Ельцина, Лукьянова, Бурбулиса. Было задание слушать проходящую информацию и докладывать Калгину Е.И. Названные объекты не проявлялись - говорили посторонние люди, разговоры которых я докладывала Калгину Е.И. по телефону. Сводок за ночь оформлено не было.

По обработке информации. Принимаемая информация записывается в рабочие тетради с регистрационным номером, в соответствии с ориентировкой, материал оформляется в сводка. Готовые сводки прочитывают старшие групп, затем рассылают. С работой по отправлению сводок я не знакома. Сводки нашей группы забирала Л.А.Зуйкова.

9 августа 1991 г.

Старший оперативный контролер
3 отделения 6 отдела
12 отдела КГБ СССР
прапорщик Ланина Татьяна
Лексеевна

Ланина

КЛБ СССР

223

От заст. членом КЛБ СССР
12 Оуэна СССР
Кировского Вегемин М. И.

Объяснение

В сентябре м.к. 1989. м.к. КЛБ
на р. 12 Оуэна в. Кирин Е. И. и сказан,
что все необходимо определить условия
взаимных взаимоотношений с коллегами
Свердловской области «Дружба». Об этом
уже говорил м.к. В первом сентября
с.т.р. - с уходом возможности взаимных
взаимоотношений с коллегами 2 Оуэна.
Ввиду того, что взаимных ссуд
поставились с взаимных взаимоотношений
и из-за взаимных взаимоотношений ссуд и
взаимных взаимоотношений ссудовыми
взаимных ссудовыми ссудовыми
м.к. Ресурсами КЛБ СССР

294

- 2 -

Зачем с изгнанием с работником
МБ по ? Москве, которые выработаны
Специальной комиссии и комиссии
для Московского варианта организации
Зачем бы вы не рассмотрели бы.

Можно были куплены билеты и для
проезда на железнодорожном транспорте.

Для рассмотрения были были
обсуждены в 10-20х случаях случаев.

с учетом 2х разговоров с
управлением. Во время обсуждения
управления контроля и учета на к. все
в. Егорова Б.Н. со специалистами, после
этих данных в силу бы были с
Зачем бы не рассмотреть
лучше бы организовать в
и качеством контроля материала не
лучше бы из-за контроля работы

295

Зане Васильев, что восток посылать
нашего сына и сына, греху или
работу посылать.

Зане Васильев, что восток посылать
нашего сына и сына посылать работнику Васильев
А. Михайлов, посылать посылать посылать
с посылать посылать посылать А.В.

(матер-работ) и посылать посылать посылать
Зане Васильев с посылать посылать посылать
нашего сына Михайлов. Михайлов Михайлов
с посылать посылать, посылать, посылать,
посылать посылать посылать посылать посылать
Восток посылать посылать посылать 16-18 посылать
Михайлов. Михайлов Михайлов Михайлов
посылать посылать посылать посылать посылать
посылать посылать посылать посылать посылать.

Вик многозначительный информации я не знаю. Я был присутствовал в Кембридже и Канзасе в отношении будущего проекта и о не известных других сотрудничестве корреспондента.

11.09.91 *М. Р.*

В докладе: где зашифрованы сумми информации имеется задание на Швейцарского корреспондента Бананна который был знаком с Мурашовой?

11.09.91 *М. Р.*

Задание в 190620 ВЗУ НКВ СССР задание
Куртиса Кан. ВЗУ группа ВЗУ 26 октября 1988
Шифр (1 буква 12 букв) 85-12035-29
635

в отношении Швейцарского корреспондента
Бананна Андреа, 1052 2/2, Крест. Крестовый бу
д 13 кв. 68, адрес мурашовой 24507. 7 букв ВЗУ

СПРАВКА

об использовании соединений СН КГБ СССР

В плане укрепления пограничных войск КГБ СССР решением Совета Безопасности СССР от 3 января 1990 года и на основании Директив Министра Обороны СССР от 4 января 1990 года № 314/3/01 и № 314/3/02 была осуществлена передача 103 гв.воздушно-десантной дивизии (ВДВ) и 75 мотострелковой дивизии (ЗакВ0) в состав войск Комитета Государственной Безопасности СССР.

Приказами Председателя КГБ СССР от 21 января 1990 года № 021 и от 12 января 1990 года № 022 соответственно 103 ввд и 75 мсд были подчинены Главному Управлению пограничных войск КГБ СССР.

Механизм передачи 103 гв.ввд и 75 мсд был определен в Постановлении Совета Министров СССР от 9 февраля 1990 года № 138-22 "О формировании Министерством Обороны СССР мотострелковой и воздушно-десантной дивизий пограничных войск и передачи их в пограничные войска КГБ СССР".

Порядок передачи и численность 11895 человек (офицеров - 1503, прапорщиков - 906, рабочих и служащих - 105) определены в совместном Приказе Министра обороны СССР и Председателя КГБ СССР от 25 апреля 1990 года № 088/0215.

Передача 48 мотострелковой дивизии и 27 отдельной мотострелковой бригады определены Постановлением Совета Министров СССР от 16 июня 1990 года № 587-82 "О формировании Министерством Обороны СССР мотострелковой дивизии специального назначения и отдельной мотострелковой бригады специального назначения и передачи их Комитету Государственной Безопасности СССР".

Порядок передачи и численность 11912 человек (офицеров- 1250, прапорщиков - 650, рабочих и служащих - 88) были определены в совместном Приказе Министра обороны СССР и Председателя КГБ СССР от 14 августа 1990 года № 0613/0515.

Решением начальника пограничных войск КГБ СССР (шифротелеграмма от 19 января 1990 года № 1166) части и подразделения 103 гв. ввд в количестве 2600 чел. из пунктов постоянной дислокации г.Витебск и пос.Боровуха-1 с вооружением и боевой техникой были

переброшены по воздуху в район ответственности 43 и 44 погранотрядов Закавказского пограничного округа КГБ СССР, где полным составом с 20 января 1990 года по 2 апреля 1990 года выполняли задачи по усилению советско-иранской границы и воспрепятствованию массового перехода границы гражданским населением сопредельных государств, в последующем один полк дивизии (350 пдп в количестве 600 чел.) до 14 мая 1990 года составлял резерв Закавказского пограничного округа с размещением на базе 43 погранотряда.

В период с 12 февраля по 31 марта 1990 года личный состав 103 гв.вдд в количестве 211 человек с вооружением без боевой техники выполнял задачи по усилению охраны зданий ЦК КП Таджикиской ССР и правительства республики. Основание на применение: шифротелеграмма начальника штаба пограничных войск от 12 февраля 1990 года № 1388.

С 3 по 11 мая 1990 года и с 4 ноября по 5 декабря 1990 года 317 пдп 103 вдд в количестве по 500 чел. в каждом случае с вооружением без боевой техники перебрасывался по воздуху на участок ответственности 22 погранотряда Западного пограничного округа КГБ СССР для усиления охраны советско-румынской границы. Основание на применение: шифротелеграммы начальника погранвойск КГБ СССР от 27 апреля 1990 года № 2116 и 3 ноября 1990 года № 3791.

В районах применения частей 103 вдд техника и вооружение против гражданского населения не применялись, негативные случаи во взаимоотношениях с местным населением не отмечены.

75 мсд в период с января 1990 года по апрель 1991 года занималась плановой боевой подготовкой и периодически использовалась в мероприятиях по усилению охраны государственной границы (до двух моб ежемесячно) на Азербайджанском направлении. При осложнении обстановки в НКО личный состав дивизии (до двух мсп) был задействован для усиления пограничных застав этого направления.

В последующем, в соответствии с Приказом Председателя КГБ СССР № 0314 от 8 мая 1991 года, для оказания помощи силам и средствам, участвующим в стабилизации обстановки в приграничных районах Азербайджана и Армении были задействованы подразделения 75 мсд. С этой целью были выставлены 9 сторожевых застав (не менее каждой) на линии административной границы Азербайджана и Армении с задачей обеспечить прикрытие населенных пунктов Садарак,

Гюнгот, Джазгузар, Кхары-Айджи, Авуш, Кхары-Бузгов, Ашагы-Бузгов, Кярмачатах, Шада и защиту местного населения, а также взять под охрану участок железной дороги с имеющимися на ней объектами на мегринском направлении с местом дислокации подразделения с.Нювади. (Указание заместителей Председателя КГБ СССР т.т.Петровас, Калиниченко № 2044 от 28 апреля 1991 года).

В связи с обострением противоречий, связанных с пребыванием подразделений 75 мсд в с.Нювади и на объектах железной дороги в пределах Мегринского района Армении, а также не принятием юридических актов Руководством Армении о правомерности нахождения подразделений погранвойск в этом районе, подразделения 75 мсд были выведены из с.Нювади и направлены на усиление пограничных застав. (Указание заместителя Председателя КГБ СССР т.Калиниченко № 2980 от 5 августа 1991 года).

Специальные части войск КГБ СССР созданы решением Правительства СССР и их создание закреплено в "Законе об органах государственной безопасности в СССР".

Задачи спецчастей войск КГБ СССР и механизм их использования определены в Положении "О спецчастях войск КГБ СССР", направленном в соединения шифротелеграммой Председателя КГБ СССР от 28 марта 1991 года № 3088, в которой говорится, что:

"Специальные части войск КГБ СССР являются вооруженными формированиями, предназначенными для участия в обеспечении защиты конституционного строя, безопасности и территориальной целостности СССР; пресечении экстремистских действий, направленных на насильственное свержение или изменение советского государственного или общественного строя и дестабилизации обстановки в стране; обеспечении жизнедеятельности органов государственного управления СССР в чрезвычайных ситуациях; осуществлении мероприятий по плану штаба по чрезвычайным ситуациям КГБ СССР; оказания помощи погранвойскам в охране государственной границы при резком обострении оперативной и общественно-политической обстановки в приграничных районах; оказания помощи гражданскому населению, терпящему бедствие вследствие землетрясения, крупных аварий, пожаров и т.п. Кроме того, спецчасти войск КГБ СССР могут привлекаться для участия в обеспечении общественной безопасности в районах, где объявлено президентское правление.

При привлечении спецчастей в районах, где объявлено чрезвычайное положение, они действуют в соответствии со ст. II Закона СССР "О правовом режиме чрезвычайного положения".

Для обеспечения руководства применением и повседневной жизнедеятельностью спецчастей войск КГБ СССР Постановлением Кабинета Министров СССР от 10 апреля 1991 года № 162-44 и Приказом Председателя КГБ СССР от 17 апреля 1991 года № 0266 создано в КГБ СССР Управление по руководству специальными частями войск.

Приказом Председателя КГБ СССР от 27 апреля 1991 года № 0064 определены штаты Управления и сроки его комплектования в течении 1991-1992 гг. (справка прилагается).

В Приказе Председателя КГБ СССР от 17 августа 1991 года № 0582 определен порядок переподчинения спецчастей войск КГБ СССР Управлению по руководству спецчастями с началом с 1 октября 1991 года.

19 августа 1991 года 103 гв.вдд погранвойск КГБ СССР, 75 мсд погранвойск КГБ СССР, 48 мсд специального назначения и 27 гв. омсбр специального назначения получили шифротелеграмму Председателя КГБ СССР № 204 на приведение органов и войск КГБ в повышенную боевую готовность. В этот же день, 19 августа спецчастям была направлена в дополнение к шифротелеграмме № 204 шифротелеграмма № 208, в которой было конкретизировано проведение отдельных мероприятий повышенной боевой готовности.

20 августа 1991 года в 15.00 в Секретариат Управления спецчастей поступила шифротелеграмма Председателя КГБ СССР за № 73218/325 о переподчинении с 20.00 20 августа 103 гв.вдд и 75 мсд пограничных войск, 48 мсд и 27 омсбр специального назначения Управлению по руководству спецчастями войск КГБ СССР, после чего из соединений были собраны сведения о местонахождении частей и подразделений, боевой и численный состав подразделений 27 омсбр СН и 317 лдп 103 вдд, привлеченных на выполнение специальных задач 19 и 20 августа 1991 года.

22 августа с.г. в районе 10.00 в Секретариат Управления спецчастей поступила шифротелеграмма исполнявшего обязанности Председателя КГБ СССР за № 213 о переводе органов и частей КГБ в постоянную боевую готовность.

В 10.20 начальником Управления спецчастей войск КГБ генерал-майором Коленчуком И.П. в соединении ошлч направлена шифр-телеграмма за № 291807 на выполнение мероприятий по переводу частей в режим постоянной боевой готовности и было взято на контроль возвращение подразделений 27 ошбр СК и 103 гв.вдд в пункты постоянной дислокации.

Приложение: № 21/1218, на 2 л., экз. № 1, секретно.

Старший инспектор
Инспекторского
управления КГБ СССР.
полковник

11 сентября 1991 г.

30
В.В. Матвеев
11-2

№ 21/1217

СОБЫТИЯ ПАЛКА

ЦК

Сегодня мы публикуем ксерокопированные документы Особых папок ЦР. Выдержки из части этих документов опубликованы в американской газете «Лос Angeles Times» в переводе московским корреспондентом. Это те самые документы, о которых мы писали в прошлом номере. Комментарию к ним не будет. Это документировано: ЦК КПСС никогда не была партией в понимании этого слова, но являлась основной структурой правящей и олигархии, действия которой в международном понимании

ОСОБАЯ ПАПКА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

— ос
канско
отреть
стотер
режи:
— и
ческой
ранта
—

ЦК КПСС проти
пята:
рамл
палл

В
ИФС
опер
арту
рай
сид
же
пре
ста
Ке
Те

Полковник параллельными мусульманской сечети Аль-Атса в Иерусалиме вызвал струю реакцию индийской общественности. 26 августа с.г. этот вопрос обсуждался в парламенте Индии, и министр иностранных дел ДИНИШ СИНГХ выступил с заявлением, в котором отметил, что «правительством и народ Индии глубоко потрясены эти события».

Резидентура КГБ в Индии рассматривает возможности организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составит 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969-1971 годах.

Прошу рассмотреть.
Председатель Комитета
Госбезопасности

АНДРОПОВ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ВАЖНОСТИ
ОСОБАЯ ПАПКА

16. МАЯ 1975 г.
№ 212-4/6
г.р. Москва

Товарищу БРЕЖНЕВУ

В соответствии с решением ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности 16 мая 1975 года передано личку разведки КГБ В.ХАННАУ - руководителем спецопераций Народного фронта освобождения партизан иностранного оружия в Боннаришове и на 50, инвентаризовано - 50, в том числе 10 - в арсенале кучиной отрядов, патронов - 84.000).

Назначенная передача оружия осуществлена в ходе Аденского выезда в ночное время, без сопровождения, при строгом соблюдении конспирации и в разведывательном корабле ИМС СССР.

Из иностранцев только ХАННАУ извещено о передаче оружия.

5 мая 1975 г.
И.К. Г. (по Т.С.С.С.С.С.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

[Handwritten signature]

153604(14)

JN
6529
I6
A43
1992

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

О техническом обеспечении
Главного управления
государственных тайн в
Совете Министров

SUZALLO MAIN COLLECTION

сентября 1
19920: 02

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (г. Болдырев В.А.) сообщает, что постановлением ЦК КПСС № 177/177с от 02.03.1989 г.

